

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

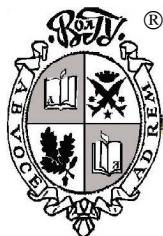
2025
Том 24. № 2

THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL
BULLETIN

2025
Volume 24. No. 2

ISSN 2587-8123 (Print)
ISSN 2658-5995 (Online)

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**

2025

Том 24. № 2

**MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

**THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL BULLETIN**

2025

Volume 24. No. 2

THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2025. Vol. 24. No. 2

Academic Periodical

First published in 1998

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-68211** of December 27, 2016)

The journal is included in the following Russian and international databases: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **AWOL** (USA), **DOAJ** (Sweden), **MIAR** (Spain), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain)

Editorial Staff:

M.A. Balabanova – Dr. Sc., Prof., Chief Editor (Volgograd);
M.V. Krivosheev – Cand. Sc., Deputy Chief Editor (Volgograd);

K.S. Kovaleva – Executive Secretary (Volgograd);

V.I. Moiseev – Assistant Editor (Volgograd);

N.G. Glazkova – Cand. Sc., Assoc. Prof., Editor of English Texts (Volgograd);

V.M. Klepikov – Cand. Sc., Assoc. Prof. (Volgograd);

E.V. Pererva – Cand. Sc. (Volgograd);

A.N. Dyachenko (Volgograd);

N.M. Malov – Cand. Sc. (Saratov);

V.N. Myshkin – Cand. Sc. (Samara)

A.S. Skripkin – Dr. Sc., Prof. (Chief Editor of the Periodical from 1998 to 2021) is permanently included in the Editorial Staff by the decision of the Academic Council of the Volgograd State University due to his outstanding contribution to the Journal's development

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-35. Fax: (8442) 46-18-48.

E-mail: nav@volsu.ru

Journal Website: <https://nav.jvolsu.com>

English version of the Website:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Editorial Board:

Dr. Sc., Prof. *A.I. Aybabin* (Simferopol); Dr. Sc. *A.Yu. Alekseev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Acad. of RAS *Kh.A. Amirkhanov* (Moscow); Cand. Sc. *A.V. Borisov* (Pushchino); Dr. Sc., Acad. of RAS *A.P. Buzhilova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *M.S. Gadzhiev* (Makhachkala); Dr. Sc. *I.P. Zasetzkaya* (Saint Petersburg); Dr. Sc. *E.D. Zilivinskaya* (Moscow); Dr. Sc., Corr. Member of RAS *A.I. Ivanchik* (Moscow); Docteur habilité *M.M. Kazanskiy* (Paris, France); Dr. Sc. *A.G. Kozintsev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *L.N. Koryakova* (Yekaterinburg); Dr. Sc., Assoc. Prof. *V. Kulchar* (Szeged, Hungary); Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don); Cand. Sc. *V.Yu. Malashev* (Moscow); Cand. Sc., Prof. *I.I. Marchenko* (Krasnodar); Dr. Sc., Prof. *S.Yu. Monakhov* (Saratov); Dr. Sc., Prof. *N.L. Morgunova* (Orenburg); Dr. Sc., Prof. *L.F. Nedashkovsky* (Kazan); Dr. Sc., Prof., Corr. Member of RAS *N.V. Polosmak* (Novosibirsk); Cand. Sc. *O.A. Radyush* (Moscow); Cand. Sc. *B.A. Raev* (Rostov-on-Don); Dr. Sc. *N.N. Seregin* (Barnaul); Dr. Sc. *M.Yu. Treister* (Bonn, Germany); Dr. Sc., Prof. *A.M. Khazanov* (Madison, USA); Dr. Sc., Prof. *I.N. Khrapunov* (Simferopol)

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova*,

M.V. Gayval, *U.V. Naumova*

Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on May 26, 2025.

Date of publication: July 3, 2025. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 17.6. Published pages 18.9.

Number of copies 500 (1st printing 1–28 copies).

Order 35. «C» 11.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2025. Т. 24. № 2

Научный журнал

Основан в 1998 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации **ПИ № ФС77-68211** от 27 декабря 2016 г.)

Журнал включен в следующие российские и международные базы данных: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **РИНЦ** (Россия), **AWOL** (США), **DOAJ** (Швеция), **MIAR** (Испания), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания)

Редакционная коллегия:

М.А. Балабанова – д-р ист. наук, проф., главный редактор (г. Волгоград);

М.В. Кривошеев – канд. ист. наук, заместитель главного редактора (г. Волгоград);

К.С. Ковалева – ответственный секретарь (г. Волгоград);

В.И. Моисеев – технический секретарь (г. Волгоград);

Н.Г. Глазкова – канд. ист. наук, доц., редактор текстов на английском языке (г. Волгоград);

В.М. Клепиков – канд. ист. наук, доц. (г. Волгоград);

Е.В. Перерва – канд. ист. наук (г. Волгоград);

А.Н. Дьяченко (г. Волгоград);

Н.М. Малов – канд. ист. наук (г. Саратов);

В.Н. Мышкин – канд. ист. наук (г. Самара)

А.С. Скрипкин – д-р ист. наук, проф. (главный редактор журнала с 1998 по 2021 г.) решением Ученого совета Волгоградского государственного университета навечно включен в состав редакционной коллегии в связи с огромным вкладом в развитие журнала

Адрес редакции и издателя:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-35. Факс: (8442) 46-18-48.

E-mail: nav@volsu.ru

Сайт журнала: <https://nav.jvolsu.com>

Англояз. версия сайта журнала:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Редакционный совет:

д-р ист. наук, проф. *А.И. Айбабин* (г. Симферополь);

д-р ист. наук *А.Ю. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);

д-р ист. наук, акад. РАН *Х.А. Амирханов* (г. Москва);

канд. биол. наук *А.В. Борисов* (г. Пушино); д-р ист.

наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва); д-р ист.

наук, проф. *М.С. Гаджиев* (г. Махачкала); д-р ист.

наук *И.П. Засецкая* (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук

Э.Д. Зиливинская (г. Москва); д-р ист. наук, чл.-кор.

РАН *А.И. Иванчик* (г. Москва); д-р хаб. *М.М. Казан-*

ский (г. Париж, Франция); д-р ист. наук *А.Г. Козин-*

цев (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук, проф.

Л.Н. Корякова (г. Екатеринбург); канд. ист. наук, доц.

В. Кульчар (г. Сегед, Венгрия); д-р ист. наук *С.И. Лу-*

кьяшко (г. Ростов-на-Дону); канд. ист. наук *В.Ю. Ма-*

лашев (г. Москва); канд. ист. наук, проф. *И.И. Мар-*

ченко (г. Краснодар); д-р ист. наук, проф. *С.Ю. Мо-*

нахов (г. Саратов); д-р ист. наук, проф. *Н.Л. Моргу-*

нова (г. Оренбург); д-р ист. наук, проф. *Л.Ф. Недаш-*

ковский (г. Казань); д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН

Н.В. Полосьмак (г. Новосибирск); канд. ист. наук

О.А. Радюш (г. Москва); канд. ист. наук *Б.А. Раев*

(г. Ростов-на-Дону); д-р ист. наук *Н.Н. Серегин*

(г. Барнаул); д-р ист. наук *М.Ю. Трейстер* (г. Бонн,

Германия); д-р ист. наук, проф. *А.М. Хазанов* (г. Мэ-

диссон, США); д-р ист. наук, проф. *И.Н. Храпунов*

(г. Симферополь)

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова,*

М.В. Гайваль, У.В. Наумова

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 26.05.2025 г.

Дата выхода в свет: 03.07.2025 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 17,6.

Уч.-изд. л. 18,9. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–28 экз.).

Заказ 35. «С» 11.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В.
Строительный комплекс № 16/1979 года
на Елизаветовском городище 5
- Разуваев Ю.Д. Об этнокультурном соотношении
поселений скифской и сарматской эпох
в донской лесостепи (результаты сопоставления
керамических комплексов) 26
- Голышкин А.О., Медведев А.П.
Керамический комплекс верхнедонских городищ
сарматского времени 40
- Сапрыкина И.А., Чугаев А.В., Коробов Д.С.,
Рассохина И.В. Изделия
из цветного и драгоценного металлов
из погребений Бесланского катакомбного могильника:
результаты аналитического исследования 56
- Ракушин А.И. Поясные наборы
Аткарского грунтового могильника 77
- Горохов С.В. Конструкция венчатых тарасных стен
в Русском (Российском) государстве
во второй половине XVI – начале XVIII века 103

ПУБЛИКАЦИИ

- Шинкарь О.А., Балабанова М.А., Перерва Е.В.
Раннесарматская элита по результатам
археолого-антропологического исследования
погребений одиночного кургана у г. Волжский 125
- Енуков В.В. Курганы X в.
около д. Сумароково Смоленской области 149
- Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д., Болдырева Е.М.
Комплекс «брошенных» захоронений
с территории городища «Самосделка» 171

ПЕРСОНАЛИИ

- Памяти Станислава Викторовича Губина
(1945–2025)
(Археологи ВолГУ) 186

CONTENTS

ARTICLES

- Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V.
Constructional Complex No. 16/1979
at the Elizavetovskoye Ancient Settlement 5
- Razuvaev Yu.D. On the Ethnocultural Ratio
of Settlements of the Scythian and Sarmatian Eras
in the Don Forest-Steppe Region
(Results of Comparison of Ceramic Complexes) 26
- Golyshkin A.O., Medvedev A.P. Pottery Complex
from the Upper Don Fortified Settlements
of the Sarmatian Period 40
- Saprykina I.A., Chugaev A.V., Korobov D.S.,
Rassokhina I.V. Non-Ferrous
and Precious Metal Items from the Burials
of the Beslan Catacomb Burial Ground:
Results of an Analytical Study 56
- Rakushin A.I. Belt Sets
of the Atkarskiy Burial Ground 77
- Gorokhov S.V. Log Taras Walls Construction
in the Russian State
in the Late 16th – Early 18th Century 103

PUBLICATIONS

- Shinkar O.A., Balabanova M.A., Pererva E.V.
The Early Sarmatian Elite Based on the Results
of Archaeological and Anthropological Study
of the Burials from a Kurgan Near the City of Volzhsky ... 125
- Enukov V.V. Kurgans of the 10th Century
Near the Village of Sumarokovo, Smolensk Region 149
- Vasiliev D.V., Zilivinskaya E.D., Boldyreva E.M.
Complex of “Abandoned” Burials
from the Samosdelka Settlement Territory 171

PERSONALITIES

- In Memory of Stanislav Viktorovich Gubin
(1945–2025)
(Archaeologists of Volgograd State University) 186

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.1>

UDC 903.33(470.620):903.23-033.6(38)
LBC 63.48(235.7)+63.3(0)32

Submitted: 11.11.2024
Accepted: 04.12.2024

CONSTRUCTIONAL COMPLEX NO. 16/1979 AT THE ELIZAVETOVSKOYE ANCIENT SETTLEMENT¹

Sergey Yu. Monakhov

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Elena V. Kuznetsova

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. In 1979, a constructional complex, identified by the authors of the excavations as a dugout, was investigated at the Elizavetovskoye ancient settlement. The stratigraphical context and analysis of the construction features have already been published earlier. While investigating the complex, human skulls and votive objects were discovered. This made it possible for the authors to assume the cult nature of the building. In this article, the materials found in the filling of the building and stored in the Rostov Regional Museum of Local History are discussed. Working with objects from the museum's collections, as well as exposure to scientific reports, made it possible to present an in-depth analysis of this complex. Among the materials, there are few findings from an earlier period (the neck of the Thasos amphora and the stamps of Thasos, Heraklea, Knidos, and Chersonesos), dated from the middle to the second half of the 4th century BC. Their presence is explained by further destruction of the object caused by operating activity. The bulk of objects from the filling are represented by amphora stamps, including the most significant Sinopean imprints with the names of astynomoi of groups IVB and VA (dated late 290s – early 270s BC). The stamps of other centers (Thasos, Chersonesos, Heraklea or the Western Pontica center, and Alexandria in Troad) fit into the same chronological framework. A well-preserved amphora of Punic type, extremely rare for the Northern Black Sea region (fig. 5.1), is of significant interest. In addition, among the materials there were also fragments of various black-glazed vessels (kantharoi, bowls, a fish plate, a salt cellar, etc.). The conducted analysis of the material has allowed us to establish that the filling of the site took place in the early 270s BC. There are also other known constructional complexes at the Elizavetovskoye ancient settlement, the destruction and filling of which occurred at this time.

Key words: Elizavetovskoye ancient settlement, Hellenism, dugout, amphorae stamps, Punic amphora.

Citation. Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V., 2025. Stroitel'nyy kompleks № 16/1979 goda na Elizavetovskom gorodishche [Constructional Complex No. 16/1979 at the Elizavetovskoye Ancient Settlement]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 2, pp. 5-25. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.1>

УДК 903.33(470.620):903.23-033.6(38)
ББК 63.48(235.7)+63.3(0)32

Дата поступления статьи: 11.11.2024
Дата принятия статьи: 04.12.2024

СТРОИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС № 16/1979 ГОДА НА ЕЛИЗАВЕТОВСКОМ ГОРОДИЩЕ¹

Сергей Юрьевич Монахов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

Елена Владимировна Кузнецова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В 1979 г. на Elizavetovskoye городище был исследован строительный комплекс, идентифицированный авторами раскопок как землянка. Стратиграфическая ситуация и анализ строительных особенностей уже публиковались ранее. При исследовании комплекса были обнаружены человеческие черепа и votivные предметы, что позволило авторам высказать предположение о культовом характере постройки. В данной статье рассматриваются материалы, обнаруженные в засыпи объекта и хранящиеся в РОМК. Работа с предметами в фондах музея, а также знакомство с научными отчетами позволили представить детальный анализ данного комплекса. Среди материалов присутствует небольшое количество находок более раннего времени (горло амфоры Фасоса, клейма Фасоса, Гераклеи, Книда и Херсонеса), середины – второй половины IV в. до н.э. Их присутствие объясняется позднейшими разрушениями объекта, вызванными хозяйственной деятельностью. Основной массив предметов из засыпи представлен амфорными клеймами, среди которых наибольшую значимость имеют отписки Синопы с именами астиномов групп IVB и VA (конец 290-х – начало 270-х гг. до н.э.). Клейма иных центров (Фасоса, Херсонеса, Гераклеи или западнопонтийского центра и Александрии в Троаде) укладываются в эти же хронологические рамки. Значимый интерес представляет практически целая амфора крайне редкого для Северного Причерноморья «пунийского» типа. Кроме того, среди материалов присутствовали и фрагменты различных чернолаковых сосудов (канфаров, мисок, рыбного блюда, солонки и др.). Проведенный анализ материала позволил установить, что засыпка объекта была произведена в самом начале 270-х гг. до н.э. На Elizavetovskoye городище известны и другие строительные объекты, разрушение и засыпка которых происходит в это время.

Ключевые слова: Elizavetovskoye городище, эллинизм, землянка, амфорные клейма, пунийская амфора.

Цитирование. Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., 2025. Строительный комплекс № 16/1979 года на Elizavetovskoye городище // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 5–25. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.1>

В 1979 г. на Elizavetovskoye городище работала Южно-Донская экспедиция ЛОИА при участии Ростовского областного музея краеведения и Черниговского пединститута. Исследования велись и на городище (руководители В.Г. Житников и Ю.А. Виноградов под общим наблюдением К.К. Марченко), и на могильнике (руководитель В.П. Копылов). Возглавлял экспедицию И.Б. Брашинский [Брашинский, 1980а, л. 1]. На городище изучалась центральная часть, на севере (Раскоп XIV) и в центре (Раскоп XIII) так называемого «акрополя». В результате удалось полностью открыть два строительных комплекса – № 16 и 17. Об одном из них и пойдет речь ниже.

Комплекс № 16/1979 года представлял собой остатки подпрямоугольной землянки размерами 5,0–5,2 × 13,4 м и площадью около 70 кв. м (рис. 1, 1). Землянка была впущена в культурный слой и материк на глубину до 2,0 м. Строение своей центральной частью перекрыло южную половину более раннего строительного комплекса № 17 [Брашинский, 1980а, л. 8; 1980б, рис. 3б; Марченко и др., 2000, с. 110, рис. 20, 16].

Стены землянки частью были турлучными с мощной каркасно-столбовой основой, от которой сохранились ямки от столбов. Вся северная и небольшой участок южной стены этого комплекса были возведены из грубо околотых плоских камней известняка, сложенных на глиняном растворе на высоту до 1,4 м. В толще кладки на расстоянии 0,85–2,5 м друг от друга были сделаны вертикальные пазы для опорных деревянных столбов шириной до 0,35 м (рис. 1, 2).

Постройка была разделена турлучными перегородками на четыре относительно небольших прямоугольных помещения. Позднее авторы раскопок опубликовали графическую реконструкцию землянки [Марченко и др., 2000, табл. 23, 25, рис. 45]. Вещественных находок *in situ* на полах и в хозяйственных ямах не обнаружено. Котлован был единовременно засыпан хозяйственным мусором, среди которого найдено большое количество фрагментированных сосудов, прежде всего амфор, анализ которых будет приведен ниже, а также в нем и в ближайшем окружении было обнаружено несколько десятков человеческих черепов, сопровождаемых 25 миниатюрными

красноглиняными вотивными блюдечками и одним миниатюрным же кружальным светильником явно вотивного назначения [Марченко и др., 2000, с. 124, табл. 28, рис. 55–56] (рис. 2).

В своем отчете И.Б. Брашинский пишет, что «весьма характерен состав амфорных клейм, имеющий первостепенное значение для датировки времени заполнения котлована комплекса № 16. Среди клейм почти полностью отсутствуют господствующие на городище в IV в. гераклеийские (из трех гераклеийских клейм два принадлежат к числу позднейших). Подавляющее большинство клейм синопские и херсонесские 1-й половины (трети) III в. до н.э. Комплекс клейм из заполнения комплекса № 16 бесспорно датирует прекращение его жизни последним периодом существования Елизаветовского поселения... Эта датировка подтверждается и прочими находками из заполнения котлована, среди которых характерна чернолаковая аттическая и, преимущественно, малоазийская керамика с накладным орнаментом; среди прочей импортной керамики, представленной обычными типами, характерными для Елизаветовского городища, отметим целый красноглиняный флакон...» [Брашинский, 1980а, л. 44–45].

В составе этого комплекса встречено несколько амфорных горл, а также почти целиком сохранившаяся уникальная для Причерноморья амфора «пунийского» типа. Повторное обращение к этим материалам, находящимся на хранении в РОМК, показало, что на самом деле в комплексе присутствует небольшое число более раннего материала, относящегося, видимо, к комплексу № 17, который был перекрыт землянкой № 16. Поэтому сначала мы дадим характеристику этой «примеси», датирующейся IV в. до н.э.

К ней относится, прежде всего, горло **фасосской** амфоры (рис. 3,1) «раннебиконической» или «развитой биконической» серии с массивным трапецевидным венцом. Такие сосуды нам хорошо известны, особенно важно, что многие из них содержат клейма, хронология которых разработана ныне весьма хорошо. Немало сосудов найдено в надежно датированных комплексах с амфорами других центров. Так, в погребениях № 78, 247, 252, 254 и некоторых других Прикубанского мо-

гильника такие амфоры надежно датируются в пределах первой трети – первой половины IV столетия [Монахов и др., 2021, с. 34 сл., 134, 135]. Есть они во множестве и в других комплексах Северного Причерноморья [Монахов, 2003, с. 66–69, табл. 42–45].

Фасосское клеймо (рис. 3,2) с легендой Θασί(ων) | монограмма «ΓΑ» | Ἀγῆδε(ς) ← эмблема «горит». Фабрикант Ἀγῆδης, магистрат «ΓΑ». Аналогии этому штампу известны [Garlan, 1986, p. 256, fig. 43e; 1999, № 758; Avram, 1996, № 546]. Существуют и иные штампы с другими магистратскими монограммами [Брашинский, 1980в, с. 149, № 76–77]. Ч. Цочевым магистрат с монограммой «ΓΑ» отнесен к хронологической группе II 361–338 гг. [Tzochew, 2016, tab. 2], примерно также его датирует И. Гарлан [Garlan, 1999, p. 50]. В.И. Кац выделил магистратов, чье имя замещено эмблемой или монограммой, в отдельный этап, который он отнес к концу 360-х гг. (в его списке вместо этого присутствует магистрат «ΠΑ»).

К этому раннему материалу из засыпи комплекса относятся и два **гераклеийских** энглифических клейма. Одно из них (рис. 3,4) содержит легенду с предваряющей эмблемой «полумесяц» Ἐπὶ Καλλία | Διονυσίο [Брашинский, 1980б, рис. 22,5]. Клеймо того же штампа и ранее встречалось на Елизаветовском городище [Брашинский, 1980в, с. 170, № 378–379]. Известны оттиски того же штампа и на других памятниках [Кац, 2015, № 670; Федосеев, 2016, № 422]. Клейма магистрата Каллия иных штампов зафиксированы и на целых амфорах [Монахов, 2003, табл. 92,1; Монахов и др., 2016, НР.46; 2019, НР.73; 2022, НР.8]. Датируется магистрат Каллий достаточно надежно 360-ми гг. до н.э. [Кац, 2007, с. 432]. Стоит отметить, что в фондах РОМК данное клеймо среди материалов комплекса № 16 не найдено. Его фото отсутствует и в копии отчета, хранящейся в РОМК. Фото, приведенное здесь, взято из отчета, находящегося в Научном архиве ИА РАН. В связи с этим его происхождение из засыпи описываемого комплекса неочевидно.

Второе энглифическое клеймо² (рис. 3,3) имеет треугольную форму, где предполагается ретроградное чтение легенды с двумя именами, из которых первое [Ἦρακλε]ῖδα(ς), а вто-

рое [Χί]ων или Αἰσχυρων³. В данном случае магистратом является Гераклид, который датируется в пределах третьей четверти IV столетия [Кац, 2007, с. 430].

Книдское клеймо (рис. 3,5) с легендой Πασιϰ[ρά](της) «прора». Аналогии многочисленны [Придик, 1917, № 405–408; Inscriptiones ... , № 612–636; Кац, 2007, рис. 51,8; Ефремов, 2013, с. 436, XIX], известны оттиски и других штампов [Ефремов, 2018, с. 545, IX]. Такие клейма с городской эмблемой «нос корабля» обычно связывают с периодом независимости Книды, но датируют по-разному. Первоначально их относили к концу IV – началу III в. [Börker, 1986, S. 475–476; Empereur, 1988, p. 161]. В.И. Кац и С.Ю. Монахов, ссылаясь на комплексы с такими клеймами из засыпи под херсонесским театром и лузановской землянки, посчитали, что оттиски с «пророй» ставились на квидских амфорах после получения полисом независимости около 332 г., то есть с третьей – последней четверти IV в. [Монахов, 2003, с. 103; Кац, 2007, с. 223; 2015, с. 32]. Н.В. Ефремов сначала относил их к 311–280 гг. [Jefremow, 1995, S. 62–64], а впоследствии согласился с тем, что клейма с пророй появляются с конца 330-х гг. [Ефремов, 2013, с. 450; 2018, с. 546]. Кроме того, выяснилось, что такие клейма были синхронны квидским клеймам с лигатурой ПАΘ и какое-то время они сосуществовали [Монахов, 1999, с. 105–106; Cankardeş-Şenol, 2015, p. 171]. Но если клейма ПАΘ ставились на амфорах двух разных типов с грибовидными и валикообразными венцами [Монахов, 2003, табл. 72, 73], то клейма с «пророй» пока известны только на конических амфорах с валикообразными венцами, а именно на амфоре из коллекции Хавиареса с эмблемой «прора» [Grace, 1971, pl. 15, 15, 16] и фрагментированной амфоре из раскопок поселения Чубово на Тамани с клеймом «ΑΠΟΛ/ΛΩ» «прора» [Монахов и др., 2021, с. 196–198, рис. 6,4; Kuznetsova, Monakhov, 2023, fig. 6,7]. У обеих амфор венцы валикообразные. Таким образом, данное квидское клеймо также относится к более ранним материалам из комплекса землянки № 16.

Еще одно сильно фрагментированное клеймо принадлежит амфоре Херсонеса: Ἀτ[—] | Ἀσ[—] (рис. 3,6). Возможны несколько восстановлений: 1) Ἀπολλωνίδα | Ἀστυνόμου [Кац, 1994, табл. VIII, 1–15,3]; 2) Ἀπολλωνίου |

Ἀστυνόμου [Кац, 1994, табл. IX, 1–20, 1]. Астином Аполлонид принадлежит к подгруппе 1А, Аполлоний – к подгруппе 1Б. Датировка клейма ограничивается периодом 325–306 гг. до н.э. [Кац, 2007, с. 326].

Остальной керамический материал из засыпи землянки № 16 хронологически однороден и датируется в пределах первых двух десятилетий III столетия. Находок достаточно много.

Фасосское клеймо (рис. 4,1) с легендой Κηρίσοφῶν | Θασίων ← эмблема «трезубец». Магистрат Кефисофон принадлежит к так называемой «поздней» группе оттисков [Придик, 1917, с. 44, № 178, табл. VII, 26; Tzocher, 2016, p. 154, № 258, tab. 2]. По современным представлениям этот магистрат датируется около 287 г. [Кац, 2007, с. 416; Tzocher, 2016, tab. 2].

В засыпи рассматриваемого комплекса присутствовало восемь **синопских** клейм. Самым ранним из них является оттиск (рис. 4,2) с легендой Πασιχάρου [Ἀστυ]νομοῦντος | [Σινω]πί[ωνος] «канфар» ↑ [Inscriptiones ... , № 6226–6228]. Полная легенда оттиска надежно не восстанавливается, известно несколько штампов с именем указанного астинома [Garlan, Kara, 2004, p. 144, № 156–164]. Имя фабриканта в последней строке практически не сохранилось, эмблема также читается плохо. Наиболее вероятное восстановление легенды предложено А.Б. Колесниковым⁴. Астином Пасихар 1, сын Файниппа относится к IVB магистратской группе и датируется рубежом 290–280-х гг. [Garlan, Kara, 2004, p. 97; Кац, 2007, с. 435].

Следующие семь клейм Синопы содержат имена астиномов группы VA, их описание дается в соответствии с порядком, предложенным В.И. Кацем [Кац, 2007, с. 435]. Первое клеймо (рис. 4,3) содержит легенду Ἀστυνόμου | Ἀττάλου | Μιθραδάτου «голова». Известно несколько таких оттисков из раскопок Пантикапея [Inscriptiones ... , № 1743–1746] и из Анапского археологического музея без указания места находки [Кац, 2015, № 1100]. У И. Гарлана такой штамп отсутствует, хотя имеется несколько иных [Garlan, Kara, 2004, № 212–219]. Астином Ἀττάλος относится к группе VA и согласованно датируется концом 280-х гг. [Garlan, Kara, 2004, p. 97; Кац, 2007, с. 435].

Следующее клеймо (рис. 4,4) с легендой Ἀστυνόμο(υ) | Αἰσχίνου | Μεν[ίσκ]ου «палица» имеет ряд аналогий [Придик, 1917, с. 62, № 14; Inscriptiones ... , № 774–779]. Астином Αἰσχίνης 4 датируется концом 280-х гг. [Garlan, Kara, 2004, p. 97; Кац, 2007, с. 435].

Легенда еще одного клейма с именем того же астинома Αἰσχίνης 4 (рис. 4,5) надежно восстанавливается по имеющейся аналогии: [Αἰσχ]ίνου ἀσ[τυνο]μῦντο(ς) | [Θυο]ς «палица» [Garlan, Kara, 2004, p. 155, № 208].

Клеймо астинома Ἑστιαῖος 1 (рис. 4,6), датирующееся самым концом 280-х гг., приведено в отчете И.Б. Брашинского [1980б, рис. 22,3]: Ἀστυνόμου | Ἑστιαίου | Κλεαινέτοῦ «канфар» [Garlan, Kara, 2004, p. 159, № 221].

Следующее клеймо (рис. 4,7) с легендой Ἑκαταίου ἀσ[τυνο]μῦντο(ς) | [Ηφ]αιστίου «про-ра» также известно [Inscriptiones ... , № 2840, 8555; Монахов и др., 2019, с. 223, Sn. 5]. Магистрат Ἑκαταῖος 1 тоже относится к группе VA и по В.И. Кацу датируется рубежом 280–270-х гг. [Кац, 2007, с. 435] или первой половиной 270-х гг. [Conovici, 1998, p. 203; Garlan, Kara, 2004, p. 97]. Оттиск того же штампа встречен в комплексе первой половины III в. до н.э. – цистерне № 1/1984 г. в Нимфее вместе с амфорами Гераклеи, Колхиды, Херсонеса, клеймами Фасоса, Родоса, Синопы [Монахов и др., 2019, с. 66, рис. 52].

Довольно плохую сохранность имеет еще одно клеймо Синопы (рис. 4,8) с именем астиномов Ἀταλос или Δημήτριος 1. По размещению эмблемы «голова влево» и концовке названия магистратуры легенда восстановлена А.Б. Колесниковым следующим образом: Ἀστυνόμου | Δημητρίου | Θυς «голова». Оттиск такого штампа присутствует в своде И. Гарлана [Garlan, Kara, 2004, p. 161, № 230]. Астином Δημήτριος 1 относится к группе VA и датируется рубежом 280–270-х гг. [Garlan, Kara, 2004, p. 97; Кац, 2007, с. 435]. Возможны и другие чтения: ἀστυνόμου | Ἀτάλου | Κομάνου «голова влево», или ἀστυνόμου | Ἀτάλου | Ἀγχιάλου «голова юноши влево» [Garlan, Kara, 2004, p. 157–158, № 215, 219].

Наконец, последнее синопское клеймо сильно фрагментировано, от него сохранились только последние буквы в трех строках и эмблема: [—] | [υ] | [ου] | [υ] «гроздь». Наиболее вероятное восстановление легенды – Βάκχιος |

ἀστυνόμου | Διονυσίου του | Δημητρίου [Garlan, Kara, 2004, p. 168, № 260, Pl. XXXI]. Астином Διονύσιος 4 Δημητρίου относится к группе VA по И. Гарлану (середина 270-х гг.) или VB по В.И. Кацу (270-е гг.).

Таким образом, в засыпи землянки № 16 представлены клейма практически всех астиномов группы VA, совокупная датировка синопских клейм укладывается в промежуток с рубежа 290–280-х гг. по начало 270-х гг. до н.э.

Херсонесское клеймо (рис. 4,10) с наиболее вероятным чтением легенды Πολύστρά(του) | {ΣΤΡ} ἀστυ[νόμ(ου)] [Кац, 1994, табл. ХС, I-95, 7]. Астином Πολύστρατος принадлежит подгруппе IГ и датируется ок. 287 г. до н.э.

Двумя экземплярами представлены клейма **Гераклеи и(или) западнопонтйского центра**. Англифическое клеймо на горле – N[Π] (рис. 4,11). Данные клейма известны в достаточно большом количестве [Inscriptiones ... , № 1739–1745; Монахов, 2003, с. 137, табл. 96,3; Монахов и др., 2023, с. 82, НР.16 (на целой амфоре)], в том числе и других штампов [Монахов, 2003, с. 137, табл. 96,4; Кац, 2015, № 882; Федосеев, 2016, № 2406–2409; Матеевич, Самойлова, 2017, с. 139, № 48, 48а; Ларенок В. А., Ларенок П. А., 2019, рис. 6,3; Кац, 2022, с. 207, рис. 1,3]. Фабрикант Νι(-) (Νικόστρατος?) относится к ПФГ по классификации В.И. Каца. Клейма с полным именем Νικόστρατος на горлах и на ручках амфор широко распространены в Западном Причерноморье [Canarache, 1957, № 475; Irimia, 1973, p. 33, pl. X, № 5; Conovici, Irimia, 1991, № 42–47]. Датируется 300–275 гг. до н.э. [Кац, 2007, с. 430].

Рельефное круглое клеймо на горле с двумя буквами «ΦΙ» (рис. 4,12) [Брашинский, 1980б, рис. 22,4]. Оттиск того же штампа имеется в Анапском музее [Кац, 2015, № 903]. Отнесен И.Б. Брашинским и В.И. Кацем к поздним гераклейским фабрикантам. В книге 2007 г. в списке поздних фабрикантов В.И. Каца отсутствует, но есть фото того же штампа [Кац, 2007, рис. 57,5]. Подобные клейма были найдены в разных регионах Северного Причерноморья [Брашинский, 1980в, № 510; Mateevici, 2007, p. 186, № 180; Федосеев, 2016, № 2532; Матеевич, Самойлова, 2017, с. 39, № 57; Vuzoianu, 2022, с. 54, tab. 1]. Датируется в пределах первой четверти III века.

Наконец, последнее клеймо из засыпи землянки № 16, представленное монограммным рельефным оттиском «АТ» в круглой рамке, предположительно может быть отнесено к **Александрии в Троаде**. Формы амфор этого центра неизвестны, однако найдено несколько клейм с этниконом, которые В. Грейс были локализованы как оттиски Александрии в Троаде [Grace, 1949, p. 181–182, 187, Pl. 20,3]. На сегодняшний день известно восемь клейм с указанием этникона, а также пять клейм с монограммой «АТ», которые также связывают с этим полисом. Все находки в основном сделаны в Троаде. Наше клеймо (рис. 4, 13) оттиснуто иным штампом, чем известные пять клейм [Πανάγωυ, 2010, σ. 98–103, 948, Εικ 9]. Александрия в Троаде основана, как сообщает Страбон, Антигоном Одноглазым около 310 г. до н.э. под именем Антигоней в результате переселения жителей из близлежащих городов. После битвы при Ипсе в 301 г. до н.э. Лисимах переименовал город в Александрию. Позднее, до 227 г. до н.э., город находился под контролем Селевкидов. Клейма широко датируются III в., для нас же важно, что они никак не могут быть датированы ранее рубежа IV–III столетий.

Помимо амфорных клейм в засыпи строительного комплекса № 16 были обнаружены несколько крупных амфорных форм. Амфора «**пунийского**» типа (рис. 5, 1). Она неоднократно была опубликована [Brasinskij, Marcenko, 1984, S. 35, Abb. 39g; Марченко и др., 2000, с. 110, рис. 55, 1; Копылов, 2006, рис. 1, 1; Jefremow, Kolesnikov, 2023, p. 620, Abb. 9, 1]. По существующей типологии пунийских амфор данный сосуд относится к типу T-7.1.2.1. Для него характерно короткое горло на практически цилиндрическом тулове, уплощенный венец, сразу переходящий в покатое плечо, коническая ножка едва выделена [Ramon Torres, 1995, p. 424, fig. 171, № 205, 206; Oliver, 1980, p. 99 ff.]. Наш экземпляр отличается меньшими линейными размерами, однако соотношение между высотой и диаметром сосуда составляет 2,0, что соответствует коэффициенту, отмеченному автором для этого типа тары [Ramon Torres, 1995, p. 203]. Вероятно, перед нами фракционная амфора. Время бытования этого типа автор широко датирует в пределах 375–275 гг., а местом производства предполагает Западную Сицилию и/или Тунис.

Еще одно амфорное горло несомненно относится к продукции **Коринфа** типа A' (рис. 5, 2). Такие сосуды хорошо известны, и хотя мы имеем лишь одно горло, в целом их морфология следующая: у них венец высокий, массивный, нависающий, слегка отогнут наружу, с подрезкой снизу; горло невысокое, расширяется к плечам, ручки петлевидные, круглые в сечении; тулово шарообразное; ножка кубаревидная, отделена от тулова подрезкой, с гладкой подошвой. Ближайшая аналогия – целая амфора из погребения № 83в/1991 г. Старокорсунского городища № 2 [Лимберис, Марченко, 1998, с. 54–55, рис. 8, 2; 2005, с. 281, рис. 10, 1; Монахов и др., 2022, с. 132, Cth. 1], что дает основание ее датировать в пределах 330–290 годов. Имеются и другие аналогии: из Севтополя [Балканска, 1984, № 8, 9], из разных комплексов в Западном Средиземноморье [Келер, 1992, с. 281, табл. 2, b; Volpe, 1995, p. 232, № 224–226], в том числе из кораблекрушения у Балеарских островов [Arribas et al., 1987], в Восточном Средиземноморье [Πανάγωυ, 2010, σ. 234 ff., Εικ. 12, 13], а также из отдельных памятников Северного Причерноморья [Павленков, Туровский, 1988, с. 63 сл.; Полин, 2012, с. 571–576; 2014, с. 503, рис. 426, 1; Монахов и др., 2017, с. 81, Cth. 1; 2020, с. 128, Cth. 3]. В частности, близкое горло обнаружено в комплексе усадьбы № 46 на Гераклеийском п-ве, верхняя дата которого приходится на 270-е гг. [Монахов, 1999, с. 522–524, табл. 222, 3; Лимберис, Марченко, 2005, с. 223, рис. 10; Монахов и др., 2017, с. 46 сл., рис. 20]. Приведенные аналогии в принципе датируются весьма широко: от первой половины IV столетия по середину III в. [Келер, 1992, с. 271]. Однако упомянутая выше амфора из погребения № 83в/1991 г. некрополя Старокорсунского городища № 2 [Монахов и др., 2022, с. 132, Cth. 1] дает самую надежную хронологическую привязку благодаря тому, что с ней найдены терракотовые позолоченные бляшки-горгонейоны: одна с головой Медузы Горгоны и две с изображением головы Афины в трехрогом шлеме. И если горгонейоны «ранней» группы с Медузой (по В.Р. Эрлиху) не являются особенной редкостью для Кубани, где они встречаются примерно с середины IV до начала III в. [Галанина, 1980, с. 54–55, 88, кат. № 29; Малышев, 1992,

с. 49–50; Эрлих, 2012, с. 261–262; Кузнецова и др., 2022, с. 145], то бляшки с головой Афины известны всего в четырех меотских памятниках. Учитывая, что и производство в Коринфе амфор типа А продолжалось примерно до середины III в. [Келер, 1992, с. 271], этот комплекс, по мнению Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, нужно датировать, как и предлагалось ими ранее, концом IV – началом III в. [Монахов и др., 2022, с. 132, Сth. 1].

Еще одно амфорное горло (рис. 5,3), несомненно, относится к «позднему» варианту I-B амфор **Коса** [Монахов, 2014, с. 205, рис. 4]. Такие сосуды хорошо представлены в материалах Северного Причерноморья [Монахов и др., 2017, с. 115, Ks. 2; 2021, с. 205, Ks. 4; 2022, с. 150, 155, Ks. 4, Ks. 13; 2023, с. 64, Ks. 1] и относятся в основном к последней четверти IV – началу III в. до н.э.

В засыпи землянки № 16 была обнаружена и различная **чернолаковая керамика**.

Фрагментированное рыбное блюдо без закраины (рис. 6,1). Диаметр поддона 89 мм, внешняя поверхность поддона не окрашена, подошва плоская, без желобка. Неглубокая солонка диаметром 59 мм окружена невысоким бортиком и желобком. По совокупности признаков блюдо может быть датировано концом IV – первой четвертью III в. до н.э. [Егорова, 2009, с. 41, 227, рис. 29, 488, 491].

Кольцевой поддон чернолаковой миски со штампованным орнаментом (рис. 6,2). На внешней поверхности дна – два лаковых кольца, в центре точка лака, на стыке стенки и поддона – лента в цвете глины. Внутри оттиск штампа в виде четырех пальметок, другие элементы (насечки, радиальные круги) отсутствуют, что позволяет датировать наш экземпляр концом IV – первой половиной III в. до н.э. [Rotroff, 1997, p. 142; Егорова, 2009, с. 33–35].

Обнаружены три фрагмента каннелированных канфаров (рис. 6,3–5) классического типа с гладким венчиком (*plain rim*). Среди находок в Северо-Западном Крыму подобная моделировка тулова была распространена в конце IV – первой половине III в. до н.э. [Егорова, 2009, с. 27]. На одном из фрагментов сохранился элемент росписи жидкой глиной в стиле «западного склона» – плющевая гирлянда⁵. Небольшая сохранность фрагмента не позволяет восстановить его размеры, в связи

с чем датировка возможна только в широких пределах конца IV – первой половины III в. до н.э. [Егорова, 2009, с. 87, № 39; Лимберис, Марченко, 2017, с. 187, рис. 5,16].

Двумя фрагментами представлен кубковидный канфар (или канфары) с прямым венчиком (*plain rim*) позднего варианта (рис. 6,6,7). По известным аналогиям с Афинской агоры и с различных памятников Северного Причерноморья датируются началом III в. до н.э. [Rotroff, 1997, p. 247, № 58, 59; Егорова, 2009, с. 94, № 109–110, рис. 8].

Также была найдена археологически целая солонка (рис. 6,8) на кольцевом поддоне (*feeted*). Солонки подобного типа появляются в последней четверти IV в. до н.э., заменяя более ранние сосуды с вогнутыми стенками. Широкое распространение в Северном Причерноморье получают в первой половине III в. до н.э. Слегка заостренный край венца, утолщенные в верхней части стенки и наличие невыраженного ребра в верхней трети сосуда, а также плоская подошва кольцевого поддона позволяют отнести данный экземпляр к рубежу IV–III – первой четверти III в. до н.э. [Егорова, 2009, с. 39, рис. 26, № 394–399].

Фрагмент венца чернолаковой миски (рис. 6,9) с некоторой натяжкой можно отнести к мискам с отогнутым наружу краем. Ближе к дну стенка оставлена в цвете глины, в стенке присутствует сверлина.

Небольшой фрагмент краснофигурного кратера (рис. 6,11) в силу плохой сохранности не позволяет судить о его возможной датировке.

В целом чернолаковая керамика датируется в пределах первой трети III в. до н.э. Единственный фрагмент чернофигурного сосуда (рис. 6,10) относится к более раннему времени и, по всей видимости, попал в засыпь случайно.

Таким образом, основной массив материала из слоя засыпи землянки № 16 Елизаветовского городища датируется в пределах рубежа 290–280-х гг. по начало 270-х годов. Надо полагать, что строительный комплекс был оставлен и засыпан в самом начале 270-х годов. Присутствие более ранних предметов, количество которых невелико, можно объяснить либо случайным попаданием⁶, либо происхождением из предшествующего строительного комп-

лекса – № 17. Для нас важно, что амфорные клейма, дающие достаточно узкую датировку, позволяют установить время изготовления пунийской амфоры, находки которых в Северном Причерноморье исчисляются единицами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00446, <https://rscf.ru/project/24-18-00446/>

The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant no. 24-18-00446, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00446/>

² Фотографии этого и следующего клейма предоставлены хранителем коллекции – А.Г. Язовских, за что мы выражаем ей свою благодарность.

³ Предполагаемое чтение легенды принадлежит Н.А. Павличенко, которой мы признательны. Уже после отправки статьи мы обнаружили несколько оттисков того же штампа, которые позволяют надежно восстановить клеймо следующим образом: Ἀρίστ|ων Ἀδν(–). Вероятно, перед нами клеймо магистрата 340-х гг. до н.э. Андроника (предположение А.Б. Колесникова).

⁴ Мы выражаем свою искреннюю признательность А.Б. Колесникову за восстановление легенды клейма.

⁵ Еще два фрагмента сосудов с похожей росписью приведены в отчете И.Б. Брашинского [Брашинский, 1980б, рис. 23].

⁶ Авторы раскопок отмечают, что строительный комплекс № 16 подвергся значительным разрушениям, вызванным позднейшими хозяйственными работами [Марченко и др., 2000, с. 110].

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

2

Рис. 1. Строительный комплекс № 16:

1 – вид с запада; 2 – западный участок северной стены (по: [Марченко и др., 2000, рис. 44,1,2])

Fig. 1. Constructional complex No. 16:

1 – view from the west; 2 – western section of the northern wall (after: [Marchenko et al., 2000, fig. 44,1,2])

Рис. 2. Человеческие черепа (1) и votивные предметы из строительного комплекса № 16:

2–4 – блюда; 5 – светильник (1 – по: [Брашинский, 1980а, л. 12, рис. 19];

2, 3, 5 – по: [Марченко и др., 2000, рис. 55,2–4]; 4 – РОМК, КП 5127/237, фото авторов)

Fig. 2. Human skulls (1) and votive objects from constructional complex No. 16:

2–4 – saucers; 5 – lamp (1 – after: [Brashinskiy, 1980a, L. 12, fig. 19]; 2, 3, 5 – after: [Marchenko et al., 2000, fig. 55.2–4];

4 – Rostov Regional Museum of Local Lore, КП 5127/237, photo by the authors)

Рис. 3. Ранние материалы из засыпи строительного комплекса № 16:

1, 2 – Фасос (чертеж авторов); 3, 4 – Гераклея (4 – по: [Брашинский, 1980б, рис. 22,5], без масштаба);
5 – Книд; 6 – Херсонес

Fig. 3. Early materials from the backfill of constructional complex No. 16:

1, 2 – Thasos (drawing by the authors); 3, 4 – Heraklea (4 – after: [Brashinskiy, 1980b, fig. 22,5], without scale);
5 – Knidos; 6 – Chersonesos

Рис. 4. Клейма из засыпи строительного комплекса № 16:

1 – Фасос; 2–9 – Синопа; 10 – Херсонес; 11, 12 – Гераклея / Западный Понт; 13 – Александрия в Троаде (?)
(6, 12 – по: [Брашинский, 1980б, рис. 22,3 (без масштаба), 4]; остальное – фото авторов)

Fig. 4. Stamps from the backfill of constructional complex No. 16:

1 – Thasos; 2–9 – Sinope; 10 – Chersonesos; 11, 12 – Heraklea/Western Pontus; 13 – Alexandria in Troad (?)
(6, 12 – after: [Brashinskii, 1980b, fig. 22,3 (without scale), 4]; other photos by the authors)

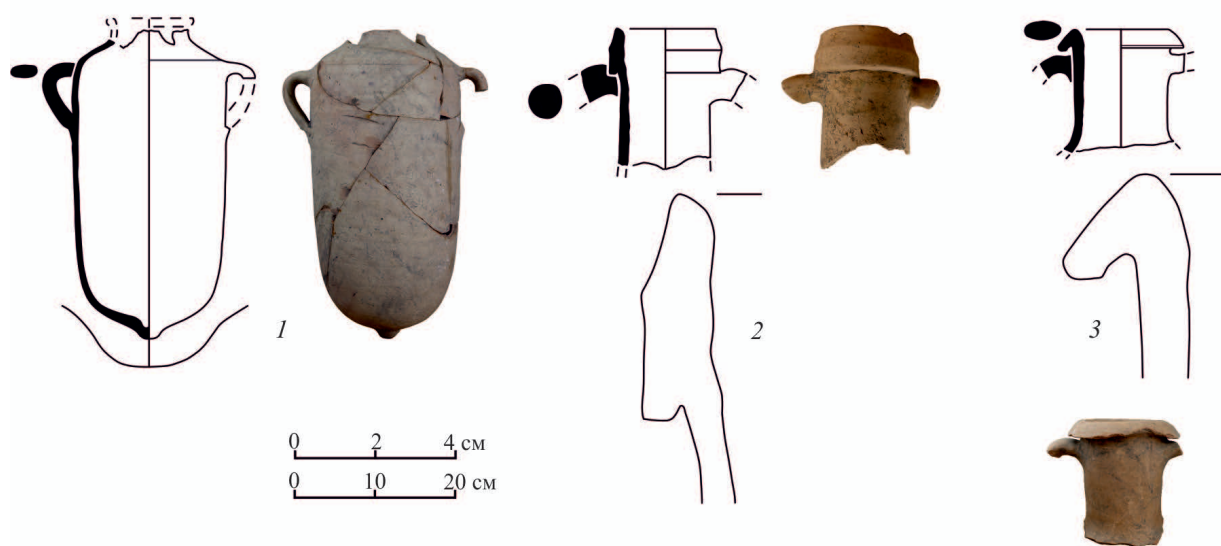

Рис. 5. Амфорный материал из засыпи строительного комплекса № 16:

1 – «пунийская»; 2 – Коринф; 3 – Кос (чертежи и фото авторов)

Fig. 5. Amphoric material from the backfill of the constructional complex No. 16:

1 – “Punic”; 2 – Corinth; 3 – Kos (drawings and photos by the authors)

Рис. 6. Черноголаковая керамика из засыпи строительного комплекса № 16:

1 – рыбное блюдо; 2, 9 – миска; 3–7 – канфары; 8 – солонка; 10 – чернофигурный сосуд;
11 – краснофигурный кратер(?); 12, 13 – фрагменты мисок (по: [Брашинский, 1980б, рис. 23,2,3]);
1–11 – чертежи и фото авторов

Fig. 6. Black-glazed pottery from the backfill of constructional complex No. 16:

1 – fish dish; 2, 9 – bowl; 3–7 – kantharoi; 8 – saltcellar; 10 – black-figure vessel; 11 – red-figure crater(?);
12, 13 – fragments of bowls (after: [Brashinskiy, 1980b, fig. 23,2,3]); 1–11 – drawings and photos by the authors

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балканска А., 1984. Амфори и амфорни печати // Севтополис. Т. 1. Бит и култура. София : Издателство на Българската Академия на науките. С. 115–158.
- Брашинский И. Б., 1980а. Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1979 г. Раскопки Елизаветовского городища // Архив Ростовского областного музея краеведения. Ф. 2. Д. 2. 66 л.
- Брашинский И. Б., 1980б. Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1979 г. Альбом иллюстраций // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 7919а. 36 л.
- Брашинский И. Б., 1980в. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л. : Наука. 268 л.
- Галанина Л. К., 1980. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV века до н.э. Л. : Искусство. 128 с.
- Егорова Т. В., 2009. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М. : Изд-во МГУ. 256 с.
- Ефремов Н. В., 2013. Керамические клейма позднеклассического-раннеэллинистического Книды. «Прото-книдские» клейма и клейма с «носом корабля» // Вопросы эпиграфики. Вып. VII. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке. С. 405–451.
- Ефремов Н. В., 2018. Двадцать лет спустя. Примечания к керамическим клеймам раннеэллинистического Книды // Причерноморье в античное и раннесредневековое время : сб. науч. тр., посвящ. 70-летию проф. В.П. Копылова. Ростов н/Д : Археолог. об-во «Наследие». С. 542–561.
- Кац В. И., 1994. Керамические клейма Херсонеса Таврического : кат.-определитель. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 171 с.
- Кац В. И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь ; Керчь : Крым. отд-ние Ин-та востоковедения НАНУ, Центр археолог. иссл. «Деметра». 480 с.
- Кац В. И., 2015. Керамические клейма Азиатского Боспора. Часть I. Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище : каталог. Саратов : Саратов. ун-т. 180 с.
- Кац В. И., 2022. Керченская селедка на сайте, посвященном греческим амфорам и клеймам // От Кавказа до Дуная: Северное Причерноморье в античную эпоху : сб. науч. тр. к 70-летию проф. С.Ю. Монахова. Саратов : Амирит. С. 203–212.
- Келер К., 1992. Общая типология и хронология коринфских транспортных амфор // Греческие амфоры. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. С. 265–283.
- Копылов В. П., 2006. О проникновении пунийских товаров на Нижний Дон в IV в. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Ростов н/Д : РГПУ. С. 70–74.
- Кузнецова Е. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Монахов С. Ю., 2022. Погребение с книдскими амфорами из могильника Старокорсунского городища № 2 // Краткие сообщения института археологии. Вып. 267. С. 139–151. DOI : <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.139-151>
- Ларенок В. А., Ларенок П. А., 2019. Поселение IV в. до н.э. многослойного памятника дельты Дона «Свинячье озеро» // Вестник Танаиса. Вып. 5/1. С. 220–236.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 1998. Некоторые итоги исследования оборонительных сооружений Старокорсунского городища № 2 // Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар : Кубан. гос. ун-т. С. 41–65.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар : Кубан. гос. ун-т. С. 219–325.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2017. Атрибуция и хронология чернолаковых канфаров из меотских памятников Прикубанья // Stratum plus. № 3. С. 181–198.
- Малышев А. А., 1992. Позолоченные терракотовые медальоны с изображением Медузы Горгоны в Прикубанье // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг. : материалы семинара по скифо-сармат. археологии. М. : Изд-во МГУ. С. 49–56.
- Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П., 2000. Елизаветовское городище на Дону. М. : Paleograph. 281 с., 72 табл.

- Матеевич Н. Н., Самойлова Т. Л., 2017. Амфорные клейма из Тиры (раскопки 1998–2008 гг.). Киев : Изд. Олег Филлюк. 234 с.
- Монахов С. Ю., 1999. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 679 с.
- Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре : кат.-определитель. М. ; Саратов : Киммериды : Изд-во Саратов. ун-та. 352 с.
- Монахов С. Ю., 2014. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // *Stratum plus*. № 3. С. 195–222.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б., 2016. Амфоры VI–II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника : каталог. Керчь ; Саратов : Новый проект. 222 с.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., 2021. Уточненная хронология книдских амфор IV – начала III в. до н.э. по материалам керамических комплексов Кубани // *Stratum plus*. № 6. С. 183–205. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp216183205>
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2017. Амфоры V–II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» : каталог. Саратов : Новый проект. 208 с.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б., 2019. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э. : каталог. Саратов : Амирит. 352 с.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Толстиков В. П., Чурекова Н. Б., 2020. Амфоры VI–I вв. до н.э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Саратов : Амирит. 218 с.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2021. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына. Саратов : Волга. 324 с.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2022. Амфоры VII–I вв. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына. Саратов : Амирит. 304 с.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Новиченкова Н. Г., Чурекова Н. Б., 2023. Амфоры VI–II вв. до н.э. из собрания Ялтинского историко-литературного музея. Саратов : Амирит. 112 с.
- Павленков В. И., Туровский Е. Я., 1988. О коринфских амфорах с высоким венчиком // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным : тез. докл. IV конф. мол. ученых ИА АН СССР. М. : ИА РАН. С. 63–64.
- Полин С. В., 2012. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев : Скиф. 780 с.
- Полин С. В., 2014. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV в. до н.э. на Херсонщине. Киев : Изд. Олег Филлюк. 776 с.
- Придик Е. М., 1917. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг. 191 с.
- Федосеев Н. Ф., 2016. Керамические клейма. Гераклея Понтийская. Ч. 2. Керчь : Соло-Рич. 320 с.
- Эрлих В. Р., 2012. Украшения из золоченой терракоты в меотских памятниках Прикубанья (к проблеме культурных контактов в раннеэллинистическое время) // Евразия в скифо-сарматское время. Труды ГИМ. Вып. 191. М. : ГИМ. С. 259–272.
- Arribas A., Trias G., Gerdá D., Hoz J., 1987. El Barco de el Sec (Costa de Calvia, Mallorca). Estudio de los materiales. Mallorca : Universitat de Les Illes Balears. 659 p.
- Avram A., 1996. Les timbres amphoriques. 1. Thasos. Histria, VIII. București : Editura Enciclopedică ; Paris : Diffusion de Bocard. 176 p. : 44 ill.
- Börker Chr., 1986. Die Herkunft der Schiffsbug-Stempel // Bulletin de correspondance hellénique, Suppl. XIII. Athènes : École Française d'Athènes, Paris : Diffusion de Bocard. P. 473–478.
- Brasinskij I. B., Marcenko K. K., 1984. Elisavetovskoje. Skythische Stadt im Don-Delta. Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd. 27. München : Verlag C.H. Beck. 82 S.
- Buzoianu L., 2022. Herakleian Amphorae with Stamps from Dobruja // «От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху : сб. науч. тр. к 70-летию проф. С.Ю. Монахова. Саратов : Амирит. С. 49–59.

- Canarache V., 1957. Importul amforelor stampilate la Istria. București : Editura Academiei Republicii Populare Romîne. 446 p. : ill.
- Cankardeş-Şenol G., 2015. Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps. Vol. 1. Alexandria : Centre d'Études Akexandrines. 612 p.
- Conovici N., 1998. Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises) // *Histria*. Vol. VIII. București : Editura Enciclopedică ; Paris : Diffusion de Bocard. 206 p., XLVII pl.
- Conovici N., Irimia M., 1991. Timbres amphoriques et autres inscriptions céramiques découverts à Satu Nou (comm. d'Oltina, dép. de Constantza) // *Dacia*. N.s. XXXV. P. 139–175.
- Empereur J.-Y., 1988. Producteurs d'amphores dans les ateliers de Resadiye (peninsule de Datça) // *Araştırma sonuçları toplantısı*. № 6. P. 159–163.
- Garlan Y., 1986. Quelques nouveaux ateliers amphoriques à Thasos // *Bulletin de correspondance hellénique*, Suppl. XIII. Athènes : École Française d'Athènes ; Paris : Diffusion de Bocard. P. 201–276.
- Garlan Y., 1999. Les timbres amphoriques de Thasos. Vol. I. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. Paris : École Française d'Athènes. 335 p., XII pl.
- Garlan Y., Kara H., 2004. Les timbres ceramiques Sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. Presentation et catalogue // *Corpus International des Timbres Amphoriques*. Vol. 10. *Varia Anatolica*, vol. XVI. Paris : Diffusion de Bocard. 310 p., LXXII pl.
- Grace V., 1949. Standard Pottery Containers of the Ancient Greek World // *Hesperia*. Suppl. VIII. P. 175–189.
- Grace V., 1971. Samian Amphoras // *Hesperia*. Suppl. XL. P. 52–95.
- Jeffremow N., 1995. Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos. Munchen : tuduv-Verlagsgesellschaft. 251 S.
- Jeffremow N., Kolesnikov A., 2023. Punische Importe aus dem Gebiet des bosporanischen Reiches. Zu den Handelsaktivitäten Karthagos im nördlichen Schwarzmeerraum während der hellenistischen Zeit // *Pontica*. Vol. 56. P. 609–637.
- Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini (IOSPE III). Корпус керамических клейм Северного Причерноморья / сост. Е. М. Придик, Б. Н. Граков // *Архив ИА РАН*. Р-2. № 2157–2198.
- Irimia M., 1973. Descoperiri noi privind populația autohtonă a Dobrogei și legăturile ei cu coloniile grecești (sec. V–I î.e.n.) // *Pontica*. Vol. VI. P. 7–71.
- Kuznetsova E. V., Monakhov S. Y., 2023. Knidian Amphorae of the 4th – early 3rd Centuries BC from the Maeotian Necropoleis of the Kuban // *International Journal of Propontic Archaeology*. Vol. 1 (1). P. 47–82.
- Mateevici N., 2007. Amforele grecești în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI – începutul sec. II a. Chr. // *Biblioteca Tyrageia*. Vol. IX. Chișinău : Bons Offices. 284 p.
- Oliver A., 1980. Las influencias mediterráneas en el mundo ibérico de la zona sur del delta del Ebro // *Cuadernos de Prehistoria y Arqueología Castellonense*. Vol. 7. P. 99–118.
- Ramon Torres J., 1995. Las Anforas Fenicio-Púnicas Mediterráneo Central y Occidental. Barcelona : Universitat de Barcelona. 665 p., 15 lam.
- Rotroff S., 1997. Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton : American School of Classical Studies at Athens. 575 p., 148 pl.
- Tzochev C., 2016. Amphora Stamps from Thasos. The Athenian Agora. Vol. XXXVII. Princeton : The American School of Classical Studies at Athens. 244 p.
- Volpe G., 1995. Contenitori da Trasporto // *Arpi. L'ipogeo della Medusa e la necropoli*. Bari : Edipuglia. P. 231–237.
- Πανάγου Τ.-Μ., 2010. Η σφράγιση των αρχαίων ελληνικών εμπορικών αμφορέων. Παρουσίαση και αξιολόγηση των κέντρων παραγωγής. Διδακτορική διατριβή. Αθηνά. 1105 σ. (на греч. яз.).

REFERENCES

- Balkanska A., 1984. Amfory i amforny pečati [Amphorae and Amphorae Stamps]. *Sevtopolis* [Sevtopolis], vol. 1, Byt i kul'tura [Life and Culture]. Sofia, Publ. na B'lgarska Akademia na naukite, pp. 115–158.
- Brashinskiy I.B., 1980a. Otchyot o rabote Yuzhno-Donskoy ekspeditsii v 1979 g. Raskopki Elizavetovskogo gorodishcha [Report on Work of the Southern Don Expedition in 1979. Excavations of the Elizavetovskoe settlement]. *Arkhir Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya*, f. 2, d. 2. 66 p.

- Brashinskiy I.B., 1980b. Otchyot o rabote Yuzhno-Donskoi ekspeditsii v 1979 g. Al'bom illustratsiy [Report on Work of the Southern Don Expedition in 1979. The Album of Illustrations]. *Arkhiy IA RAN*, R-1, no. 7919a. 36 p.
- Brashinskiy I.B., 1980v. *Grecheskiy keramicheskiy import na Nizhnem Donu* [Greek Ceramic Imports on the Lower Don]. Leningrad, Nauka Publ. 268 p.
- Galanina L.K., 1980. *Kurdzhipskiy kurgan. Pamyatnik kul'tury prikubanskih plemen IV veka do n.e.* [Kurdzhips Kurgan. Monument of Culture of the Kuban Tribes of the 4th Century BC]. Leningrad, Iskustvo Publ. 128 p.
- Egorova T.V., 2009. *Chernolakovaya keramika IV–II vv. do n.e. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma* [Black-Glazed Pottery of the 4th – 2nd Century BC from the North-Western Crimea Settlements]. Moscow, MSU. 256 p.
- Jeffremow N. V., 2013. Keramicheskie kleima pozднеklassicheskogo-ranneellinisticheskogo Knida. “Protoknidskie” kleima i kleima s “nosom korablya” [Die Keramikstempel des spätclassischen-frühhellenistischen Knidos. „Protoknidische-Stempel” und die mit „Schiffsbug”]. *Voprosy epigrafiki* [Questions of Epigraphy], iss. VII. Moscow, Russian Fund for Assistance Education and Science, pp. 405-451.
- Jeffremow N.V., 2018. Dvadsat' let spustya. Primechaniya k keramicheskim kleymam ranneellinisticheskogo Knida [Twenty Years After. Notes to Ceramic Stamps of the Early Hellenistic Knidos]. *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya: sb. nauch. tr., posvyashsh. 70-letiu prof. V.P. Kopylova* [Black Sea Coast in Classical Antiquity and Early Middle Ages. Collection of Scientific Papers Dedicated to the 70th Anniversary of Professor V.P. Kopylov]. Rostov-na-Donu, “Heritage” Archaeological Society, pp. 542-561.
- Kats V.I., 1994. *Keramicheskie kleima Hersonesa Tavricheskogo: Katalog-opredelitel'* [Ceramic Stamps of the Tauric Chersonesos. Catalog-Identifier]. Saratov, SSU. 171 p.
- Kats V.I., 2007. Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya) [Greek Ceramic Classic and Hellenistic Stamps (a Complex Study)]. *Bosporsskie issledovaniya* [Bosporos Studies], vol. XVIII. Simferopol, Kerch, National Academy of Sciences of Ukraine, Institute of Oriental Studies, Crimean Branch, “Demetra” Publ. 480 p.
- Kats V.I., 2015. *Keramicheskie kleima Aziatskogo Bospora. Chast' 1. Gorgippiya i ee khora, Semibratnee gorodishche: katalog* [Ceramic Stamps of Asian Bosporus. Pt. 1. Gorgippia and its Chora; Semibratnee Settlement. Catalogue]. Saratov, SSU. 180 p.
- Kats V.I., 2022. Kerchenskaya seledka na saite, posvyashchenom grecheskim amforam i kleimam [Kerch Herring on the Website Dedicated to Greek Amphorae and Stamps]. *Ot Kavkaza do Dunaya: Severnoe Prichernomor'e v antichnuu epohu: sb. nauch. tr. k 70-letiu prof. S.Yu. Monakhova* [“From the Caucasus to the Danube”: the Northern Black Sea Region in Antiquity. Collection of Scientific Papers Dedicated to the 70th Anniversary of Professor S. Yu. Monakhov]. Saratov, Amirit Publ., pp. 203-212.
- Koehler C., 1992. Obshchaya tipologiya i khronologiya korinfskih transportnykh amfor [General Typology and Chronology of Corinthian Transport Amphorae]. *Grecheskie amfory* [Greek Amphorae]. Saratov, SSU, pp. 265-283.
- Kopylov V.P., 2006. O proniknovenii puniiskikh tovarov na Nizhnii Don v IV v. do n.e. [On the Penetration of Punic Goods to the Lower Don in the 4th Century BC]. *Mezhdunarodnye otnosheniya v basseine Chernogo morya v skifo-antichnoe vremya* [International Relations in the Black Sea Basin in Scythian-Ancient Times]. Rostov-na-Donu, RSPI, pp. 70-74.
- Kuznetsova E.V., Limberis N.Yu., Marchenko I.I., Monakhov S.Yu., 2022. Pogrebenie s knidskimi amforami iz mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 [The Burial with Knidian Amphorae from the Burial Ground of Starokorsunskaya Settlement No. 2]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 267, pp. 139-152. DOI : <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.139-151>
- Larenok V.A., Larenok P.A., 2019. Poselenie IV v. do n.e. mnogosloinogo pamyatnika del'ty Dona “Svinyach'ye ozero” [Settlement of the 4th Century BC of the Multilayer Monument of the Don Delta “Pig Lake”]. *Vestnik Tanaisa* [Bulletin of Tanais], iss. 5/1, pp. 220-236.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 1998. Nekotorye itogi issledovaniya oboronitel'nykh sooruzhenii Starokorsunskogo gorodishcha № 2 [Some Results of the Study of the Defensive Structures of the Starokorsunsky Settlement No. 2]. *Arheologiya i etnografiya Severnogo Kavkaza* [Archaeology and Ethnography of the North Caucasus]. Krasnodar, KSU, pp. 41-65.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2005. Khronologiya keramicheskikh kompleksov s antichnymi importami iz raskopok meotskikh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani [Chronology of the Ceramic Complexes with Ancient Imports from the Excavations of the Maeotian Burial Grounds on the Right Bank of the Kuban River]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Researches on the Archaeology of the Kuban Region], iss. 5. Krasnodar, KSU, pp. 219-325.

- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2017. Atributsiya i khronologiya chernolakovykh kanfarov iz meotskikh pamyatnikov Prikuban'ya [Attribution and Chronology of Black-Glazed Kanpharoi from the Maeotian Sites of Kuban Region]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 181-198.
- Malyshev A.A., 1992. Pozolochennye terrakotovye medal'ony s izobrazheniem Meduzy Gorgony v Prikuban'e [Gilded Terracotta Medallions Depicting Medusa Gorgon in the Kuban Region]. *Grakovskie chteniya na kafedre arkheologii MGU 1989–1990 gg.* [Grakovsky Readings at the Department of Archeology of Moscow State University 1989–1990]. Moscow, MSU, pp. 49-56.
- Marčenko K.K., Žhitnikov V.G., Kopylov V.P., 2000. *Elizavetovskoe gorodishche na Donu* [Die Siedlung Elizavetovka am Don]. Moscow, Paleograph Publ. 281 p., 72 pl.
- Mateevich N.N., Samoilova T.L., 2017. *Amfornye kleyma iz Tiry (raskopki 1998–2008 gg.)* [Amphorae Stamps from Tyra (Excavations of 1998–2008)]. Kiev, Oleg Filuk Publ. 234 p.
- Monakhov S.Yu., 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoy tary VII–II vv. do n.e.* [Greek Amphorae in Black Sea Region. Assemblages of Transport Amphorae of the 7th–2nd Centuries BC]. Saratov, SSU. 679 p.
- Monakhov S.Yu., 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e: tipologiya amfor vedushchikh tzentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare. Katalog-opredelitel'* [Greek Amphorae in Black Sea Region: Typology of Amphorae of the Leading Centers of Exporters of Goods in Ceramic Containers. Catalog-Identifier]. Moscow, Saratov, Kimmerida Publ., SSU. 352 p.
- Monakhov S.Yu., 2014. Kosskie i psevdokosskie amfory i kleyma [Koan and Pseudo-Koan Amphorae and Stamps]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 195-222.
- Monakhov S.J., Kuznetsova E.V., Fedoseev N.F., Churekova N.B., 2016. *Amfory VI–II vv. do n.e. iz sobraniya Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika: katalog* [Amphorae of the 6th–2nd Centuries BC. From the Collection of the Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve. Catalogue]. Kerch, Saratov, Novyy proekt Publ. 222 p.
- Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V., 2021. Utochnennaya khronologiya knidskikh amfor IV – nachala III v. do n.e. po materialam keramicheskikh kompleksov Kubani [Specified Chronology of Knidian Amphorae of the 4th–early 3rd Centuries BC Based on Materials from Ceramic Complexes of the Kuban]. *Stratum plus*, no. 6, pp. 183-205. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp216183205>
- Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V., Churekova N.B., 2017. *Amfory V–II vv. do n.e. iz sobraniya gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy»: katalog* [Amphorae of the 5th–2nd Century BC from the Collection of the State Museum-Preserve “Tauric Chersonese”. Catalogue]. Saratov, Novyy proekt Publ. 208 p.
- Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V., Chistov D.E., Churekova N.B., 2019. *Antichnaya amfornaya kolleksiya Gosudarstvennogo Ermitazha VI–II vv. do n.e.: katalog* [Ancient Amphorae Collection of the State Hermitage of the 6th–2nd Centuries BC. Catalogue]. Saratov, Amirit Publ. 352 p.
- Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V., Tolstikov V.P., Churekova N.B., 2020. *Amfory VI–I vv. do n.e. iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina* [The Amphorae of the 6th–1st Centuries BC of the Pushkin State Museum of Fine Arts]. Saratov, Amirit Publ. 218 p.
- Monakhov S.Yu., Marchenko I.I., Limberis N.Yu., Kuznetsova E.V., Churekova N.B., 2021. *Amfory Prikubanskogo nekropolya IV – nachala III v. do n.e. iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E.D. Felitsyna* [Amphorae of the Prikubanskiy Necropolis of the 4th–Early 3rd Century BC from the Collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve Named after E.D. Felitsyn]. Saratov, Volga Publ. 324 p.
- Monakhov S.Yu., Marchenko I.I., Limberis N.Yu., Kuznetsova E.V., Churekova N.B., 2022. *Amfory VII–I vv. do n.e. iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E.D. Felitsyna* [Amphorae of the 7th–1st Centuries BC from the Collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve Named after E.D. Felitsyn]. Saratov, Amirit Publ. 304 p.
- Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V., Novishenkova N.G., Churekova N.B., 2023. *Amfory VI–II vv. do n.e. iz sobraniya Yaltinskogo istoriko-literaturnogo muzeya* [Amphorae of the 6th–2nd Century BC from the Collection of the Yalta Historical and Literary Museum]. Saratov, Amirit Publ. 112 p.
- Pavlenkov V.I., Turovskiy E.Ya., 1988. O korinfskikh amforah s vysokim venchikom [About Corinthian Amphorae with a Tall Rim]. *Drevnee proizvodstvo, remeslo i trgovlya po arheologicheskim dannym: tez. dokl. IV konf. molodykh uchenykh IA RAN SSSR* [Ancient Production, Craft and Trade According to Archaeological Data].

- Abstracts of the 4th Conference of Young Scientists of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, IARAS, pp. 63-64.
- Polin S.V., 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila* [Scythian Royal Kurgan Gaimanova Mogila]. Kiev, Skiph Publ. 780 p.
- Polin S.V., 2014. *Skifskii Zolotobalkovskiy kurgannyi mogil'nik V-IV vv. do n.e. na Khersonshchine* [Scythian Kurgan Cemetery Zolotaya Balka of 5th – 4th Centuries BC in the Kherson Region]. Kiev, Oleg Filyuk Publ. 776 p.
- Pridik E.M., 1917. *Inventarnyy katalog kleim na amfornyh ruchkah i gorlyshkah i na cherepicah Ermitazhnogo sobraniya* [Inventory Catalog of the Stamps on the Amphora Handles and Necks and on the Tiles of the Hermitage Collection]. Petrograd. 191 p.
- Fedoseev N.F., 2016. *Keramicheskie kleima. Gerakleya Pontiiskaya* [Ceramic Stamps. Heraklea Pontica], pt. 2. Kerch, Solo-Rich Publ. 320 p.
- Erlikh V.R., 2012. Ukrasheniya iz zolochyonoy terrakoty v meotskikh pamyatnikakh Prikuban'ya (k probleme kul'turnykh kontaktov v ranneellinisticheskoe vremya) [Ornaments from Gilded Terracotta in the Meotian Monuments of the Kuban Region (to the Problem of Cultural Contacts in the Early Hellenistic Time)]. *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya* [Eurasia in the Scythian-Sarmatian Time]. Trudy GIM, iss. 191. Moscow, GIM, pp. 259-272.
- Arribas A., Trias G., Gerdá D., Hoz J., 1987. *El Barco de el Sec (Costa de Calvia, Mallorca)*. Estudio de los materiales. Mallorca, Universitat de Les Illes Balears. 659 p.
- Avram A., 1996. *Les timbres amphoriques. 1. Thasos*. Histria, VIII. București : Editura Enciclopedică, Paris : Diffusion de Boccard. 176 p., 44 ill.
- Börker Chr., 1986. Die Herkunft der Schiffsbug-Stempel. *Bulletin de correspondance hellénique*, Suppl. XIII. Athènes, École Française d'Athènes, Paris, Diffusion de Boccard, pp. 473-478.
- Brasinskij I.B., Marcenko K.K., 1984. *Elisavetovskoje. Skythische Stadt im Don-Delta*. Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd. 27. München, Verlag C.H. Beck. 82 S.
- Buzoianu L., 2022. Herakleian amphorae with stamps from Dobruja. “*Ot Kavkaza do Dunaya*”: *Severnoe Prichernomor'e v antichnuu epohu: sb. nauch. tr. k 70-letiu prof. S.Yu. Monakhova* [“From the Caucasus to the Danube”: The Northern Black Sea Region in Antiquity. Collection of Scientific Papers Dedicated to the 70th Anniversary of Professor S.Yu. Monakhov]. Saratov, Amirit Publ., pp. 49-59.
- Canarache V., 1957. *Importul amforelor stampilate la Istria*. București, Editura Academiei Republicii Populare Romîne. 446 p., ill.
- Cankardeş-Şenol G., 2015. *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps*. Vol. 1. Alexandria, Centre d'Études Akexandrines. 612 p.
- Conovici N., 1998. *Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises)*. Histria, vol. VIII. București, Editura Enciclopedică, Paris, Diffusion de Boccard. 206 p., XLVII pl.
- Conovici N., Irimia M., 1991. Timbres amphoriques et autres inscriptions céramiques découverts à Satu Nou (comm. d'Oltina, dép. de Constantza). *Dacia*, n.s. XXXV, pp. 139-175.
- Empereur J.-Y., 1988. Producteurs d'amphores dans les ateliers de Resadiye (peninsule de Datça). *Araştırma sonuçları toplantısı*, no. 6, pp. 159-163.
- Garlan Y., 1986. Quelques nouveaux ateliers amphoriques à Thasos. *Bulletin de correspondance hellénique*, Suppl. XIII. Athènes, École Française d'Athènes; Paris, Diffusion de Boccard, pp. 201-276.
- Garlan Y., 1999. *Les timbres amphoriques de Thasos. Vol. 1. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens*. Paris, École Française d'Athènes. 335 p., XII pl.
- Garlan Y., Kara H., 2004. Les timbres ceramiques Sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. Presentation et catalogue. *Corpus International des Timbres Amphoriques*, vol. 10. Varia Anatolica, vol. XVI. Paris, Diffusion de Boccard. 310 p., LXXII pl.
- Grace V., 1949. Standard Pottery Containers of the Ancient Greek World. *Hesperia*, suppl. VIII, pp. 175-189.
- Grace V., 1971. Samian Amphoras. *Hesperia*, suppl. XL, pp. 52-95.
- Jeffremow N., 1995. *Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos*. München, tuduv-Verlagsgesellschaft. 251 S.
- Jeffremow N., Kolesnikov A., 2023. Punische Importe aus dem Gebiet des bosporanischen Reiches. Zu den Handelsaktivitäten Karthagos im nördlichen Schwarzmeerraum während der hellenistischen Zeit. *Pontica*, vol. 56, pp. 609-637.

- Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini [Korpus keramicheskikh kleym Severnogo Prichernomorya] (IOSPE III). Copliers: E.M. Pridic, B.N. Grakov. *Arkhir IARAN*, D-2, pp. 2157-2198.
- Irimia M., 1973. Descoperiri noi privind populația autohtonă a Dobrogei și legăturile ei cu coloniile grecești (sec. V–I î.e.n.). *Pontica*, vol. VI, pp. 7-71.
- Kuznetsova E.V., Monakhov S.Y., 2023. Knidian Amphorae of the 4th – early 3rd Centuries BC from the Maeotian Necropoleis of the Kuban. *International Journal of Propontic Archaeology*, vol. 1 (1), pp. 47-82.
- Mateevici N., 2007. *Amforele grecești în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI – începutul sec. II a. Chr.* Biblioteca Tyragetia. Vol. IX. Chișinău, Bons Offices. 284 p.
- Oliver A., 1980. Las influencias mediterráneas en el mundo ibérico de la zona sur del delta del Ebro. *Cuadernos de Prehistoria y Arqueología Castellonense*, vol. 7, pp. 99-118.
- Ramon Torres J., 1995. *Las Anforas Fenicio-Púnicas Mediterráneo Central y Occidental*. Barcelona, Universitat de Barcelona. 665 p., 15 lam.
- Rotroff S., 1997. *Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. The Athenian Agora*, vol. XXIX. Princeton, American School of Classical Studies at Athens. 575 p., 148 pl.
- Tzocher C., 2016. *Amphora Stamps from Thasos*. The Athenian Agora, vol. XXXVII. Princeton, The American School of Classical Studies at Athens. 244 p.
- Volpe G., 1995. Contenitori da Trasporto. *Arpi. L'ipogeo della Medusa e la necropoli*. Bari, Edipuglia, pp. 231-237.
- Panagou T.-M., 2010. *A sfragisae ton arkhaion ellenikon emporikon amforeon. Parusiasae kai aksilogaesae ton kentron paragogaes. Didaktorikae diatribae* [The Stamping of Ancient Greek Trade Amphorae. Presentation and Evaluation of Production Centre. Doctoral Thesis]. Athens. 1105 p. (in Greek).

Information About the Authors

Sergey Yu. Monakhov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Ancient World History, Director of the Institute of Archaeology and Cultural Heritage, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, monachsj@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8098-828X>

Elena V. Kuznetsova, Candidate of Sciences (History), Custodian of the Collections, Institute of Archaeology and Cultural Heritage, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, ev_kuznetsova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1461-2070>

Информация об авторах

Сергей Юрьевич Монахов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира, руководитель Института археологии и культурного наследия, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, monachsj@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8098-828X>

Елена Владимировна Кузнецова, кандидат исторических наук, хранитель фондов Института археологии и культурного наследия, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, ev_kuznetsova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1461-2070>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.2>UDC 902/904
LBC 63.4(2)Submitted: 27.08.2024
Accepted: 09.12.2024

ON THE ETHNOCULTURAL RATIO OF SETTLEMENTS OF THE SCYTHIAN AND SARMATIAN ERAS IN THE DON FOREST-STEPPE REGION (RESULTS OF COMPARISON OF CERAMIC COMPLEXES)¹

Yuriy D. Razuvaev

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article compares the stucco clay pottery of kitchen use from settlements of the 5th – 3rd centuries BC and 1th – 3rd centuries AD, located in the forest-steppe part of the Don River basin. This is the first time such a study has been conducted to determine possible connections between societies from different periods. **Methods.** The analyzed sample includes 107 and 33 pot-shaped vessels. A computerized comparison of their scaling to the unified height of the profiles has been carried out; the similarity ratios of forms were determined. Petrographic data on the molding masses of 40 ceramic samples originating from the settlement of the Scythian and Sarmatian period near the village of Verhneye Kazachye were also compared. **Analysis.** It was established that 19 pots from the beginning of AD (58 % of those considered) have close analogies among 33 vessels of the Scythian period (31 %). The similarity coefficients of both range from 95 to 97 %. Most of the remaining pots are characterized by slightly lower coefficients. Multicomponent formulations of the molding mass composition were used in the production of both groups of ceramics. Two of them had similar compositions of artificial impurities, while five had different ones. **Results.** A comparative analysis of morphological and technological parameters showed a close connection between ceramic complexes of different periods. Pottery products of the Sarmatian time, in the vast majority of cases, were made in compliance with traditional proportions and based on ancient profiling technology. Existing archaeological evidence suggests that the transfer of ceramic production traditions was provided by groups of settled populations that lived in the Don forest-steppe region during the two or three centuries separating the eras.

Key words: Don forest-steppe region, Scythian and Sarmatian era, settlements, stucco ceramics, comparative analysis.

Citation. Razuvaev Yu.D., 2025. Ob etnokul'turnom sootnoshenii poseleniy skifskoy i sarmatskoy epoh v donskey lesostepi (rezul'taty sopostavleniya keramicheskikh kompleksov) [On the Ethnocultural Ratio of Settlements of the Scythian and Sarmatian Eras in the Don Forest-Steppe Region (Results of Comparison of Ceramic Complexes)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 2, pp. 26-39. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.2>

УДК 902/904
ББК 63.4(2)Дата поступления статьи: 27.08.2024
Дата принятия статьи: 09.12.2024

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ СООТНОШЕНИИ ПОСЕЛЕНИЙ СКИФСКОЙ И САРМАТСКОЙ ЭПОХ В ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (РЕЗУЛЬТАТЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ)¹

Юрий Дмитриевич Разуваев

Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье сопоставляется лепная глиняная посуда кухонного назначения с поселений V–III вв. до н.э. и I–III вв. н.э., расположенных в лесостепной части бассейна р. Дон. Такого рода исследование осуществлено впервые с целью определения возможной связи разновременных социумов. **Методы.** Анализируемая выборка включает, соответственно, 107 и 33 горшковидных сосуда. Проведено компьютеризированное сравнение их масштабированных к единой высоте профилировок, рассчитаны коэффициенты сходства форм. Также сопоставлены петрографические данные о формовочных массах 40 керамических образцов, происходящих с городища скифо-сарматского времени у с. Верхнее Казачье. **Анализ.** Установ-

лено, что 19 горшков начала н.э. (58 % от числа рассмотренных) имеют близкие аналогии среди 33 сосудов скифского времени (31 %). Коэффициенты сходства тех и других составляют от 95 до 97 %. Большинство других горшков характеризуются чуть меньшими коэффициентами. При изготовлении обеих групп керамики использовались многокомпонентные рецептуры составления формовочных масс. Две из них совпадали по составу искусственных примесей, пять различались. *Результаты.* Сравнительный анализ по морфологическим и технологическим параметрам показал тесную связь разновременных керамических комплексов. Гончарная продукция сарматского времени в подавляющем большинстве случаев была изготовлена с соблюдением традиционных пропорций и профилировок на основе более древней технологии. Существующие археологические свидетельства позволяют предполагать, что передачу традиций керамического производства обеспечили группы оседлого населения, обитавшие в донской лесостепи в разделявшие эпохи два-три столетия.

Ключевые слова: лесостепное Подонье, скифская и сарматская эпохи, поселения, лепная керамика, сопоставительный анализ.

Цитирование. Разуваев Ю. Д., 2025. Об этнокультурном соотношении поселений скифской и сарматской эпох в донской лесостепи (результаты сопоставления керамических комплексов) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 26–39. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.2>

Лесостепное Подонье насыщено памятниками оседлости раннежелезного века. Прежде всего, это городища и селища VI–III вв. до н.э., систематически изучающиеся с середины прошлого столетия. Те, что концентрируются на Среднем Дону, включены П.Д. Либеровым [1965] в культуру, входящую в круг скифоидных (скифообразных) древностей восточноевропейской лесостепи [Петренко, 1989]. Лет 40 назад стали известны поселения I–III вв. н.э., впервые выделенные А.П. Медведевым, опиравшимся на материалы им же открытых сарматских курганных могильников [Медведев, 1990, с. 168–180]. На сегодня в бассейне Дона, преимущественно Верхнего, таковых открыто и исследовано раскопками немало [Медведев, 2008, рис. 53]. Исследователи называют их по-разному: поселения сарматского времени [Медведев, 2008], позднескифские [Обломский, 2020] либо постскифские [Бирюков, 2020]. Тем не менее единодушно связывают с потомками населения скифской эпохи исходя, прежде всего, из значительного сходства поселенческой лепной керамики обоих хронологических периодов.

Если судить по фрагментам, то действительно, кухонные сосуды того и другого времени нередко не имеют заметных отличий. Как правило, они похожи и по облику внешней поверхности, и по видимым примесям в глине. Доминирующим видом орнамента являются одинаковые пальцевые защипы по венчику. Есть и целые экземпляры гончарных изделий, аналогичные по форме и орнаментации [Медведев, 2008, рис. 41, 44; Разуваев, 1998, рис. 8].

Однако до сих пор систематического сопоставления разновременных керамических комплексов не производилось, все суждения относительно их подобия основаны сугубо на визуальном восприятии. При таком раскладе едва ли можно расценивать посуду как надежный индикатор этнокультурных взаимодействий.

Для того чтобы составить более-менее объективное представление о степени близости поселенческой керамики двух эпох, было предпринято исследование, результаты которого представлены в данной статье. Оно заключалось в компьютеризированном сравнении форм археологически целых горшковидных сосудов, дополненным анализом имеющихся сведений о гончарной технологии.

Кухонная посуда численно преобладает и отличается морфологическим разнообразием. Потому-то в анализируемую серию вошли только горшки – практически все найденные на сегодня, сохранившиеся или восстановленные на полный профиль. Известные в малом количестве миски и кувшины не рассматривались.

К сарматскому времени относятся 33 сосуда. Две трети из них найдены на Ишутинском [Разуваев, 1998, рис. 6, 7, 1, 2, 4–6] и III Чертовицком [Медведев, 1998, рис. 4, 1, 2, 4, 12, 9, 3] городищах, остальные – на Александровском [Разуваев, 2022, рис. 8, 2], Воргольском [Пряхин, Тропин, 2008, рис. 6], Дубиковском [Разуваев, 1987, рис. 3, 4, 13], Животинном [Медведев, 2008, рис. 62, 1, 2, 11], Пекшевском [Медведев, 1990, рис. 50, 10] и Сырском [Бирюков, 2020, рис. 2, 1] городищах, а также на поселениях Замятино-14 [Би-

рюков, Бессуднов, 2006, рис. 4,1], Ставицкое [Бирюков, 2001, рис. 8,14] и Стаево-10 [Обломский, 2022, рис. 9,24].

Скифоидную культуру представляют 107 горшков. Из них 67 происходят с Семи-лукского городища [Разуваев, 2012], другие – с уже упомянутого Пекшевского городища и ряда других памятников [Бирюков, Разуваев, 2009; Медведев, 1999, с. 69–89; Пузикова, 1969; Разуваев, 2020].

Сравнение этих 140 сосудов осуществлялось тем же способом, что и сопоставление керамической посуды донских поселений скифоидной и городецкой культур, выполненное ранее и оказавшееся результативным [Разуваев, 2024]. Оно заключалось в наложении друг на друга векторных абрисов горшков, вычерченных по графическим прорисовкам и масштабированных к единой высоте. Сравнение условно равновеликих керамических форм дало возможность объективно оценить степень их близости. Основными критериями стали рассчитанные коэффициенты сходства, значения которых составили от 0 % (максимальное расхождение) до 100 % (полное совпадение). В необходимых случаях проводилось и визуальное сравнение профилировок сосудов на экране монитора.

В результате были отобраны близкие по очертаниям горшки сарматского и скифского времени. В таблице 1 представлены рисунки тех из них, что обладают наивысшим коэффициентом сходства. Для наглядности в отдельном столбце приведены их масштабированные к единой высоте профилировки (те, что относятся к сарматскому времени, выделены красным цветом), там же указано количество сосудов, обладающих коэффициентом 90 и выше.

У большинства сосудов нормированные профилировки оказались в значительной мере похожи. Выделяются четыре горшка сарматского времени, с каждым из которых демонстрируют высокую степень сходства (90 % и выше) более 30 скифоидных (табл. 1,1–4). У 14 число таких аналогий меньше, но тоже двузначное (табл. 1,5–18). Еще 11 имеют от двух до девяти близких подобию (табл. 1,19–29), два – по одной (табл. 1,30,31), только у двух таковых нет (табл. 1,32,33).

Нередко коэффициенты сходства составляют от 95 до 97 %. В этих случаях можно говорить об идентичности форм. Разумеется, речь

не идет о полном совпадении. Для изделий ручной лепки неизбежны, как это и наблюдается в нашем случае, различия в степени отгиба шейки и прогиба придонной части тулова (кстати сказать, часто присущие одному и тому же сосуду). Тем не менее 19 горшков начала н.э. и 33 скифоидных, составляющих от общего количества рассмотренных, соответственно, 58 и 31 %, обладают наивысшей степенью близости.

Преимущественно это горшки разных размеров, обладающие выпуклым туловом и плавно отогнутой шейкой (табл. 1,1,3,4,6,8,10–12,14–17,19,20,25,27). Такие в скифское время были широко распространены в восточноевропейской лесостепи. Однако сомневаться в прямой связи данной формы со скифоидной культурой Среднего Подонья не приходится по причине и общей географической локализации, и высоких показателей сходства.

Кроме вышеописанных, в рассматриваемой серии есть три горшка, имеющих растреновидную прямую горловину (табл. 1,2,7,13). Эта разновидность появилась в сарматское время, она и определяет специфику керамического комплекса. Показательно, что и для таких сосудов нашлись древние аналогии.

Если строго следовать названному критерию (95 % сходства), то для 14 горшков начала н.э. связь со скифской эпохой не столь очевидна. На самом деле восемь из них входят в пары с коэффициентом сходства лишь немногим меньше 95 % (табл. 1,5,9,18,21–24,26). Только шесть сосудов (18 %) более обособлены: четыре отдаленно напоминают скифоидные (табл. 1,28–31), о двух других, характеризующихся открытостью формы, и этого сказать нельзя (табл. 1,32,33).

Итак, сравнительный анализ довольно представительной серии горшковидных сосудов по морфологическим параметрам показал тесную связь керамических комплексов. Гончарная продукция сарматского времени в подавляющем большинстве случаев, как видно, была изготовлена с соблюдением традиционных пропорций и профилировок. Лишь малая ее часть отличается новизной.

Известно, что экстерьер керамики может меняться под воздействием и этнических, и хозяйственных контактов [Шнирельман, 1990]. Гораздо более устойчивыми являются способы изготовления сосудов [Бобринский, 1999, с. 48–52].

Сведения о гончарной технологии сарматской эпохи и, что важно, предшествующего периода получены по материалам городища у с. Верхнее Казачье [Разуваев, Меркулов, 2024, табл. 1]. По 20 образцов из обеих групп керамики было подвергнуто петрографическому и геохимическому анализу М.А. Кульковой (РГПУ им. А.И. Герцена). Минеральный и химический состав их формовочных масс демонстрирует как сходство, так и различие исследованных сосудов (табл. 2).

По составам глин можно допустить, что в сарматское время населением городища использовались прежние источники сырья. Но наряду с ними, надо полагать, активно эксплуатировался как минимум один новый.

В обоих хронологических периодах применялись относительно разнообразные рецептуры составления формовочных масс керамики при преобладании многокомпонентных. В них, как правило, использовались одни и те же искусственные примеси. Разве что в начале н.э. шамот стал несколько более востребован в качестве отощителя, хотя и песок, и дресва в целом сохранили свои позиции.

В 80 % проанализированных образцов выявлены два одинаковых набора искусственных примесей: песок + дресва и песок + дресва + шамот. В остальных случаях прослежены еще пять рецептур составления формовочных масс. Одна из них явно появилась в сарматское время, включает необычный набор примесей: песок + дресва + шамот + дробленая кость. В скифоидных сосудах (их проанализировано до полусотни с разных памятников) кость встречена пока лишь однажды в сочетании с песком и шамотом [Меркулов и др., 2021, с. 79]. Принято считать, что распространение составных рецептур с компонентами одинаковой функциональной направленности свидетельствует об усложнении состава населения и смешивании гончарных традиций [Бобринский, 1978, с. 92].

Еще одним технологическим новшеством в начале н.э. стал двойной обжиг примерно трети исследованных сосудов: сначала восстановительный, затем окислительный. Керамика скифского времени обжигалась один раз, обычно в окислительном режиме [Разуваев, Меркулов, 2024, с. 303].

Из сказанного следует, что гончарное производство сарматской эпохи, несмотря на

появление ранее неизвестных приемов, основывалось на более древней технологии.

Таким образом, сравнительный анализ керамических материалов в целом подтвердил наличие этнокультурной преемственности между двумя довольно далеко отстоящими друг от друга историческими эпохами. По современным представлениям, финал среднедонской культуры скифского времени приходится на начало III в. до н.э. [Медведев, 1999, с. 145]. Вновь многочисленные поселения, в том числе и хорошо укрепленные, появились на берегах Дона, Воронежа и некоторых их притоков на рубеже н.э. [Медведев, 2008, с. 65]. Казалось бы, налицо хронологический разрыв в два-три столетия, делающий невозможным коммуницирование разновременных социумов.

Но археологические данные постепенно его заполняют. Совсем недавно они исчерпывались лишь несколькими фрагментами античной керамики, свидетельствующими о существовании и во II в. до н.э. городищ Русская Тростянка и Волошино-1 [Пузикова, 1969, с. 80]. Но вот и на городище Чертовицкое-3 найден обломок амфоры второй половины III – II в. до н.э. [Медведев, 1998, с. 46]. На расположенном у с. Ксизово городище выявлены фортификации II–I вв. до н.э. [Разуваев, 2011, с. 226], а на примыкающем к нему селище – синхронные им вещи [Обломский, 2018, с. 53, 55].

Разумеется, этническая история Подонья в конце I тыс. до н.э. не была спокойной. Миграционные процессы здесь вполне отчетливо отражают и погребения раннесарматского облика, и так называемые странные комплексы [Медведев, 2008, с. 16–21]. Тем не менее не вызывает сомнений, что какие-то группы оседлого населения продолжали обитать на благодатных для жизни территориях и в период относительного запустения донской лесостепи. Они-то и были тем этническим субстратом, который обеспечил передачу традиций керамического производства.

ПРИМЕЧАНИЕ

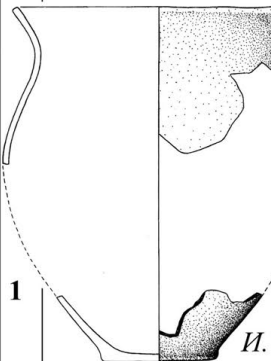
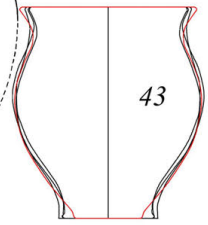
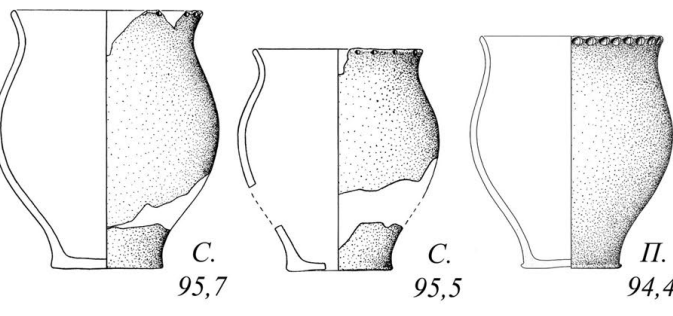
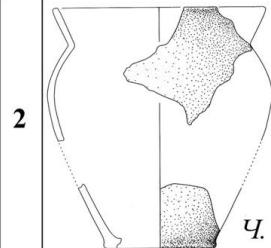
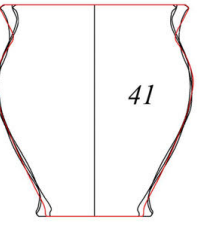
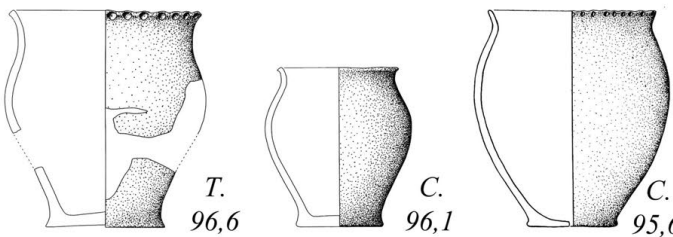
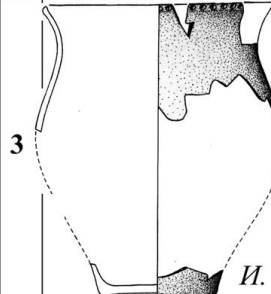
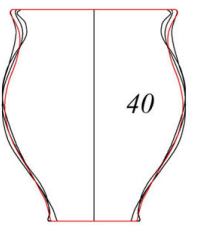
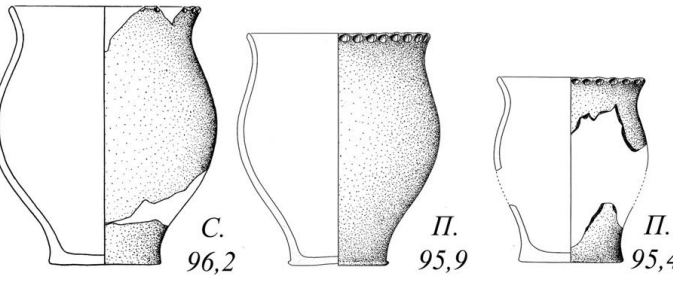
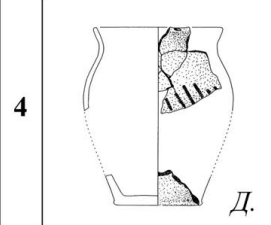
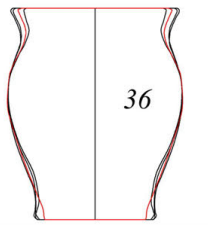
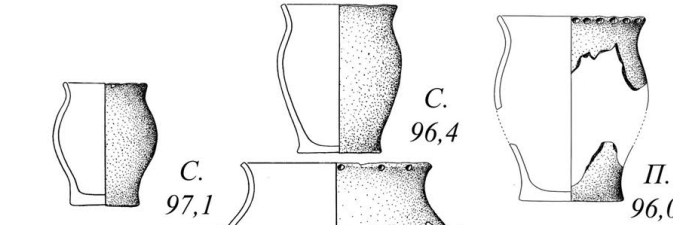
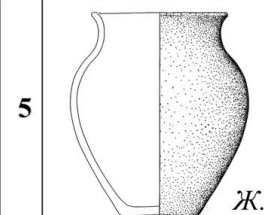
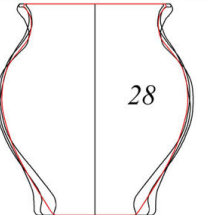
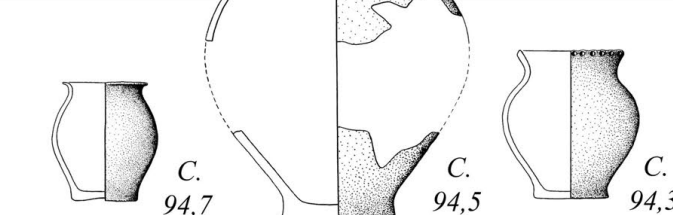
¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00030, <https://rscf.ru/project/23-28-00030/>

The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project no. 23-28-00030, <https://rscf.ru/project/23-28-00030/>

ПРИЛОЖЕНИЯ

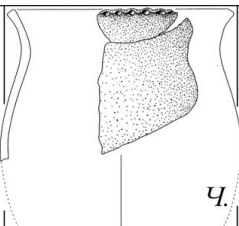
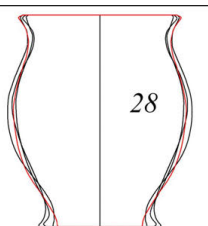
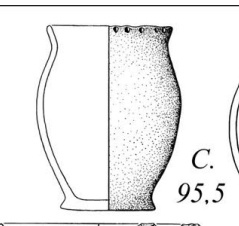
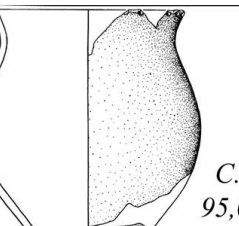
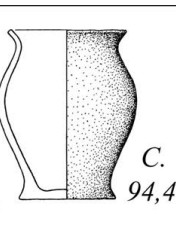
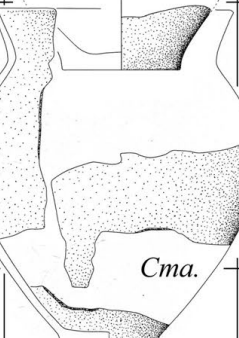
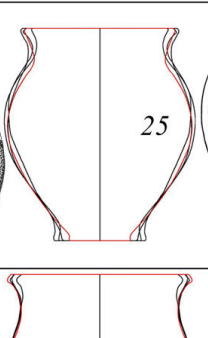
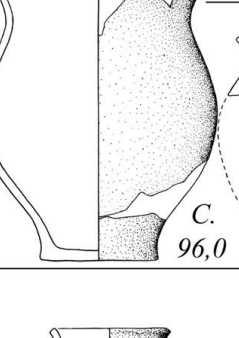
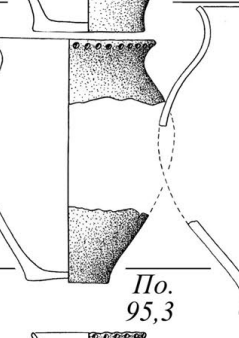
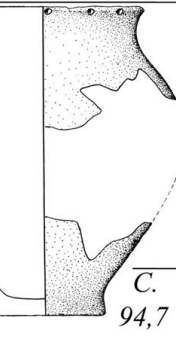
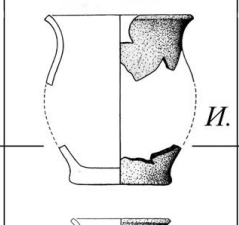
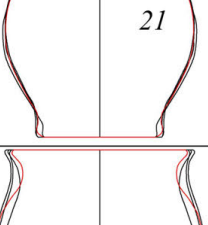
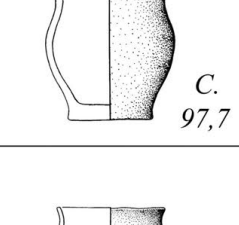
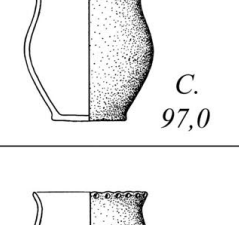
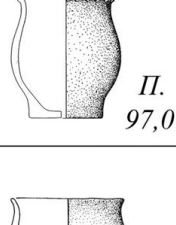
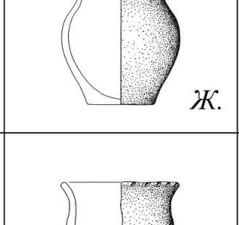
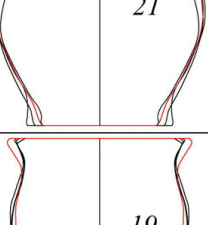
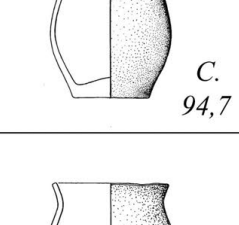
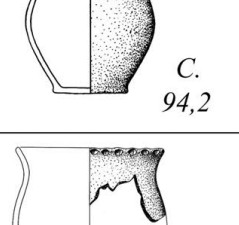
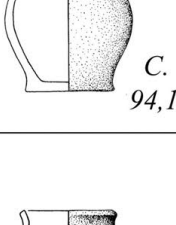
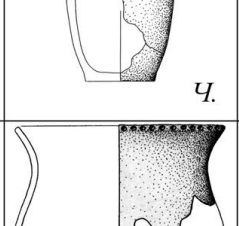
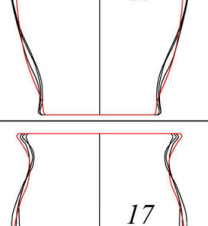
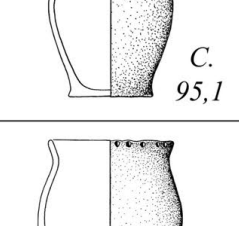
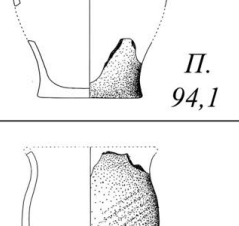
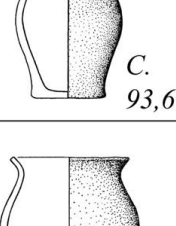
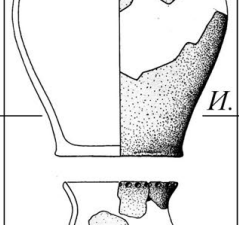
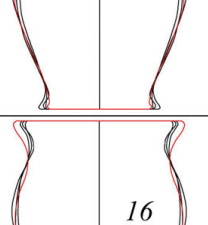
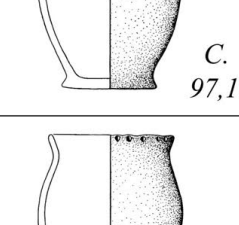
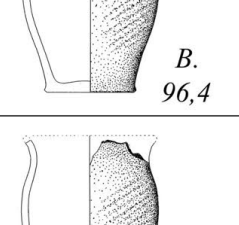
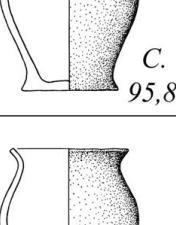
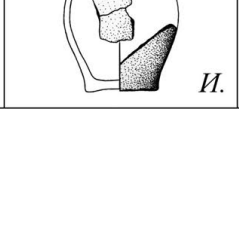
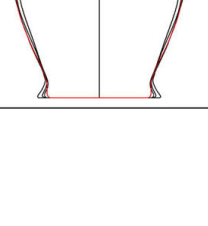
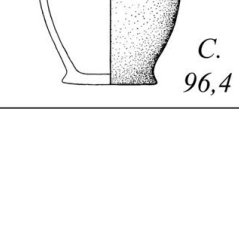
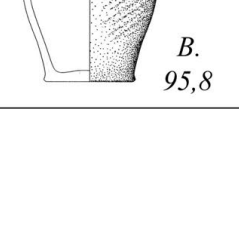
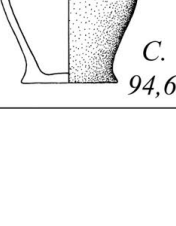
Таблица 1. Результаты сопоставления керамических сосудов сарматской и скифской эпох

Table 1. Results of comparison of ceramic vessels of the Sarmatian and Scythian periods

№	Сосуды сарматского времени	Нормированные по высоте профилировки, кол-во аналогий с коэффициентом сходства ≥ 90	Сосуды скифоидной культуры с максимальными значениями коэффициента сходства
1	 И.	 43	 С. 95,7 С. 95,5 П. 94,4
2	 Ч.	 41	 Т. 96,6 С. 96,1 С. 95,6
3	 И.	 40	 С. 96,2 П. 95,9 П. 95,4
4	 Д.	 36	 С. 97,1 С. 96,4 П. 96,0
5	 Ж.	 28	 С. 94,7 С. 94,5 С. 94,3

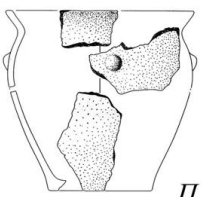
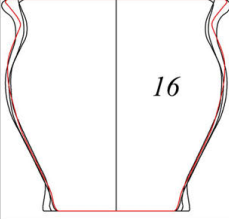
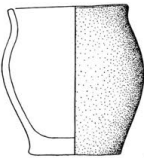
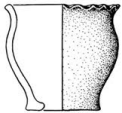
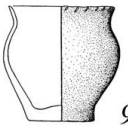
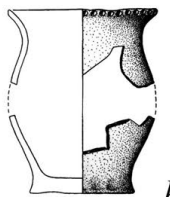
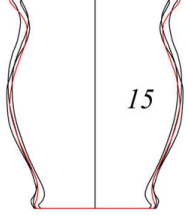
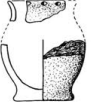
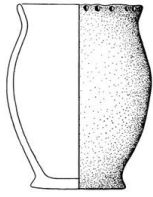
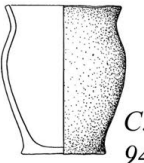
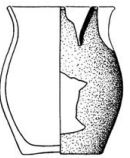
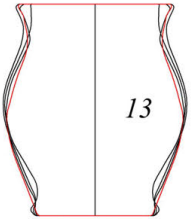
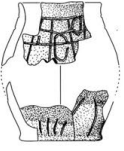
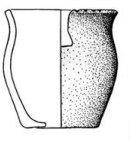
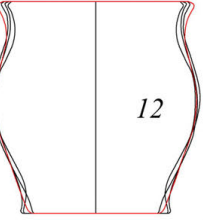
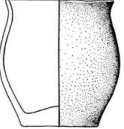
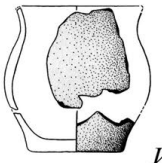
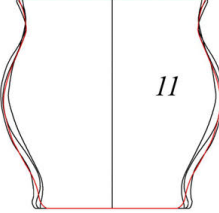
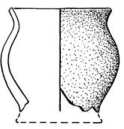
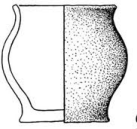
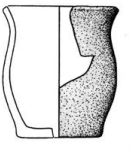
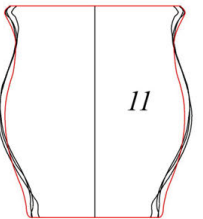
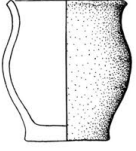
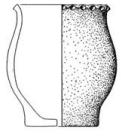
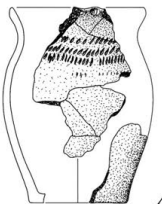
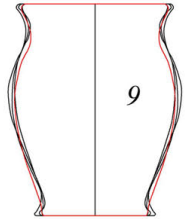
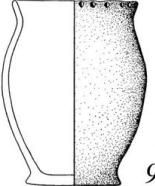
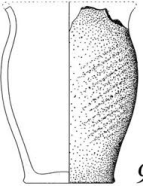
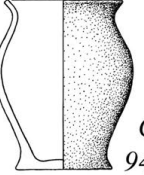
Продолжение таблицы 1

Continuation of Table 1

6					
7					
8					
9					
10					
11					
12					

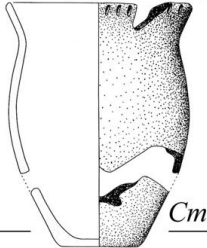
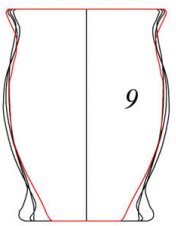
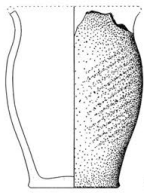
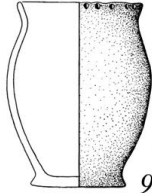
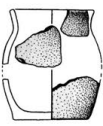
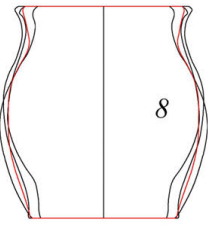
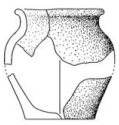
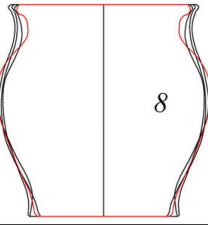
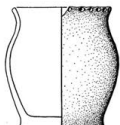
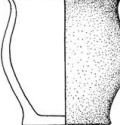
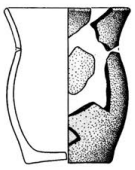
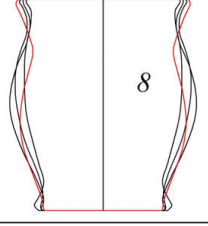
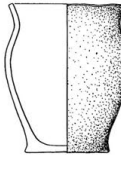
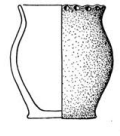
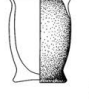
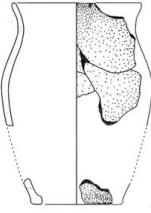
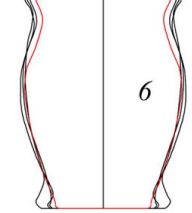
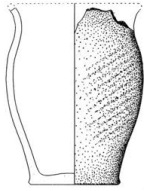
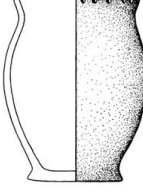
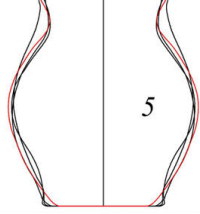
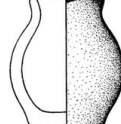
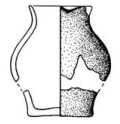
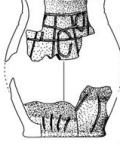
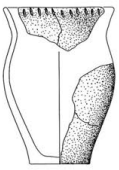
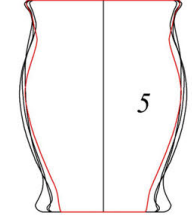
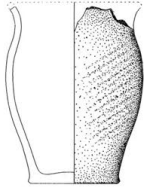
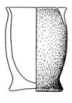
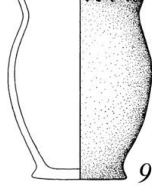
Продолжение таблицы 1

Continuation of Table 1

13	 П.	 16	 С. 95,2	 С. 95,0	 С. 94,0
14	 И.	 15	 С. 95,2	 С. 95,0	 С. 94,9
15	 И.	 13	 П. 95,2	 С. 94,5	 С. 93,6
16	 И.	 12	 С. 96,4	 С. 95,7	 С. 95,6
17	 И.	 11	 С. 96,5	 С. 95,9	 С. 93,6
18	 И.	 11	 С. 94,1	 П. 93,2	 С. 92,9
19	 А.	 9	 С. 96,2	 В. 95,5	 С. 94,4

Продолжение таблицы 1

Continuation of Table 1

20	 <i>Ст.</i>	 9	 <i>В.</i> 95,1	 <i>П.</i> 93,1	 <i>С.</i> 92,1
21	 <i>И.</i>	 8	 <i>С.</i> 93,6	 <i>П.</i> 92,6	 <i>С.</i> 91,8
22	 <i>Ч.</i>	 8	 <i>С.</i> 94,8	 <i>С.</i> 94,3	 <i>С.</i> 94,0
23	 <i>И.</i>	 8	 <i>С.</i> 92,3	 <i>С.</i> 90,9	 <i>П.</i> 90,7
24	 <i>Д.</i>	 6	 <i>В.</i> 94,6	 <i>С.</i> 93,5	 <i>П.</i> 93,5
25	 <i>Ж.</i>	 5	 <i>С.</i> 95,9	 <i>С.</i> 93,0	 <i>П.</i> 92,4
26	 <i>Ч.</i>	 5	 <i>В.</i> 93,5	 <i>П.</i> 91,9	 <i>С.</i> 91,0

Окончание таблицы 1

End of Table 1

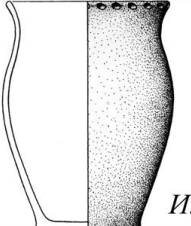
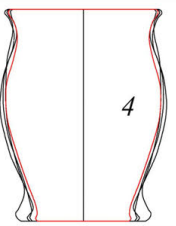
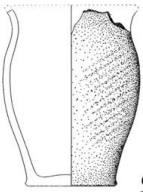
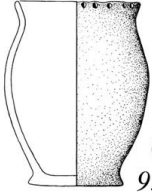
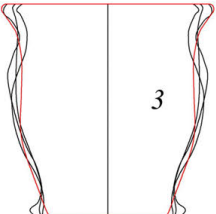
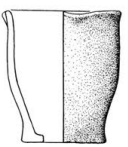
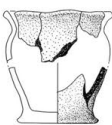
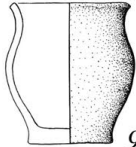
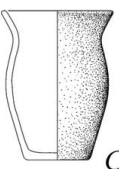
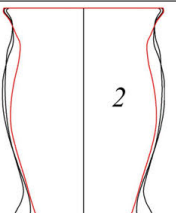
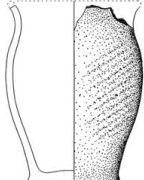
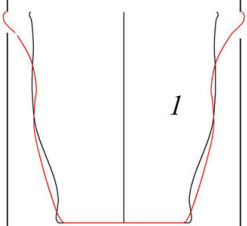
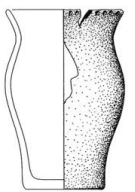
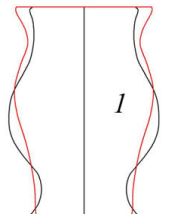
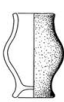
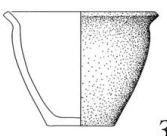
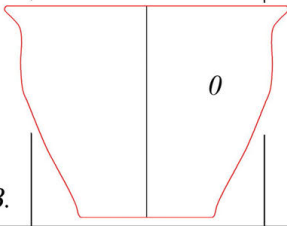
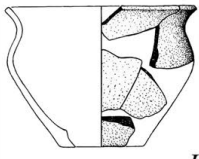
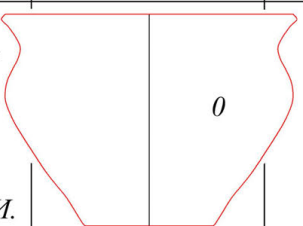
27			 В. 95,1	 П. 93,6	 С. 93,5
28	 Ч.		 С. 93,4	 П. 91,5	 С. 91,0
29	 Сыр.		 В. 92,5	 П. 90,6	
30	 И.		 С. 90,1		
31	 Н.		 К. 90,4		
32	 3.		СОКРАЩЕНИЯ Городища: А. – Александровка, В. – Верхнее Казачье, Д. – Дубики, Ж. – Животинное, И. – Ишутино, К. – Каменка, Н. – Нижний Воргол, П. – Пекшево, С. – Семилуки, Сыр. – Сырское, Ч. – Чертовичское-3. Поселения: З. – Замятино-14, По. – Подгорное-3, Ст. – Ставицкое, Ста. – Стаево-10, Т. – Титчиха-2. 0 10 см —————		
33	 И.				

Таблица 2. Состав глины и искусственные примеси в формовочных массах лепной керамики с городища у с. Верхнее Казачье

Table 2. Composition of clay and artificial impurities in the molding masses of stucco ceramics from the settlement near the village of Verhneye Kazachye

Состав глины, искусственные примеси	Скифское время		Сарматское время	
	кол-во	%	кол-во	%
Состав глины				
Гидроглинистый	1	5	2	10
Смектиновый	5	25	7	35
Смектит-гидроглинистый	–	–	6	30
Хлоритовый	5	25	3	15
Хлорит-гидроглинистый	4	20	2	10
Хлорит-смектиновый	5	25	–	–
<i>Всего</i>	20	100	20	100
Состав искусственных примесей				
Песок	–	–	1	5
Дресва	3	15	–	–
Шамот	1	5	–	–
Песок + дресва	8	40	2	10
Дресва + шамот	–	–	1	5
Песок + дресва + шамот	8	40	13	65
Песок + дресва + шамот + кость	–	–	3	15
<i>Всего</i>	20	100	20	100
Частота встречаемости искусственных примесей				
Песок	16	80	19	95
Дресва	19	95	19	95
Шамот	9	45	17	85
Кость	–	–	3	15

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бирюков И. Е., 2001. Среднее течение р. Воронеж в первые века н.э. // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк : ЛГПУ. С. 89–108.
- Бирюков И. Е., 2020. Позднескифский горизонт в лесостепи от Днепра до Волги // Археологическое наследие. № 1 (3). С. 393–403.
- Бирюков И. Е., Бессуднов А. Н., 2006. Поселение сарматского времени в районе Острой Луки Дона // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. Воронеж : ВГПУ. С. 156–163.
- Бирюков И. Е., Разуваев Ю. Д., 2009. Поселение скифо-сарматского времени у с. Каменка на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 4. Липецк : ЛГПУ. С. 137–152.
- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М. : Наука. 272 с.
- Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства : коллектив. моногр. Самара : Изд-во СамГПУ. С. 5–109.
- Либеров П. Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ. Вып. Д1-31. М. : Наука. 110 с.
- Медведев А. П., 1990. Сарматы и лесостепь (По материалам Подонья). Воронеж : ВГУ. 220 с.
- Медведев А. П., 1998. III Чертовицкое городище (материалы 1-й половины I тыс. н.э.) // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж : ВГУ. С. 42–84.
- Медведев А. П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М. : Наука. 160 с.
- Медведев А. П., 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. М. : Таус. 252 с.
- Меркулов А. Н., Разуваев Ю. Д., Кулькова М. А., 2021. К изучению технологии изготовления среднедонской керамики скифского времени // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология». № 1. С. 74–80.
- Обломский А. М., 2018. Материалы первых веков н.э. на поселениях Ксизово-17 и 19 // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья: К 25-летию Курского государственного областного музея археологии. Вып. V. Курск : Курский гос. обл. музей археологии. С. 47–80.
- Обломский А. М., 2020. Позднескифские материалы конца I тыс. до н.э. и первых веков н.э. из верховьев р. Воронеж // *Stratum plus*. № 4. С. 365–380.
- Обломский А. М., 2022. Комплекс поселений позднескифской культуры у с. Стаево в верховьях р. Воронеж во II в. до н.э. – II в. н.э. // Друзей медлительный уход... Памяти Олега Шарова. Кишинев : *Stratum plus*. С. 153–170. DOI: <http://doi.org/10.55086/SL22153170>
- Петренко В. Г., 1989. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). М. : Наука. С. 67–80.
- Пряхин А. Д., Тропин Н. А., 2008. Многослойное Воргольское городище (по данным раскопок 2007 г.) // Вестник Елецкого государственного университета. Серия «История. Археология». Вып. 22. С. 32–64.
- Пузикова А. И., 1969. Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифское время. Материалы и исследования по археологии СССР. № 151. М. : Наука. С. 41–81.
- Разуваев Ю. Д., 1987. Городище у д. Дубики // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж : ВГУ. С. 121–128.
- Разуваев Ю. Д., 1998. Иштугинское городище на Красивой Мече // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж : ВГУ. С. 85–96.
- Разуваев Ю. Д., 2011. Первые данные об укрепленных поселениях конца I тысячелетия до н.э. в лесостепном Подонье (по материалам Ксизовского городища) // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Воронеж : Научная книга. С. 219–228.
- Разуваев Ю. Д., 2012. Керамика из бытовых и погребальных комплексов Семилукского городища скифского времени // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего Средневековья (к 80-летию со дня рождения А. И. Пузиковой). Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья. Вып. IV. Курск : Курская гор. тип. С. 142–154.
- Разуваев Ю. Д., 2020. Городище у с. Верхнее Казачье: три среза скифской эпохи на Верхнем Дону // Археологическое наследие. № 1 (3). С. 209–223.

- Разуваев Ю. Д., 2022. Александровское городище на окраине г. Ельца (к вопросу о культурной преемственности в скифо-сарматское время) // Археологическое наследие. № 1 (5). С. 57–72.
- Разуваев Ю. Д., 2024. Керамические комплексы донских поселений городецкой и скифоидной культур: опыт сравнительного анализа // Уфимский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 397–406. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.024>
- Разуваев Ю. Д., Меркулов А. Н., 2024. Керамические комплексы скифо-сарматского времени с верхнедонского городища у с. Верхнее Казачье (опыт микроморфологического сравнения) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 274. С. 296–313. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.274.296-313>
- Шнирельман В. А., 1990. Керамика как этнический показатель: некоторые вопросы теории в свете этноархеологических данных // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 201. С. 49–56.

REFERENCES

- Biryukov I.E., 2001. Srednee techenie r. Voronezh v pervye veka n.e. [The Average Course of the River Voronezh in the First Centuries AD]. *Verhnedonskoy arheologicheskij sbornik* [Upper Don Region Archaeological Collection], iss. 2. Lipetsk, LSPU, pp. 89–108.
- Biryukov I.E., 2020. Pozdneskifskiy gorizont v lesostepi ot Dnepra do Volgi [Late Skif Horizon in the Forest Party from the Dnieper to the Volga]. *Arkheologicheskoe nasledie* [Archaeological Heritage], no. 1 (3), pp. 393–403.
- Biryukov I.E., Bessudnov A.N., 2006. Poseleniye sarmatskogo vremeni v rayone Ostroy Luki Dona [The Settlement of Sarmatian Time in the Area of the Acute Luke of Don]. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Yevropy* [Archaeological Monuments of Eastern Europe], iss. 12. Voronezh, VSPU, pp. 156–163.
- Biryukov I.E., Razuvaev Yu.D., 2009. Poseleniye skifo-sarmatskogo vremeni u s. Kamenka na Verkhnem Donu [Settlement of the Scythian-Sarmatian Period near the Village of Kamenka on the Upper Don]. *Verhnedonskoy arheologicheskij sbornik* [Upper Don Region Archaeological Collection], iss. 4. Lipetsk, LSPU, pp. 137–152.
- Bobrinsky A.A., 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Yevropy: istochniki i metody izucheniya* [Pottery of Eastern Europe: Sources and Methods of Study]. Moscow, Nauka Publ. 272 p.
- Bobrinsky A.A., 1999. Goncharnaya tekhnologiya kak obyekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery Technology as an Object of Historical and Cultural Study]. *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Actual Problems of Studying Ancient Pottery]. Samara, SamSPU, pp. 5–109.
- Liberov P.D., 1965. *Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu* [Scythian-Time Sites in Middle Don Region]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. 11–31. Moscow, Nauka Publ. 110 p.
- Medvedev A.P., 1990. *Sarmaty i lesostep' (Po materialam Podon'ya)* [Sarmatians and Forest-Steppe (Based on Materials from Podonye)]. Voronezh, VGU. 220 p.
- Medvedev A.P., 1998. III Chertovitskoe gorodishche (materialy 1-oy poloviny I tys. n.e.) [III Chertovitskoe Hillfort (Materials of the 1st Half of the 1st Millennium AD)]. *Arheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi* [Archaeology of the Eastern European Forest-Steppe], iss. 12. Voronezh, VSU, pp. 42–84.
- Medvedev A.P., 1999. *Ranniy zheleznyy vek lesostepnogo Podonya. Arkheologiya i etnokulturnaya istoriya Itysyacheletiya do n.e.* [The Early Iron Age of the Forest-Steppe Don Region. Archaeology and Ethnocultural History of the 1st Millennium BC]. Moscow, Nauka Publ. 160 p.
- Medvedev A.P., 2008. *Sarmaty v verhov'yah Tanaisa* [Sarmatians in the Upper Reaches of the Tanais]. Moscow, Taus Publ. 252 p.
- Merkulov A.N., Razuvaev Yu.D., Kulkova M.A., 2021. K izucheniyu tekhnologii izgotovleniya srednedonskoy keramiki skifskogo vremeni [On the Study of the Technology of Manufacturing Middle Don Ceramics of the Scythian Period]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya»* [Proceedings of Voronezh State University. Series “History. Political Science. Sociology”], no. 1, pp. 74–80.
- Oblomskiy A.M., 2018. Materialy pervykh vekov n.e. na poseleniyakh Ksizovo-17 i 19 [Materials of the First Centuries AD at the Settlements of Ksizovo-17 and 19]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo Levoberezh'ya: K 25-letiyu Kurskogo gosudarstvennogo oblastnogo muzeya arkheologii* [Materials and Research on the Archaeology of the Dnieper Left Bank: on the 25th Anniversary of the Kursk State Regional Museum of Archeology], iss. V. Kursk, Kursk State Regional Museum of Archeology, pp. 47–80.

- Oblomskiy A.M., 2020. Pozdneskifskie materialy kontsa I tys. do n.e. i pervykh vekov n.e. iz verkhov'yev r. Voronezh [Late Scythian Materials of the End of the 1st Millennium BC and the First Centuries AD from the Upper Reaches of the River Voronezh]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 365-380.
- Oblomskiy A.M., 2022. Kompleks poseleniy pozdneskifskoy kul'tury u s. Stayevo v verkhov'yakh r. Voronezh vo II v. do n.e. – II v. n.e. [The Complex of Settlements of the Late Scythian Culture near Village Staev in the Upper Reaches of the Voronezh River in the 2nd Century BC – 2nd Century AD]. *Druzey medlitel'nyy ukhod... Pamyati Olega Sharova* [The Footsteps of my Friends Leaving... Ad Memoriam Oleg Sharov]. Kishinev, Stratum plus, pp. 153-170. DOI: <http://doi.org/10.55086/SL22153170>
- Petrenko V.G., 1989. Lokal'nye gruppy skifoobraznoy kul'tury lesostepi Vostochnoy Yevropy [Local Groups of the Scythian Culture of the Forest-Steppe of Eastern Europe]. *Stepi yevropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya (Arkheologiya SSSR)* [Steppes of the European Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Time. Archaeology of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., pp. 67-80.
- Pryakhin A.D., Tropin N.A., 2008. Mnogosloynoye Vorgol'skoye gorodishche (po dannym raskopok 2007 g.) [The Multilayer Vorgolsk Hillfort (According to Excavations 2007)]. *Vestnik Yeletskego gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Arkheologiya»* [Bulletin of the Yelets State University. Series "History. Archeology"], iss. 22, pp. 32-64.
- Puzikova A.I., 1969. Poseleniya Srednego Dona [Settlements of the Middle Don]. *Naselenie Srednego Dona v skifskoe vremya. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [The Population of the Middle Don in Scythian Time. Materials and Research on Archaeology of the USSR], no. 151. Moscow, Nauka Publ., pp. 41-81.
- Razuvaev Yu.D., 1987. Gorodishche u d. Dubiki [The Hillfort near the Village of Dubiki]. *Arkheologicheskiye pamyatniki epokhi zheleza vostochnoyevropeyskoy lesostepi* [Archaeological Monuments of the Iron Age of the East European Forest Steppe]. Voronezh, VSU, pp. 121-128.
- Razuvaev Yu.D., 1998. Ishutinskoye gorodishche na Krasivoy Meche [Ishutinskoye Hillfort on the Krasivaya Mecha River]. *Arheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi* [Archaeology of the Eastern European Forest-Steppe], iss. 12. Voronezh, VSU, pp. 85-96.
- Razuvaev Yu.D., 2011. Pervye dannye ob ukreplennykh poseleniyakh kontsa I tysyacheletiya do n.e. v lesostepnom Podon'ye (po materialam Ksizovskogo gorodishcha) [The First Data on the Fortified Settlements of the End of the 1st Millennium BC in the Don Forest-Steppe (Based on the Materials of the Ksizovo Hillfort)]. *Vostochnoyevropeyskiye drevnosti skifskoy epokhi* [East European Antiquities of the Scythian Era]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., pp. 219-228.
- Razuvaev Yu.D., 2012. Keramika iz bytovykh i pogrebal'nykh kompleksov Semilukskogo gorodishcha skifskogo vremeni [Ceramics from Household and Burial Complexes of the Semiluksky Hillfort of the Scythian Period]. *Drevnosti Dneprovskogo Levoberezh'ya ot kamennogo veka do pozdnego srednevekov'ya (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya A.I. Puzikovoy). Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo levoberezh'ya* [Antiquities of the Dnieper Left Bank from the Stone Age to the Late Middle Ages (to the 80th Anniversary of the Birth of A.I. Puzikova). Materials and Research on the Archeology of the Dnieper Left Bank], iss. 4. Kursk, Kurskaya gor. tip., pp. 142-154.
- Razuvaev Yu.D., 2020. Gorodishche u s. Verhneye Kazachye: tri sreza skifskoy epokhi na Verhnem Donu [The Hillfort near the Village of Verkhnee Kazachye: Three Sections of the Scythian Era in the Upper Don]. *Arkheologicheskoye nasledie* [Archaeological Heritage], no. 1 (3), pp. 209-223.
- Razuvaev Yu.D., 2022. Aleksandrovskoye gorodishche na okraine g. Yel'tsa (k voprosu o kul'turnoy preymstvennosti v skifo-sarmatskoye vremya) [Alexandrovskoye Hillfort on the Outskirts of Yelets (on the Question of Cultural Continuity in the Scythian-Sarmatian Period)]. *Arkheologicheskoye nasledie* [Archaeological Heritage], no. 1 (5), pp. 57-72.
- Razuvaev Yu.D., 2024. Keramicheskie komplekсы donskih poseleniy gorodetskoy i skifoidnoy kul'tur: opyt sravnitel'nogo analiza [Ceramic Complexes of the Don Settlements of Gorodets and Scythoid Cultures: Experience of Comparative Analysis]. *Ufimskiy arheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Herald], vol. 24, no. 2, pp. 397-406. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.024>
- Razuvaev Yu.D., Merkulov A.N., 2024. Keramicheskie komplekсы skifo-sarmatskogo vremeni s verkhnedonskogo gorodishcha u s. Verkhneye Kazachye (opyt mikromorfologicheskogo sravneniya) [Scythian-Sarmatian Ceramic Assemblages from the Upper Don Hillfort near the Village of Verkhnee Kazachye (Experience of Micromorphological Comparison)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief

Communications of the Institute of Archaeology], iss. 274, pp. 296-313. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.274.296-313>

Shnirelman V.A., 1990. Keramika kak etnicheskiy pokazatel': nekotorye voprosy teorii v svete etnoarkheologicheskikh dannykh [Ceramics as an Ethnic Indicator: Some Questions of Theory in the Light of Ethnoarchaeological Data]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 201, pp. 49-56.

Information About the Author

Yuriy D. Razuvaev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History, Voronezh State Pedagogical University, Lenina St, 86, 394043 Voronezh, Russian Federation, razuvaevyd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4865-3206>

Информация об авторе

Юрий Дмитриевич Разуваев, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, 394043 г. Воронеж, Российская Федерация, razuvaevyd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4865-3206>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.3>

UDC 903

LBC 63.4(2)

Submitted: 20.01.2025

Accepted: 17.03.2025

POTTERY COMPLEX FROM THE UPPER DON FORTIFIED SETTLEMENTS OF THE SARMATIAN PERIOD

Alexander O. Golyshkin

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

Aleksandr P. Medvedev

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the pottery from Upper Don fortified settlements of the Sarmatian period (1st – mid-3rd centuries AD). In addition to fibulae, buckles, mirrors, and jewelry, an important archaeological marker of the Upper Don fortified settlements is represented by gray clay pottery ware similar to Sarmatian grave goods. There are about 2,800 pottery units found in the cultural layer and buildings: 50 whole and 2,750 fragments, which make it possible to determine the vessel type. The authors have developed a typology based on upper profile parts of vessels and divided the pottery into four groups with different origins: 1. Gray clay pottery ware (dishes, jars, and large pots) typically referred to as ‘Sarmatian’, although it was more likely made in the Maeotian or Northern Caucasian manner; 2. Fragments of Greek amphorae; 3. Sarmatian handmade ware – both domestic (pots) and ritual (censers); 4. Local handmade ware (absolutely dominated the cultural layer of the settlements). The local handmade ware is significantly different from Sarmatian ware both in its shape and technology. It includes three main pot types demonstrating the preservation of the Scythian period ware-making traditions. There are some considerable changes in the ornamentation of vessel rims, with mainly oblique incisions. The authors note that the cultural layers of Upper Don fortified settlements contain many covers with hollow handles – a phenomenon characteristic of the southern East European cultures dating back to the first centuries AD. They also draw attention not only to various correlations of pottery and handmade ware in the cultural layers of fortified settlements but also to the distinction of handmade ware sets from some sites. In general, the pottery complex from the Upper Don fortified settlements reflects the ethnocultural situation on the northern fringes of Sarmatia, which formed as a result of the Sarmatians’ interactions with various groups of local sedentary populations.

Key words: Upper Don, fortified settlements, Middle and Late Sarmatian cultures, pottery, typology.

Citation. Golyshkin A.O., Medvedev A.P., 2025. Keramicheskiy kompleks verhnedonskih gorodishch sarmatskogo vremeni [Pottery Complex from the Upper Don Fortified Settlements of the Sarmatian Period]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 2, pp. 40-55. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.3>

УДК 903

ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 20.01.2025

Дата принятия статьи: 17.03.2025

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ВЕРХНЕДОНСКИХ ГОРОДИЩ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Александр Олегович Голышкин

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Александр Павлович Медведев

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется керамика городищ сарматского времени на Верхнем Дону I – середины III в. н.э. Важным археологическим маркером верхнедонских городищ, помимо фибул, пряжек,

зеркал, украшений, служат находки гончарной сероглиняной керамики, аналогичной инвентарю сарматских погребений. Из культурного слоя и построек учтено около 2 800 единиц керамики: 50 целых и 2 750 фрагментов, позволяющих определить тип сосудов. Разработана типология по верхним профильным частям сосудов. Выделены четыре группы керамики, различные по своему происхождению: 1) гончарная сероглиняная посуда (миски, кувшины, корчаги), которую принято называть сарматской, хотя по производству она скорее являлась меотской или северокавказской; 2) фрагменты античных амфор; 3) лепная сарматская посуда, как бытовая (горшки), так и ритуальная (курильницы); 4) лепная посуда местного производства (абсолютно преобладала в слое городищ). Местная лепная керамика существенно отличается от сарматской как по форме, так и технологическим особенностям. Среди нее выделяются три основных типа горшков, в которых налицо сохранение керамических традиций предшествующего скифского времени. Существенные изменения наблюдаются в орнаментации венчиков сосудов преимущественно косыми насечками. Отмечается широкое распространение в слоях верхнедонских городищ крышек с поллой ручкой – явления, характерного для культур юга Восточной Европы первых веков н.э. Обращается внимание не только на различное соотношение в слоях городищ гончарной и лепной керамики, но и на своеобразие набора лепной посуды на отдельных памятниках. Керамический комплекс верхнедонских городищ в целом отражает этнокультурную ситуацию на северной периферии Сарматии, сложившуюся в результате взаимодействия сарматов с различными группами местного оседлого населения.

Ключевые слова: Верхний Дон, городища, средне- и позднесарматская культуры, керамика, типология.

Цитирование. Гольшукин А. О., Медведев А. П., 2025. Керамический комплекс верхнедонских городищ сарматского времени // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 40–55. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.3>

Городища первых веков н.э. на Верхнем Дону систематически изучаются с рубежа 1980–1990-х годов. Открытие этой группы памятников было бы невозможно без предварительного изучения керамического комплекса курганных могильников сарматского времени, прежде всего, круговой сероглиняной посуды [Медведев, 1987]. Изначально ее находки выступали основным индикатором при выявлении городищ и поселений первых веков н.э. Затем, по мере исследования верхнедонских памятников, добавилась лепная посуда местного производства из культурного слоя и построек.

В статье излагаются основные результаты анализа керамического комплекса городищ сарматского времени Верхнего Дона (рис. 1). Для его изучения привлечены коллекции восьми памятников (пять на р. Воронеж и три на Дону), хотя в этом регионе учтено более 20 городищ, датирующихся I–III вв. н.э. Не останавливаясь специально на вопросах хронологии, укажем на особенно важные хроноиндикаторы верхнедонских городищ сарматского времени: бронзовые шарнирные и лучковые фибулы (рис. 2,1–3), бронзовые и железные пряжки с неподвижным и подвижным языками (рис. 2,4–5), браслеты (рис. 2,6) и подвески-колокольчики (рис. 2,7), зеркала (рис. 2,8–10), различные типы стеклянных бус

(рис. 2,11–18), в том числе с металлической прокладкой (рис. 2,19), из египетского фаянса (рис. 2,20), бронзовые (рис. 2,23), золотые (рис. 2,24) пронизки, а также глиняные пряслица, как плоские (рис. 2,25), так и усеченно-конической формы (рис. 2,26).

Важным археологическим маркером верхнедонских городищ и поселений сарматского времени являются находки фрагментов сероглиняной и лепной керамики, имеющей точные аналоги в инвентаре сарматских погребений, в частности, в чертовицких могильниках. На городищах целые и реконструируемые сосуды встречались редко – не более 50 экз. Абсолютно преобладали фрагменты сосудов – 2 745 экз., особенно лепных – 2 440 экз. Учитывались только верхние профильные части, которые позволяли определить тип сосуда исходя из аналогий, известных по целым формам в инвентаре синхронных сарматских могильников.

Типология керамики сарматского времени лесостепного Дона была разработана А.П. Медведевым на основании изучения целых форм сосудов из курганных могильников. Отталкиваясь от этой типологии, он классифицировал керамику из слоя сарматского времени III Чертовицкого городища [Медведев, 2008, с. 34–39]. Предложенный подход до сих пор используется исследователями памятников

Верхнего Подонья и соседних регионов без существенных изменений. На сегодняшний день в слоях городищ сарматского времени найдены ранее не известные типы керамики, учтенные в новой классификации.

По функциональному назначению глиняная посуда городищ разделяется на миски, кувшины, сосуды для питья, горшки, курильницы и ритуальные сосуды. Выделены четыре группы керамики, различные по своему происхождению:

1. Круговая сероглиняная керамика.
 2. Фрагменты античных амфор.
 3. Лепная сарматская посуда бытовая и ритуальная.
 4. Лепная посуда местного производства.
- Она отличается от лепной сарматской керамики как по форме, так и технологическим особенностям.

1. Круговая сероглиняная керамика. Для культурно-хронологической атрибуции верхнедонских городищ сарматского времени существенный интерес представляет первая группа посуды нижнедонского и кубанского производства. Ее принято называть сарматской, хотя по производству она скорее являлась меотской. Ее отличает характерный серый цвет сосудов, иногда их поверхность имеет хорошее лощение. Черепок в изломе обычно серый без каких-либо заметных примесей в тесте. На городища попадали прежде всего сероглиняные миски, кувшины, изредка встречались корчаги и небольшие кубышки.

Миски. В слое и постройках преобладали находки мисок с различным оформлением бортика и его края (рис. 3). Большинство мисок остросереберные. Они имеют хорошо заглаженную, иногда залащенную поверхность серого цвета. По оформлению верхней части – бортика и края венчика миски принадлежат к следующим типам:

Тип I – бортик миски прямой, его край скруглен (рис. 3,1–4). У некоторых мисок бортик не орнаментирован (рис. 3,1), но у большей части сосудов украшен двумя-тремя круговыми желобками (рис. 3,2–4).

Тип II – бортик прямой или слегка загнут внутрь, его край скруглен (рис. 3,5–6).

Тип III – бортик прямой, его край утолщен и горизонтально срезан (рис. 3,7–8).

Тип IV – бортик прямой, его край утолщен и косо срезан наружу (рис. 3,9).

Тип V – бортик прямой, его край утолщен и косо срезан внутрь (рис. 3,10).

Почти все типы остросереберных мисок, найденных на городищах, хорошо известны по сарматским погребениям I–III вв. н.э. Миски I типа, как правило, украшены желобчатым орнаментом, тогда как в чертовицких могильниках I – начала II в. н.э. встречались сосуды без такой орнаментации [Медведев, 2008, с. 35]. Миски IV типа с утолщенным и кососрезанным наружу краем бортика доминируют на III Чертовицком городище (около 35 %), хотя на других памятниках они представлены в единичных случаях. Помимо остросереберных, наблюдается небольшое количество (около 9 %) округлобоких мисок с плавным переходом тулова к устью (рис. 3,11–13). Среди них есть как открытые (рис. 3,12), так и закрытые (рис. 3,13) формы. Округлобокие миски нередко имеют лощеную поверхность. Находки подобных мисок известны в сарматских погребениях Волго-Донского междуречья [Скрипкин, 1990, рис. 18,7,10].

На городищах отмечено несколько фрагментов лепных мисок, явно подражающих круговым сероглиняным (рис. 3,15–16). Большинство из них округлобокие. Местные подражания сероглиняной керамике получают широкое распространение на Верхнем Дону в позднесарматское время.

Круговые кувшины (рис. 4,1–7). Большинство принадлежат к сероглиняным сосудам с округлым или биконическим туловом и высоким прямым или слегка расширяющимся кверху горлом, как без орнамента (рис. 4,1), так и с орнаментацией горла и верхней части тулова круговыми желобками (рис. 4,2–4). Иногда поверхность покрыта лощением. Кувшины с плавно расширяющимся неорнаментированным горлом известны по погребениям чертовицких и других сарматских могильников лесостепного Подонья [Медведев, 2008, рис. 38,1–4]. Кувшины с желобчатым орнаментом в лесостепных погребениях I – начала II в. н.э. пока не найдены. Возможно, их поступление на городища началось уже после того, как перестали использоваться чертовицкие могильники на р. Воронеж. Изредка в слое городищ попадались фрагменты так называемых пух-

логорлых кувшинов (рис. 4,3–4). У некоторых кувшинов горло имело носик-слив.

Ряд сероглиняных кувшинов выделяется своей формой и размерами. Крупный кувшин с широким раздутым туловом и узким горлом имеет зооморфную ручку (рис. 4,7). От другого двуручного кувшина или корчаги уцелели средняя часть тулова и крышка (рис. 4,8). Сосуд относится к одному из характерных типов сарматской посуды северокавказского производства [Беспалый, 2000, рис. 4,4]. Скорее всего, там же был произведен высокий двуручный кувшин с клеймом на дне в виде колеса (рис. 4,9). На одной из его ручек процарапана сарматская тамга, имеющая аналогии на гагатовом амулете из I Чертовицкого могильника [Медведев, 2008, с. 72]. Видимо, это один из самых поздних образцов сероглиняной керамики центрально-кавказского производства, найденной на Верхнем Дону.

Кубышки. На городищах небольшой серией находок представлено несколько фрагментов сероглиняных кувшинчиков без ручек с биконическим туловом и невысоким раструбовидным горлом – так называемых кубышек. Они являются одним из наиболее часто встречающихся типов сарматских сосудов I в. н.э. [Медведев, 2008, с. 37, рис. 39,5–6].

Сероглиняная круговая посуда составляет меньшую часть керамических серий верхнедонских городищ. Ее доля обычно не превышает нескольких процентов, а на городище Рябинки ее вовсе не было. На Ишутинском городище ее доля составляла более 30 %, что, скорее всего, объясняется тем, что здесь в небольшой раскоп попала постройка [Разуваев, 1998, с. 86]. На III Чертовицком городище сероглиняная посуда составляла 13,6 % керамического комплекса. Для сравнения укажем, что в расположенном по соседству I Чертовицком могильнике такая керамика представляет 46 % керамического инвентаря [Медведев, 2008, с. 34]. Никаких свидетельств местного производства круговых мисок и кувшинов на Верхнем Дону до сих пор не обнаружено. Это нижнедонской импорт или, что более вероятно, органичный компонент материальной культуры тех групп сарматов, которые с I в. н.э. приносили его в верховья Дона.

Кроме сероглиняной керамики в слое сарматского времени найдены верхняя часть

венчика (рис. 3,14) и три целых днища круговых красноглиняных тарелок на поддонах, а также единичные фрагменты краснолаковой и буrolаковой посуды античного производства.

2. Амфоры. В слое некоторых верхнедонских городищ встречались немногочисленные фрагменты античных амфор. Так, на III Чертовицком городище А.П. Абрамовым определены следующие типы: родосские 2-й половины III – II в. до н.э.; светло-глиняные с двуствольными ручками 2-й половины I в. до н.э. – 1-й половины I в. н.э.; светло-глиняные узкогорлые типа А I в. н.э. и светло-глиняные узкогорлые типа С конца I – начала II в. н.э. [Медведев, 2008, с. 71]. Находки фрагментов родосских и амфор с двуствольными ручками свидетельствуют о жизни на городище в последние века I тыс. до н.э., то есть еще до начала распространения здесь собственно сарматского керамического комплекса. По-видимому, к этому горизонту относится горло светло-глиняной амфоры с Сырского городища типа СIII, датированного концом I в. до н.э. – первой третью I в. н.э. [Внуков, 2003, с. 202]. Исключительная редкость находок позднеэллинистических амфор указывает на то, что в тот момент жизнь на поселении еле теплилась, а торговые связи с античным миром были сведены почти к нулю. Фрагменты сероглиняных узкогорлых амфор типов А и С относятся ко времени поступления сюда сероглиняной круговой керамики нижнедонского и кубанского производства, когда на городищах начинает отчетливо ощущаться присутствие сарматов.

3. Лепная сарматская посуда по функциональному назначению делится на бытовую и ритуальную. Первая категория немногочисленна (16 ед.) и представлена несколькими целыми горшками небольших размеров. Они имеют хорошо выраженную шейку и тулово яйцевидной (рис. 5,1), округлой (рис. 5,2,5–6) или грушевидной (рис. 5,3–4) формы. Поверхность некоторых из них покрыта лощением (рис. 5,1,4). Им известны достоверные аналоги из сарматских степных и лесостепных погребений первых веков н.э. [Скрипкин, 1990, рис. 46; Медведев, 2008, с. 37–38]. Такая керамика могла попасть на верхнедонские городища от сарматов (или через сарматов).

Находки лепных ритуальных сосудов также немногочисленны (22 экз.), но весьма по-

казательны для определения этнокультурной принадлежности верхнедонских городищ сарматского времени. Они представлены курильницами двух типов и «вазочками». В постройке 3 III Чертовицкого городища и верхнем слое Пекшевского городища встречены фрагменты двух массивных сарматских ребристых курильниц (рис. 5,7,8). Помимо них найден фрагмент малой курильницы баночной формы с отверстием в стенке (рис. 5,9) [Медведев, 2008, с. 38].

В ритуальных целях могли использоваться небольшие «вазочки» конической формы на полом поддоне – 22 экз. (рис. 5,10–12). Внутри иногда сохранялись следы нагара. Некоторые из них покрыты орнаментом в виде наколов по краю венчика (рис. 5,11) или более сложным геометрическим орнаментом (рис. 5,12). У сарматов такие сосудики часто употреблялись в качестве курильниц [Смирнов, 1973, с. 167, рис. 3, VIII]. Их находки известны в погребениях I Чертовицкого могильника [Медведев, 2008, с. 38–39]. Но на поселениях такие вазочки могли использоваться и как светильники, на что указывают следы нагара.

4. Лепная керамика местного производства. В слоях верхнедонских городищ она абсолютно доминирует – 33 целых и около 2 500 фрагментов сосудов, что составляет более 89 % керамического комплекса сарматского времени. В нем преобладают горшки, среди которых выделяются три основных типа (рис. 6, 7).

Тип I – небольшие горшочки с довольно высоким, слегка раздутым в средней части туловом и плавно отогнутым наружу венчиком (рис. 6). Его край чаще всего орнаментирован косыми насечками (рис. 6,1–2,4), реже мелкими ромбическими защипами (15,8 %) (рис. 6,3,9) или неорнаментирован (рис. 6,5–8). Внешняя поверхность сосудов серого или буро-коричневого цвета заглажена, в тесте примесь мелкого шамота и песка. Горшки этого типа составляют 17,6 % лепной посуды III Чертовицкого городища. Аналогичные сосуды встречены в сарматских захоронениях I и II Чертовицкого могильников I – начала II в. н.э. Но они не принадлежат к числу исконных сарматских форм, а восходят к керамическому комплексу скифского времени [Медведев, 1999, рис. 34]. Следует отметить, что ряд со-

судов отличается более приземистыми пропорциями и они, как правило, неорнаментированы (рис. 6,6–9). Возможно, их следует выделить в особый, более поздний вариант, известный по погребениям верхнедонских могильников II – середины III в. н.э. [Медведев, 2008, рис. 40,13–16].

Тип II – горшки средних размеров характерного S-видного профиля с плавно отогнутым наружу венчиком (рис. 7,1–2). На Иштутинском городище они абсолютно преобладают, тогда как на III Чертовицком городище составляют 16,2 % керамического комплекса. Морфологически горшки близки к наиболее распространенному типу среднедонской лепной керамики скифского времени [Разуваев, 2024, с. 400–403], но отличаются от него отсутствием характерных закраин днищ и иным оформлением венчика. Если в предыдущую эпоху они первые орнаментированы крупными пальцевыми защипами, то большинство сосудов из слоя верхнедонских городищ украшено лишь мелкими защипами, косыми насечками или без орнамента. Видимо, указанные различия носят хронологический характер.

Тип III – горшки средних и крупных размеров с прямым венчиком, расположенным под тупым углом к тулову (рис. 7,3–9). Верх сосуда имеет характерную форму короткого раструба, а изнутри, в месте соединения венчика с туловом, почти всегда подчеркнутое ребро. Венчик толстый, его верх закруглен или плоско срезан. У сосудов этого типа тулово имело вытянутую яйцевидную форму с максимальным расширением в верхней трети (рис. 7,5). Поверхность сосудов ровная, хорошо заглаженная, цвет преимущественно серый. В тесте имеется много примесей шамота, дресвы, иногда «блесток» слюды. Горшки III типа составляли более 50 % лепной посуды из слоя III Чертовицкого городища. По характеру орнаментации венчиков горшки этого типа распределяются на три варианта:

а) с косыми насечками – 51,2 % (рис. 7,4,8);

б) с мелкими ромбическими защипами – 23 % (рис. 7,3,6);

в) без орнамента – 25,8 % (рис. 7,5,9).

Анализ стратиграфического распределения по типам орнаментации показал, что в

верхнем слое резко возрастает число горшков без орнамента и уменьшается количество сосудов, украшенных косыми насечками и мелкими зацепками.

Горшки III типа ранее на лесостепных поселениях практически не встречались, если не учитывать единичные находки [Либеров, 1965, табл. 7, 14, 22–24]. Сейчас можно утверждать, что эта форма сосудов нехарактерна для поселений скифского времени и, наоборот, она доминирует на многих городищах первых веков н.э. не только в Подонье, но и в Левобережье Днепра. Считать ее по происхождению позднескифской в узком смысле не представляется возможным, так как этот тип не доминировал на позднескифских городищах Крыма и Нижнего Поднепровья. Скорее всего, он складывается в последние века I тыс. до н.э. после ухода с территории Среднего Дона части уцелевшего населения в более северные районы лесостепи под влиянием сарматской угрозы, когда трансформируются многие традиционные элементы скифоидной культуры [Медведев, 2008, с. 105–107]. В сложившемся виде эти горшки представлены на лесостепных городищах только с рубежа н.э. вместе с сероглиняной керамикой и другими вещами (фибулы, зеркала, бусы) среднесарматской культуры.

Горшкам принадлежали лепные крышки, большинство из которых найдено во фрагментах – 172 экз. (рис. 5, 13–14). Они изготовле-

ны из того же теста, что и горшки. Почти все крышки имели полую ручку. Отметим, что в слоях городищ скифского времени лепные крышки встречались редко. К тому же они были иной формы. Довольно широкое распространение крышек с полую ручкой – явление, характерное для культур юга Восточной Европы первых веков н.э.

Керамический комплекс верхнедонских городищ I – середины III в. н.э. по своему составу существенно отличается от керамики из слоя городищ среднедонской культуры скифского времени. Вместе с тем он находит частичные аналогии в керамическом инвентаре лесостепных сарматских могильников. Столовая посуда представлена круговой сероглиняной керамикой нижнедонского и северокавказского производства. В культурном слое городищ абсолютно преобладала кухонная лепная керамика. Хотя в ней просматривается сохранение некоторых керамических традиций скифской эпохи, по форме, орнаментации и особенно технологии изготовления она далеко не идентична последней [Разуваев, Меркулов, 2024, с. 303]. Ее своеобразие наиболее ярко проявилось в распространении горшков I и особенно III типов. В целом керамический комплекс верхнедонских городищ первых веков н.э. отражает этнокультурную ситуацию на северной периферии Сарматии, сложившуюся в результате взаимодействия сарматов с группами местного оседлого населения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

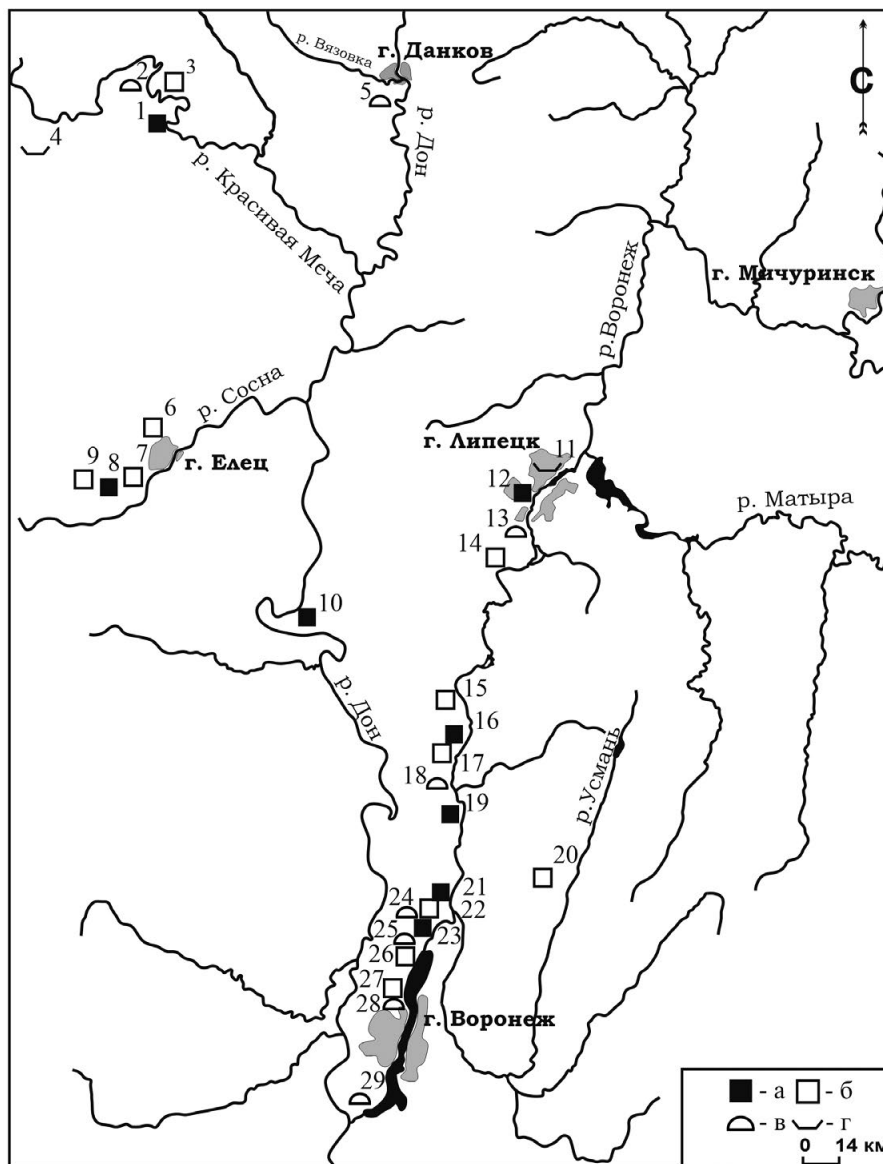

Рис. 1. Карта городищ и могильников сарматского времени на Верхнем Дону.

a – городища, с которых происходят изученные керамические коллекции; *б* – другие городища сарматского времени; *в* – курганные могильники; *г* – грунтовые погребения. 1 – Ишутино; 2 – Вязовский могильник; 3 – Дубики; 4 – Кличино; 5 – Ново-Никольский могильник; 6 – Александровка; 7 – Нижний Воргол; 8 – Пажень; 9 – Рябинки; 10 – Верхнее Казачье; 11 – могильник Петровский проезд; 12 – Сырское; 13 – Липецкий курган № 1; 14 – Малый Липяг; 15 – Вертячье; 16 – Подгорное; 17 – Манино; 18 – Писаревский могильник; 19 – Пекшево; 20 – Каверинское; 21 – Животинное; 22 – IV Чертовичское; 23 – III Чертовичское; 24 – II Чертовичский могильник; 25 – I Чертовичский могильник; 26 – I Чертовичское; 27 – Егереvский кордон; 28 – IV Белогорский могильник; 29 – могильник «Сады»

Fig. 1. Map of fortified settlements and cemeteries of the Sarmatian period in the Upper Don region:

a – fortified settlements where pottery from the studied collections was found; *б* – other fortified settlements of the Sarmatian period; *в* – cemeteries; *г* – burials without mounds. 1 – Ishutino; 2 – Vyazovka cemetery; 3 – Dubiki; 4 – Klichino; 5 – Novo-Nikolskoe cemetery; 6 – Aleksandrovska; 7 – Nizhny Vorgol; 8 – Pazhen; 9 – Ryabinki; 10 – Verhneye Kazachye; 11 – Petrovsky Proezd cemetery; 12 – Syrskoe; 13 – Lipetsk kurgan 1; 14 – Malyy Lipyag; 15 – Vertyachye; 16 – Podgornoe; 17 – Manino; 18 – Pisarevka cemetery; 19 – Pekshevo; 20 – Kaverinskoe; 21 – Zhivotinnoe; 22 – Chertovitskoe IV; 23 – Chertovitskoe III; 24 – Chertovitskoe II cemetery; 25 – Chertovitskoe I cemetery; 26 – Chertovitskoe I; 27 – Yegerevsky Kordon; 28 – Belaya Gora IV cemetery; 29 – Sady cemetery

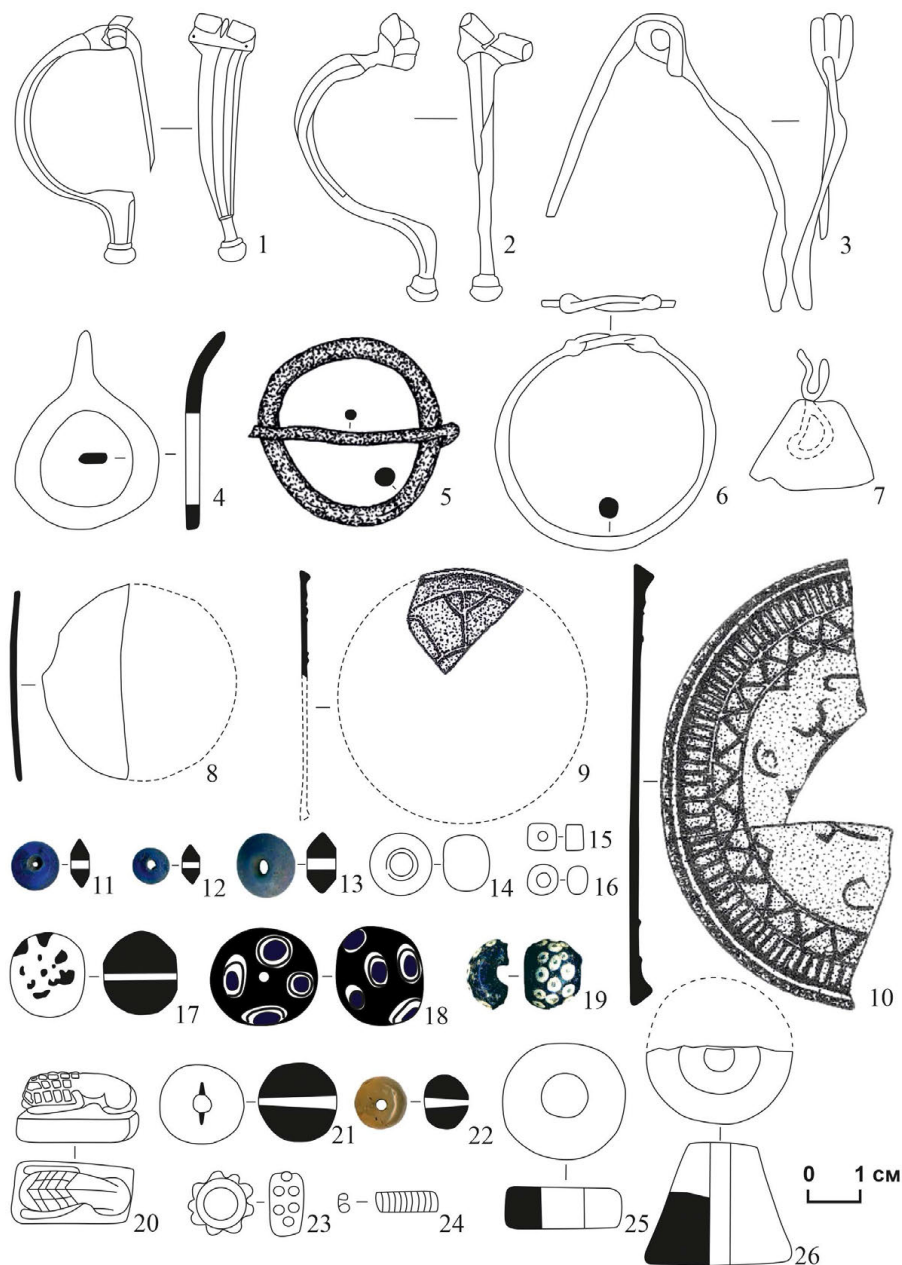

Рис. 2. Хроноиндикаторы верхнедонских городищ сарматского времени:

1, 17, 24–26 – III Чертовицкое; 2, 18 – Пажень; 3, 4, 6–8, 21 – Сырское; 5 – Александровка;
9, 10, 14, 15, 20, 23 – Иштутино; 11–13, 19, 22 – Верхнее Казачье; 16 – Малый Липяг. 1–3, 7–10, 23 – бронза;
4–6 – железо; 11–19 – стекло; 20 – фаянс; 21 – халцедон; 22 – сердолик; 24 – золото; 25, 26 – глина.
(1, 24–26 – по: [Медведев, 2008, рис. 59,2,5,11]; 2, 18 – по: [Пряхин и др., 1996, рис. 5,11,12];
3, 4, 6–8, 21 – по: [Бирюков, 2020, рис. 5,3,4,6,8–10]; 5 – по: [Разуваев, 2022а, рис. 4,2];
9, 10, 14, 15, 20, 23 – по: [Разуваев, 1998, рис. 3,6–11]; 11–13, 19, 22 – по: [Разуваев, 2022б, рис. 6,6–9,11];
16 – по: [Козмирчук, Разуваев, 2001, рис. 6,6]; 17 – по: [Медведев, 2000, рис. 10,9])

Fig. 2. Chronological indicators for the Upper Don fortified settlements of the Sarmatian period:

1, 17, 24–26 – Chertovitskoe III; 2, 18 – Pazhen; 3, 4, 6–8, 21 – Syrsкое; 5 – Aleksandrovka;
9, 10, 14, 15, 20, 23 – Ishutino; 11–13, 19, 22 – Verhneye Kazachye; 16 – Maly Lipyag. 1–3, 7–10, 23 – bronze;
4–6 – iron; 11–19 – glass; 20 – faience; 21 – chalcedony; 22 – carnelian; 24 – gold; 25, 26 – clay.
(1, 24–26 – after: [Medvedev, 2008, fig. 59,2,5,11]; 2, 18 – after: [Pryakhin et al., 1996, fig. 5,11,12];
3, 4, 6–8, 21 – after: [Biryukov, 2020, fig. 5,3,4,6,8–10]; 5 – after: [Razuvaev, 2022a, fig. 4,2];
9, 10, 14, 15, 20, 23 – after: [Razuvaev, 1998, fig. 3,6–11];
11–13, 19, 22 – after: [Razuvaev, 2022b, fig. 6,6–9,11]; 16 – after: [Kozmichuk, Razuvaev, 2001, fig. 6,6];
17 – after: [Medvedev, 2000, fig. 10,9])

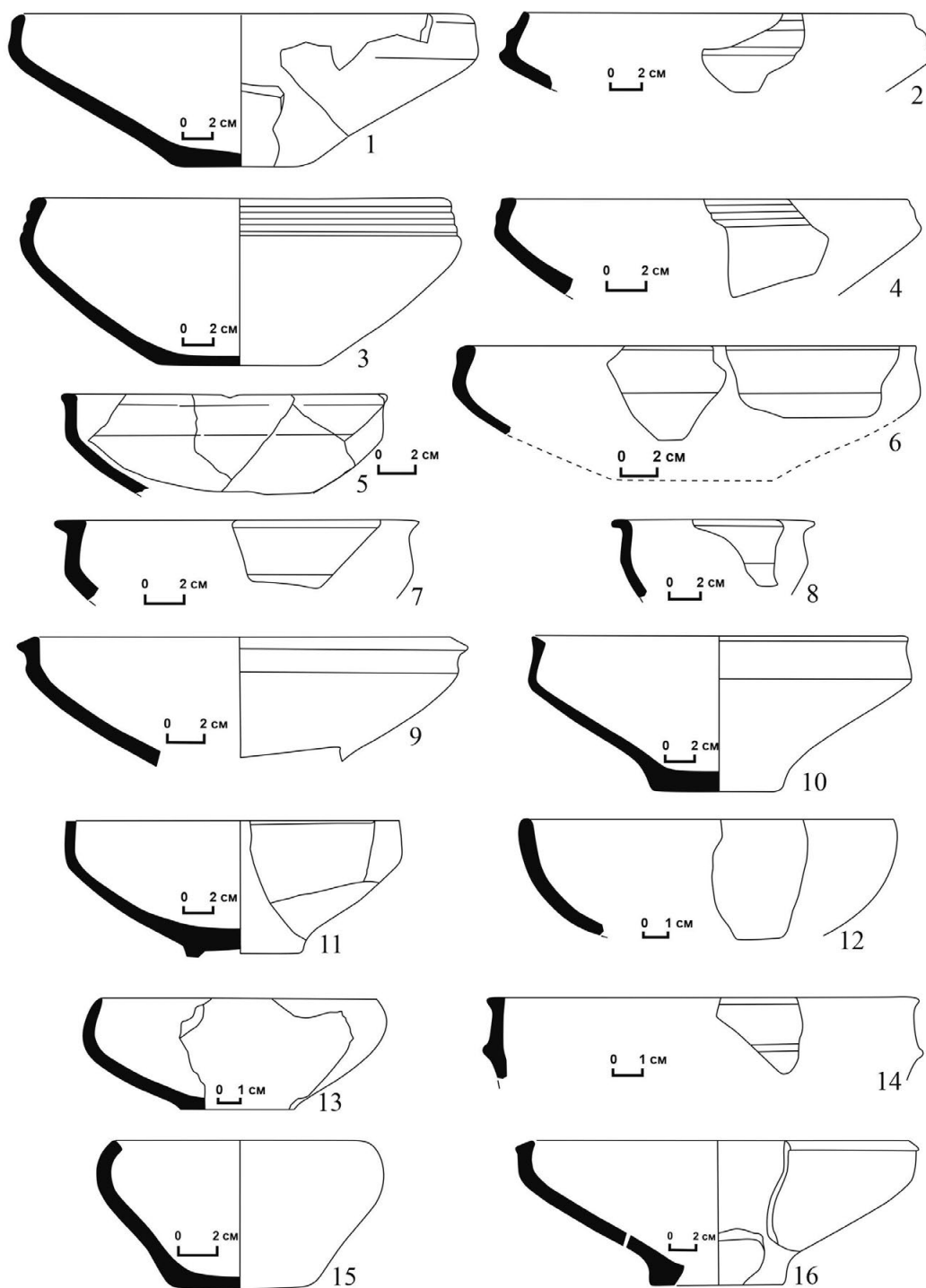

Рис. 3. Круговые и лепные миски верхнедонских городищ:

1, 3, 10, 15 – Ишутино; 2, 4, 6–8, 11, 12, 14 – III Чертовицкое; 5, 13 – Животинное; 9, 16 – Пажень.

(1, 3, 10, 15 – по: [Разуваев, 1998, рис. 5,2,4,5,8];

2, 4–8, 11–14 – по: [Медведев, 2008, рис. 58,2,4–8,11, 61,6, 62,4,7];

9, 16 – по: [Пряхин и др., 1996, рис. 5,7,9])

Fig. 3. Pottery and handmade dishes from the Upper Don fortified settlements:

1, 3, 10, 15 – Ishutino; 2, 4, 6–8, 11, 12, 14 – Chertovitskoe III; 5, 13 – Zhivotinnoe; 9, 16 – Pazhen.

(1, 3, 10, 15 – after: [Razuvaev, 1998, fig. 5,2,4,5,8];

2, 4–8, 11–14 – after: [Medvedev, 2008, fig. 58,2,4–8,11, 61,6, 62,4,7];

9, 16 – after: [Pryakhin et al., 1996, fig. 5,7,9])

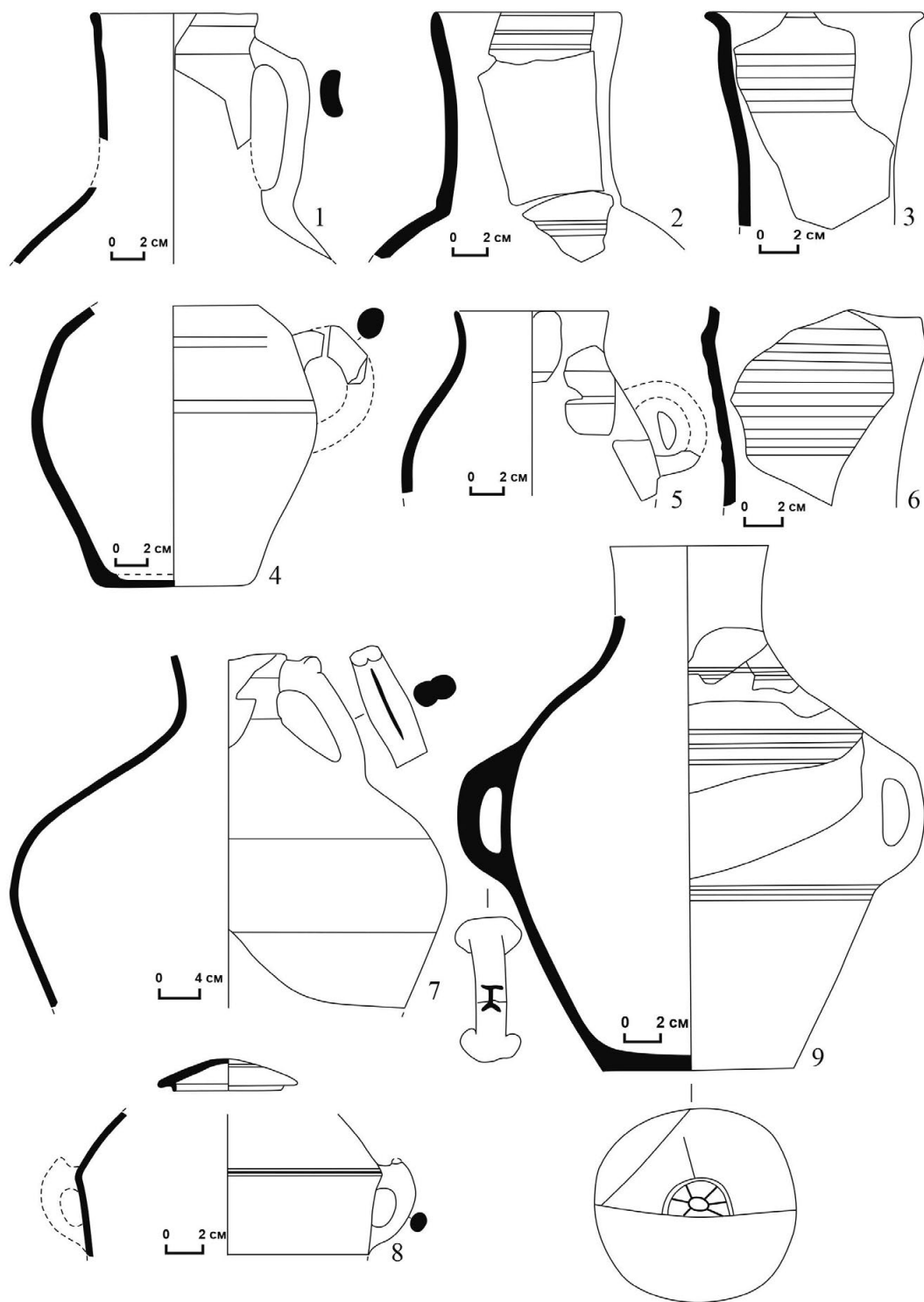

Рис. 4. Круговые кувшины верхнедонских городищ:

1, 4, 5, 7, 8 – Иштутино; 2, 6, 9 – III Чертовицкое; 3 – Подгорное. (1, 4, 5, 7, 8 – по: [Разуваев, 1998, рис. 4,1–4,9]; 2, 6, 9 – по: [Медведев, 2008, рис. 58,13,14, 60,1]; 3 – по: [Медведев, 1996, рис. 5,4])

Fig. 4. Pottery jars from the Upper Don fortified settlements:

1, 4, 5, 7, 8 – Ishutino; 2, 6, 9 – Chertovitskoe III; 3 – Podgornoe. (1, 4, 5, 7, 8 – after: [Razuvaev, 1998, fig. 4,1–4,9]; 2, 6, 9 – after: [Medvedev, 2008, fig. 58,13,14, 60,1]; 3 – after: [Medvedev, 1996, fig. 5,4])

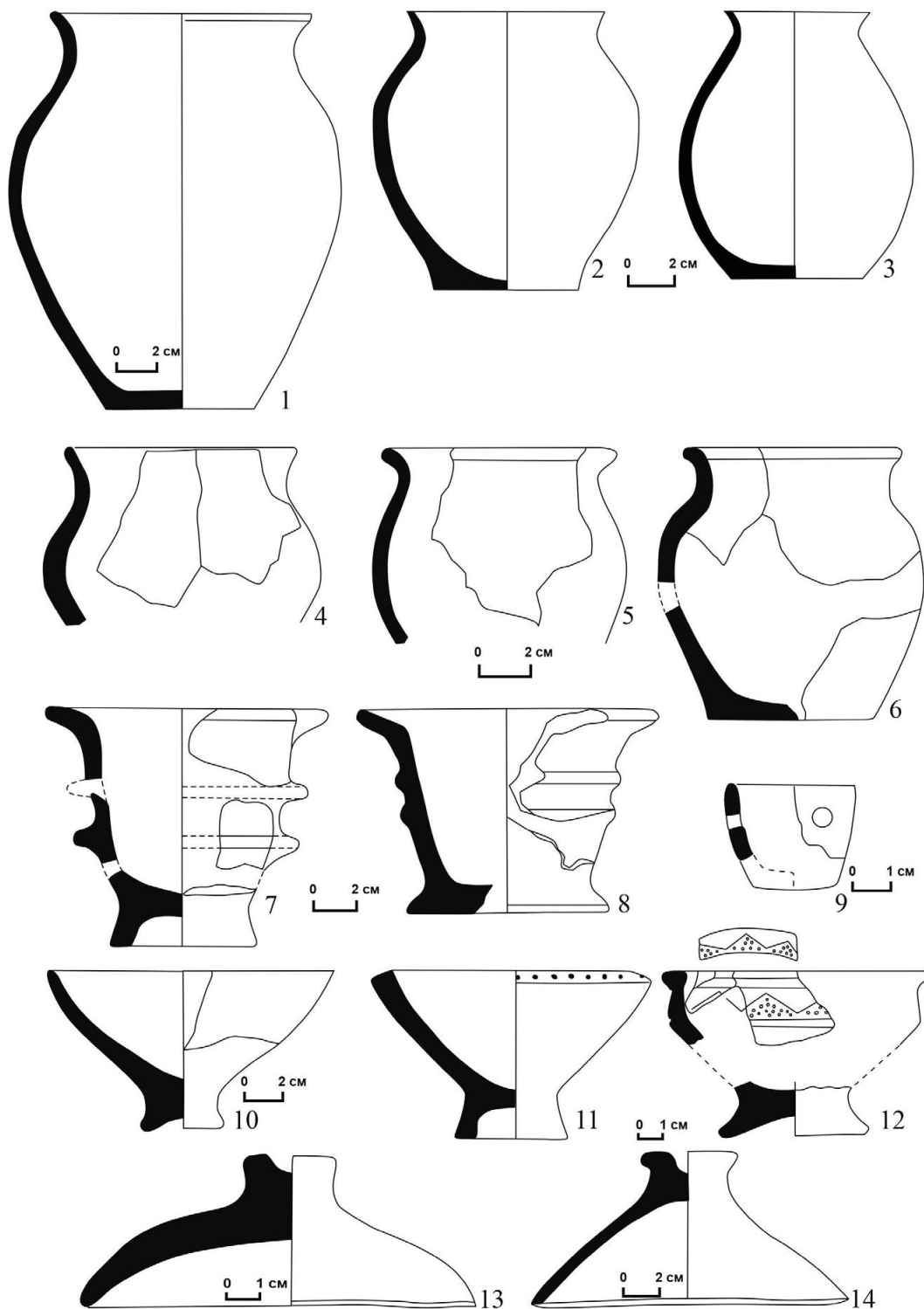

Рис. 5. Лепные сарматские горшки, ритуальные сосуды и крышки верхнедонских городищ:

1–3 – Животинное; 4–7, 9, 10, 14 – III Чертовицкое; 8 – Пекшево; 11, 12 – Сырское; 13 – Подгорное.
(1–7, 9, 10, 14 – по: [Медведев, 2008, рис. 57,10,11,13,14, 60,2,3,4, 62,1,2,11]; 8 – по: [Медведев, 1990, рис. 50,8];
11, 12 – по: [Бирюков, 1998, рис. 2,3,8]; 13 – по: [Медведев, 1996, рис. 5,3])

Fig. 5. Handmade Sarmatian pots, ritual vessels and covers from the Upper Don fortified settlements:

1–3 – Zhivotinnoe; 4–7, 9, 10, 14 – Chertovitskoe III; 8 – Pekshevo; 11, 12 – Syrskoe; 13 – Podgornoe.
(1–7, 9, 10, 14 – after: [Medvedev, 2008, fig. 57,10,11,13,14, 60,2,3,4, 62,1,2,11]; 8 – after: [Medvedev, 1990, fig. 50,8];
11, 12 – after: [Biryukov, 1998, fig. 2,3,8]; 13 – after: [Medvedev, 1996, fig. 5,3])

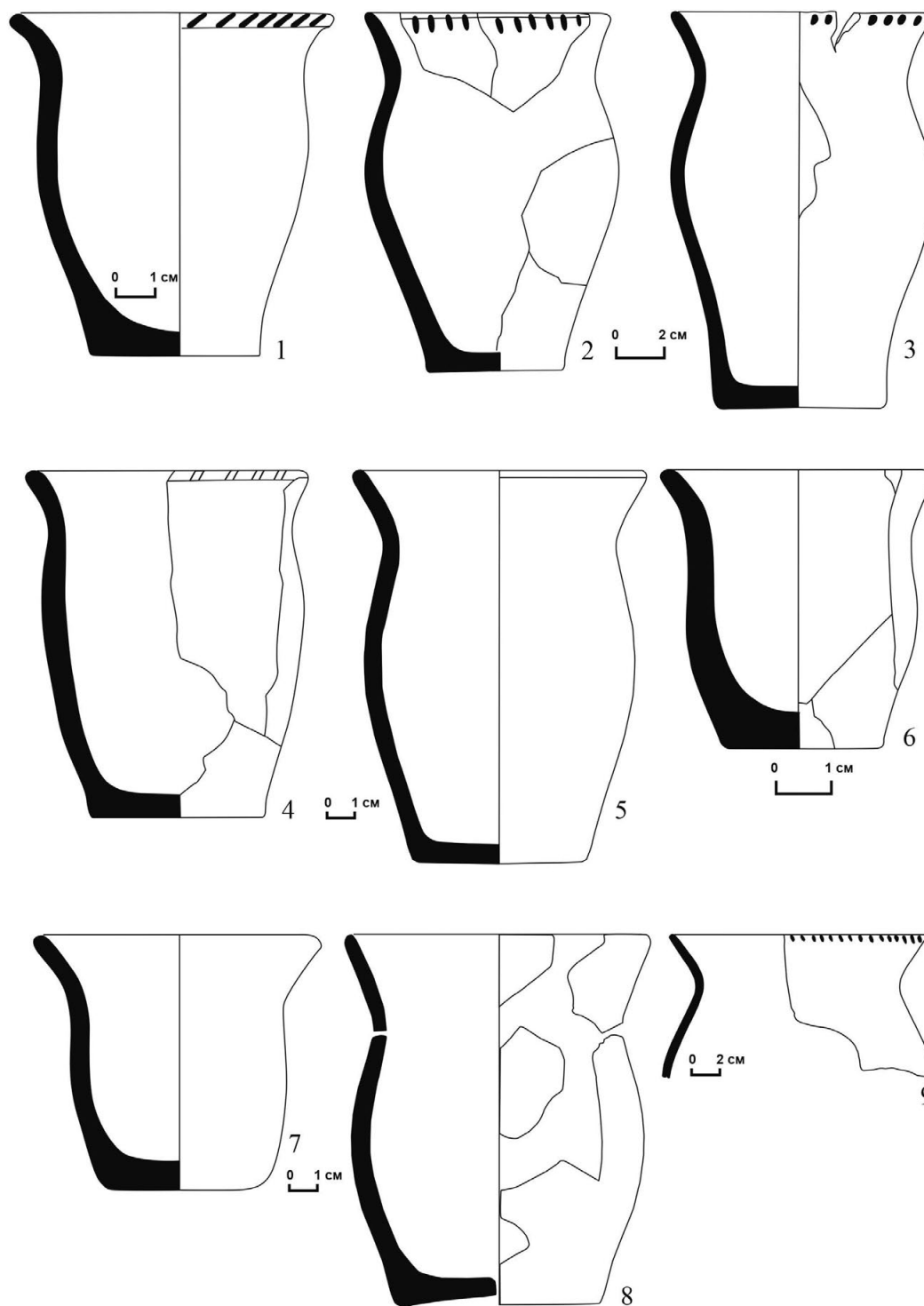

Рис. 6. Лепные горшки местного производства I типа:

1 – I Чертовикское; 2, 4, 6 – III Чертовикское; 3 – Нижний Воргол; 5, 9 – Сырское; 7, 8 – Ишутино.
(1 – по: [Медведев, 1995, рис. 22,3]; 2, 4, 6 – по: [Медведев, 2008, рис. 57,1,2,12]; 3 – по: [Пряхин, 2008, рис. 61];
5 – по: [Бирюков, 2020, рис. 2,1]; 7, 8 – по: [Разуваев, 1998, рис. 7,6, 6,10])

Fig. 6. Local hand-made pots (type 1):

1 – Chertovitskoe I; 2, 4, 6 – Chertovitskoe III; 3 – Nizhny Vorgol; 5, 9 – Syrskoe; 7, 8 – Ishutino.
(1 – after: [Medvedev, 1995, fig. 22,3]; 2, 4, 6 – after: [Medvedev, 2008, fig. 57,1,2,12]; 3 – after: [Pryakhin, 2008, fig. 61];
5 – after: [Biryukov, 2020, fig. 2,1]; 7, 8 – after: [Razuvaev, 1998, fig. 7,6, 6,10])

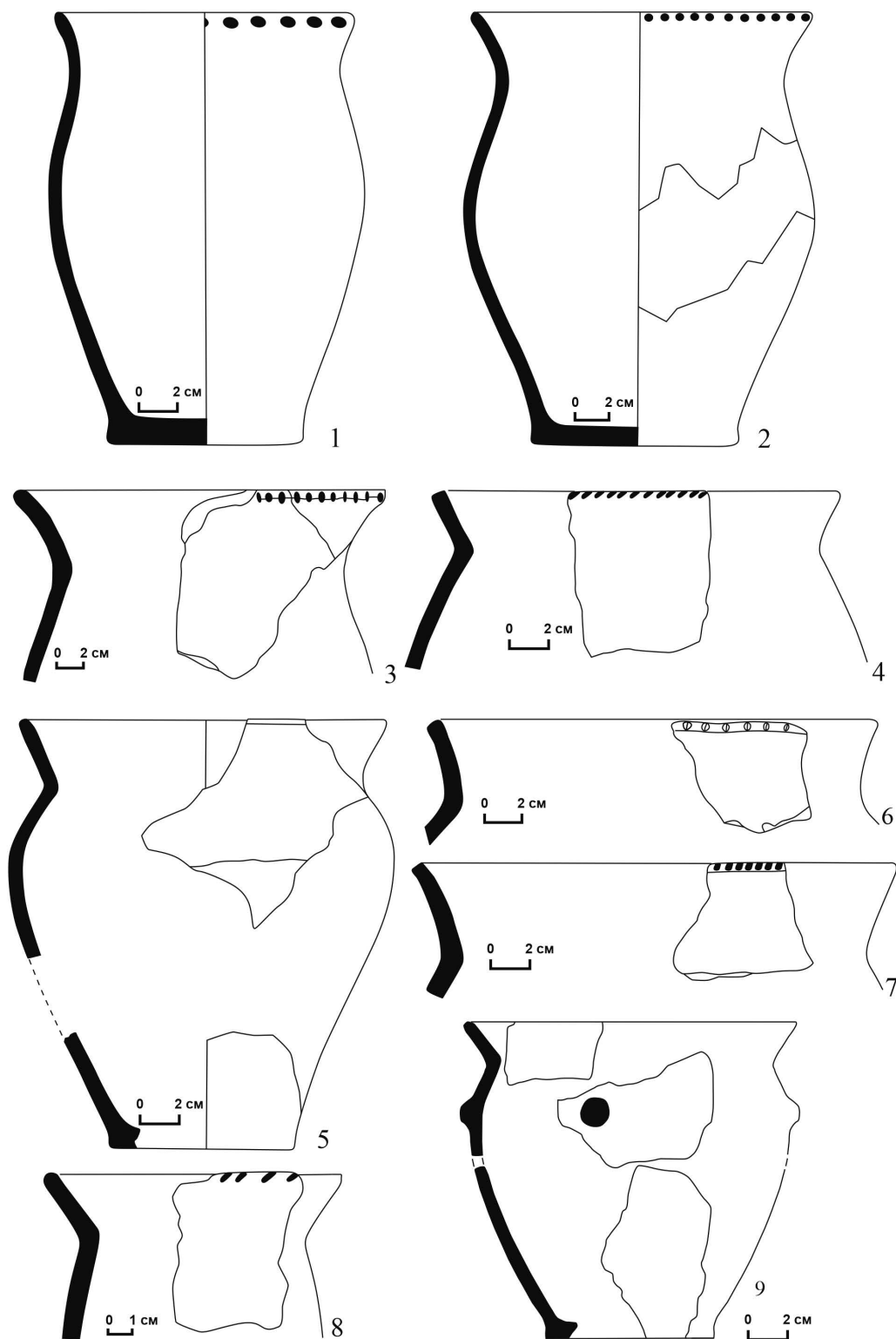

Рис. 7. Лепные горшки местного производства II и III типов:

1, 2 – Иштутино; 3 – Сырское; 4, 5, 7, 8 – III Чертовицкое; 6 – Манино; 9 – Пекшево.

(1, 2 – по: [Разуваев, 1998, рис. 7,4, 6,4]; 3 – по: [Бирюков, 2020, рис. 2,4];

4, 5, 7, 8 – по: [Медведев, 2008, рис. 57,3,4,5,7]; 9 – по: [Медведев, 1990, рис. 50,10])

Fig. 7. Locally-made handmade pots (types 2 and 3):

1, 2 – Ishutino; 3 – Syrsкое; 4, 5, 7, 8 – Chertovitskoe III; 6 – Manino; 9 – Pekshevo.

(1, 2 – after: [Razuvaev, 1998, fig. 7,4, 6,4]; 3 – after: [Biryukov, 2020, fig. 2,4];

4, 5, 7, 8 – after: [Medvedev, 2008, fig. 57,3,4,5,7]; 9 – after: [Medvedev, 1990, fig. 50,10])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беспалый Е. И., 2000. Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов н/Д : Терра. С. 156–168.
- Бирюков И. Е., 1998. Материалы сарматского времени с Сырского городища в Верхнем Подонье // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 94–100.
- Бирюков И. Е., 2020. Позднескифский горизонт в лесостепи от Днепра до Волги // Археологическое наследие. № 1 (3). С. 393–403.
- Внуков С. Ю., 2003. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М. : ИА РАН. 235 с.
- Козмирчук И. А., Разуваев Ю. Д., 2001. Городище «Малый Липяг» у с. Крутогорье на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк : Липец. гос. пед. ун-т. С. 71–88.
- Либеров П. Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ. Вып. Д1-31. М. : Наука. 110 с.
- Медведев А. П., 1987. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж : Изд-во ВГУ. С. 93–110.
- Медведев А. П., 1990. Сарматы и лесостепь. Воронеж : Изд-во ВГУ. 220 с.
- Медведев А. П., 1995. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции Воронежского университета о работах в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18670. 44 с.
- Медведев А. П., 1996. Подгоренское городище на р. Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1. Липецк : ЛГПИ. С. 111–121.
- Медведев А. П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М. : Наука. 160 с.
- Медведев А. П., 2000. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов н/Д : Терра. С. 233–255.
- Медведев А. П., 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. М. : Таус. 252 с.
- Пряхин А. Д., Разуваев Ю. Д., Цыбин М. В., 1996. Елец и его округа – уникальная историческая территория России // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1. Липецк : ЛГПИ. С. 138–156.
- Пряхин А. Д., 2008. Отчет: раскопки Воргольского городища на территории Елецкого района Липецкой области в 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 48335. 140 с.
- Разуваев Ю. Д., 1998. Ишутинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья в первой половине I тысячелетия н.э. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж : ВГУ. С. 85–96.
- Разуваев Ю. Д., 2022а. Александровское городище на окраине г. Ельца (к вопросу о культурной преемственности в скифо-сарматское время) // Археологическое наследие. № 1 (5). С. 57–72.
- Разуваев Ю. Д., 2022б. Материалы сарматской эпохи на городище у с. Верхнее Казачье близ г. Задонска // Археологическое наследие. № 1 (5). С. 73–85.
- Разуваев Ю. Д., 2024. Керамические комплексы донских поселений городецкой и скифоидной культур : опыт сравнительного анализа // Уфимский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 397–406. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.024>
- Разуваев Ю. Д., Меркулов А. Н., 2024. Керамические комплексы скифо-сарматского времени с Верхнедонского городища у с. Верхнее Казачье (опыт микроморфологического сравнения) // Краткие сообщения Института археологии. № 274. С. 296–313. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.274.296-313>
- Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во СГУ. 299 с.
- Смирнов К. Ф., 1973. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. : Наука. С. 166–179.

REFERENCES

- Bespalyy E.I., 2000. Pozdnesarmatskoe pogrebenie iz mogil'nika Vysochino V na vodorazdele mezhdru Kagal'nikom i Donom [Late Sarmatian Burial of the Vysochino V Necropolis at the Kagalnik-Don Watershed]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu. Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona* [The Sarmatians and Their Neighbours on the Don. Materials and Research on the Archeology of the Don], iss. I. Rostov-na-Donu, Terra Publ., pp. 156-168.
- Biryukov I.E., 1998. Materialy sarmatskogo vremeni s Syrskogo gorodishcha v Verhnem Podon'e [Artifacts of the Sarmatian Period from the Syrskoye Settlement in the Upper Don Region]. *Drevnosti Volgo-Donskih stepey* [Antiquities of the Volga-Don Steppes], iss. 6. Volgograd, VolSU, pp. 94-100.
- Biryukov I.E., 2020. Pozdneskifskiy gorizont v lesostepi ot Dnepra do Volgi [The Late Scythian Chronological Horizon in the Forest-Steppe from the Dnieper to the Volga]. *Arheologicheskoe nasledie* [Archaeological Heritage], no. 1 (3), pp. 393-403.
- Vnukov S.Yu., 2003. *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. (morfologiya)* [North Pontic Amphorae of 1st c. BC – 2nd c. AD (Morphology)]. Moscow, IA RAS. 235 p.
- Kozmirschuk I.A., Razuvaev Yu.D., 2001. Gorodishche «Malyy Lipyag» u s. Krutogorye na Verhnem Donu [Hillfort “Malyy Lipyag” near Village Krutogorye on Upper Don]. *Verkhnedonskoy arkheologicheskoy sbornik* [Upper Don Archaeological Collection], iss. 2. Lipetsk, LSPU, pp. 71-88.
- Liberov P.D., 1965. *Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu* [Scythian-Time Sites in Middle Don Region]. Svod Arheologicheskikh Istochnikov, iss. 41-31. Moscow, Nauka Publ. 110 p.
- Medvedev A.P., 1987. Keramika sarmatskogo vremeni lesostepnogo Podonya [Ceramics of Sarmatian Period in Forest-Steppe Don Region]. *Arheologicheskie pamyatniki epokhi zheleza vostochnoevropeyskoy lesostepi* [Archaeological Sites of the Iron Age in East European Forest-Steppe]. Voronezh, VSU, pp. 93-110.
- Medvedev A.P., 1990. *Sarmaty i lesostep'* [Sarmatians and Forest-Steppe]. Voronezh, VSU. 220 p.
- Medvedev A.P., 1995. Otchet skifo-sarmatskogo otryada arheologicheskoy ekspeditsii Voronezhskogo universiteta o rabotah v 1994 g. [Report of the Scythian-Sarmatian Detachment of the Archaeological Expedition of the Voronezh University on Work in 1994]. *Arkhir IA RAN*, R-1, no. 18670. 44 p.
- Medvedev A.P., 1996. Podgorenskoye gorodishche na r. Voronezh [Podgorenskoye Hillfort on the River Voronezh]. *Arheologicheskiye pamyatniki lesostepnogo Pridonya* [Archaeological Monuments of the Forest-Steppe Don River Region], iss. 1. Lipetsk, LSPU, pp. 111-121.
- Medvedev A.P., 1999. *Ranniy zheleznyy vek lesostepnogo Podonya. Arkheologiya i etnokulturnaya istoriya Itysyacheletiya do n.e.* [The Early Iron Age of the Forest-Steppe Don Region. Archaeology and Ethnocultural History of the 1st Millennium BC]. Moscow, Nauka Publ. 160 p.
- Medvedev A.P., 2000. Arheologicheskie materialy o prisutstvi sarmatov na lesostepnykh gorodishchah [Archaeological Materials on the Presence of Sarmatians in Forest-Steppe Hillforts]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu. Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona* [The Sarmatians and their Neighbours on the Don. Materials and Research on the Archeology of the Don], iss. 1. Rostov-na-Donu, Terra Publ., pp. 233-255.
- Medvedev A.P., 2008. *Sarmaty v verkhovyakh Tanaisa* [Sarmatians in the Upper Reaches of the Tanais]. Moscow, Taus Publ. 252 p.
- Pryakhin A.D., Razuvaev Yu.D., Tsybin M.V., 1996. Elets i ego okrug – unikal'naya istoricheskaya territoriya Rossii [Yelets and its Vicinity – Russia's Unique Historical Territory]. *Arheologicheskiye pamyatniki lesostepnogo Pridonya* [Archaeological Monuments of the Forest-Steppe Don River Region], iss. 1. Lipetsk, LSPU, pp. 138-156.
- Pryakhin A.D., 2008. Otchet: raskopki Vorgol'skogo gorodishcha na territorii Eleckogo rayona Lipeckoy oblasti v 2007 g. [Report: Excavations of the Vorgol Settlement on the Territory of the Yelets District of the Lipetsk Region in 2007]. *Arkhir IA RAN*, R-1, no. 48335. 140 p.
- Razuvaev Yu.D., 1998. Ishutinskoye gorodishche na Krasivoy Meche [Ishutinskoye Settlement on the Krasivaya Mecha River]. *Arheologicheskie pamyatniki Verhnego Podonya v pervoy polovine I tysyacheletiya n.e. Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi* [Archaeological Sites of the Upper Don Region in the First Half of the 1st Millennium AD. Archaeology of the Eastern European Forest-Steppe], iss. 12. VSU, pp. 85-96.
- Razuvaev Yu.D., 2022a. Aleksandrovskoye gorodishche na okraine g. El'tsa (k voprosu o kul'turnoy preemstvennosti v skifo-sarmatskoye vremya) [Alexandrovskoye Settlement on the Outskirts of Yelets (on the Question of

- Cultural Continuity in the Scythian-Sarmatian Period]. *Arkheologicheskoye nasledie* [Archaeological Heritage], no. 1 (5), pp. 57-72.
- Razuvaev Yu.D., 2022b. Materialy sarmatskoy epohi na gorodishche u s. Verhnee Kazachye bliz g. Zadonska [Materials of the Sarmatian Era on the Hillfort near the Village of Verkhneye Kazachye near the City of Zadonsk]. *Arkheologicheskoye nasledie* [Archaeological Heritage], no. 1 (5), pp. 73-85.
- Razuvaev Yu.D., 2024. Keramicheskie komplekсы donskih poseleniy gorodeckoy i skifoidnoy kul'tur: opyt sravnitel'nogo analiza [Ceramic Complexes of the Don Settlements of Gorodets and Scythoid Cultures: Experience of Comparative Analysis]. *Ufimskiy arkheologicheskij vestnik* [Ufa Archaeological Herald], vol. 24, no. 2, pp. 397-406. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.024>
- Razuvaev Yu.D., Merkulov A.N., 2024. Keramicheskie komplekсы skifo-sarmatskogo vremeni s Verkhnedonskogo gorodishcha u s. Verkhnee Kazachye (opyt mikromorfologicheskogo sravneniya) [Scythian-Sarmatian Ceramic Assemblages from the Upper Don Hillfort near the Village of Verkhneye Kazachye (Experience of Micromorphological Comparison)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], no. 274, pp. 296-313. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.274.296-313
- Skripkin A.S., 1990. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskij aspekt* [Asian Sarmatia. Problems of Chronology and its Historical Aspect]. Saratov, SSU. 299 p.
- Smirnov K.F., 1973. Kurilnitsy i tualetnye sosudiki Aziatskoy Sarmatii [Censers and Toilet Vessels of Asian Sarmatia]. *Kavkaz i Vostochnaya Evropa v drevnosti* [Caucasus and Eastern Europe in Antiquity]. Moscow, Nauka Publ., pp. 166-179.

Information About the Authors

Alexander O. Golyshkin, Postgraduate Student, Department of Archaeology and Ancient History, Voronezh State University, Prosp. Moskovskiy, 88, 394052 Voronezh, Russian Federation, 11.10.48@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0075-916X>

Aleksandr P. Medvedev, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Archaeology and Ancient History, Voronezh State University, Prosp. Moskovskiy, 88, 394052 Voronezh, Russian Federation, APM1950@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5160-2816>

Информация об авторах

Александр Олегович Гольшкин, аспирант кафедры археологии и истории древнего мира, Воронежский государственный университет, просп. Московский, 88, 394052 г. Воронеж, Российская Федерация, 11.10.48@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0075-916X>

Александр Павлович Медведев, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира, Воронежский государственный университет, просп. Московский, 88, 394052 г. Воронеж, Российская Федерация, APM1950@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5160-2816>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.4>

UDC 902/904

LBC 63.4(2)

Submitted: 26.02.2025

Accepted: 17.03.2025

NON-FERROUS AND PRECIOUS METAL ITEMS FROM THE BURIALS OF THE BESLAN CATACOMB BURIAL GROUND: RESULTS OF AN ANALYTICAL STUDY¹

Irina A. Saprykina

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Andrey V. Chugaev

Institute of Geology of Ore Deposits, Petrography, Mineralogy and Geochemistry
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Dmitry S. Korobov

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Irina V. Rassokhina

Institute of Geology of Ore Deposits, Petrography, Mineralogy and Geochemistry
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The collection of non-ferrous and precious metal objects from the second and third quarters of the 4th and the second half of the 6th/early 7th centuries AD, originating from the excavations of the Beslan kurgan catacomb burial ground, was studied using the methods of XRF, SEM and MCICP-MS analysis of the Pb isotopic composition in parts of a silver belt set. In the burials of the second and third quarters of the 4th century there are objects made from high-leaded tin bronze, a multicomponent lead alloy, copper and a silver alloy of conventional 810 fineness. The burials of the second half of the 6th – 7th centuries contain objects made of silver alloy of standard 840 fineness, copper coated with gold-silver foil (lined with a low-melting alloy), high-zinc two-component brass, tin and tin-lead bronze with a high tin content. The use of white paste (SnPb) on the back of the embossed plate items of the belt set dates back to the same period. The nomenclature of metals and alloys from the Beslan burial ground, in general, does not stand out among the synchronous samples. The isotopic composition of Pb in silver parts of the belt sets showed that for the early period (4th century), the source of silver mining may be associated with the ore deposits located within the borders of the Sassanid Empire; for the late period (6th – 7th centuries), the use of scrap precious metal from several sources is typical, including the use of late Roman silver, the ore sources of which were deposits of the Carpathian region.

Key words: early medieval period, non-ferrous and precious metal products, XRF, SEM, MS-ICP-MS.

Citation. Saprykina I.A., Chugaev A.V., Korobov D.S., Rassokhina I.V., 2025. Izdeliya iz tsvetnogo i dragotsennogo metallov iz pogrebeniy Beslanskogo katakombnogo mogil'nika: rezul'taty analiticheskogo issledovaniya [Non-Ferrous and Precious Metal Items from the Burials of the Beslan Catacomb Burial Ground: Results of an Analytical Study]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 2, pp. 56-76. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.4>

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦВЕТНОГО И ДРАГОЦЕННОГО МЕТАЛЛОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ БЕСЛАНСКОГО КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Ирина Анатольевна Сапрыкина

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Андрей Владимирович Чугаев

Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН,
г. Москва, Российская Федерация

Дмитрий Сергеевич Коробов

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Ирина Владимировна Рассохина

Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Коллекция предметов из цветного и драгоценного металлов второй-третьей четверти IV – второй половины VI / начала VII в. н.э., происходящая из раскопок Бесланского курганного катакомбного могильника, изучена методами РФА, СЭМ и методом MCICP-MS анализа изотопного состава Pb в серебре деталей поясного набора. В погребениях второй-третьей четверти IV в. присутствуют предметы, выполненные из свинцово-оловянной бронзы с повышенным содержанием свинца, многокомпонентного сплава, легированного свинцом, меди и серебряного сплава условной 810-й пробы. Из погребений второй половины VI – начала VII в. происходят предметы, выполненные из серебряного сплава условной 840-й пробы, меди с покрытием из золотосеребряной фольги (на подкладке из легкоплавкого сплава), высокоцинковой двухкомпонентной латуни, оловянной и оловянно-свинцовой бронзы с повышенным содержанием олова. К этому же периоду относится и использование белой пасты (SnPb) на оборотной стороне тисненых пластинчатых предметов поясного набора. Номенклатура металлов и сплавов из Бесланского могильника в целом не выделяется среди синхронных выборок. Изотопный состав Pb в серебре деталей поясных наборов показал, что для раннего периода (IV в.) источник добычи серебра может быть связан с рудными проявлениями, расположенными в границах империи Сасанидов; для позднего периода (VI–VII вв.) характерно использование лома драгоценного металла из нескольких источников, в том числе фиксируется использование позднеримского серебра, рудными источниками которого являлись месторождения Карпатского региона.

Ключевые слова: раннесредневековое время, изделия из цветных и драгоценных металлов, РФА, СЭМ, MC-ICP-MS.

Цитирование. Сапрыкина И. А., Чугаев А. В., Коробов Д. С., Рассохина И. В., 2025. Изделия из цветного и драгоценного металлов из погребений Бесланского катакомбного могильника: результаты аналитического исследования // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 56–76. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.4>

Из раскопок 2020 г. на Бесланском курганном катакомбном могильнике второй половины II – середины VII в. н.э., расположенном на северо-западной окраине г. Беслана (Республика Северная Осетия – Алания), происходит небольшая коллекция предметов из цветного и драгоценного металлов, датируемая в пределах второй-третьей четверти IV –

второй половины VI в. н.э. [Коробов, Малашев, 2023]. Материал, происходящий из раскопок 2020 г. на Бесланском могильнике, опубликован автором исследования Д.С. Коробовым в отдельной статье, целью же данной публикации является введение в научный оборот результатов аналитического исследования, выполненного для предметов из цветного и

драгоценного металлов. Самое большое их количество (11 ед.) происходит из погребения 1 кургана 876 [Коропов, Малашев, 2023, с. 263–265], выделяются детали поясного набора, датированные И.О. Гавритухиным третьей третью VI – началом VII в. и связанные с влиянием Первого Тюркского каганата, установившего контроль на Северном Кавказе в рассматриваемый период [Гавритухин, 2023]. Этот комплекс находок, как и наконечники ремня, пряжки и украшения из курганов 874, 875 и 877 из раскопок Бесланского могильника, был изучен несколькими аналитическими методами для выяснения номенклатуры металлов и сплавов, использовавшихся для их изготовления, уточнения некоторых технических аспектов их изготовления и определения возможных ресурсных источников драгоценного металла у предметов, найденных в курганах 874–877.

Методы аналитического исследования

На приборной базе ЦКП ИА РАН проводились исследования химического состава цветного и драгоценного металлов для 17 находок из курганов 874–877 из раскопок Бесланского могильника, анализ выполнялся неразрушающим методом безэталонного РФА на портативном спектрометре 5i Tracer (Bruker). Источник возбуждения: рентгеновская трубка (мощность 4 Вт) с зеркалом из родия (Rh), напряжение 6–50 кВ, ток 4,5–195 мкА, параметр автоматической подстройки напряжения и тока под режим работы. Метод заключается в получении и обработке спектров выхода флуоресцентного излучения, возбуждаемых рентгеновским излучением. Точность получаемых данных варьируется от 0,001 до 0,01 %, при программной обработке спектров процентное содержание элементов приводится к 100 %. На точность анализа оказывает влияние степень очищенности анализируемой поверхности от сопутствующих наслоений (грязи, коррозии и т. д.), а также плотность и состав самого анализируемого объекта. Объекты анализа из выборки Бесланского могильника прошли предварительную механическую очистку на участках проведения анализа по методу РФА с помощью многофункционального инструмента Dremel 3000, в

процессе которого снималась металлическая стружка до «чистого» металла. Полученные в результате анализа данные представлены в таблице 1. Ранжирование полученных данных проведено в соответствии с классификацией металлов и сплавов, в основе которой геохимический принцип разделения легированных металлов и сплавов с содержанием легирующих компонентов от 1,0 % и выше.

Для нескольких образцов (табл. 1, 10, 13, 17) дополнительно был проведен элементный анализ методом SEM-EDS на сканирующем электронном микроскопе TESCAN VEGA Compact LMN (Чехия) с энергодисперсионным детектором Xplore 15 при ускоряющем напряжении 20 кВ и токе пучка 3 нА в режиме высокого вакуума (10^{-3} Па) (аналитик – м. н. с. Е.Я. Зубавичус²). Анализ выполнялся с целью уточнения метода золочения пряжек с корпусом из тонкой пластины из кургана 876; для калачевидной серьги из кургана 877 задачей было выявить следы золочения поверхности. Результаты представлены в таблице 2.

Изучение изотопного состава Pb в серебре 5 предметов поясного набора из погребений курганов 875 и 876 проводилось методом многоколлекторной масс-спектрометрии с ионизацией вещества в индуктивно связанной плазме (MCICP-MS) на масс-спектрометре NEPTUNE (ThermoScientific, Германия) в лаборатории изотопной геохимии и геохронологии ИГЕМ РАН. Аналитические работы по анализу изотопного состава свинца в микропробах состояли из нескольких стадий и основывались на использовании традиционных методик, адаптированных для археологических предметов из металлов [Чугаев, Чернышев, 2012]. Химическая подготовка включала разложение образца в неорганических кислотах и последующее получение препаратов свинца с помощью ионообменной хроматографии. Обработка результатов измерений проводилась с помощью программного обеспечения масс-спектрометра NEPTUNE. Нормирование измеренных изотопных отношений свинца на эффект приборной масс-дискриминации осуществлялось по опорному отношению $^{205}\text{Tl}/^{203}\text{Tl} = 2.3889$ с использованием экспоненциального закона [Чернышев и др., 2007]. Итоговая погрешность измерения изотопных отношений Pb в металле археологических

предметов, оцененная по серии ($N = 15$) параллельных анализов международного стандарта SRM 981 (NBS, США), не превышала 0,02 % ($\pm 2SD$). Результаты измерений представлены в таблице 3.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования химического состава металла (табл. 1) диагностируют присутствие в небольшой по размеру выборке предметов из курганов 874–877 Бесланского могильника следующих металлов и сплавов (рис. 1): основу составляют сплавы с драгоценными металлами (10 ед.) и тройная бронза (4 ед.), единично представлены медь, оловянная бронза, двухкомпонентная латунь, многокомпонентный и легкоплавкий сплавы.

Доминирующий в выборке сплав на основе серебра (AgCu), из которого были выполнены предметы поясного набора геральдического стиля, преимущественно штампованные³ накладки (табл. 1, 5–7, 11, 12, 14), найденные в погребении 1 кургана 876 [Коробов, Малашев, 2023, с. 264–265], относится к типу двухкомпонентного «желтого» серебра, с содержанием драгоценного металла на уровне 81,77–91,76 % (усредненное значение Ag составляет 86,5 %). Серебро, судя по полученным данным, разбавлялось медью, бронзой или цинкосодержащим сплавом. К микропримесям можно отнести зафиксированные в нем такие элементы, как мышьяк, железо, золото и висмут, а также цинк, олово и свинец, если их содержание фиксируется на уровне менее 1,0 %. Сборные части отдельных находок: кольцо с зажимом, пряжка с овальной рамкой, штампованная накладка (табл. 1, 4–7а) – оказались выполнены из низкопробного серебра (Ag 32,11–69,75 %). Содержание олова в пробе, взятой с оборотной стороны деформированной штампованной накладки (табл. 1, 6), зафиксированное на уровне 27,56 %, можно отнести к следам «белой пасты», визуальное фиксируемой на других предметах [Коробов, Малашев, 2023]. Следы «белой пасты» представляют собой сплав SnPb (табл. 1, 15), позволяющий пластинчатым изделиям держать «форму», – прием, характерный для ювелирного дела раннего Средневековья (табл. 1, 4, *циток*) (см., к примеру: [Ахмедов, Гаврилов, 2017]).

Драгоценные металлы в выборке представлены и золотом (табл. 1, 9, 10, 13): это обкладка из фольги и две геральдические пряжки с корпусом из тонкой пластины из погребения 1 кургана 876 [Коробов, Малашев, 2023, с. 264]. При визуальном обследовании обкладки из золотой фольги (условная 860-я проба) методом оптической микроскопии было сделано предположение, что фольга двусторонняя: одна сторона ее имела белый блеск, другая – желтый. Анализ по методу РФА для «белой» стороны показал незначительное увеличение содержания серебра (10,18 %) по сравнению с «желтой» (Ag 9,5 %), но это эффект превышения глубины анализа над толщиной полотна фольги. Сами пряжки были выполнены из меди (табл. 1, 10, *язычок*), как и пряжка с овальной рамкой из погребения 1 кургана 875 (табл. 1, 4); анализ обкладки по методу SEM-EDS подтвердил визуальное наблюдение – лицевая сторона пряжек из кургана 876 покрыта двусторонней Au-Ag фольгой, лежащей на «подкладке» из легкоплавкого металла (Pb/Sn) (рис. 2), закреплявшей золотосеребряную фольгу на медной основе (табл. 2).

Сплавы на основе меди представлены тройной бронзой, где по содержанию легирующих компонентов можно условно выделить две группы сплавов: в одной преобладает свинец над оловом (CuPbSn), в другой – олово над свинцом (CuSnPb). Так, бронза первой группы была использована для изготовления пряжки с овальной рамкой из погребения 1 кургана 874 и кольца с зажимом из погребения 1 кургана 875. В сплаве пряжки из кургана 874 содержание свинца достигает 12,74 %, олова – 4,44 %; сплав кольца с зажимом из кургана 875 характеризуется равными пропорциями свинца и олова (табл. 1, 2, 3). Такая бронза имеет микропримеси сурьмы, цинка, железа, серебра, мышьяка и никеля (в единичных пробах). Из сплава с повышенным содержанием олова над свинцом (CuSnPb) изготовлены скоба из погребения 1 кургана 876 и цепочка из погребения ребенка 4–5 лет, совершенного в подбое кургана 876 [Коробов и др., 2021]. Содержание олова в этих сплавах достигает 12,2 и 17,82 %, свинца – 1,38 и 1,92 % (табл. 1, 8, 16).

Оловянная бронза зафиксирована для иглы фибулы с пружиной и нижней тетивой из

погребения 1 кургана 876, где содержание олова составляет 14,97 % (табл. 1,8); микропримеси сплава – железо, цинк, серебро и свинец. Также в выборке присутствуют цинкосодержавшие сплавы: многокомпонентный сплав (CuPbSnZn), составленный, по-видимому, путем разбавления латуни свинцом (табл. 1,1), из которого отлит наконечник ремня из кургана 874; и двухкомпонентная латунь (CuZn) калачевидной серьги из погребения 1 кургана 877. Серьга имеет характерный золотистый блеск благодаря повышенному содержанию цинка в сплаве (по методу РФА 12,87 %) (табл. 1,17); золочения на поверхности методами РФА и SEM-EDS не зафиксировано, сканирующей электронной микроскопией лишь документировано большее содержание цинка (до 19,86 %) в поверхностном слое изделия вследствие коррозионных процессов (рис. 3).

Зафиксированные в выборке металлы и сплавы составляют две разные хронологические группы: из погребений второй-третьей четверти IV в. происходят предметы из свинцово-оловянной бронзы с повышенным содержанием свинца, многокомпонентного сплава, легированного свинцом, меди и серебряного сплава (условной 810-й пробы) (табл. 1,1–5). В погребениях второй половины VI – начала VII в. найдены предметы, выполненные из серебряного сплава (условной 840-й пробы), меди с покрытием из золотосеребряной фольги, высокоцинковой двухкомпонентной латуни, оловянной и оловянно-свинцовой бронзы с повышенным содержанием олова. К этому же периоду относится использование легкоплавкого сплава (с доминированием в рецептуре олова) как условного припоя («подкладка» под фольгу) или как основы для сохранения формы штампованных изделий.

Синхронных проанализированных выборок северокавказского цветного металла, которые возможно привлечь для сравнения, практически нет, за исключением нескольких опубликованных данных по химическому составу цветного металла из коллекции К.И. Ольшевского из хранения Государственного Эрмитажа [Akhmedov, 2018, p. 508, tab. 1, 2], результатов анализа состава металла коллекции V–VII вв. из раскопок Пашковского могильника и могильника Мамисондон конца VII – VIII/IX в. [Столярова, 2012, с. 125–126;

Мастыкова и др., 2016, с. 67–69]. Номенклатура металлов и сплавов, использованных при изготовлении предметов из Бесланского могильника, особенности рецептуры этих сплавов (бронзы, высоколегированные оловом или свинцом; высокоцинковая латунь; доминирование серебряных сплавов; использование техники покрытия золотосеребряной фольгой поверхности деталей поясных наборов и т. д.), в целом сопоставима с данными, полученными для выборки из Пашковского могильника [Мастыкова и др., 2016, с. 68–69], и теми данными, что удалось получить для нескольких предметов из коллекции К.И. Ольшевского. Отметим, что и выборка из могильника Мамисондон, функционировавшего с конца VII в., в целом продолжает традицию использования серебряных сплавов, высоколегированных оловом бронз и сплавов с цинком [Столярова, 2012, с. 126–127].

И.О. Гавритухин считает, что изделия из цветного и драгоценного металлов из Бесланского могильника являются продуктом скорее местных мастерских, а не импортом [Гавритухин, 2023, с. 162]; здесь, конечно, сразу возникает традиционный вопрос, связанный с источником сырья для металлообработки. Д.А. Столярова при изучении выборки из Мамисондона в качестве источника металлического сырья предложила рассматривать Садонское полиметаллическое месторождение, разрабатывавшееся, как считается, в раннесредневековое время [Ковалевская, 2004; Столярова, 2012, с. 127]. Для выборки из Пашковского могильника один из авторов данной статьи, И.А. Сапрыкина, рассматривала в качестве сырья лом драгоценного металла, добытого в римское время на рудниках Карпатского региона [Мастыкова и др., 2016, с. 68].

При работе с коллекцией из Бесланского могильника нам представилась возможность провести необходимые аналитические исследования изотопного состава Pb в серебре для 5 предметов поясного набора из погребения 1 кургана 876 (табл. 1,5,7,11,12,14) для определения наиболее вероятного источника добычи драгоценного металла. В рамках общей проблемы происхождения серебра изделий из Бесланского могильника ключевым вопросом является поступление металла из местных

источников. На территории Северного Кавказа известно несколько десятков месторождений, включая и такое крупное, как Садон, в полиметаллических рудах которых установлено повышенное содержание серебра. Как было отмечено выше, исследователи допускают возможность разработки этих месторождений в раннесредневековый период [Ковалевская, 2004]. Стоит указать, что свинцово-изотопные характеристики руд таких месторождений плохо изучены. Для них имеется ограниченное число Pb-Pb данных, которые были получены более 40 лет назад [Tuganinov, 1977]. При этом по уровню точности они существенно (почти на 2 порядка) уступают результатам современных свинцово-изотопных исследований, включая данные, представленные в настоящей работе. Как следствие, это затрудняет их использование для надежной оценки роли этих месторождений в поступлении металла на территорию Северного Кавказа в раннесредневековый период. Поэтому нами были проведены дополнительные исследования свинцово-изотопных характеристик полиметаллических руд известных крупных месторождений, принадлежащих к «садонской» группе: Садон и Джимидон. Всего изучено 6 образцов галенита; результаты представлены в таблице 4.

Pb-Pb данные. Изучение изотопного состава Pb в серебре было проведено для выборки из 5 предметов поясного набора: кольца с зажимом из погребения 1 кургана 875, датированного второй-третьей четвертью IV в. (табл. 3, *Bsl-4*), и 4 поясных накладок из погребения 1 кургана 876, датирующегося второй половиной VI – началом VII в. (табл. 3, *Bsl-1-3, 5*).

Несмотря на ограниченный объем выборки изученных изделий, они оказались неоднородны по изотопному составу Pb: значения $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$, $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ и $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ изменяются в относительно широких диапазонах от 18,621 до 18,859, от 15,659 до 15,688 и от 38,737 до 38,854, соответственно. Таким образом, различия крайних значений для указанных изотопных отношений Pb достигают 1,3, 0,18 и 0,30 %, соответственно. При этом в полученных Pb-Pb данных отчетливо проявлена дискретность в распределении изотопного состава Pb. Выделяется 2 группы предметов,

внутри которых изотопный состав Pb весьма однороден. К первой из них принадлежат 3 поясные накладки (табл. 3, *Bsl-1, 2, 5*), для которых получены совпадающие в пределах погрешности величины изотопных отношений Pb. Вторая группа включает кольцо с зажимом (табл. 3, *Bsl-4*) и полуую накладку в виде 4-лепестковой розетки (табл. 3, *Bsl-3*). Эти предметы также идентичны по изотопному составу Pb, но от предметов первой группы отличаются более высоким содержанием радиогенных изотопов ^{206}Pb , ^{207}Pb и ^{208}Pb . Обнаруженная резкая дискретность изученных предметов по изотопному составу Pb указывает на то, что металл имел разные рудные источники.

В современной российской научной литературе, посвященной проблеме происхождения изделий из драгоценных металлов раннесредневекового периода, имеется весьма ограниченный объем Pb-изотопных данных. Среди них можно отметить исследования [Сапрыкина и др., 2017; 2020], в которых рассмотрены результаты изучения изотопного состава Pb в предметах VI–VII вв. из состава кладов в Судже-Замостье (Курская область) и городища Картавцево (Тульская область). Кроме того, авторы настоящей работы располагают Pb-Pb данными в серебре поясных пряжек и накладок из Тураевского курганного могильника (III–V вв.) из хранения археологического музея КФУ ⁴ [Генинг, 1962, с. 78, рис. 31]. Последние синхронны с изученными материалами из Бесланского могильника. Таким образом, в сравнительном аспекте эти данные представляют особый интерес и приведены нами в таблице 5 и на рисунке 4. Там же для сопоставления даны результаты Pb-изотопного изучения серебряных изделий из кладов в Судже-Замостье и городище Картавцево.

Из сравнительного анализа хорошо видна упомянутая выше резкая контрастность изделий Бесланского могильника по изотопному составу Pb (прежде всего по отношению $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$) по сравнению с синхронными изделиями из Суджи-Замостья, городища Картавцево и Тураевского могильника. Если вариации изотопного отношения $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$, выраженного в величинах коэффициента вариации (v , %), в последних не превышают 0,3 %, в

то для этого же отношения в изделиях из Бесланского могильника данное значение достигает 0,7 %. Следует также отметить в целом более равномерное распределение изотопного состава Pb в изделиях из Суджи-Замостья, городища Картавцево и Тураевского могильника. Эта особенность, по-видимому, объясняется тем обстоятельством, что при их изготовлении использовался металл, полученный в результате повторной переработки (переплавления) серебряного лома, в результате которой происходила частичная гомогенизация изотопного состава Pb. В случае материала из Бесланского могильника, напротив, установлена резкая дискретность в изотопном составе Pb изделий, свидетельствующая о том, что при их изготовлении в большей степени использовался металл, не подвергавшийся многократной переработке.

Источники поступления серебра на территорию Северного Кавказа в раннесредневековый период являются одним из наиболее дискуссионных и труднорешаемых вопросов. Изученные изделия из Бесланского могильника в основном относятся ко второй половине VI – началу VII в., периоду существования Первого Тюркского каганата и активной фазы византийско-сасанидских войн, в ходе которых Кавказ – важный трансграничный регион – испытывал влияние разных центров (см.: [Кузнецов, 1992; Ковалевская, 1984; Кызласов, 1998; Rezaei, 2017; Blachford, 2022]). Соответственно, центры добычи драгоценного металла этих крупных государственных образований могли служить источником экспорта серебра на территорию Северного Кавказа. Кроме того, как было отмечено выше, не исключается возможность использования местных источников металла. Оценить возможность вовлечения местных рудных источников при изготовлении серебряных изделий из Бесланского могильника позволяют Pb-Pb данные, полученные нами для серебряносодержащих полиметаллических руд месторождений сандонской группы. Их сравнение с результатами изучения изотопного состава Pb в серебряных изделиях Бесланского могильника приведено на рисунке 5. Хорошо видно, что по изотопному составу Pb изделия из Бесланского могильника контрастно отличаются от полиметаллических руд месторождений са-

донской группы. Отсюда можно сделать вывод о том, что при изготовлении изученных изделий использовался металл, поступавший на территорию Северного Кавказа из других (удаленных) источников.

Использование привозного серебряного лома при изготовлении украшений было ранее установлено для синхронных изделий из кладов городища Картавцево и Суджи-Замостья [Сапрыкина и др., 2017; 2020]. На основе результатов изучения изотопного состава Pb было показано, что рудными источниками серебра этих изделий являлись Au-Ag эпитемальные месторождения Карпатского региона, расположенные на территории современных Румынии и Словакии. Этот регион был важной ресурсной базой для Римской империи в позднеантичный и раннесредневековый периоды. Имеющиеся многочисленные находки свидетельствуют, что в византийский период (V–VII вв. н.э.) позднеимское серебро могло циркулировать на территориях стран Ближнего Востока, включая и империю Сасанидов, Причерноморского региона и Кавказа [Mango, 1996]. В пользу вывода о том, что позднеимское серебро могло быть использовано при изготовлении предметов из Бесланского могильника, свидетельствует согласованность их изотопного состава Pb со свинцом римских (II–III вв. н.э.) денариев, происходящих с территории Боспора [Чугаев, Сапрыкина, 2022, с. 477–478] (рис. 6).

В то же время наблюдается сходство изотопного состава Pb предметов из Бесланского могильника с таковым свинцом сасанидских и омейядских дирхемов (рис. 6). Предполагается, что при изготовлении омейядских дирхемов широко использовалось сасанидское серебро [Bessard, 2020]. Достоверно неизвестно, из каких рудных источников происходило серебро в империи Сасанидов. Согласно одной из точек зрения источником серебра могли являться полиметаллические месторождения, расположенные на территории современного Ирана. Напротив, ряд исследователей допускает использование в производственных центрах империи Сасанидов и переплавленного позднеимского серебра. Этот вопрос выходит за рамки настоящего исследования. Однако согласованность изотопного состава Pb изделий из Бесланского могильника

и свинца сасанидского серебра не исключает, что металл мог импортироваться также из империи Сасанидов.

Заключение

Полученные данные, как нам представляется, позволяют уловить изменения в номенклатуре металлов и сплавов, использовавшихся для производства металлических изделий из Бесланского могильника: для предметов второй-третьей четверти IV в. н.э. зафиксировано использование бронзы и многокомпонентного сплава, дополнительно легированных свинцом, и серебра условной 810-й пробы, источник которого может быть связан с рудными проявлениями, расположенными в границах империи Сасанидов. В выборке второй половины VI – начала VII в. присутствуют высокоцинковые латуни, оловянная и оловянно-свинцовые бронзы с повышенным содержанием олова; доступность олова на данном этапе позволяла использовать его и в качестве припоя, и для заливки основы. Появление в выборке высокоцинковых латуней, олова – следствие функционирующих торговых путей, проходящих через основные регионы добычи и производства этих металлов и сплавов в Средней Азии, Кашмире и других регионах [Morton, 2019, p. 29–32]. В то же время

серебро изделий второго периода пробностью 840, по всей видимости, представляет собой лом драгоценного металла из нескольких источников, сходных с серебром второй-третьей четверти IV в. н.э. и с позднеримским серебром, рудными источниками которого являлись месторождения Карпатского региона. Этот феномен отсылает нас к сложному моменту дефицита драгоценных металлов, возникшего в позднеримское время, некоторое преодоление которого, по мнению исследователей, происходит только после 750-х гг. [Gondonneau, Guerra, 2002].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках НИОКТР № 122011200265-6.

The study was carried out within the framework of R&D no. 122011200265-6.

² Авторы выражают свою признательность Е.Я. Зубавичусу за проведенный анализ.

³ В рамках данной статьи не меняются термины, приведенные в публикации [Коробов, Малашев, 2023]. Все изделия, обозначенные термином «штампованные», изготовлены в технике тиснения на матрице.

⁴ Выражаем глубокую признательность хранителям коллекции из раскопок В.Ф. Генинга за предоставленную возможность отобрать пробы для проведения аналитического исследования.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Результаты исследования химического состава цветного и драгоценного металлов предметов из раскопок Бесланского катакомбного могильника по методу РФА

Table 1. Results of a study of the chemical composition of non-ferrous and precious metals of objects from the excavations of the Beslan catacomb burial ground using the XRF method

№ п/п	№ по описи	Паспорт	Наименование	Место отбора
1	1, с. 261	к. 874, погр. 1	наконечник ремня	—
2	3, с. 261	к. 874, погр. 1	пряжка с овальной рамкой	—
3	10, с. 263	к. 875, погр. 1	кольцо с зажимом	рамка
4	11, с. 263	к. 875, погр. 1	пряжка с овальной рамкой	щиток
5	5, с. 262	к. 875, погр. 1	кольцо с зажимом	рамка
6	11, с. 264	к. 876, погр. 1	штампованная накладка	щиток
7	16, с. 265	к. 876, погр. 1	штампованная накладка орнаментированная	оборот
7а	17, с. 265		пластина	лицевая
7б	19, с. 265		скоба	—
8	8, с. 264	к. 876, погр. 1	игла фибулы с пружиной и нижней тетивой	—
9	5, с. 264	к. 876, погр. 1	фольга двусторонняя	белая сторона
				желтая сторона
10	3, с. 264	к. 876, погр. 1	пряжка с корпусом из тонкой пластины	лицевая язычок
11	12, с. 264	к. 876, погр. 1	накладка поляя в виде 4-лепестковой розетки	—
12	13, с. 265	к. 876, погр. 1	штампованная накладка орнаментированная	—
13	10, с. 264	к. 876, погр. 1	пряжка с корпусом из тонкой пластины	лицевая
14	6, с. 264	к. 876, погр. 1	накладка или наконечник, фрагм.	—
15	б/н	к. 876, погр. 1	подкладка под изделие	—
16	2, с. 265	к. 876, погр. 2	цепочка	—
17	1, с. 266	к. 877, погр. 1	серьга калачевидная	—

Примечание. В столбце «№ по описи» нумерация дана со ссылками на публикацию: [Коробов, Малашев, 2023].

Note. In column No. according to the inventory, the numbering is given with reference to the publication: [Korobov, Malashev, 2023].

Окончание таблицы 1

End of Table 1

№ п/п	Fe	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Au	Pb	Bi	Co	Ni	Sb
1	0,22	59,14	1,63	—	0,12	2,84	—	36,05	—	—	—	—
2	0,15	82,25	0,09	—	0,16	4,44	—	12,74	—	—	—	0,17
3	0,26	94,07	0,07	0,3	0,25	2,34	—	2,52	—	—	0,03	0,16
	0,86	91,42	0,2	0,43	0,4	2,73	—	3,8	—	—	—	0,16
4	0,09	96,539	0,001	0,11	0,46	1,56	—	0,83	—	0,03	0,05	0,33
	—	28,27	0,04	—	68,14	0,94	0,37	2,24	—	—	—	—
5	0,41	16,08	0,05	0,22	81,77	—	—	1,24	0,23	—	—	—
	2,12	30,94	1,43	0,94	60,26	1,72	—	2,39	0,18	—	0,02	—
6	0,92	28,17	0,5	—	32,11	27,56	0,07	10,67	—	—	—	—
	0,22	7,01	1,74	0,36	87,09	1,57	0,71	1,09	0,21	—	—	—
7	0,49	12,62	0,66	0,05	83,89	—	1,02	1,09	0,18	—	—	—
7a	—	27,47	0,46	0,27	69,75	—	0,95	0,92	0,18	—	—	—
7б	—	86,02	0,17	—	0,23	12,2	—	1,38	—	—	—	—
8	0,15	83,78	0,13	—	0,18	14,97	—	0,79	—	—	—	—
9	0,58	4,489	0,001	—	10,18	—	84,75	—	—	—	—	—
	0,77	1,19	—	—	9,5	—	88,54	—	—	—	—	—
10	—	57,259	0,56	0,63	28,79	0,001	11,49	1,27	—	—	—	—
	0,06	96,69	0,83	0,1	2,03	—	—	0,24	—	0,01	0,04	—
11	—	8,12	1,89	0,24	86,65	0,78	—	2,32	—	—	—	—
12	—	5,61	0,54	0,69	91,76	—	—	1,21	0,19	—	—	—
13	0,11	47,209	0,84	—	31,15	0,001	20,38	0,31	—	—	—	—
14	—	8,71	0,58	0,59	88,3	—	0,59	1,13	0,1	—	—	—
15	1,1	13,66	0,81	—	2,21	73,67	0,08	8,37	0,1	—	—	—
16	0,2	77,66	0,16	1,65	0,13	17,82	—	1,92	—	—	—	0,46
17	0,5	86,15	12,87	0,15	—	0,19	—	0,1	—	—	0,04	—

Таблица 2. Результаты исследования химического состава цветного и драгоценного металлов предметов из раскопок Бесланского катакомбного могильника по методу SEM-EDS

Table 2. Results of a study of the chemical composition of non-ferrous and precious metals of objects from the excavations of the Beslan catacomb burial ground using the SEM-EDS

№	№ по описи	Участок анализа	O	Al	Si	P	S	Cl
13	№ 10, с. 264, к. 876, погр. 1 – пряжка с корпусом из тонкой пластины	покрытие	32,09	0,83	1,00	–	–	–
			20,90	0,23	0,32	–	–	–
			18,77	0,00	0,24	–	–	–
			13,77	0,40	0,31	–	–	–
			25,56	0,28	0,76	1,90	–	–
			27,14	0,31	0,35	2,92	–	0,62
			26,30	0,00	0,50	3,46	0,36	0,72
			37,11	1,54	1,97	10,04	1,51	1,49
		«подкладка»	40,03	0,75	1,05	9,07	1,15	2,46
			27,20	0,16	0,12	0,53	6,91	0,86
			20,80	0,33	1,45	0,83	–	1,32

Окончание таблицы 2

End of Table 2

№	K	Ca	Cr	Fe	Cu	Br	Ag	Au	Pb	As	Sn
13	–	3,14	–	0,68	12,92	–	10,80	38,54	–	–	–
	–	0,40	–	–	3,99	–	6,56	67,59	–	–	–
	–	0,48	–	–	4,09	0,87	8,74	66,81	–	–	–
	–	0,57	–	0,33	5,84	–	7,45	71,93	–	–	–
	–	0,83	–	–	8,73	–	61,94	–	–	–	–
	–	1,03	–	–	9,60	–	54,19	1,53	2,31	–	–
	–	1,39	0,20	–	11,16	0,85	50,73	2,21	2,12	–	–
	–	7,08	–	1,65	29,11	–	8,50	–	–	–	–
	0,25	3,99	–	0,42	37,19	–	1,00	–	2,06	–	0,58
	–	–	–	–	13,07	–	–	–	48,85	–	2,30
	–	0,30	–	0,30	32,09	–	3,00	–	32,15	7,44	–

Таблица 3. Результаты исследования изотопного состава Pb в серебре предметов поясного набора из курганов 875 и 876

Table 3. Results of the study of Pb isotopic composition in silver of the belt set items from kurgans 875 and 876

Шифр	№	Дата	№ по описи	Наименование	206Pb/204Pb	207Pb/204Pb	208Pb/204Pb
Bsl-1	12	2-я пол. VI – нач. VII в.	13, с. 265	штампованная наклад-ка орнаментированная	18,6231	15,6593	38,7373
Bsl-2	14	2-я пол. VI – нач. VII в.	6, с. 264	накладка или наконеч-ник, фрагм.	18,6250	15,6605	38,7405
Bsl-3	11	2-я пол. VI – нач. VII в.	12, с. 264	накладка поляя в виде 4-лепестковой розетки	18,8533	15,6843	38,8414
Bsl-4	5	2–3-я четверти IV в.	5, с. 262	кольцо с зажимом	18,8586	15,6878	38,8535
Bsl-5	7	2-я пол. VI – нач. VII в.	16, с. 265	штампованная наклад-ка орнаментированная	18,6210	15,6601	38,7370

Примечание. В столбце № нумерация дана со ссылками на публикацию: [Коробов, Малашев, 2023].

Note. In column No. numbering is given with references to the publication: [Korobov, Malashev, 2023].

Таблица 4. Результаты изучения изотопного состава Pb в галените из серебряносодержащих полиметаллических руд месторождений Садон и Джимидон (Северный Кавказ)

Table 4. Results of studying Pb isotopic composition of galena from silver-containing polymetallic ores of the Sadon and Jimidon deposits (North Caucasus)

№	Номер образца	$^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$	$^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$	$^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$
Месторождение Садон				
1	C-127-80	18,4129	15,6576	38,5744
2	C-128-80	18,4066	15,6498	38,5504
3	C-144-80	18,4157	15,6557	38,5728
Месторождение Джимидон				
4	D-21-05	18,4405	15,6723	38,6565
5	D-47-19	18,4324	15,6704	38,6429
6	D-47-44	18,4429	15,6617	38,6052

Таблица 5. Результаты исследования изотопного состава Pb в серебре предметов поясного набора из Тураевского курганного могильника (III–V вв.)

Table 5. Results of a study of Pb isotopic composition in silver of the belt set items from the Turaevsky kurgan burial ground (3rd – 5th centuries)

Шифр	№	Дата	№ по описи	Наименование	$^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$	$^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$	$^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$
СА-1	К VII/1a	III–V вв.	б/н	Пряжка поясная	18,6183	15,6782	38,7512
СА-3	К-V, АКУ-238, 27a	III–V вв.	27	Пряжка пояса с удлиненной пластиной	18,5844	15,6754	38,725
СА-4	К-V, АКУ-238, 27б	III–V вв.	27	Язычок пряжки	18,5805	15,6805	38,7336
СА-5	К-VII/1a, АКУ-238, 82	III–V вв.	82	Малая пряжка поясного набора	18,5419	15,6689	38,6943
СА-6	К-VII/1a, АКУ-238, 82a	III–V вв.	82	Поясной наконечник	18,5459	15,6731	38,7058
СА-7	К-VII/1a, АКУ-238, 82б	III–V вв.	82	Язычок пряжки	18,5424	15,6703	38,696
СА-8	К-VII/1a, АКУ-238, 81	III–V вв.	81	Пряжка поясная малая	18,5384	15,67	38,6779
СА-9	К-VII/1a, АКУ-238, 81a	III–V вв.	81	Наконечник пряжки	18,541	15,6735	38,6857
СА-10	К-VII/1a, АКУ-238, 81б	III–V вв.	81	Язычок пряжки	18,6183	15,6782	38,7512

Примечание. Из хранения археологического музея КФУ [Генинг, 1962, с. 78, рис. 31].

Note. From the storage of the KFU Archaeological Museum [Gening, 1962, p. 78, fig. 31].

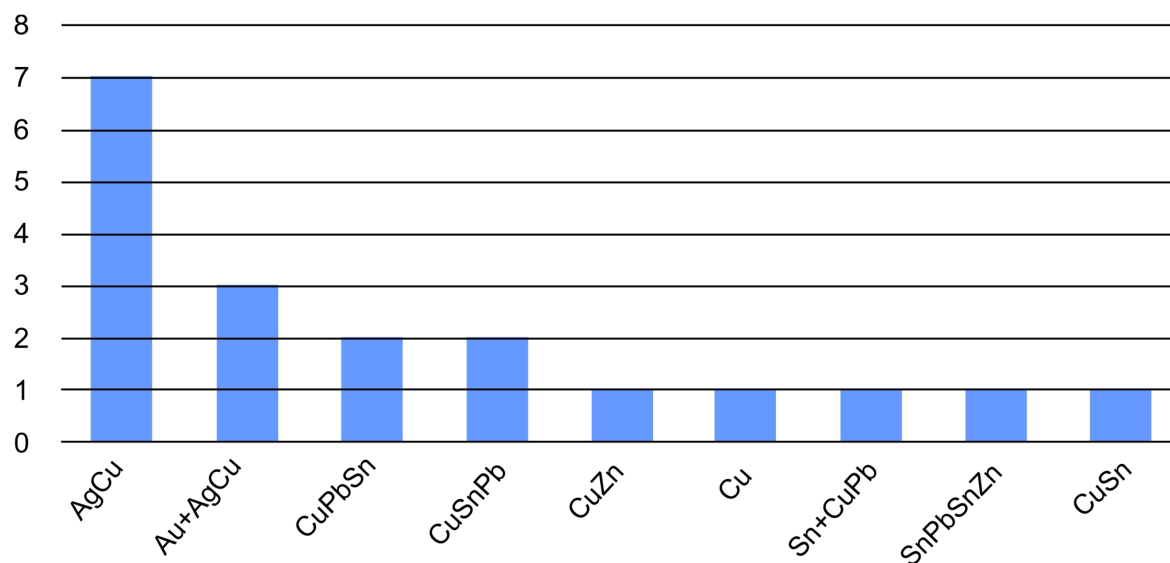
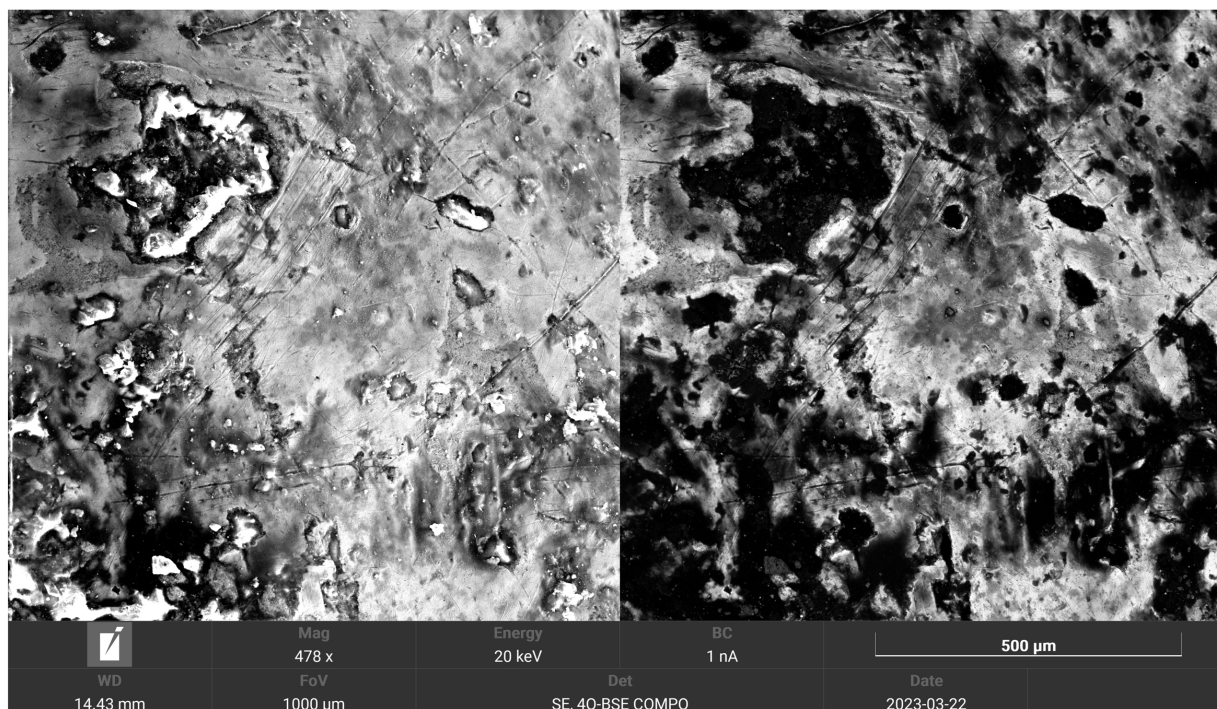
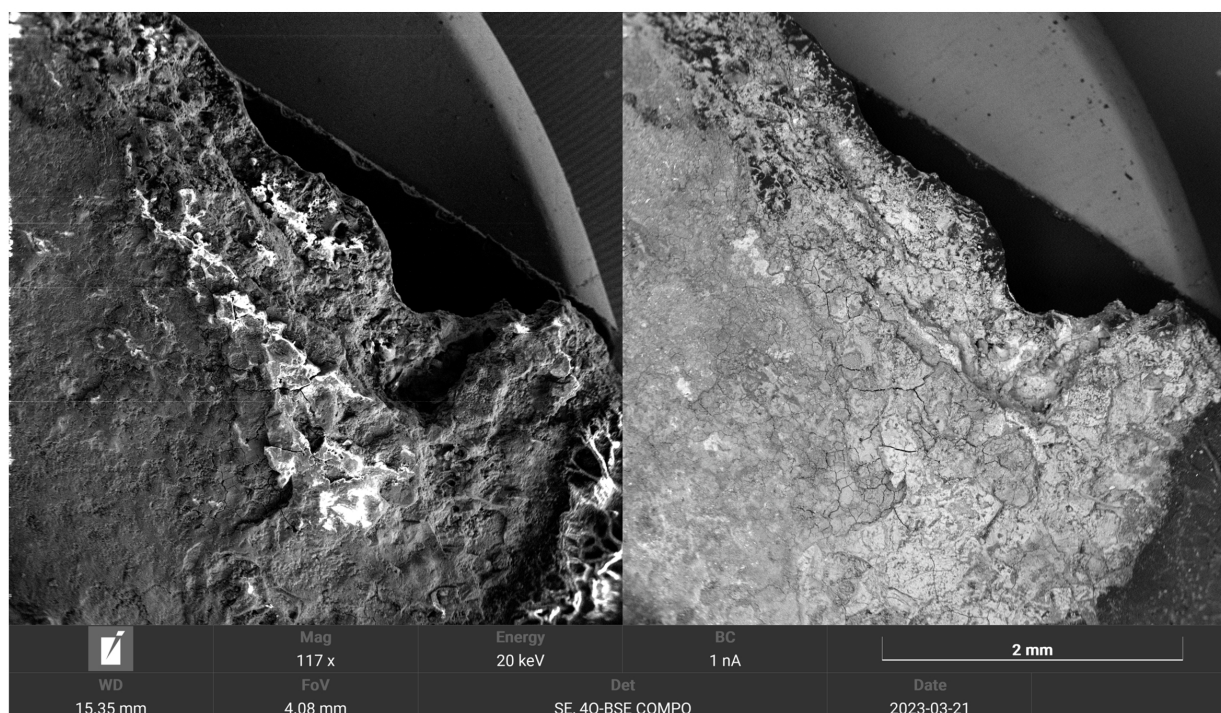

Рис. 1. Гистограмма номенклатуры металлов и сплавов цветных и драгоценных металлов в выборке из раскопок 2019–2020 гг. на Бесланском курганном катакомбном могильнике второй половины II – VII в. н.э.

Fig. 1. Histogram of the metals and alloys nomenclature of non-ferrous and precious metals in a sample from the excavations of 2019–2020 at the Beslan kurgan catacomb burial ground dated to the late 2nd – 7th centuries AD

1

2

Рис. 2. Изображение во вторичных электронах участка с покрытием на внешней стороне пряжки и ее краевой зоны с остатками «подушки» под покрытие на обороте (табл. 1, № 13)

Fig. 2. Secondary electron image of the coated area on the outer side of the buckle and its marginal zone with the remnants of the “cushion” for coating on the back side (table 1, no. 13)

Многослойное изображение ЭДС 3

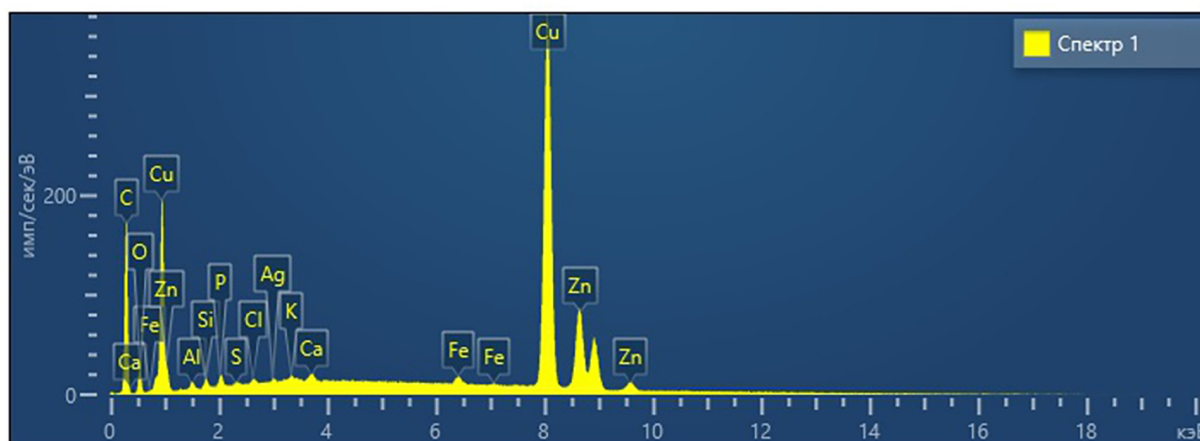
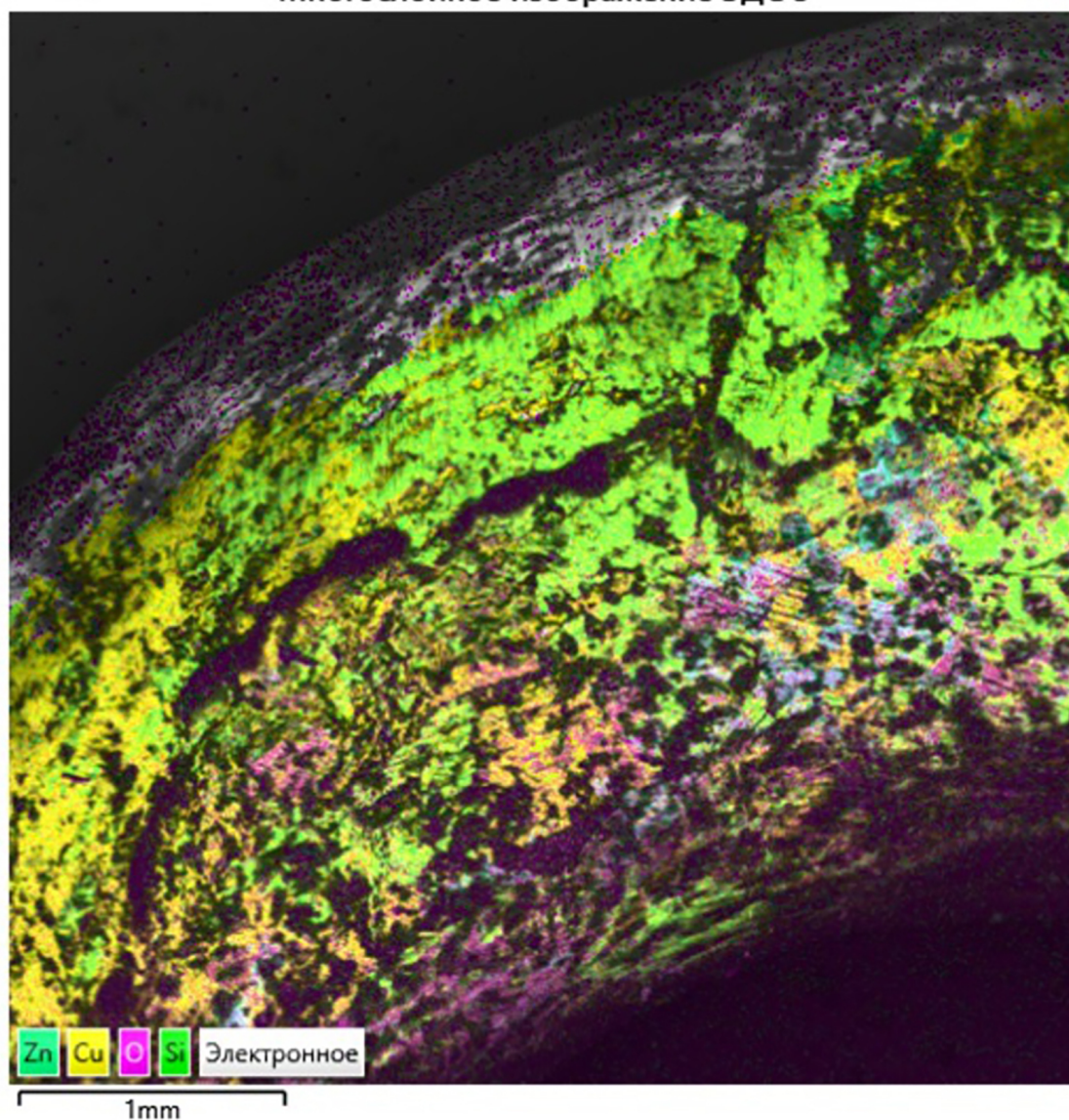

Рис. 3. Участок картирования и выполнения анализа элементного состава поверхности калачевидной серьги (табл. 1, № 17) методом SEM-EDS

Fig. 3. Area of mapping and performing an analysis of the elemental composition of the surface of the xiphoid earring (table 1, no. 17) using SEM-EDS

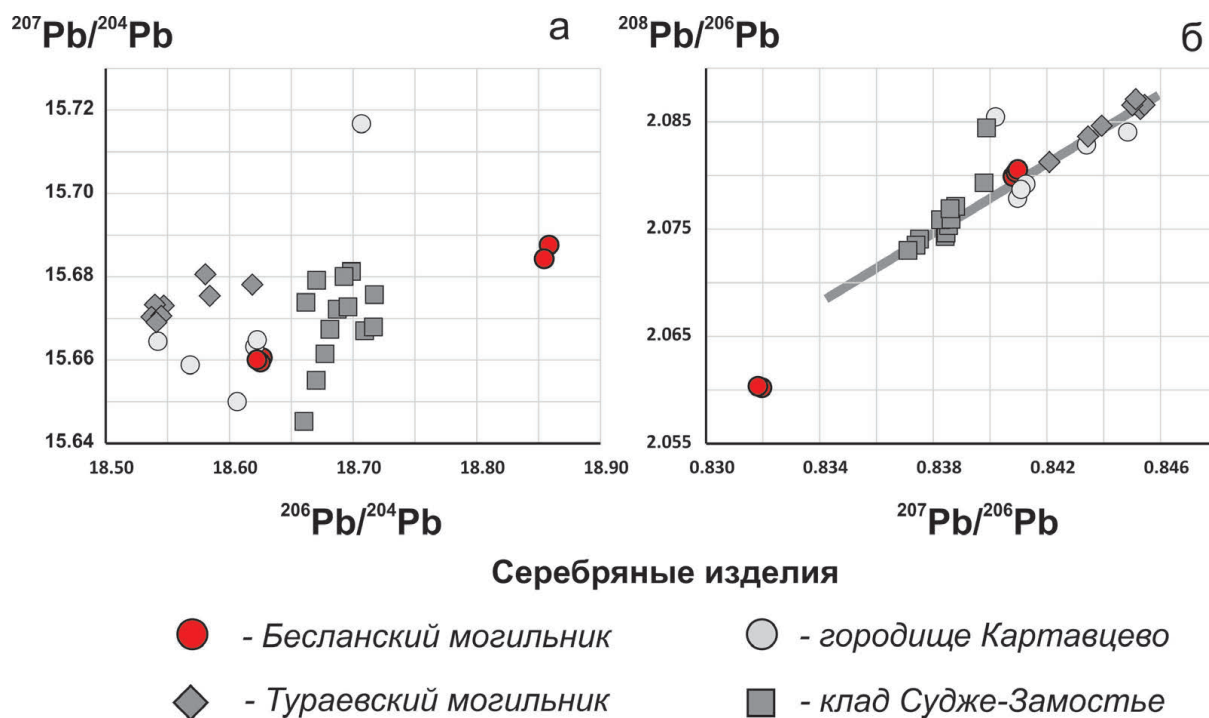

Рис. 4. Сопоставление изотопного состава Pb серебряных изделий VI–VII вв. из Бесланского и Тураевского могильников, городища Картавцево и клада Судже-Замостье

Fig. 4. Comparison of Pb isotopic composition of the silverware of the 6th–7th centuries from the Beslan and Turaevsky burial grounds, the Kartavtsevo settlement, and the Sudzhe-Zamostye treasure

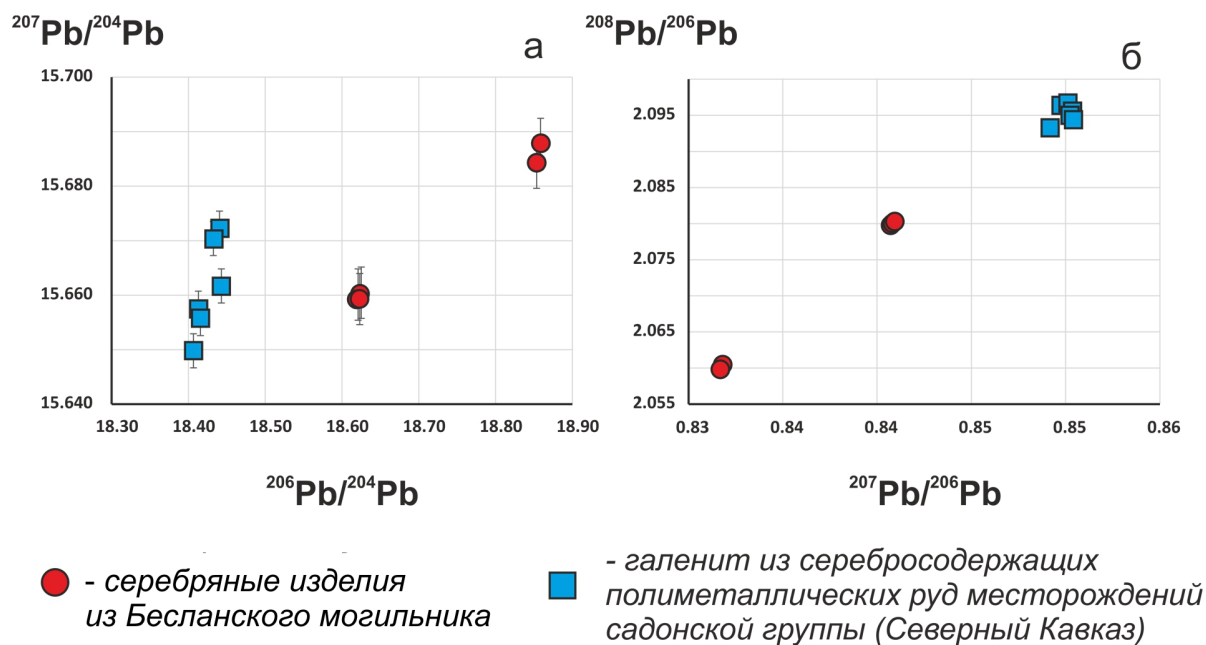

Рис. 5. Сопоставление изотопного состава Pb серебряных изделий из Бесланского могильника и серебросодержащих полиметаллических руд месторождений садонской группы (Северный Кавказ)

Fig. 5. Comparison of Pb isotopic composition of the silverware from the Beslan burial ground and silver-containing polymetallic ores from the Sadon group deposits (North Caucasus)

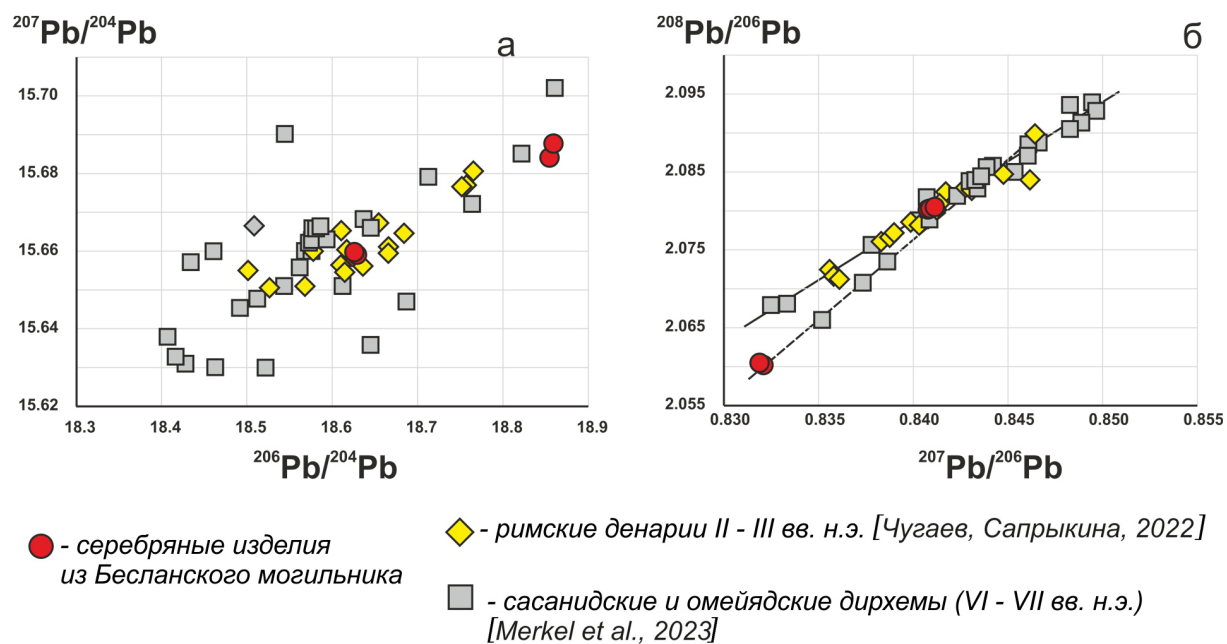

Рис. 6. Сопоставление изотопного состава Pb серебряных изделий из Бесланского могильника, позднеримских (II–III вв.) денариев [Чугаев, Сапрыкина, 2022] и сасанидских и омейядских дирхемов (VI–VIII в.) [Merkel et al., 2023]

Fig. 6. Comparison of Pb isotopic composition of the silverware from the Beslan burial ground, Late Roman (2nd–3rd centuries) denarii [Chugaev, Saprykina, 2022], and Sassanian and Umayyad dirhams (6th–8th centuries) [Merkel et al., 2023]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахмедов И. Р., Гаврилов А. П., 2017. Находки матриц для изготовления деталей геральдических поясов в древностях рязано-окских финнов // *Stratum plus*. № 5. С. 17–39.
- Гавритухин И. О., 2023. Комплекс металлических изделий эпохи Первого Тюркского каганата из Бесланского могильника (Северная Осетия) // *Нижеволжский археологический вестник*. Т. 22, № 1. С. 139–202. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.10>
- Генинг В. Ф., 1962. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // *Вопросы археологии Урала*. Вып. 2. Свердловск : УГУ им. А.М. Горького. С. 72–80.
- Ковалевская В. Б., 1984. Кавказ и аланы. Века и народы. М. : Наука. 192 с.
- Ковалевская В. Б., 2004. Историко-археологические свидетельства разработки серебро-свинцовых руд Горной Осетии в раннем Средневековье // *Древний Кавказ: ретроспекция культур : междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.Е. Крупнова (XXIV Крупн. чтения по археологии Сев. Кавказа)*. Тезисы докладов. М. : ИА РАН. С. 94, 95.
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю., 2023. Новые исследования Бесланского курганного катакомбного могильника // *Нижеволжский археологический вестник*. Т. 22, № 1. С. 258–288. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.13>
- Коробов Д. С., Чечеткина О. Ю., Медникова М. Б., 2021. Детское погребение VII в. из раскопок Бесланского могильника в фокусе комплексного междисциплинарного исследования // *Российская археология*. № 4. С. 65–81.
- Кузнецов В. А., 1992. Очерки истории алан. Владикавказ : Ир. 392 с.
- Кызласов Л. Р., 1998. Первый Тюркский каганат и его значение для Восточной Европы // *Историческая археология: традиции и перспективы*. М. : Памятники ист. мысли. С. 342–349.
- Мастыкова А. В., Казанский М. М., Сапрыкина И. А., 2016. Пашковский могильник № 1. Т. 2 : Исследование материалов Пашковского могильника № 1. М. : ИА РАН ; СПб. : Нестор-История. 372 с.
- Сапрыкина И. А., Чугаев А. В., Пельгунова Л. А., Родинкова В. Е., Столярова Д. А., 2017. К проблеме источников поступления серебра на территорию Поднепровья в раннесредневековое время (по материалам клада из Суджи-Замостья) // *Stratum plus*. № 5. С. 41–56.
- Сапрыкина И. А., Чугаев А. В., Пельгунова Л. А., Воронцов А. М., 2020. Источники серебра в VII в. по данным изотопного анализа (по методу Pb-Pb) предметов из клада с городища Картавеццо // *Археология Волго-Окского региона : сб. тез. круглого стола 28–29 апр. 2020 г. к юбил. И.В. Белоцерковской*. М. : ГИМ : ИА РАН. С. 113–118.
- Столярова Д. А., 2012. Технология изготовления украшений могильника Мамисондон (Северная Осетия) // *Российская археология*. № 1. С. 115–128.
- Чернышев И. В., Чугаев А. В., Шатагин К. Н., 2007. Высокоточный изотопный анализ Pb методом многоколлекторной ICP-масс-спектрометрии с нормированием по 205Tl/203Tl: оптимизация и калибровка метода для изучения вариаций изотопного состава Pb // *Геохимия*. № 11. С. 1155–1168.
- Чугаев А. В., Чернышев И. В., 2012. Источники поступления серебра для изделий из погребений ранних кочевников Южного Приуралья по результатам изучения изотопного состава Pb высокоточным методом MC-ICP-MS // *Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье*. Т. 1. М. : Таус. С. 239–246.
- Чугаев А. В., Сапрыкина И. А., 2022. Эволюция источников монетного серебра на Боспоре в V–IV вв. до н.э. – II–III вв. н.э. по данным изотопного анализа Pb // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. XXVII. С. 467–490.
- Akhmedov I., 2018. Matrices from the Collection of K.I. Ol'shevskij. The North Caucasian Group of Early Medieval Imprinted Decorations // „To Make a Fairy's Whistle from a Briar Rose”. Studies Presented to Eszter Istvánovits on Her Sixtieth Birthday. Nyíregyháza : Jóna András Múzeum. P. 505–528.
- Bessard F., 2020. Caliphs and Merchants: Cities and Economies of Power in the Near East (700–950). Oxford : Oxford University Press. 400 p.
- Blachford K., 2022. An Alternative to the Thucydides Trap: The Buffer Zone of Byzantium and Sasanian Persia // *The International History Review*. Vol. 44:5. P. 1077–1090. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/07075332.2021.2005660>
- Gondonneau A., Guerra M. F., 2002. The Circulation of Precious Metals in the Arab Empire: the Case of the Near and the Middle East // *Archaeometry*. Vol. 44, № 4. P. 573–599.

- Mango M. M., 1996. Byzantine Maritime Trade with the East (4th – 7th Centuries) // ARAM Periodical. Vol. 8, № 1. P. 139–163.
- Merkel S. W., Oravisjärvi J., Kershaw J., 2023. Sources of Early Islamic Silver: Lead Isotope Analysis of Dirhams // *Antiquity*. Vol. 97 (396). P. 1564–1580. DOI : <https://doi.org/10.15184/aqy.2023.165>
- Morton V., 2019. Brass from the Past: Brass Made, Used and Traded from Prehistoric Times to 1800. Oxford : Archaeopress. 358 p.
- Rezaei I. S., 2017. Sasanid and Byzantium Relations in V–VII Centuries // *Iranian Dergisi*. P. 18–31.
- Tugarinov A. I., 1977. Sources of Ore Material According to Isotopic Data // *International Geology Review*. Vol. 19 (3). P. 265–275. DOI : <https://doi.org/10.1080/00206817709471021>

REFERENCES

- Akhmedov I.R., Gavrilov A.P., 2017. Nahodki matrits dlya izgotovleniya detaley geraldicheskikh poiyasov v drevnostyah ryazano-okskikh finnov [Matrices Used to Manufacture Elements of Heraldic Belts Found among the Ryazan-Oka Finnish Antiquities]. *Stratum plus*, no. 5, pp. 17–39.
- Gavritukhin I.O., 2023. Kompleks metallicheskih izdeliy epohi Pervogo Tyurkskogo kaganata iz mogil'nika Beslan (Severnaya Osetiya) [The Complex of Metal Objects from the First Turkic Khaganate Period from the Beslan Burial Ground (North Ossetia)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 139–202. DOI : <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.10>
- Gening V.F., 1962. Turaevskiy kurgannyi mogil'nik v Nizhnem Prikamye [Turaevskiy Burial Mound in the Lower Kama Region]. *Voprosy arheologii Urala* [Ural Archaeology Issues], iss. 2. Sverdlovsk, UrGU, pp. 72–80.
- Kovalevskaya V.B., 1984. *Kavkaz i alany. Veka i narody* [Caucasus and Alans. Centuries and Peoples]. Moscow, Nauka Publ. 192 p.
- Kovalevskaya V.B., 2004. Istoriko-arheologicheskie svдетель'stva razrabotki serebro-svintsovykh rud Gornoy Osetii v rannem Srednevekovye [Historical and Archaeological Evidence of the Development of Silver-Lead Ores in Mountainous Ossetia in the Early Middle Ages]. *Drevniy Kavkaz: retrospektiya kul'tur: mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya rozhdeniya I.E. Krupnova (XXIV Krupnovskie chteniya po arheologii Severnogo Kavkaza). Tezisy dokladov* [Ancient Caucasus: Retrospective of Culture: International Scientific Conference, 100th Anniversary of the Birth of I.E. Krupnov (XXIV Krupnov's Lectures on the Archaeology of the North Caucasus). Abstracts of Papers]. Moscow, IA RAS, pp. 94, 95.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., 2023. Novye issledovaniya Beslanskogo kurgannogo katakombnogo mogil'nika [New Research on the Beslan Kurgan Catacomb Burial Mound]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 258–288. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.13>
- Korobov D.S., Chechetkina O.Yu., Mednikova M.B., 2021. Detskoe pogrebenie VII v. iz raskopok Beslanskogo mogil'nika v fukuse kompleksnogo mezhdisciplinarnogo issledovaniya [Children's Burial of the 7th Century from Beslan Kurgan Cemetery in the Focus of Complex Interdisciplinary Research]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 65–81.
- Kuznetsov V.A., 1992. *Ocherki istorii alan* [Essays on the History of the Alans]. Vladikavkaz, Ir Publ. 392 p.
- Kyzlasov L.R., 1998. Pervyy Tyurkskiy kaganat i ego znachenie dlya Vostochnoy Evropy [The First Turkic Khaganate and its Importance for Eastern Europe]. *Istoricheskaya arheologiya: traditsii i perspektivy* [Historical Archeology: Traditions and Prospects]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., pp. 342–349.
- Mastykova A.V., Kazanski M.M., Saprykina I.A., 2016. *Pashkovskiy mogil'nik № 1. T. 2: Issledovanie materialov Pashkovskogo mogil'nika № 1* [The Pashkovskaia 1 Cemetery. Vol. 2. The Study of the Materials of the Pashkovskaia 1 Cemetery]. Moscow, IA RAS, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 372 p.
- Saprykina I.A., Chugaev A.V., Pel'gunova L.A., Rodinkova V.E., Stolyarova D.A., 2017. K probleme istochnikov postupleniya serebra na territoriyu Podneprovya v rannesrednevekovoe vremya (po materialam klada iz Sudzhi-Zamostya) [On Sources of Silver Imports into the Dnieper Region in the Early Middle Ages (by Materials of Sudzhe-Zamostie Hoard)]. *Stratum plus*, no. 5, pp. 41–56.
- Saprykina I.A., Chugaev A.V., Pel'gunova L.A., Voronzov A.M., 2020. Istochniki serebra v VII v. po dannym izotopnogo analiza (po metodu Pb-Pb) predmetov iz klada s gorodishcha Kartavtsevo [Sources of Silver in

- the 7th Century According to Isotope Analysis (by the Pb-Pb Method) of Objects from the Hoard from the Kartavtsevo Settlement]. *Arheologiya Volgo-Okskogo regiona. Sbornik tezisev kruglogo stola 28-29 aprelya 2020 g. k yubileyu I.V. Belotserkovskoy* [Archaeology of the Volga-Oka Region. Collection of Abstracts of the Round Table on April 28-29, 2020, Dedicated to the Anniversary of I.V. Belotserkovskaya]. Moscow, State Historical Museum, IA RAS, pp. 113-118.
- Stolyarova D.A., 2012. Tekhnologiya izgotovleniya ukrasheniy mogil'nika Mamisonon (Severnaya Osetiya) [Manufacturing Technology of the Ornaments from Mamisonon Cemetery (North Ossetia)]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 115-128.
- Chernyshev I.V., Chugaev A.V., Shatagin K.N., 2007. Vysokotochnyy izotopnyy analiz Pb metodom mnogokollektornoy ICP-mass-spektrometrii s normirovaniem po 205Tl/203Tl: optimizatsiya i kalibrovka metoda dlya izucheniya variatsiy izotopnogo sostava Pb [High-Precision Pb Isotope Analysis by Multicollector-ICP-Mass-Spectrometry Using 205Tl/ 203Tl Normalization: Optimization and Calibration of the Method for the Studies of Pb Isotope Variations]. *Geokhimiya* [Geochemistry], no. 11, pp. 1155-1168.
- Chugaev A.V., Chernyshev I.V., 2012. Istochniki postupleniya serebra dlya izdeliy iz pogrebeniy rannih kochevnikov Yuzhnogo Priuralya po rezul'tatam izucheniya izotopnogo sostava Pb vysokotochnym metodom MC-ICP-MS [Sources of Silver for Items from Burials of Early Nomads of the Southern Urals Based on the Results of Studying the Isotopic Composition of Pb Using the High-Precision MC-ICP-MS Method]. *Vliyaniye achemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priuralye* [The Influence of the Achaemenid Culture in the Southern Urals], vol. 1. Moscow, Taus Publ, pp. 239-246.
- Chugaev A.V., Saprykina I.A., 2022. Evolyutsiya istochnikov monetnogo serebra na Bospore v V–IV vv. do n.e. – II–III vv. n.e. po dannym izotopnogo analiza Pb [Coin Silver Source's Evolution in Bosphoros from the 5th – 4th Centuries BC to the 2nd – 3rd Centuries AD According to Pb-Isotopic Analysis]. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. XXVII, pp. 467-490.
- Akhmedov I., 2018. Matrices from the Collection of K.I. Ol'shevskij. The North Caucasian Group of Early Medieval Imprinted Decorations. „To make a fairy's whistle from a briar rose”. *Studies presented to Eszter Istvánovits on her Sixtieth Birthday*. Nyíregyháza, Jóna András Múzeum, pp. 505-528.
- Bessard F., 2020. *Caliphs and Merchants: Cities and Economies of Power in the Near East (700–950)*. Oxford, Oxford University Press. 400 p.
- Blachford K., 2022. An Alternative to the Thucydides Trap: The Buffer Zone of Byzantium and Sasanian Persia. *The International History Review*, vol. 44:5, pp. 1077-1090. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/07075332.2021.2005660>
- Gondonneau A., Guerra M.F., 2002. The Circulation of Precious Metals in the Arab Empire: the Case of the Near and the Middle East. *Archaeometry*, vol. 44, no. 4, pp. 573-599.
- Mango M.M., 1996. Byzantine Maritime Trade with the East (4th – 7th Centuries). *ARAM Periodical*, vol. 8, no. 1, pp. 139-163.
- Merkel S.W., Oravisjärvi J., Kershaw J., 2023. Sources of Early Islamic Silver: Lead Isotope Analysis of Dirhams. *Antiquity*, vol. 97 (396), pp. 1564-1580. DOI: <https://doi.org/10.15184/aqy.2023.165>
- Morton V., 2019. *Brass from the Past: Brass Made, Used and Traded from Prehistoric Times to 1800*. Oxford, Archaeopress. 358 p.
- Rezaei I.S., 2017. Sasanid and Byzantium Relations in V–VII Centuries. *Journal of Iranian Studies*, pp. 18-31.
- Tugarinov A.I., 1977. Sources of Ore Material According to Isotopic Data. *International Geology Review*, vol. 19 (3), pp. 265-275. DOI : <https://doi.org/10.1080/00206817709471021>

Information About the Authors

Irina A. Saprykina, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Preservation of Archaeological Monuments, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, dolmen200@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0059-0170>

Andrey V. Chugaev, Candidate of Sciences (Geology and Mineralogy), Leading Researcher, Laboratory of Isotope Geochemistry and Geochronology, Institute of Geology of Ore Deposits, Petrography, Mineralogy and Geochemistry of the Russian Academy of Sciences, Staromonetny Lane, 33, 119017 Moscow, Russian Federation, vassachav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0528-3965>

Dmitry S. Korobov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Theory and Methodology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, dkorobov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9571-0405>

Irina V. Rassokhina, Candidate of Sciences (Chemistry), Researcher, Laboratory of Isotope Geochemistry and Geochronology, Institute of Geology of Ore Deposits, Petrography, Mineralogy and Geochemistry of the Russian Academy of Sciences, Staromonetny Lane, 33, 119017 Moscow, Russian Federation, irassovl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7846-4003>

Информация об авторах

Сапрыкина Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, dolmen200@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0059-0170>

Андрей Владимирович Чугаев, кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории изотопной геохимии и геохронологии, Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН, Старомонетный пер., 33, 119017 г. Москва, Российская Федерация, vassachav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0528-3965>

Дмитрий Сергеевич Коробов, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом теории и методики, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, dkorobov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9571-0405>

Рассохина Ирина Владимировна, кандидат химических наук, научный сотрудник лаборатории изотопной геохимии и геохронологии, Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН, Старомонетный пер., 33, 119017 г. Москва, Российская Федерация, irassovl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7846-4003>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.5>

UDC 908-057.66(470.44)«07/12»

LBC 63.4(235.54)

Submitted: 23.06.2024

Accepted: 06.11.2024

BELT SETS OF THE ATKARSKIY BURIAL GROUND

Aleksey I. Rakushin

Scientific and Production Center for the Historical and Cultural Heritage of the Saratov region,
Saratov, Russian Federation

Abstract. The article discusses materials of belt sets from 7 burials of the Atkarskiy burial ground located on the territory of the Saratov region. The preserved belt sets and their individual elements are kept in the collections of the Saratov and Atkarsk Museums of Local History. Among the 107 burials of the burial ground, which contained skeletal remains of 112 individuals, belts and their individual elements were traced in 11 burials. The metal parts of the belt sets were poorly preserved, since the tips of the belts and the lining made of bronze alloys were products made of a thin sheet with an impression of a matrix image, and the iron was simply heavily corroded. Non-preserved and poorly preserved belt sets are described according to field reports and publications by the authors of the excavations. Belts with an iron headset are often located on the pelvis and hips, with a bronze and bone (horn) headset laid out at the left hand of the buried. The origin of the iron headset is connected with the products of the Askiz circle. The bone tip and two belt clips from burial No. 60 turned out to be the closest to the horn Bulgarian products of the Golden Horde period. Belts with bronze buckles, clips, and overlays are very diverse in their origin and manufacturing technology, which allows us to trace both the indigenous Finno-Ugric traditions and the fashion associated with the manufacture of such products in various districts of the Mongolian Empire and the cities of the Golden Horde. Among them there are belts decorated with floral ornaments, as well as products with images of dragons and deer. The method of dating by analogy was used in the work, which made it possible to clarify the time of existence of a number of belt sets of the Atkarskiy burial ground.

Key words: Golden Horde, Mordvins, burial ground, burial, inventory, belt set, headset.

Citation. Rakushin A.I., 2025. Poyasnye nabory Atkarskogo gruntovogo mogil'nika [Belt Sets of the Atkarskiy Burial Ground]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 2, pp. 77-102. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.5>

УДК 908-057.66(470.44)«07/12»

ББК 63.4(235.54)

Дата поступления статьи: 23.06.2024

Дата принятия статьи: 06.11.2024

ПОЯСНЫЕ НАБОРЫ АТКАРСКОГО ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА

Алексей Иванович Ракушин

Научно-производственный центр по историко-культурному наследию Саратовской области,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье опубликованы материалы поясных наборов из 7 погребений Аткарского грунтового могильника, расположенного на территории Саратовской области. Сохранившиеся поясные наборы и их отдельные элементы хранятся в фондах Саратовского и Аткарского краеведческих музеев. Среди 107 погребений могильника, содержащих 112 человеческих костяков, пояса и их отдельные элементы прослеживались в 11 погребениях. Металлические части поясных наборов сохранились плохо, поскольку наконечники ремней и накладки из бронзовых сплавов представляли собой изделия из тонкого листа с оттиском матричного изображения, а железо просто подверглось сильной коррозии. Несохранившиеся и плохо сохранившиеся поясные наборы описаны по полевым отчетам и публикациям авторов раскопок. Пояса с железной гарнитурой часто расположены на тазе и бедрах, с бронзовой и костяной (роговой) гарнитурой – разложены у левой руки погребенного. Происхождение железной гарнитуры связано с изделиями аскизского круга. Костяные наконечник и две поясные обоймы из погребения № 60 оказались наиболее близки к роговым болгарским

изделиям золотоордынского времени. Пояса с бронзовыми пряжками, обоймами и накладками весьма разнообразны по своему происхождению и технологии изготовления, что позволяет проследить как коренные финно-угорские традиции, так и моду, сопряженную с производством подобных изделий в различных улусах Монгольской империи и городах Золотой Орды. Среди них присутствуют пояса, декорированные растительным орнаментом, а также изображениями драконов и ланей. В работе использован метод датировки по аналогиям, который сделал возможным уточнить время бытования ряда поясных наборов Аткарского могильника.

Ключевые слова: Золотая Орда, мордва, могильник, погребение, инвентарь, поясной набор, гарнитура.

Цитирование. Ракушин А. И., 2025. Поясные наборы Аткарского грунтового могильника // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 77–102. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.5>

Аткарский грунтовой могильник расположен в 1 км к югу от пригорода Аткарска, на третьей надпойменной террасе правого берега реки Медведицы. Появление могильника связывается с переселением в XIII–XIV вв. в верховья Медведицы финно-угорских племен, ранее проживавших в Вадско-Мокшанском междуречье [Вихляев, 2013, с. 168–169]. В 1928 г. Н.К. Арзютов исследовал 40 погребений мордвы-мокши, а в 1979 г. раскопки могильника были продолжены С.Ю. Монаховым, который ввел в научный оборот материалы 20 погребений. Позднее Ю.А. Африкановым, С.В. Ляховым и Н.М. Маловым было исследовано 52 погребальных комплекса. Состояние предметов музейных коллекций не позволяет изучить все артефакты могильника (особо удручает сохранность предметов из железа), поэтому предлагается более детально остановиться на сохранившихся или подробно зафиксированных в отчетах элементах поясных наборов из 7 погребальных комплексов. Все комплексы относились к грунтовым погребениям из северной части могильника, выявленного в 200 м к юго-востоку от более древнего Аткарского курганного могильника. Грунтовой могильник был расположен на участке, прорезанном с востока на запад оврагом, разделяющим его на северную и южную часть. Имевшую абсолютное преобладание западной ориентировки северную часть грунтового могильника Н.К. Арзютов считал связанной с обрядностью золотоордынских кочевнических погребений курганного могильника [Арзютов, 1929, с. 17–18].

Погребение 15 (рис. 2, 1, 2, 5–7) [Арзютов, 1929]. Автор раскопок считал, что 2 пары бронзовых литых накладок из погребения относятся к декоративным элементам плохо сохранившегося седла, но при этом он упомина-

ет, что они были закреплены на кусках кожи, украшенных по краю 2 параллельными полосками, а в подвесных петлях накладок сохранились сыромятные ремешки [Арзютов, 1929, с. 9, 23]. Данное описание позволяет отнести накладки к фурнитуре золотоордынских кожаных сумок, которые имели металлические элементы, связанные между собой подвесными ремешками. Такая конструкция подвесной сумки часто прослеживается в кочевнических погребениях, когда 2 пары накладок крепились на поясном ремне и наружном клапане сумки, края которого украшались аппликацией из цветной ленты [Мыськов, 2015, с. 213].

В фондах СОМК сохранились бронзовые накладки из погребения 15. Одна пара прорезных фигурных накладок была отлита в форме стилизованного цветка лотоса (инв. № СМК 44086/1 и 2) (рис. 2, 1, 2). Накладка крепилась к поясному ремню 3 железными штифтами. Аналогичная накладка была найдена в золотоордынском кочевническом погребении кургана Песковка II Волгоградской области, где она занимала то же место в могиле: под кистью руки, справа от таза [Захаров, Лопан, 2006, с. 30, рис. 6, 2] (рис. 2, 4). Еще один экземпляр подобной накладки известен в материалах Муранского могильника Самарской области [Алихова, 1954, с. 275, рис. 17, 36] (рис. 2, 3). Форма и размер этих изделий сближают их с прорезными поясными накладками в виде четырехлепестковой розетки из Сибири [Адамов, 2000, с. 117, рис. 79, 8, 9] (рис. 2, 11), а также с серией поясных накладок с изображениями безногих драконов, центром производства которых предположительно было Поволжье [Масюта, Лесная, 2020, с. 240, рис. 2–4; Баранов и др., 2016а, с. 52, рис. 3, 1] (рис. 2, 12–14). Хронологический отрезок бытования гарнитуры с изображением безногих, двух-, трех-

и четырехпалых драконов определяется по ряду находок с поселенческих памятников Саратовской и Волгоградской областей, датированных периодом правления ханов Токты и Узбека (1291–1341 гг.) [Исаков и др., 2014, с. 241, рис. 2] (рис. 2, 14).

Другая пара литых накладок предназначалась для подвеса сумки на ее наружном клапане (инв. № СМК 44087/1, 2) (рис. 2, 5–7). Накладки имели прямоугольную форму, выпуклый профиль и крепились к клапану шпильками с шайбами. На внешней поверхности накладок различим растительный орнамент в виде стебля с побегами, который в совокупности с распустившимися бутонами лотосов с поясных накладок составляет единую цветочную композицию. Похожий стилистический прием прослеживается на бронзовой фурнитуре поясных сумок с изображениями драконов с Никольского селища [Винничек В.А., Винничек К.М., 2023, с. 25, рис. 7, 17] (рис. 2, 10) и из Саратовской области [Афоньков, 2013, с. 130, рис. 1] (рис. 2, 9), когда вариации на тему силуэта дракона повторялись последовательно на замке, подвесных и поясных накладках сумки. Аткарская разновидность фурнитуры золотоордынских поясных сумок с более толерантным, с точки зрения мусульманской религии, сюжетом могла пользоваться высоким спросом в Орде после принятия ислама в 1312/13 гг., в то время как орнаментальные мотивы в виде бескрылых драконов постепенно переосмысливались и сменялись на новый растительный декор. Примером такого «переходного» изделия, возможно, является накладка с Лаишевского селища [Руденко, 2001, с. 120, рис. 34, 11] (рис. 2, 8). Если же в целом оценивать хронологический диапазон моды на пояса с подвесными сумками в Волго-Донском регионе Золотой Орды, то выясняется, что, поскольку сумки часто использовались как кошелек, погребальные комплексы с такими предметами неплохо датированы монетами. В 11 кочевнических погребениях вместе с остатками поясных сумок найдены дирхемы Токты, Узбека, Джанибека, Бердибека, Навруза и Мюрида, самый ранний из которых отчеканен в 1310/11 гг., самый поздний – в 1361/62 гг. [Мыськов, 2015, с. 214].

Погребение 6 (рис. 1, 2, 3, 1, 2) [Монахов, 1979; 1991]. Материалы погребения были

не так давно атрибутированы Д.А. Козловым, который, исходя из своеобразия внешнего облика железных накладок, предложил новую схему классификации накладок аскизского типа, датировав весь комплекс рубежом XIII–XIV веков. На основе близких стилистических и технологических аналогий в статье была сделана попытка выявить группу изделий, именуемых условно «тип 9» [Козлов, 2022а]. В целом принимая логику, аналогии и аргументацию исследователя, вместе с тем необходимо остановиться на 2 существенных моментах, затронутых в этой работе, более подробно.

Во-первых, в его статье неверно определено местоположение железных накладок аскизского типа. В результате железные накладки в виде буквы «Х» со следами заклепок на концах были отнесены к деталям стрелковой гарнитуры, на основании чего сделан вывод, что «все накладки типа 9 (аткарского) находятся возле колчанов или на их остатках» [Козлов, 2022а, с. 253, рис. 4, 1]. Однако если обратиться к более качественному чертежу погребения из полевого отчета, становится очевидно, что под левой рукой мужского скелета находились элементы поясного набора, состоящего не из железных, а из бронзовых частей. Согласно описанию автора отчета, «9 железных Х-видных деталей с заклепками по концам, видимо, от поясного или портупейного набора» находились «на бедренных костях, между ногами, к югу от таза» [Монахов, 1979, с. 40], что достаточно далеко от 3 наколочников стрел, найденных в изголовье захороненного. Таким образом, если опираться на отчет, то в данном комплексе были найдены не один, а 2 поясных набора, один из которых Д.А. Козлов совершенно справедливо отнес к изделиям аскизского круга, при этом ошибочно приписав его железные детали к элементам конструкции колчана. К сожалению, элементы этого поясного набора из Аткарского краеведческого музея полностью рассыпались в прах и не подлежат реставрации, но его номенклатура восстанавливается по сохранившимся фотографиям и прорисовке автора раскопок [Монахов, 1979, с. 52, рис. 130, 135, 14] (рис. 9, 23–26).

Во-вторых, при датировке погребения была учтена только железная гарнитура «типа 9», но незаслуженно обойдена не менее

интересная бронзовая, которая имела несколько иной хронологический диапазон. Бронзовый поясной набор, выставленный в экспозиции Аткарского краеведческого музея, сохранился в виде отдельных частей, закрепленных на фрагментах кожаного ремня: пряжки, 2 рамочных фиксаторов, 4 накладок с подвижными кольцами и 13 пластинчатых слегка изогнутых накладок с отчеканенными округлым пуансоном шестилепестковыми розетками (рис. 3,1). Близкий орнамент был нанесен на бронзовую пластину, найденной на I Хмелевском селище и хранящейся в СОМК (инв. № СМК 75361/2) (рис. 3,9). На пластине были отчеканены 3 пятилепестковые розетки, выбитые округлым пуансоном [Недашковский, 2002, с. 345, № 146; Материальная культура золотоордынских селищ..., 2024, с. 202, рис. 12,17]. Идентично смоделированное изображение выпуклых шестилепестковых розеток также представлено на бронзовых оправах амулетов из кочевнических погребений Волго-Донья: Козицкое, курган 1, погребение 1; Быково III, курган 8; Бахтияровка, курган 49. Последнее погребение датировано дирхемом Узбека 1322 г. [Гарустович и др., 1998, с. 177–178, табл. XIX,7; Мыськов, 2015, с. 177, 182, табл. XXXI,1].

Хорошая сохранность элементов пояса позволяет утверждать, что часть орнаментированных розетками накладок, ременная основа и накладки с кольцами скреплялись вместе заклепками, образуя единый элемент, подобно цельным поясным накладкам с подвешенными кольцами. В зависимости от типа сборки в поясном наборе имели место 2 варианта шестиугольных накладок с кольцами, один вариант – шестиугольный без колец и один пятиугольный. Сложную конструкцию имеет и пряжка поясного набора, состоящая из прямоугольной уплощенной рамки, пятиугольного пластинчатого щитка, приклепанного к ремню, и язычка, закрепленного на отдельной оси с закрученными концами, как на кольцевых застежках мордвы (рис. 3,1,2).

Железные пряжки с прямоугольной рамкой (тип А16 по К.А. Руденко) были распространены в Среднем Поволжье в IX–XIV вв. [Руденко, 2001, с. 211, табл. 6]. Аналогичные бронзовые пряжки без приемника со свободно вращающимся язычком на прямоугольной рамке из плоского дрота или отдельном

стерженьке не имели такого широкого хождения, хотя и достаточно часто встречались в мужских поясных наборах и женских головных повязках финно-угров [Материалы по истории мордвы, 1952, с. 213, табл. XXIX,1, с. 215, табл. XXXI,10; Алихова, 1954, с. 268, рис. 10,14; Материальная культура Средне-Цнинской мордвы, 1969, с. 106, табл. 15,1, с. 144, табл. 33,8, с. 159, табл. 43,1; Архипов, 1973, с. 36, 154, рис. 42,6,7; Козлов, 2022б, с. 16, рис. 2,1,3,4] (рис. 3,3–8). Похожая ситуация прослеживается и в кочевнических комплексах второй половины XIII – XIV в.; железные пряжки с прямоугольной рамкой относились к категории массового археологического материала (типы А1а1 и А1а2 по Е.П. Мыськову), тогда как бронзовые пряжки с прямоугольной рамкой были достаточно редки (типы Б1а и Б1б по Е.П. Мыськову) и известны только в 4 кочевнических золотоордынских погребениях Волго-Донья: Дмитриевка I, курган 1, Солодовка, курган 48, Солодовка II, курган 1, Зубовка, курган 7 [Мыськов, 2015, с. 117, 222–223, табл. XLIII,1]. В Зубовском погребении 2 бронзовые пряжки поясного набора были зафиксированы в одном комплексе с топором и кольцевидными сюльгами, что в совокупности с антропологическим определением захороненного там 60–70-летнего мужчины свидетельствует о высокой вероятности его финно-угорского происхождения. Погребение датируется 3 монетами Узбека и Джанибека, самая поздняя из которых относится к 1346/1347 гг. [Мамонтов, 1992, с. 27–48]. А.Е. Алихова отмечала схожие по форме бронзовые пряжки среди материалов Муранского и Гагинского могильников и относила их бытование к XIV в. [Алихова, 1954, с. 268, 289–290, рис. 10,14]. На использование подобных изделий в это время указывает и еще одна характерная деталь аткарской пряжки – ее щиток-обоймица имеет пятиугольную форму, так же как щиток пряжки пояса мордовского воина из погребения 9 Гагинского могильника, которое также предлагается датировать XIV в. [Козлов, 2022б, с. 16–17, рис. 2,3] (рис. 3,6).

Погребение 11 (рис. 1,3, 4,1–4) [Монахов, 1979; 1991]. Среди инвентаря погребения к элементам поясного набора можно отнести несохранившуюся железную пластину с 2 за-

лепками, найденную у левой плечевой кости, и 2 бронзовые обоймы, обнаруженные в районе правого плеча и левого запястья [Монахов, 1991, с. 177–178]. Поскольку ременная основа уцелела лишь в виде небольшого кусочка внутри одной из обойм, изначальное местоположение пояса в погребении и его конструкцию можно восстановить только предположительно. С.Ю. Монахов идентифицировал поясные обоймы как парные портупейные пряжки из позолоченного серебра со «сложным зооморфным орнаментом из переплетенных ветвей и листьев, в который гармонично включены изображения трех оленей: двух в полный рост (сидящий и стоящий) и голова третьего оленя» [Монахов, 1991, с. 182, рис. 6,9].

Поясные обоймы хранятся в СОМК (инв. № СМК 40410, СМК 40411) (рис. 4,1–4). Их визуальный осмотр показал, что они изготовлены по одной технологии и состоят из 3 конструктивных элементов. Основа изделий – 2 детали, выполненные из красноватого медного сплава: база в виде плоского коробчатого каркаса и припаянная к нему петля-ушко, предназначенная для крепления вертикального подвесного ремня. Поясной ремень шириной 1,5 см свободно проходил внутри обоймы и подвижно фиксировался между каркасом и третьей деталью – верхней штампованной декоративной пластиной (рис. 4,3). Пластина выполнена из другого по цвету, «золотистого» сплава, на котором проступает плоскорельефное изображение животных и растений, с отдельной проработкой фона в виде полукруглых оттисков ручного инструмента и дополнительной надчеканки – насечек. Внутреннее пространство изделий было заполнено светло-бурым волокнистым органическим веществом, которое обеспечивало жесткость всей конструкции, собранной с помощью завальцовки краев коробчатого каркаса на верхней декоративной пластине. Вероятно, в процессе эксплуатации для неподвижного закрепления на пояском ремне средняя часть обоймы была немного вдавлена вовнутрь (рис. 4,2).

Непосредственные аналогии поясным обоймам из погребения 11 пока неизвестны. В качестве наиболее вероятного прототипа сюжета «лань под раскидистым деревом», заимствованного монголами из торевтики чжурчженей и киданей, предлагается рассматри-

вать фигурные бляхи поясного набора из погребения 7 могильника Проспихинская Шивера IV в Приангарье [Сенотрусова и др., 2015, с. 117, рис. 1,4] (рис. 4,6). В качестве возможных протографов допустимо привести в пример золотую и серебряную поясную гарнитуру монгольских парадных охотничьих поясов из могильника Таш-Башат, урочища Гашун-Уста, а также артефакты из коллекции Несера Д. Халили, которые М.Г. Крамаровский относил к изделиям с ослабленной геральдикой и датировал 70-ми гг. XIII – началом XIV в. [Крамаровский, 2001б, с. 77, рис. 2, с. 80, рис. 4,5; Юрченко, 2012, ил. 36; Khalili Collections, 2020a, б] (рис. 4,7–9,14).

Аткарские обоймы не претендуют на статус ювелирных изделий, поэтому, отмечая несомненное морфологическое сходство образов копытных, важно подчеркнуть и стилистическое различие сцен с ланями на скромных мордовских артефактах и элитных аристократических поясах. С другой стороны, нельзя не упомянуть сходство аткарских обойм со схематичной манерой изображения ланей на штампованной бронзовой сбруйной гарнитуре Халчаянского могильника из кочевнического погребения начала XIV в. [Пугаченкова, 1967, с. 255, рис. 3,4] (рис. 4,5) и на 2 поясных обоймах из Барбашинского могильника конца XIII – середины XIV в. [Сташенков, 2014, с. 327; Барбашинский могильник, 2018] (рис. 4,12,13). Вероятно, указанное сходство может быть обусловлено предельным упрощением этого образа вследствие популярности различных связанных с ним сюжетов. Данный тезис подтверждается находками матриц с ланями из Старого Орхоя и Нижней Добринки, что свидетельствует о серийном ремесленном производстве таких изделий в Золотой Орде [Бырня, Рябой, 1989, с. 98, рис. 1,20; Гарустович и др., 1998, с. 311, табл. X,15] (рис. 4,10,11).

Изображение на аткарских обоймах имеет свои особенности и отличается от традиционной композиции на тему «лань под раскидистым деревом» на всех ранее известных экземплярах. В орнаментальное поле изделия, помимо контуров различных растительных побегов и тел 2 ланей, включен еще один, менее очевидный объект. С.Ю. Монахов нашел в абрисе объекта прорисовку головы третьей

лани [Монахов, 1991, с. 182]. На наш взгляд, такое объяснение маловероятно из-за отсутствия каких-либо признаков шеи и туловища третьего копытного на изображении. В данном случае более обоснованной нам представляется иная трактовка, когда суть художественной композиции – это ствол дерева, под кроной которого расположены фигуры 2 ланей, а в его ветвях просматривается абрис вытянутой заостренной головы, от которой отходит змееобразное тело, обозначенное дополнительной насечкой, имитирующей ряды чешуи (рис. 4,1).

Таким образом, в отличие от изначальной трактовки С.Ю. Монахова, подобное прочтение изображения предполагает более цельную композицию, органично вписанную во все орнаментальное пространство обоймы. Не исключено, что предложенная реконструкция сюжета, состоящая из дерева, у подножия которого обозначены 2 лани и змей, свисающий с его ветвей, допускает сложную интерпретацию, подразумевающую обращение к соответствующим темам тюрко-монгольской или финно-угорской мифологии и заслуживающую впоследствии отдельного рассмотрения. Значительная трансформация первоначального сюжета «лань под раскидистым деревом» и отход от придаваемого поясу парадно-официального значения [Крамаровский, 2001б, с. 56] свидетельствуют об отказе от статуса, связанного с традицией монгольских облавных охот, и относительно позднем происхождении аткарского поясного набора, датируемого в пределах XIV века.

Погребение 23 (рис. 1,4, 9,4,5) [Африканов, 1990а]. Среди инвентаря погребения к гарнитуре поясного набора предположительно относились 2 несохранившиеся железные пряжки и костяная обойма. Их местонахождение в погребении – между левой рукой и позвоночным столбом захороненного мужчины [Африканов, 1990а, с. 8–9]. Обойма хранится в фондах СОМК (инв. № НВСП 34494) (рис. 9,4,5). Предмет имеет форму узкой прямоугольной пластины со сквозным боковым отверстием для поясного ремня и обломанной петлей для подвеса. На фронтальной поверхности обоймы заметна канавка, служившая для регулировки длины вертикального подвесного ремешка. Аналогичная канавка

имелась на обойме из Болгара, которая разделяла ее фронтальную часть на 2 вертикальные зоны [Пальцева, 2022, с. 224, рис. 4,4] (рис. 9,6). В культурном слое Азака была найдена костяная обойма с несколькими вертикальными прорезными канавками с лицевой стороны [Масловский, 2006, с. 119, рис. 13,3] (рис. 9,12), а на Увекском городище – заготовка костяной обоймы похожей конструкции и близких пропорций [Недашковский, Моржерин, 2000, с. 483, рис. 3,14] (рис. 9,7). Все упомянутые изделия датируются золотоордынским временем и предлагаются в качестве возможных аналогий.

Погребение 26 (рис. 1,5, 5,1–11, 6,1–3,11) [Африканов, 1990а]. В районе таза и левого бедра мужского костяка был обнаружен кожаный ремень с бронзовой пряжкой, наконечником, фиксатором и 13 накладками. Отдельно от ремня, в районе челюсти, тазобедренного сустава и колен, были найдены 3 бронзовые прямоугольные пустотелые бляхи-обоймы с изображениями драконов [Африканов, 1990а, с. 10–13].

Поясные обоймы хранятся в СОМК (инв. № СМК 59259, 59260, НВСП 3450) (рис. 6,1–3). Визуальный осмотр обойм показал, что корпус изделия состоял из прямоугольного бронзового листа с закругленными углами и изогнутой декоративной пластины с выпуклым оттиском дракона, выдавленным матрицей. Внутреннее пространство бляхи занимало вещество, похожее на желтый войлок. Края деталей оболочки корпуса были завальцованы и спаяны так, что между ними жестко фиксировался плоский кронштейн с подвижным подвесным кольцом. Одна из блях сохранила кронштейн с кольцом внутри полый оболочки, у другой он размонтировался и найден отдельно (рис. 5,3,5,6, 6,3). На внутренней, плоской стороне по углам блях уцелели следы от пайки парных скоб (рис. 6,3), необходимых для крепления поясной обоймы на ремне. Среди находок отдельно остались 5 плоских бронзовых скоб от 3 обойм (рис. 5,3–5).

Вздыбленные геральдические чудовища с поднятой вверх трехпалой лапой имеют вполне узнаваемый облик (рис. 6,1), свойственный группе раннемонгольских ранговых поясных наборов, известных как «гвардейские» и продолжавших традиции еще более давних ки-

даньских поясов [Крамаровский, 2001б, с. 59–65]. Почти точными иконографическими копиями, предполагающими наличие серии родственных матриц, являются разноразмерные обоймы с драконами из курганов у ст. Новоберезанской Краснодарского края [Крамаровский, 2001б, с. 76, табл. 1,17; Юрченко, 2012, с. 359–361, ил. 20] (рис. 6,4) и с. Ново-Подкряж в Приорелье [Шалобудов, Кудрявцева, 1980, с. 94, рис. 1] (рис. 6,5). К категории более сложносмоделированных изделий можно отнести сабельные обоймы 3 серебряных поясов из с. Красный Яр в Астраханской области [Крамаровский, 2001б, с. 78, табл. 2,1,2; Юрченко, 2012, с. 372–373, ил. 35] (рис. 6,6), с. Карга в Приднепровье [Альбом XII археологического съезда, 1903, с. 6, рис. 7,4,5] (рис. 5,8) и Западной Сибири [Юрченко, 2012, с. 368–372, ил. 34] (рис. 5,7). В отличие от приведенных аналогий с неподвижно смонтированными стремечковидными или калачевидными петлями на поясных обоймах, использовавшимися как сабельный подвес [Крамаровский, 2001б, с. 81, табл. 5; Юрченко, 2012, с. 370], аткарские обоймы имели кольца на кронштейнах, рассчитанные на меньший вес колчана, налущья или сумки. Крепление аткарских обойм на поясном ремне с помощью припаянных внешних скоб вместо традиционных торцевых прорезей или выступов на сабельных обоймах монгольских поясов также не придавало прочности изделиям, которые могли использоваться только как облегченная гарнитура стрелкового пояса.

Ременная основа поясного набора сохранилась в виде нескольких частей, накладки и наконечник на нем были изготовлены из очень тонкого металла, поэтому полностью окислились, а пряжка распалась на фрагменты. Плохая сохранность этих предметов (инв. № НВСП 34501) заставила обратиться к материалам отчета, где эти находки были зафиксированы в лучшем состоянии [Африканов, 1990а, рис. 29–37]. В основе пояса был прошитый по краям трехслойный кожаный ремень шириной 2,5 см (рис. 5,1,2,11). На одном конце ремня была закреплена составная бронзовая пряжка с овальными рамкой и приемником, изготовленными из кусков плоского дрота. Язычок пряжки и фиксатор ремня были сделаны из такого же дрота (рис. 5,7,8). На другом конце ремня

имелся тонкий бронзовый наконечник, от которого через равные промежутки были различимы парные заклепки, крепившие к ремню 13 тонких бронзовых накладок, сохранившихся мелкими фрагментами. Автором работы предлагается графическая реконструкция пояса из погребения 26 Аткарского могильника (рис. 5,10).

Форма 13 накладок прослеживалась по отпечаткам окислов на ремне, близким по конфигурации бляшкам «сердцевидной», «округло-треугольной» формы и штампованным накладкам в виде «трехлепестковых пальметт с каплевидными выступами между листьями», известным в составе мордовских поясов [Материалы по истории мордвы, 1952, с. 213, табл. XXIX,5,11, с. 214, табл. XXX,9,10, с. 216, табл. XXXII,3,7; Козлов, 2022б, с. 16–18, рис. 2,1–10; Козлов, 2023а, с. 307, рис. 3,13]. Об орнаменте на накладках в виде 2 пятилепестковых розеток можно судить по прорисовке участника экспедиции В.В. Филипченко, который сделал свою реконструкцию пояса из погребения 26 [Африканов, 1990а, рис. 37] (рис. 6,9).

Ременной наконечник был крайне плохой сохранности, поэтому изображение дракона на его лицевой стороне читается главным образом на основании приложенных к отчету прорисовок Ю.А. Африканова и В.В. Филипченко (рис. 5,1–9, 6,11). Изучение сохранившихся в отчете набросков позволяет соотнести их с публикациями 2 серебряных наконечников из Западной Сибири [Юрченко, 2012, с. 368–372, рис. 34] (рис. 6,10) и Поднепровья [Альбом XII археологического съезда, 1903, с. 6, рис. 7,3] (рис. 6,12), на которых проступали очертания повернутых головой влево изогнутых «водных» драконов с раздвоенными «рыбьими» хвостами. Особенность аткарского наконечника – его явно подражательный характер, когда в результате кустарного копирования оригинального изображения был получен зеркальный оттиск дракона с рыбьим хвостом. Таким образом, в результате тиснения на готовом концевике ремня дракон, который должен быть повернут головой в ту же сторону, как и на оригинале, оказался перевернутым брюхом вверх (рис. 5,9,10, 6,11). Эта особенность аткарского пояса, наряду с низким качеством работы и общедоступностью мате-

риала изготовления, ставит под сомнение ранговый характер и военно-управленческую «гвардейскую» атрибуцию, нередко приписываемую поздним золотоордынским поясам с изображениями драконов.

Погребение 36 (рис. 1,7, 7,1–16, 8,1,8) [Ляхов, 1997б]. В районе левого предплечья мужского костяка были зафиксированы элементы поясного набора: фрагментированный кожаный ремень шириной 2 см, пряжка, наконечник, 3 фиксатора, 8 шестилепестковых накладок и 3 четырехлепестковые обоймы [Ляхов, 1997б, с. 87–93]. Поясная пряжка набора (инв. № СМК 64154/9-11) имела простую конструкцию, состоящую из 2 спаянных овальных колец плоского бронзового дрота, аналогичную пряжке из погребения 26 Аткарского могильника. Подобные пряжки, очевидно, являются разновидностью пряжек типа ИБП [Федоров-Давыдов, 1966, с. 44, рис. 7] (рис. 7,1). Наконечник, прорисовка и описание которого опубликованы автором раскопок, также как концевик ремня из погребения 26, выполнен в технике тиснения по бронзовому листу (рис. 7,16). Пропорции и стилистика изображения дракона на изделии близки к передаче дракона на находке из Саратовского Поволжья, датируемой концом XIII – началом XIV в. [Исаков и др., 2014, с. 241, рис. 2,1] (рис. 7,21). Кроме того, композицию изделия можно реконструировать по 2 наконечникам поясных наборов из ст. Новоберезанской [Юрченко, 2012, с. 359, ил. 20] (рис. 7,19) и Сарлейского могильника [Козлов, 2022б, с. 16, ил. 2,2] (рис. 7,20), на которых изображен «ползущий» дракон, ориентированный головой влево от смотрящего. Таким образом, автором предлагается реконструкция декора ременных наконечников с «ползущим» драконом на основе сохранившихся изображений на находках из Саратовского Поволжья, ст. Новоберезанской и Сарлейского могильника (рис. 7,17). Предположительно «ползущий» дракон, ориентированный головой влево, мог послужить основой для зеркального изображения дракона на Аткарском наконечнике, где он уже повернут головой вправо (рис. 7,16).

Шестилепестковые накладные (инв. № СМК 64154/1-8) были изготовлены из бронзового листа и крепились к ремню одной железной заклепкой (рис. 7,8–15, 8,6). Использо-

вание подобных розеток в качестве блях поясного набора известно в кочевническом комплексе XIII–XIV вв. у пос. Комсомольский VI [Пшеничнюк, 1984, с. 72, рис. 8,2] (рис. 8,12) и в мордовских погребениях золотоордынского времени из Муранского, Барбашинского и Черемисского могильников [Козлов, 2023б, с. 45, рис. 4,1, с. 47, рис. 6,1–3] (рис. 8,9). Подобные накладкам нашивки найдены на Биллярском городище в слое XII – начала XIII в. и в составе Бутаевскогоклада середины – второй половины XIII века. Позднее розетки из цветных металлов были распространены в Золотой Орде в качестве нашивного украшения подола одежды и конской упряжи [Руденко, 2015, с. 284–286, ил. 391, 393, 398] (рис. 8,7,10,11). Некоторые шестилепестковые бляшки были украшениями головного убора [Каримова, 2013, с. 180, рис. 6,11] (рис. 8,8). Серийное изготовление подобных накладок и нашивок в Верхнем Просурье и Нижнем Поволжье подтверждается находками бронзовых матриц с Никольского селища [Винничек В.А., Винничек К.М., 2023, с. 11, рис. 3,4,5] (рис. 8,13,14) и Увекского городища [Кубанкин, Ситдилов, 2024, с. 209, ил. 14,17] (рис. 8,15,16).

Четырехлепестковые поясные обоймы (инв. № СМК 66159/1-3) имели форму блях конского оголовья, скрепляющих его перекрещивающиеся ремни. Наиболее ранние оголовья с 4 перекрещивающимися ремнями датируются на Руси IX в. [Кирпичников, 1973, с. 42–57, рис. 8–12]. На Болгарском городище была найдена литая матрица в виде четырехлепестковой розетки с рельефным растительным узором, датированная X–XIII вв., служившая для производства крупных экземпляров блях оголовий [Баранов и др., 2016б, с. 174]. В погребальных кочевнических комплексах XIII–XIV вв. известны различные четырехлепестковые бляхи, использовавшиеся как в конских оголовьях, так и в поясных наборах. Близкими аналогиями аткарских обойм являются бляхи конского оголовья из Тянь-Шаня [Акматаев, 2017, с. 200, рис. 3,1] (рис. 8,2), накладные поясного набора из Западного Казахстана [Бисембаев, Ахатов, 2019, с. 62–69, рис. 2,13, 3,1] (рис. 8,3,4), а также обоймы с изображениями личи (китайской сливы) из пояса, найденного у с. Мариенталь Саратовс-

кой области (рис. 8,5). Последние в деталях повторяют форму, размер и конструкцию крепления аткарских обойм. Коллектив авторов, занимавшихся анализом мариентальского пояса, датировал его серединой XIII – рубежом XIII–XIV вв., что несколько противоречит датировке М.Г. Крамаровского, допускавшего существование подобных поясов до середины XIV в. [Крамаровский, 2001б, с. 65; Исаков и др., 2013, с. 215–217].

Погребение 60 (рис. 1,9, 9,1–3) [Ляхов, 1997а; 1999]. Среди инвентаря погребения к гарнитуре поясного набора относятся 2 костяные обоймы (рис. 9,2,3) и 2 половинки костяного наконечника, крепившегося к ремню железными штифтами (рис. 9,1) [Ляхов, 1999, с. 96–97]. Обоймы и наконечник декорированы циркульным орнаментом, выполненным сверлом одного диаметра. Не исключено, что элементами пояса также были железная пряжка и бронзовые штифты, упомянутые в отчете [Ляхов, 1997а, с. 10]. Все предметы были найдены у левой руки погребенного. Есть ли точные аналогии наконечнику, нам неизвестно, однако близкие по размеру и типу крепления трапециевидные поясные накладки из кости были найдены в Болгаре [Пальцева, 2022, с. 226, рис. 5,7,8] (рис. 9,9), а фрагмент костяной пластины с аналогично обработанными треугольными зарубками краями происходит из коллекции ГМТР № 5427 [Руденко, 2005, с. 80, рис. 4,100] (рис. 9,10). Близкими аналогиями паре костяных поясных обойм из Аткарского могильника вполне определенно можно считать 2 роговые обоймы второй половины XIII – начала XV в. в виде полых коробочек, украшенных циркульным орнаментом, из собрания Болгарского музея-заповедника [Баранов и др., 2016б, с. 142–143, рис. 172–173] (рис. 9,10,11).

Поскольку материалы Аткарского грунтового могильника пока еще полностью не опубликованы, надо подчеркнуть, что среди 107 погребений, содержащих 112 человеческих костяков, пояса и их отдельные элементы прослеживались в 11 погребениях: пояса с железной гарнитурой часто были расположены на тазе и бедрах (рис. 1,1,2,5,6,8), с бронзовой и костяной (роговой) гарнитурой – разложены у левой руки погребенного (рис. 1,2–

5,7,9). Железные пряжки вместе с поясными кольцами в погребении 22 были выделены Н.К. Арзютовым (рис. 9,13–15) и Ю.А. Африкановым (рис. 9,16). Очевидно, существовало несколько вариантов использования колец на поясе, один из них представлен в материалах Комаровского могильника [Моржерин, 2013, с. 172, рис. 12,5] (рис. 9,19), другой прослеживается на шелковом поясе с Увекского городища [Кубанкин, Ситдилов, 2024, с. 151, рис. 10,8] (рис. 9,18). Происхождение железных накладок с подвесными кольцами и концевыми заклепками пластин следует связывать с изделиями аскизского круга [Козлов, 2022а]. Фрагменты подобных изделий фиксировались С.Ю. Монаховым в погребении 6 (рис. 9,23–26) и С.В. Ляховым в погребении 58 (рис. 9,21,22), аналогичные железные накладки известны в золотоордынских мордовских могильниках – Муранском [Алихова, 1954, с. 268, рис. 10,19] (рис. 9,27) и Комаровском [Моржерин, 2013, с. 166, рис. 6,8,16] (рис. 9,28,29).

Пояса с бронзовыми пряжками, обоймами и накладками весьма разнообразны по своему происхождению и технологии изготовления, что позволяет проследить как коренные финно-угорские традиции, так и моду, связанную с изготовлением подобных изделий в различных улусах Монгольской империи и городах Золотой Орды. Различные растительные орнаменты представлены на поясах из погребений 6, 15, 26, 36, металлические части которых изготавливались с использованием техники литья или тиснения по тонкому бронзовому листу. Изображения драконов на элементах поясных наборов из погребений 26 и 36, также выполненные тиснением, реконструируются по известным аналогиям и композиционно близки к сюжетам с «трехпалым геральдическим», «водным» и «ползущим» чудовищами на золотоордынских ранговых поясах. Особый интерес представляют сабельные обоймы поясного набора из погребения 11, декорированные изображениями 2 ланей и змея, композиция которых выходит за рамки сюжета «лань под раскидистым деревом», традиционного для парадных монгольских охотничьих поясов, и может быть отнесена к одному из вариантов развития классической фабулы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

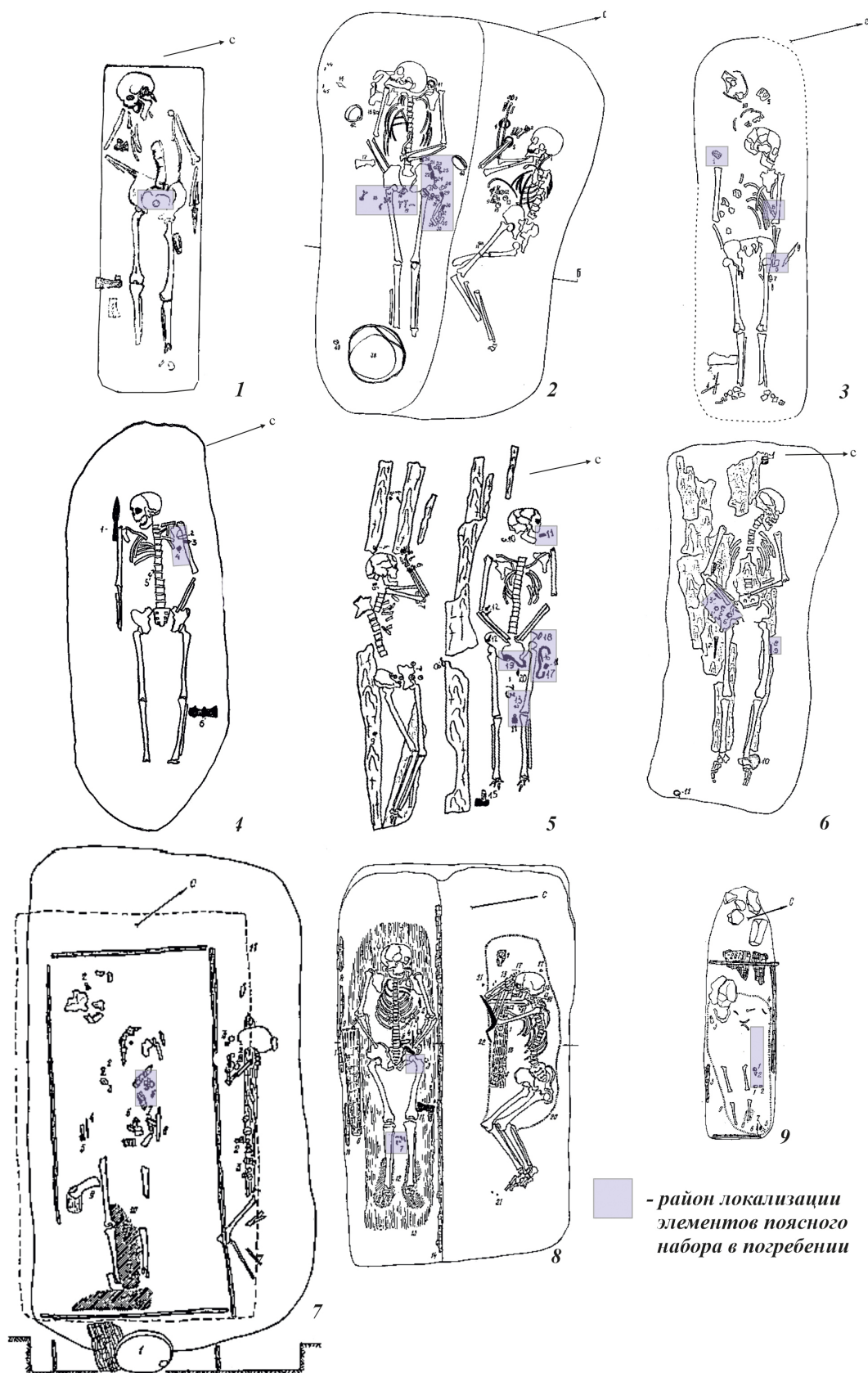

Рис. 1. Планы погребений Аткарского грунтового могильника (без масштаба):

- 1 – погребение 36 (по: [Арзютов, 1929, рис. 1]); 2 – погребение 6 (по: [Монахов, 1979, рис. 130]);
3 – погребение 11 (по: [Монахов, 1979, рис. 150]); 4 – погребение 23 (по: [Африканов, 1990а, рис. 16]);
5 – погребение 26 (по: [Африканов, 1990а, рис. 28]); 6 – погребение 30 (по: [Африканов, 1990б, рис. 10]);
7 – погребение 36 (по: [Ляхов, 1996, рис. 64]); 8 – погребение 58 (по: [Ляхов, 1997а, рис. 8]);
9 – погребение 60 (по: [Ляхов, 1997а, рис. 23])

Fig. 1. Schematic drawing of the ground plan of the Atkarskiy burial ground (without scale):

- 1 – burial 36 (after: [Arzyutov, 1929, fig. 1]); 2 – burial 6 (after: [Monahov, 1979, fig. 130]);
3 – burial 11 (after: [Monahov, 1979, fig. 150]); 4 – burial 23 (after: [Afrikanov, 1990a, fig. 16]);
5 – burial 26 (after: [Afrikanov, 1990a, fig. 28]); 6 – burial 30 (after: [Afrikanov, 1990b, fig. 10]);
7 – burial 36 (after: [Lyakhov, 1996, fig. 64]); 8 – burial 58 (after: [Lyakhov, 1997a, fig. 8]);
9 – burial 60 (after: [Lyakhov, 1997a, fig. 23])

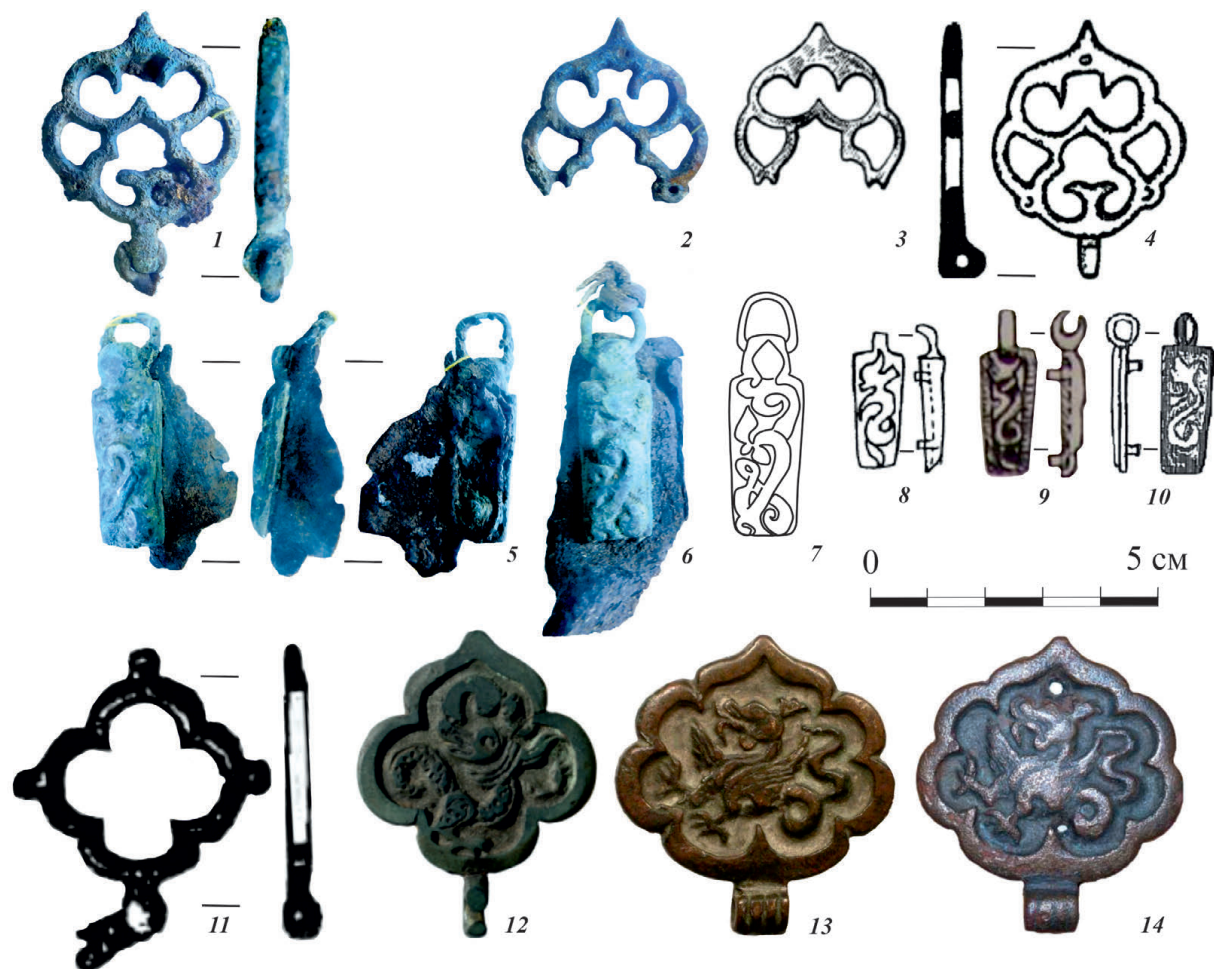

Рис. 2. Элементы поясного набора из погребения 15 Аткарского грунтового могильника с аналогиями:
 1, 2 – накладки из Аткарского могильника (фото автора, СМК 44086/1, 2); 3 – накладка из Муранского могильника (по: [Алихова, 1954, рис. 17,36]); 4 – накладка из кургана Песковка II (по: [Захаров, Лопан, 2006, рис. 6,2]);
 5–7 – подвесные накладки из Аткарского могильника (фото и прорисовка автора, СМК 44087/1, 2);
 8 – подвесные накладки с Лаишевского селища (по: [Руденко, 2001, рис. 34,11]); 9 – подвесная накладка из Саратовской области (по: [Афоньков, 2013, рис. 1]); 10 – подвесная накладка с Никольского селища (по: [Винничек В.А., Винничек К.М., 2023, рис. 7,17]); 11 – накладка из могильника Высокий Борок (по: [Адамов, 2000, рис. 79,8]); 12 – накладка из с. Верхоречье в Крыму (по: [Масюта, Лесная, 2020, рис. 2]); 13 – накладка из Болгара (по: [Баранов и др., 2016а, с. 52, рис. 3,1]); 14 – накладка из Волгоградской области (по: [Исаков и др., 2014, рис. 2])

Fig. 2. Elements of a belt set from burial 15 of the Atkarskiy burial ground with analogies:

- 1, 2 – overlays from the Atkarskiy burial ground (photo by the author, СМК 44086/1, 2);
 3 – overlay from the Muransky burial ground (after: [Alikhova, 1954, fig. 17,36]);
 4 – overlay from the Peskovka II kurgan (after: [Zakharov, Lopan, 2006, fig. 6,2]);
 5–7 – hanging linings from the Atkarskiy burial ground (photo and drawing by the author, СМК 44087/1, 2);
 8 – hanging linings from the Laishevsky settlement (after: [Rudenko, 2001, fig. 34,11]); 9 – hanging lining from the Saratov region (after: [Afonkov, 2013, fig. 1]); 10 – hanging lining from the Nikolskoe settlement (after: [Vinnichuk V.A., Vinnichuk K.M., 2023, fig. 7,17]); 11 – overlay from the Vysokiy Borok burial ground (after: [Adamov, 2000, fig. 79,8]); 12 – overlay from the Verkhorechye village in the Crimea (after: [Masyuta, Lesnaya, 2020, fig. 2]); 13 – overlay from the Bolgar (after: [Baranov et al., 2016a, p. 52, fig. 3,1]); 14 – overlay from the Volgograd region (after: [Isakov et al., 2014, fig. 2])

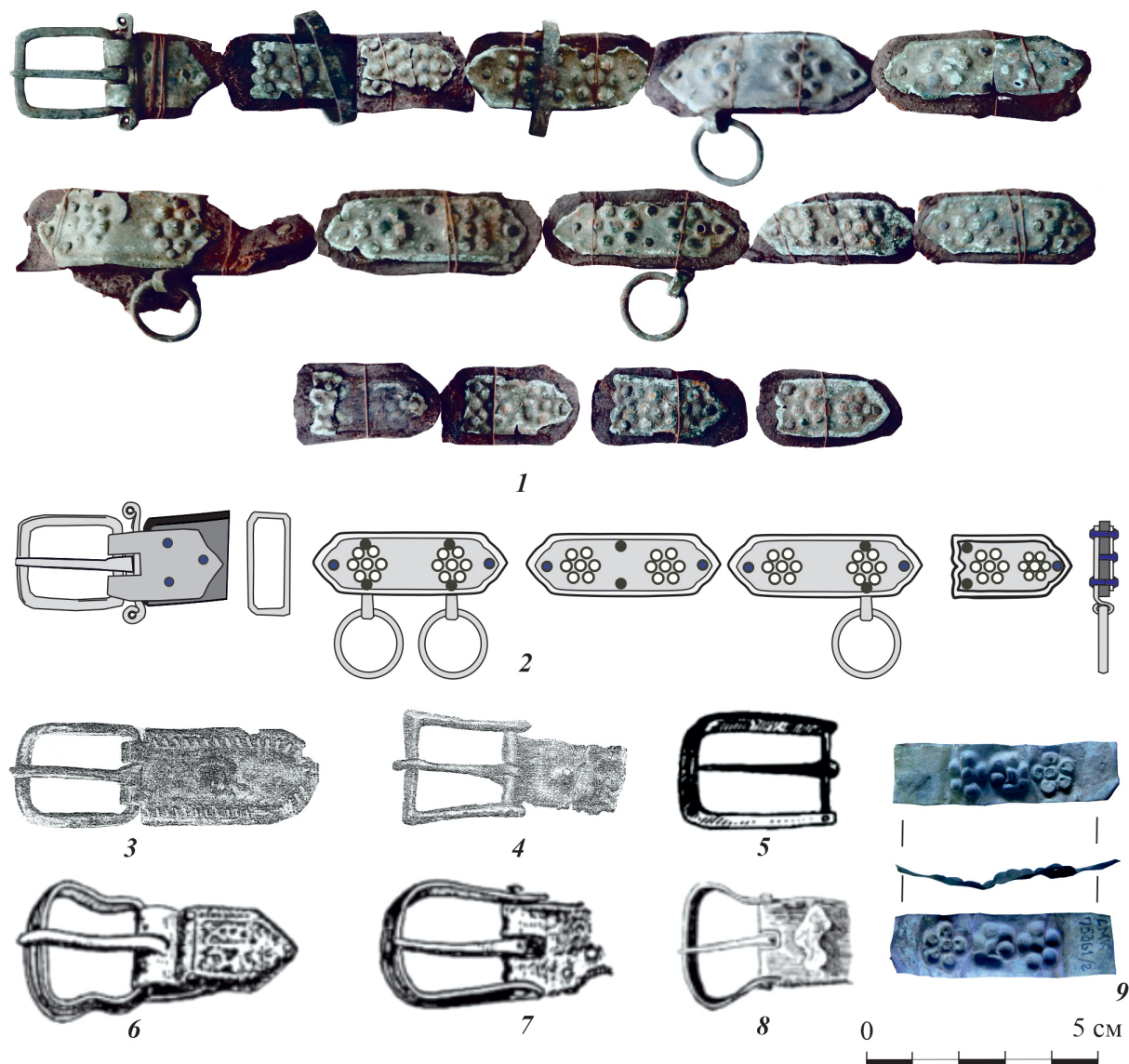

Рис. 3. Бронзовый поясной набор из погребения 6 Аткарского могильника с аналогиями:

1 – поясной набор из Аткарского краеведческого музея (фото автора); 2 – схематичная прорисовка элементов Аткарского поясного набора (прорисовка автора); 3 – пряжка из погребения 407 Крюковско-Кужновского могильника (по: [Материалы по истории мордвы ... , 1952, табл. XXXI,10]); 4 – пряжка из погребения 229 Крюковско-Кужновского могильника (по: [Материалы по истории мордвы ... , 1952, табл. XXIX,1]); 5 – пряжка из Муранского могильника (по: [Алихова, 1954, рис. 10,14]); 6 – пряжка из погребения 9 Гагинского могильника (по: [Козлов, 2022б, рис. 2,3]); 7 – пряжка из погребения 16 Гагинского могильника (по: [Козлов, 2022б, рис. 2,4]); 8 – пряжка из погребений 18–19 Сарлейского могильника (по: [Козлов, 2022б, рис. 2,1]); 9 – пластина с Хмелевского I селища (фото автора, СМК 75361/2)

Fig. 3. Bronze belt set from burial 6 of the Atkarskiy burial ground with analogies:

1 – belt set from the Atkarsk Museum of Local History (photo by the author); 2 – schematic drawing of the elements of the Atkarsk belt set (drawing by the author); 3 – buckle from burial 407 of the Kryukov-Kuzhnov burial ground (after: [Materials on the history of the Mordvins ... , 1952, tab. XXXI,10]); 4 – buckle from burial 229 of the Kryukov-Kuzhnov burial ground (after: [Materials on the History of the Mordvins ... , 1952, tab. XXIX,1]); 5 – buckle from the Muransky burial ground (after: [Alikhova, 1954, fig. 10,14]); 6 – buckle from burial 9 of the Gaginsky burial ground (after: [Kozlov, 2022b, fig. 2,3]); 7 – buckle from burial 16 of the Gaginsky burial ground (after: [Kozlov, 2022b, fig. 2,4]); 8 – buckle from burials 18–19 of the Sarley burial ground (after: [Kozlov, 2022b, fig. 2,1]); 9 – plate from the Khmelevsky I settlement (photo by the author, СМК 75361/2)

Рис. 4. Поясные обоймы из погребения 11 Аткарского грунтового могильника с аналогиями:

- 1 – авторская реконструкция декора на основе изображений на обоймах СМК 40410, 40411;
 2 – СМК 40411, анфас и профиль (фото автора); 3 – СМК 40411, ремень (фото автора); 4 – СМК 40410, анфас и оборот (фото автора); 5 – накладка Халчаянского погребения (по: [Пугаченкова, 1967, рис. 3,4]);
 6 – обойма из могильника Проспихинская Шивера IV (по: [Сенотрусова и др., 2015, рис. 1,4]);
 7 – обойма из Гашун-Уста (по: [Юрченко, 2012, рис. 36]); 8 – обойма из Таш-Башат (по: [Крамаровский, 2001б, рис. 2]);
 9, 14 – обоймы из коллекции Нессера Д. Халили (по: [Khalili Collections, 2020a, б]); 10 – матрица из Старого Орхей (по: [Бырня, Рябой, 1989, рис. 1,20]); 11 – матрица из Нижней Добринки (по: [Гарустович и др., 1998, табл. X,15]);
 12, 13 – обоймы из Барбашинского могильника (по: [Барбашинский могильник, 2018])

Fig. 4. Belt clips from burial 11 of the Atkarskiy burial ground with analogies:

- 1 – author's reconstruction of the decor based on images on the clips of CMK 40410, 40411;
 2 – CMK 40411, full face and profile (photo by the author); 3 – CMK 40411, belt (photo by the author); 4 – CMK 40410, full face and turnover (photo by the author); 5 – lining of the Khalchayan burial (after: [Pugachenkova, 1967, fig. 3,4]);
 6 – clip from the burial ground of Prospikhinskaya Shivera IV (after: [Senotrusova et al., 2015, fig. 1,4]);
 7 – clip from Gashun-Usta (after: [Yurchenko, 2012, fig. 36]); 8 – clip from Tash-Bashat (after: [Kramarovskiy, 2001b, fig. 2]);
 9, 14 – clips from the collection of Nesser D. Khalili (after: [Khalili Collections, 2020a, b]); 10 – matrix from the Staryy Orhei (after: [Byrnya, Ryaboy, 1989, fig. 1,20]); 11 – matrix from the Lower Dobrinka (after: [Garustovich et al., 1998, tab. X,15]);
 12, 13 – clips from the Barbashinsky burial ground (after: [Barbashinsky burial ground, 2018])

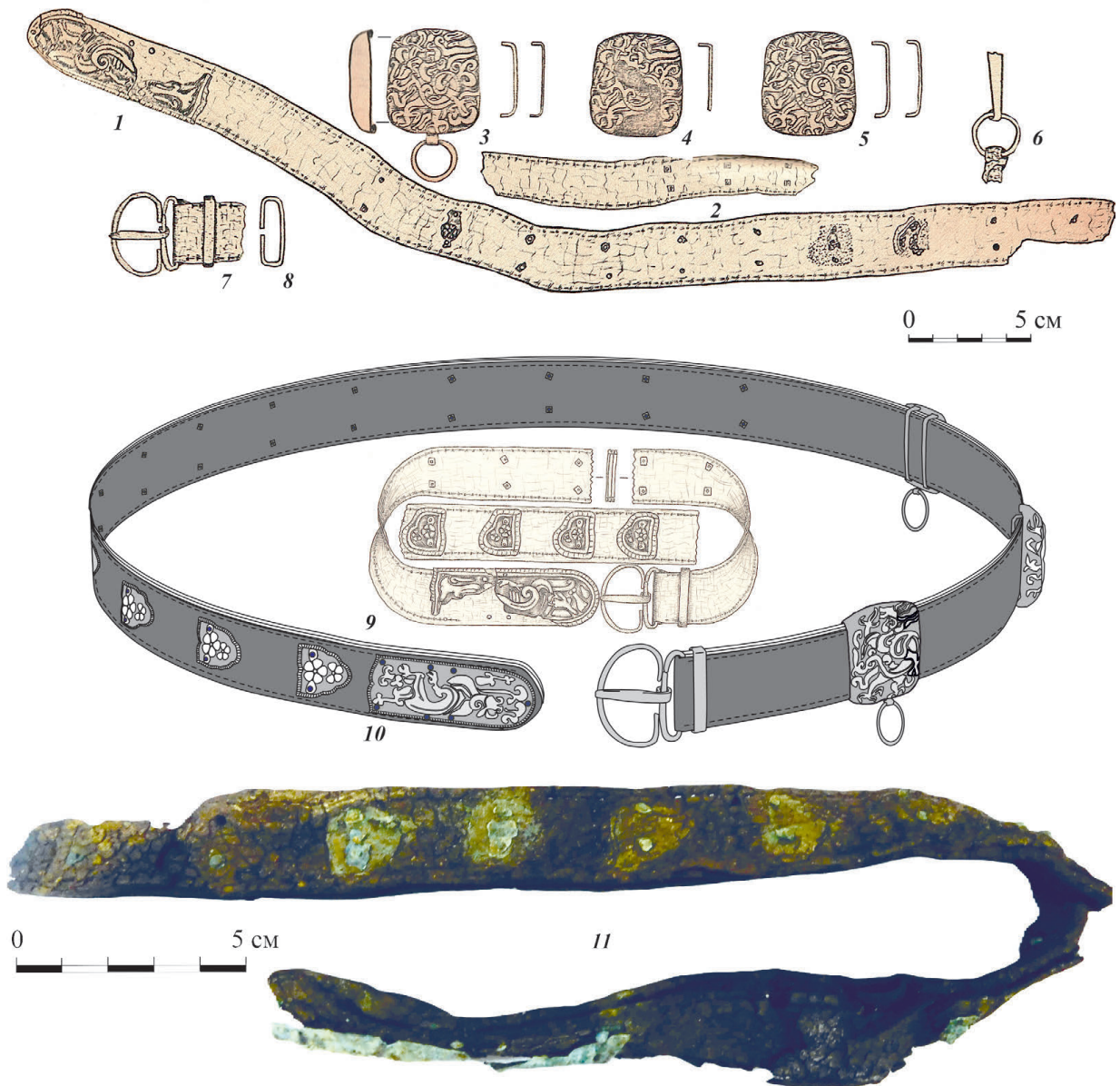

Рис. 5. Поясной набор из погребения 26 Аткарского могильника:

- 1–8 – прорисовка элементов поясного набора (по: [Африканов, 1990а, рис. 29]);
 9 – реконструкция поясного набора В.В. Филипченко (по: [Африканов, 1990а, рис. 37]);
 10 – авторская реконструкция поясного набора на основе материалов научного отчета;
 11 – НВСП 34501, кожаный ремень с фрагментом наконечника и следами утраченных накладок (фото автора)

Fig. 5. Belt set from burial 26 of the Atkarskiy burial ground:

- 1–8 – drawing of the belt set details (after: [Afrikanov, 1990a, fig. 29]);
 9 – reconstruction of the belt set by V.V. Filipchenko (after: [Afrikanov, 1990a, fig. 37]);
 10 – the author's reconstruction of the belt set based on the materials of the scientific report;
 11 – НВСП 34501, a leather belt with a fragment of the tip and traces of lost overlays (photo by the author)

Рис. 6. Обоймы и наконечник ремня из погребения 26 Аткарского могильника с аналогиями:

- 1 – авторская реконструкция декора на основе изображений на обоймах СМК 59259, 59260;
 2 – СМК 59259, анфас (фото автора); 3 – СМК 59260, анфас, оборот, профиль (фото автора);
 4 – ст. Новоберезанская (по: [Юрченко, 2012, ил. 20]); 5 – с. Ново-Подкряж (по: [Шалобудов, Кудрявцева, 1980, рис. 1]);
 6 – Красноярское городище (по: [Юрченко, 2012, ил. 35]); 7 – обойма из Западной Сибири (по: [Юрченко, 2012, ил. 35]);
 8 – обойма из с. Карга (по: [Альбом XII Археологического съезда, 1903, рис. 7,4,5]); 9 – авторская реконструкция
 декора наконечника на основе прорисовки фрагмента и аналогий из Западной Сибири и с. Карга;
 10 – наконечник из Западной Сибири (по: [Юрченко, 2012, ил. 34]); 11 – прорисовка наконечника В.В. Филиппенко
 (по: [Африканов, 1990а, рис. 37]); 12 – наконечник из с. Карга
 (по: [Альбом XII Археологического съезда, 1903, рис. 7,3])

Fig. 6. Clips and the tip of the belt from burial 26 of the Atkarskiy burial ground with analogies:

- 1 – the author's reconstruction of the decor based on images on the clips of СМК 59259, 59260;
 2 – СМК 59259, full face (photo by the author); 3 – СМК 59260, full face, turnover, profile (photo by the author);
 4 – Novoberezanskaya stanitsa (after: [Yurchenko, 2012, fig. 20]); 5 – Novo-Podkryazh village
 (after: [Shalobudov, Kudryavtseva, 1980, fig. 1]); 6 – Krasnoyarsk hillfort (after: [Yurchenko, 2012, fig. 35]);
 7 – clip from Western Siberia (after: [Yurchenko, 2012, fig. 35]); 8 – clip from the Karga village
 (after: [Album of the XII Archaeological Congress, 1903, fig. 7,4,5]); 9 – author's reconstruction of the decoration of the tip
 based on drawings of a fragment and analogies from Western Siberia and Karga village; 10 – tip from Western Siberia
 (after: [Yurchenko, 2012, fig. 34]); 11 – drawing of the tip by V.V. Filipchenko (after: [Afrikanov, 1990a, fig. 37]);
 12 – tip from Karga village (after: [Album of the XII Archaeological Congress, 1903, fig. 7,3])

Рис. 7. Элементы поясного набора из погребения 36 Аткарского могильника с аналогиями:

- 1–16 – поясной набор (по: [Ляхов, 1997б, рис. 4]; СМК 64154/1–11, СМК 66159/1–3);
 17 – авторская реконструкция декора ременных наконечников с «ползущим» драконом на основе аналогий (№ 19–21);
 18 – авторская реконструкция поясного набора; 19 – наконечник из ст. Новоберезанской (по: [Юрченко, 2012, ил. 20]); 20 – наконечник из погребения 12 кургана 1 Сарлейского могильника (по: [Козлов, 2022б, ил. 2,2]);
 21 – наконечник из Саратовского Поволжья (по: [Исаков и др., 2014, рис. 2,1])

Fig. 7. Elements of the belt set from burial 36 of the Atkarskiy burial ground with analogies:

- 1–16 – belt set (after: [Lyakhov, 1997b, fig. 4]; СМК 64154/1–11, СМК 66159/1–3);
 17 – author's reconstruction of the decoration of belt tips with a "crawling" dragon based on analogies (no. 19–21);
 18 – author's reconstruction of the belt set; 19 – tip from Novoberezhanskaya stanitsa (after: [Yurchenko, 2012, fig. 20]);
 20 – tip from burial 12 of kurgan 1 of the Sarley burial ground (after: [Kozlov, 2022b, fig. 2,2]);
 21 – tip from the Saratov Volga region (after: [Isakov et al., 2014, fig. 2,1])

Рис. 8. Элементы поясного набора из погребения 36 Аткарского могильника (СМК 66159/1, СМК 64154/5) с аналогиями:

- 1 – СМК 66159/1 (фото автора); 2 – накладка из могильника Боз-Адыр (по: [Акматов, 2017, рис. 3,1]); 3, 4 – фото и прорисовка накладки из могильника Уркач I (по: [Бисембаев, Ахатов, 2019, рис. 2,13, 3,1]); 5 – обойма из Мариенталя (по: [Исаков и др., 2013, рис. 1]); 6 – СМК 64154/5 (фото автора); 7, 11 – нашивки с Билярского городища (по: [Руденко, 2015, ил. 392]); 8 – бляшка из могильника Ишкулово-II (по: [Каримова, 2013, рис. 6,11]); 9 – накладка из могильника у с. Черемис (по: [Козлов, 2023б, рис. 2,4]); 10 – накладка из Бутаевскогоклада (по: [Руденко, 2015, ил. 393]); 12 – накладки из могильника Комсомольский VI (по: [Пшеничный, 1984, рис. 8,2]); 13, 14 – матрицы с Никольского селища (по: [Винничек В. А., Винничек К. М., 2023, рис. 3,4,5]); 15, 16 – фото и прорисовка матрицы с Увекского городища (по: [Кубанкин, Ситдилов, 2024, ил. 14,17])

Fig. 8. Elements of the belt set from burial 36 of the Atkarskiy burial ground (СМК 66159/1, СМК 64154/5) with analogies:

- 1 – СМК 66159/1 (photo by the author); 2 – overlay from the Boz-Adyr burial ground (after: [Akmatov, 2017, fig. 3,1]); 3, 4 – photo and drawing of the overlay from the Urkach I burial ground (after: [Bisembayev, Akhatov, 2019, fig. 2,13, 3,1]); 5 – Marienthal clip (after: [Isakov et al., 2013, fig. 1]); 6 – СМК 64154/5 (photo by the author); 7, 11 – patches from the Bilyar hillfort (after: [Rudenko, 2015, fig. 392]); 8 – plaque from the Ishkulovo-II burial ground (after: [Karimova, 2013, fig. 6,11]); 9 – overlay from the burial ground near Cheremis (after: [Kozlov, 2023b, fig. 2,4]); 10 – overlay from the Butaevsky treasure (after: [Rudenko, 2015, fig. 393]); 12 – overlays from the Komsomolsky VI burial ground (after: [Pshenichnyuk, 1984, fig. 8,2]); 13, 14 – matrices from the Nikolskoe settlement (after: [Vinnichuk V.A., Vinnichuk K.M., 2023, fig. 3,4,5]); 15, 16 – photos and drawing of the matrix from the Uvek hillfort (after: [Kubankin, Sitdikov, 2024, fig. 14,17])

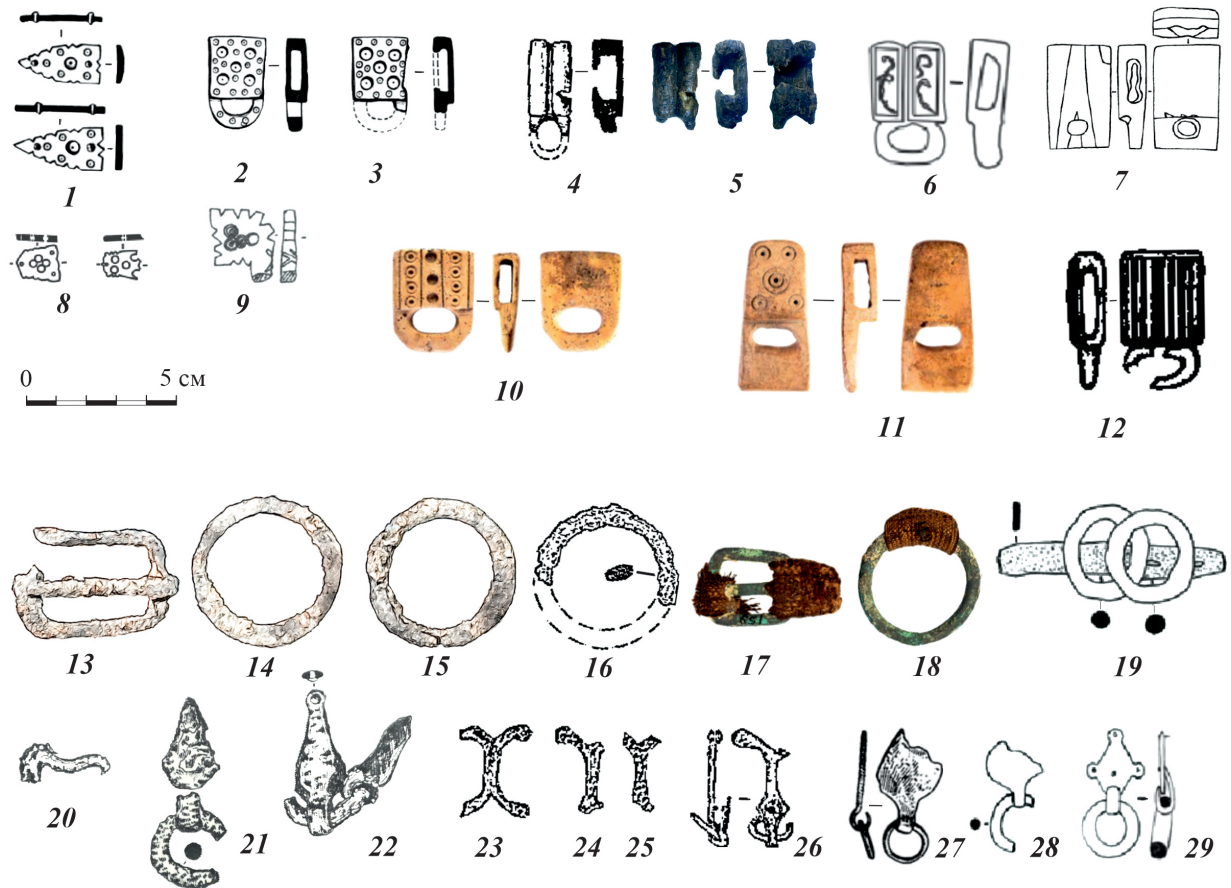

Рис. 9. Элементы поясных наборов Аткарского могильника с аналогиями:

1 – наконечник из погребения 60 (по: [Ляхов, 1999, рис. 2,14,15]); 2, 3 – обоймы из погребения 60 (по: [Ляхов, 1999, рис. 2,12,13]); 4 – прорисовка обоймы из погребения 23 (по: [Африканов, 1990а, рис. 17,4]); 5 – обойма из погребения 23 (НВСП 34494, фото автора); 6 – обойма с Болгарского городища (по: [Пальцева, 2022, рис. 4,4]); 7 – обойма с Увекского городища (по: [Недашковский, Моржерин, 2000, рис. 3,14]); 8 – накладки с Болгарского городища (по: [Пальцева, 2022, рис. 5,7,8]); 9 – костяная пластина из коллекции ГОМТР № 5427 (по: [Руденко, 2005, рис. 4,100]); 10, 11 – обоймы с Болгарского городища (по: [Баранов и др., 2016б, рис. 172, 173]); 12 – обойма с Азакского городища (по: [Масловский, 2006, рис. 13,3]); 13–15 – пряжка и поясные кольца из погребения 22, раскопки Н.К. Арзютова (прорисовка автора); 16 – поясное кольцо из погребения 22, раскопки Ю.А. Африканова (по: [Африканов, 1990а, рис. 6,31]); 17, 18 – элементы поясного набора с Увекского городища (по: [Кубанкин, Ситдилов, 2024, рис. 10,8]); 19 – поясные кольца из погребения 27 Комаровского могильника (по: [Моржерин, 2013, рис. 12,5]); 20–22 – пряжка и накладки из погребения 58 (по: [Ляхов, 1997а, рис. 6,2,3,7]); 23–26 – железные накладки из погребения 6 (по: [Монахов, 1979, рис. 135,14]); 27 – накладка из погребения 10 Муранского могильника (по: [Алихова, 1954, рис. 10,19]); 28, 29 – накладки из погребения 11 Комаровского могильника (по: [Моржерин, 2013, рис. 6,8,16])

Fig. 9. Elements of the belt sets from the Atkarskiy burial ground with analogies:

1 – tip from burial 60 (after: [Lyakhov, 1999, fig. 2,14,15]); 2, 3 – clips from burial 60 (after: [Lyakhov, 1999, fig. 2,12,13]); 4 – drawing clips from burial 23 (after: [Afrikanov, 1990a, fig. 17,4]); 5 – clip from burial 23 (НВСП 34494, photo by the author); 6 – clip from the Bulgarian hillfort (after: [Paltseva, 2022, fig. 4,4]); 7 – clip from the Uveksky hillfort (after: [Nedashkovsky, Morzherin, 2000, fig. 3,14]); 8 – overlay from the Bulgarian hillfort (after: [Paltseva, 2022, fig. 5,7,8]); 9 – bone plate from the ГОМТР collection no. 5427 (after: [Rudenko, 2005, fig. 4,100]); 10, 11 – clips from the Bulgarian hillfort (after: [Baranov et al., 2016b, fig. 172, 173]); 12 – clip from the Azak hillfort (after: [Maslovsky, 2006, fig. 13,3]); 13–15 – buckle and belt rings from burial 22, excavated by N.K. Arzyutov [author's drawing]; 16 – belt ring from burial 22, excavated by Yu.A. Afrikanov (after: [Afrikanov, 1990a, fig. 6,31]); 17, 18 – belt set elements from the Uvek hillfort (after: [Kubankin and Sitdikov, 2024, fig. 10,8]); 19 – belt rings from burial 27 of the Komarovskiy burial ground (after: [Morzherin, 2013, fig. 12,5]); 20–22 – buckle and overlay from burial 58 (after: [Lyakhov, 1997a, fig. 6,2,3,7]); 23–26 – iron overlays from burial 6 (after: [Monakhov, 1979, fig. 135,14]); 27 – overlay from burial 10 of the Muransky burial ground (after: [Alikhova, 1954, fig. 10,19]); 28, 29 – overlay from burial 11 of the Komarovskiy burial ground (after: [Morzherin, 2013, fig. 6,8,16])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Tobolsk; Omsk : OMPY, 2000. 256 с.
- Акматов К. Т., 2017. Вооружение и конское снаряжение кочевников Тянь-Шаня в монгольское время : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 236 с.
- Алихова А. Е., 1954. Муранский могильник и селище // Материалы и исследования по археологии. Т. I, № 42. М. : Наука. С. 259–301.
- Альбом выставки XII Археологического съезда в г. Харькове, 1903. М. : Тип. литограф. Н.П. Гроссмана. 25 с.
- Арзютов Н. К., 1929. Финский могильник XIII–XV вв. близ гор. Аткарска // Труды Нижне-Волжского краевого музея. Вып. 1. Саратов. С. 4–30.
- Архипов Г. А., 1973. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во. 198 с.
- Афоньков Н. Н., 2013. О некоторых типах фурнитуры поясных сумок и кошель золотоордынского времени с территории Саратовской области // Домонгол. Вып. 3. СПб. : Знакъ. С. 129–134.
- Африканов Ю. А., 1990а. Отчет об охранных раскопках Аткарского грунтового могильника в 1989 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 14612. 63 с.
- Африканов Ю. А., 1990б. Отчет об охранных раскопках Аткарского грунтового могильника в 1990 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 15543. 43 с.
- Баранов В. С., Бугров Д. Г., Ситдилов А. Г., 2016а. Музей Болгарской цивилизации. Т. 1. Древний Болгар: жизнь города. Казань : Главдизайн. 267 с.
- Баранов В. С., Бугров Д. Г., Ситдилов А. Г., 2016б. Музей Болгарской цивилизации. Т. 2. История тюрко-болгарской цивилизации. Казань : Главдизайн. 254 с.
- Барбашинский могильник – достояние планеты, 2018. URL: <https://dostoyanieplaneti.ru/5258-barbashinskii-mogilnik>
- Бисембаев А. А., Ахатов Г. А., 2019. Элитные погребения периода улуса Джучи, изученные в Актюбинской области // Поволжская археология. № 2. С. 61–77.
- Бырня П. П., Рябой Т. Ф., 1989. О некоторых ювелирных изделиях из Старого Орхеля // Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии. Кишинев : Штиинца. С. 97–103.
- Винничек В. А., Винничек К. М., 2023. Средневековые древности Никольского селища. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области. 88 с.
- Вихляев В. И., 2013. Расселение мордвы в III – начале XIII вв. // Поволжская археология. № 2. С. 162–172.
- Гарустович Г. Н., Ракушин А. И., Яминов А. Ф., 1998. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа : Гилем. 336 с.
- Захаров П. Е., Лопан О. В., 2006. Средневековый курган Песковка II // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 21–30.
- Исаков Р. В., Афоньков Н. Н., Шереметьев А. Г., Архангельский М. С., 2013. Парадный золотой пояс раннедзучидского времени из Мариентала: историко-культурный и семантический аспекты исследования // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск : Рифей. С. 212–226.
- Исаков Р. В., Афоньков Н. Н., Архангельский М. С., Павленко Ю. А., Шереметьев А. Г., 2014. К вопросу об атрибуции золотоордынских накладок из курганного могильника Маляевка-V // Поволжская археология. № 1. С. 233–246.
- Каримова Р. Р., 2013. Элементы убранства и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Археология евразийских степей. Вып. 16. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. 212 с.
- Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ. Вып. E1-36. Л. : Наука. 140 с.
- Козлов Д. А., 2022а. Накладки аскизского типа из мордовского погребения № 6 Аткарского могильника // Археология Евразийских степей. № 3. С. 249–263.
- Козлов Д. А., 2022б. Сарлейский вариант золотоордынских поясных наборов: распространение, хронология, социокультурный и исторический контекст // Нижний Новгород и его периферия: 800 лет борьбы и дружбы. Н. Новгород ; Богородск : Вариант. С. 14–28.

- Козлов Д. А., 2023а. Комплекс парного погребения 9–10 Барбашинского могильника (из раскопок Б.А. Латынина) в системе хронологии мордовских древностей золотоордынского периода // *Археология Евразийских степей*. № 1. С. 301–310.
- Козлов Д. А., 2023б. Мужское погребение с поясным набором и золотоордынской монетой из могильника у с. Черемис в Среднем Примокшанье // *Память прошлого – сценарии будущего: проблемы региональной гуманитарной науки : материалы всерос. науч. конф. (I Юрчёнковские чтения, 23 сент. 2020 г., II Юрчёнковские чтения, 23 сент. 2022 г.)*. Саранск : НИИГН. С. 38–49.
- Крамаровский М. Г., 2001а. Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб. : Славия. 364 с.
- Крамаровский М. Г., 2001б. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII вв. (источниковедческие аспекты) // *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 : материалы Междунар. науч. семинара (Казань, 23–26 июня 1998 г.)*. Казань : Мастер Лайн. С. 43–81.
- Кубанкин Д. А., Ситдилов А. Г. Города не исчезают... История Укека в находках. Каталог выставки, 2024. Казань : Изд-во АН РТ. 252 с.
- Ляхов С. В., 1996. Отчет об охранных раскопках грунтового мордовского могильника XIII–XV вв. на окраине г. Аткарска Саратовской области в 1996 г. // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 20535. 116 с.
- Ляхов С. В., 1997а. Отчет об охранных раскопках в Саратовском Правобережье 1997 г. // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 21296. 37 с.
- Ляхов С. В., 1997б. Исследования Аткарского грунтового мордовского могильника XIII–XIV вв. в 1996 году // *Археологическое наследие Саратовского края*. Вып. 2. Саратов : Орион. С. 79–98.
- Ляхов С. В., 1999. Охранные раскопки в Саратовском Правобережье // *Археологическое наследие Саратовского края*. Вып. 3. Саратов : Орион. С. 94–100.
- Мамонтов В. И., 1992. Курганный могильник Зубовка // *Древности Волго-Донских степей*. Вып. 2. Волгоград : Перемена. С. 17–48.
- Масловский А. Н., 2006. Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2005 году // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г*. Вып. 22. Азов : Изд-во Азов. музея-заповедника. С. 102–126.
- Масюта Д. А., Лесная Е. С., 2020. Деталь поясного набора золотоордынского времени из Юго-Западного Крыма // *Поволжская археология*. № 2. С. 238–247.
- Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Крюковско-Кужновский могильник. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова, 1952. Моршанск : Изд-во Морш. краевед. музея. 232 с.
- Материальная культура золотоордынских селищ центральной части Саратовского Поволжья, 2024. М. : Вост. лит. 239 с.
- Материальная культура Средне-Цнинской мордвы VIII–XI вв., 1969. Саранск : Морд. кн. изд-во. 175 с.
- Монахов С. Ю., 1979. Отчет о раскопках Аткарского грунтового могильника в Аткарском районе в 1979 г. // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 7530. 71 с.
- Монахов С. Ю., 1991. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // *Археология восточно-европейской степи*. Вып. 2. Саратов : СГУ. С. 167–189.
- Моржерин К. Ю., 2013. Комаровский могильник. Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11. Саратов : Науч. кн. С. 140–178.
- Мыськов Е. П., 2015. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград : Изд-во РАНХиГС. 487 с.
- Недашковский Л. Ф., 2002. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений центральной части Саратовской области // *Нижневолжский археологический вестник*. Вып. 5. С. 335–347.
- Недашковский Л. Ф., Моржерин К. Ю., 2000. Костяные изделия из Укека // *Золотоордынское обозрение*. Вып. 8. С. 472–503.
- Пальцева Д. У., 2022. Булгарские костяные детали снаряжения коня и всадника X–XIV вв. // *Археология Евразийских степей*. № 1. С. 220–229.
- Пугаченкова А. Г., 1967. Погребение монгольского времени в Халчаяне // *Советская археология*. № 2. С. 252–258.
- Пшеничнюк А. Х., 1984. Курганы средневековых кочевников на Южном Урале // *Памятники кочевников Южного Урала*. Уфа : БФАН СССР. С. 60–74.

- Руденко К. А., 2001. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Казань : Заман. 256 с.
- Руденко К. А., 2005. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья. Казань : Школа. С. 67–97.
- Руденко К. А., 2015. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань : Заман. 528 с.
- Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В., Тишкин А. А., 2015. Металлическая гарнитура поясных наборов монгольского времени в ангарской тайге // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2. С. 116–125.
- Сташенков Д. А., 2014. Барбашинский могильник на территории города Самары: некоторые итоги изучения и перспективы исследования // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16, № 3. С. 326–329.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. : Изд-во Моск. ун-та. 276 с.
- Шалобудов В. Н., Кудрявцева И. В., 1980. Кочевнические погребения среднего Приорелья // Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск : ДГУ. С. 90–97.
- Юрченко А. Г., 2012. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб. : Евразия. 432 с.
- Khalili Collections, 2020a. Islamic Art, Two Belt Fittings, JLY 1012. URL: <https://www.khalilicollections.org/collections/islamic-art/khalili-collection-islamic-art-two-belt-fittings-jly1012/>
- Khalili Collections, 2020b. Islamic Art, Belt Fittings, JLY 1825. URL: <https://www.khalilicollections.org/collections/islamic-art/khalili-collection-islamic-art-belt-fitting-jly1825/>

REFERENCES

- Adamov A.A. *Novosibirskoe Priobye в X–XIV vv.* [Novosibirsk Ob Region in the 10th – 14th Centuries]. Tobolsk, Omsk, OGPU, 2000. 256 p.
- Akmatov K.T., 2017. *Vooruzhenie i konskoe snaryazhenie kochevnikov Tyan'-Shanya v mongol'skoe vremya: dis. ... kand. ist. nauk* [Armament and Horse Equipment of the Tien Shan Nomads in the Mongol Period. Cand. hist. sci. diss.]. Novosibirsk. 236 p.
- Alihova A.E., 1954. Muranskiy mogil'nik i selishche [Muransky Burial Ground and Settlement]. *Materialy i issledovaniya po arheologii* [Materials and Research on the Archeology], vol. I, no. 42. Moscow, Nauka Publ., pp. 259–301.
- Al'bom vystavki XII Arheologicheskogo s'ezda v g. Har'kove* [Album of the Exhibition of the XII Archaeological Congress in Kharkov], 1903. Moscow, N.P. Grossman's Publ. 25 p.
- Arzyutov N.K., 1929. Finskiy mogil'nik XIII–XV vv. bliz gor. Atkarska [Finnish Burial Ground of the 13th – 15th Centuries near the Atkarsk]. *Trudy Nizhne-Volzhskogo kraevogo muzeya* [Proceedings of the Lower Volga Regional Museum], iss. 1. Saratov, pp. 4–30.
- Arhipov G.A., 1973. *Mariytsy IX–XI vv. K voprosu o proiskhozhdenii naroda* [Mari People of the 9th – 11th Centuries. On the Question of the Origin of the People]. Yoshkar-Ola, Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo. 198 p.
- Afon'kov N.N., 2013. O nekotorykh tipah furnitury poiasnykh sumok i kosheley zolotoordynskogo vremeni s territorii Saratovskoy oblasti [About Some Types of Accessories for Waist Bags and Purses of the Golden Horde Period from the Territory of the Saratov Region]. *Domongol*, iss. 3. Saint Petersburg, Znak Publ., pp. 129–134.
- Afrikanov Yu.A., 1990a. Otchyot ob ohrannykh raskopkakh Atkarskogo gruntovogo mogil'nika v 1989 godu [Report on the Protective Excavations of the Atkarskiy Burial Ground in 1989]. *Arhiv IA RAN*, R-1, no. 14612. 63 p.
- Afrikanov Yu.A., 1990b. Otchyot ob ohrannykh raskopkakh Atkarskogo gruntovogo mogil'nika v 1990 godu [Report on the Protective Excavations of the Atkarskiy Burial Ground in 1990]. *Arhiv IA RAN*, R-1, no. 15543. 43 p.
- Baranov V.S., Bugrov D.G., Sitdikov A.G., 2016a. *Muзей Bolgarskoy tsivilizatsii. T. 1. Drevniy Bolgar: zhizn' goroda* [Museum of Bulgarian Civilization. Ancient Bulgarian: the Life of the City]. Kazan, Glavdizayn Publ. 267 p.
- Baranov V.S., Bugrov D.G., Sitdikov A.G., 2016b. *Muзей Bolgarskoy tsivilizatsii. T. 2. Istoriya tyurko-bolgarskoy tsivilizatsii* [Museum of Bulgarian Civilization. Vol. 2. History of the Turkic-Bulgarian Civilization]. Kazan, Glavdizayn Publ. 254 p.
- Barbashinskiy mogil'nik – dostoyanie planety*, 2018. URL: <https://dostoyanieplaneti.ru/5258-barbashinskii-mogilnik>

- Bisembaev A.A., Ahatov G.A., 2019. Elitnye pogrebeniya perioda ulusa Dzhuchi, izuchennyye v Aktyubinskoy oblasti [Elite Burial Monuments of Juchi Ulus Period Studied in the Aktobe Region]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2, pp. 61-77.
- Byrnya P.P., Ryaboy T.F., 1989. O nekotorykh yuvelirnykh izdeliyah iz Starogo Orheya [About Some Jewelry from the Old Orhei]. *Pamyatniki drevneyshego iskusstva na territorii Moldavii* [Monuments of Ancient Art on the Territory of Moldova]. Kishenev, Shtiintsa, pp. 97-103.
- Vinnichuk V.A., Vinnichuk K.M., 2023. *Srednevekovye drevnosti Nikol'skogo selishcha* [Medieval Antiquities of the Nikolskoe Settlement]. Penza, Institute of Regional Development of Penza Region. 88 p.
- Vihlyayev V.I., 2013. Rasselenie mordvy v III – nachale XIII vv. [Settling of the Mordvins in the 3rd – the Early 13th Centuries]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2, pp. 162-172.
- Garustovich G.N., Rakushin A.I., Yaminov A.F., 1998. *Srednevekovye kochevniki Povolzh'ya (kontsa IX – nachala XV veka)* [Medieval Nomads of the Volga Region (Late 9th – Early 15th Century)]. Ufa, Gilem Publ. 336 p.
- Zaharov P.E., Lopan O.V., 2006. Srednevekovyy kurgan Peskovka II [The Medieval Kurgan of Peskovka II]. *Materialy po arheologii Volgo-Don'skikh stepey* [Materials on the Archaeology of the Volga-Don Steppes], iss. 3. Volgograd, VolSU, pp. 21-30.
- Isakov R.V., Afon'kov N.N., Sheremet'ev A.G., Arhangel'skiy M.S., 2013. Paradnyy zolotoy poyas rannedzhuchidskogo vremeni iz Mariientalya: istoriko-kul'turnyy i semanticheskiy aspekty issledovaniya [The Ceremonial Golden Belt of the Early Jochid Period from Marienthal: Historical, Cultural and Semantic Aspects of the Study]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic Interactions in the Southern Urals]. Chelyabinsk, Rifey Publ., pp. 212-226.
- Isakov R.V., Afon'kov N.N., Arhangel'skiy M.S., Pavlenko Yu. A., Sheremet'ev A.G., 2014. K voprosu ob atributsii zolotoordynskikh nakladok iz kurgannogo mogil'nika Malyaevka-V [Concerning the Issue on Attribution of the Golden Horde Placues from the Mound Ground the Malyaevka-V]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 1, pp. 233-246.
- Karimova R.R., 2013. Elementy ubrantsva i aksesuary kostyuma kochevnikov Zolotoy Ordyy (tipologiya i sotsiokul'turnaya interpretatsiya) [Elements of Decoration and Accessories of the Costume of the Nomads of the Golden Horde (Typology and Socio-Cultural Interpretation)]. *Arheologiya evraziyskikh stepey*, iss. 16. Kazan, Mardzhani Institute of History. 212 p.
- Kirpichnikov A.N., 1973. *Snaryazhenie vsadnika i verhovogo konya na Rusi IX–XIII vv.* [Equipment of a Horseman and a Riding Horse in Russia of the 9th – 13th Centuries]. *Svod Arheologicheskikh Istochnikov*, iss. E1-36. Leningrad, Nauka Publ. 140 p.
- Kozlov D.A., 2022a. Nakladki askizskogo tipa iz mordovskogo pogrebeniya № 6 Atkarskogo mogil'nika [Askiz Type of Plates from the Mordvins Burial no. 6 of Atkarskiy Burial Ground]. *Arheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 3, pp. 249-263.
- Kozlov D.A., 2022b. Sarleyskiy variant zolotoordynskikh poyasnykh naborov: rasprostraneniye, khronologiya, sotsiokul'turnyy i istoricheskiy kontekst [The Sarleian Version of the Golden Horde Belt Sets: Distribution, Chronology, Socio-Cultural and Historical Context]. *Nizhniy Novgorod i ego periferiya: 800 let bor'by i druzhby* [Nizhny Novgorod and its Periphery: 800 Years of Struggle and Friendship]. Nizhniy Novgorod, Bogorodsk, Variant Publ., pp. 14-28.
- Kozlov D.A., 2023a. Kompleks parnogo pogrebeniya 9-10 Barbashinskogo mogil'nika (iz raskopok B.A. Latynina) v sisteme khronologii mordovskikh drevnostey zolotoordynskogo perioda [The Complex of Paired Burial of the 9-10 Barbashinsky Burial Ground (from the Excavations of B.A. Latynin) in the Chronology System of the Mordvins Antiquities of the Golden Horde Period]. *Arheologiya Evraziyskikh stepey* [Archeology of the Eurasian Steppes], no. 1, pp. 301-310.
- Kozlov D.A., 2023b. Muzhskoe pogrebeniye s poyasnym naborom i zolotoordynskoy monetoy iz mogil'nika u s. Cheremis v Srednem Primokshan'e [A Male Burial with a Belt Set and a Golden Horde Coin from the Burial Ground near the Village of Cheremis in the Middle Primorye]. *Pamyat'proshlogo – stsennariy budushchego: problemy regional'noy gumanitarnoy nauki. Materialy vserossiyskikh nauchnykh konferentsiy (I Yurchyonkovskie chteniya, 23 sentyabrya 2020 g., II Yurchyonkovskie chteniya, 23 sentyabrya 2022 g.)* [Memory of the Past – Scenarios of the Future: Problems of Regional Humanitarian Science. Proceedings of the All-Russian Scientific Conferences (The 1st Yurchenkov Readings, September 23, 2020, the 2nd Yurchenkov Readings, September 23, 2022)]. Saransk, NIIGN Publ., pp. 38-49.

- Kramarovskiy M.G., 2001a. *Zoloto Chingizidov: kul'turnoe nasledie Zolotoy Ordyy* [The Gold of Chingizids: the Cultural Heritage of the Golden Horde]. Saint Petersburg, Slaviya Publ. 364 p.
- Kramarovskiy M.G., 2001b. Novye materialy po istorii kul'tury rannih Dzhuchidov: voinskie poyasa kontsa XII – pervoy poloviny XIII vv. (istochnikovedcheskie aspekty) [New Materials on the Cultural History of the Early Jochids: Military Belts of the Late 12th – First Half of the 13th Centuries (Source Studies Aspects)]. *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordyy). Ot Kalki do Astrahani. 1223–1556. Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara* (Kazan, 23–26 iyunya 1998 g.) [Source Studies of the History of the Ulus of Jochi (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan. 1223–1556. Proceedings of the International Scientific Seminar, June 23–26, 1998]. Kazan, Master Layn Publ., pp. 43–81.
- Kubankin D.A., Sitdikov A.G. *Goroda ne ischezayut... Istoriya Ukeka v nahodkakh. Katalog vystavki* [Cities Do Not Disappear... The History of Ukek in Finds. Catalog of Exhibition], 2024. Kazan, AS RT. 252 p.
- Lyahov S.V., 1996. Otchet ob ohrannykh raskopkakh gruntovogo mordovskogo mogil'nika XIII–XV vv. na okraine g. Atkarska Saratovskoy oblasti v 1996 g. [Report on the Security Excavations of the Underground the Mordvins Burial Ground of the 13th–15th Centuries on the Outskirts of Atkarsk, Saratov Region in 1996]. *Arhiv IA RAN*, R-1, no. 20535. 116 p.
- Lyahov S.V., 1997a. Otchet ob ohrannykh raskopkakh v Saratovskom Pravoberezh'e 1997 g. [Report on Security Excavations in the Saratov Right Bank in 1997]. *Arhiv IA RAN*, R-1, no. 21296. 37 p.
- Lyahov S.V., 1997b. Issledovaniya Atkarskogo gruntovogo mordovskogo mogil'nika XIII–XIV vv. v 1996 godu [Studies of the Atkarskiy Mordvin Burial Ground of the 13th – 14th Centuries in 1996]. *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya* [Archaeological Heritage of the Saratov Region], iss. 2. Saratov, Orion Publ., pp. 79–98.
- Lyahov S.V., 1999. Ohrannye raskopki v Saratovskom Pravoberezh'e [Protective Excavations in the Saratov Right Bank]. *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya* [Archaeological Heritage of the Saratov Region], iss. 3. Saratov, Orion Publ., pp. 94–100.
- Mamontov V.I., 1992. Kurgannyi mogil'nik Zubovka [Kurgan Burial Ground Zubovka]. *Drevnosti Volgo-Donskih stepey* [Antiquities of the Volga-Don Steppes], iss. 2. Volgograd, Peremena Publ., pp. 17–48.
- Maslovskiy A.N., 2006. Arheologicheskie issledovaniya v Azove i Azovskom rayone v 2005 godu [Archaeological Research in Azov and the Azov Region in 2005]. *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g.* [Historical and Archaeological Research in Azov and on the Lower Don in 2005], iss. 22. Azov, Azov Museum-Reserve, pp. 102–126.
- Masyuta D.A., Lesnaya E.S., 2020. Detal' poyasnogo nabora zolotoordynskogo vremeni iz Yugo-Zapadnogo Kryma [Detail of a Belt Set from the Golden Horde Period from South-Western Crimea]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2, pp. 238–247.
- Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. Kryukovsko-Kuzhnovskiy mogil'nik. Dnevnik arheologicheskikh raskopok P.P. Ivanova* [Materials on the History of the Mordvins of the 8th–11th Centuries. Kryukov-Kuzhnovsky Burial Ground. Diary of Archaeological Excavations by P.P. Ivanov], 1952. Morshansk, Morshansk Regional Museum. 232 p.
- Material'naya kul'tura zolotoordynskikh selishch tsentral'noy chasti Saratovskogo Povolzh'ya* [The Material Culture of the Golden Horde Villages of the Central Part of the Saratov Volga Region]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 239 p.
- Material'naya kul'tura Sredne-Tsninskoy mordvy VIII–XI vv.* [Material Culture of the Sredne-Tsninskaya Mordvins of the 8th – 11th Centuries], 1969. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 175 p.
- Monahov S.Yu., 1979. Otchyot o raskopkakh Atkarskogo gruntovogo mogil'nika v Atkarskom rayone v 1979 g. [Report of Excavation of Atkarskiy Cemetery in Aktarsk District in 1979]. *Arhiv IA RAN*, R-1, no. 7530. 71 p.
- Monahov S.Yu., 1991. Novye issledovaniya gruntovogo Atkarskogo mogil'nika [New Studies of the Atkarskiy Burial Ground]. *Arheologiya vostochno-evropeyskoy stepi* [Archeology of the East European Steppe], iss. 2. Saratov, SSU, pp. 167–189.
- Morzherin K.Yu., 2013. Komarovskiy mogil'nik [Komarovskiy Burial Ground]. *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya* [The Archaeological Heritage of the Saratov Region], iss. 11. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., pp. 140–178.
- Mys'kov E.P., 2015. *Kochevniki Volgo-Donskih stepey v epokhu Zolotoy Ordyy* [Nomads of the Volga-Don Steppes in the Era of the Golden Horde]. Volgograd, Volgograd Branch of RANEP. 487 p.

- Nedashkovskiy L.F., 2002. Himicheskiy sostav izdeliy iz tsvetnykh metallov s zolotoordynskikh poseleniy tsentral'noy chasti Saratovskoy oblasti [Chemical Composition of Non-Ferrous Articles from the Golden Horde Settlements of the Central Part of Saratov Region]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 5, pp. 335-347.
- Nedashkovskiy L.F., Morzherin K. Yu., 2000. Kostyanye izdeliya iz Ukeka [Bone Wares from Ukek]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], iss. 8, pp. 472-503.
- Pal'tseva D.U., 2022. Bulgarskie kostyanye detali snaryazheniya konya i vsadnika X–XIV vv. [Bulgarian Bone Details of the Equipment of Horse and Rider of the 10th – 14th Centuries]. *Arheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 1, pp. 220-229.
- Pugachenkova A.G., 1967. Pogrebenie mongol'skogo vremeni v Halchayane [Burial of the Mongolian Period in Khalchayan]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 2, pp. 252-258.
- Pshenichnyuk A.H., 1984. Kurgany srednevekovykh kochevnikov na Yuzhnom Urale [Kurgans of Medieval Nomads in the Southern Urals]. *Pamyatniki kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Monuments of Nomads of Southern Urals]. Ufa, BBAS USSR, pp. 60-74.
- Rudenko K.A., 2001. *Tyurkskiy mir i Volgo-Kam'e v XI–XIV vv. Izdeliya askizskogo kruga v Srednem Povolzh'e* [The Turkic World and the Volga-Kama Region in the 11th – 14th Centuries. Products of the Askiz Circle in the Middle Volga Region]. Kazan, Zaman Publ. 256 p.
- Rudenko K.A., 2005. Bulgarskie izdeliya iz kosti i roga [Bulgar Products Made of Bone and Horn]. *Drevnosti Povolzh'ya: epoha srednevekov'ya* [Antiquities of the Volga Region: the Epoch of the Middle Ages]. Kazan, Shkola Publ., pp. 67-97.
- Rudenko K.A., 2015. *Bulgarskoe srebro. Drevnosti Bilyara* [Bulgarian Silver. The Antiquities of Bilyar], vol. II. Kazan, Zaman Publ. 528 p.
- Senotrusova P.O., Mandryka P.V., Tishkin A.A., 2015. Metallichesкая garnitura poyasnykh naborov mongol'skogo vremeni v angarskoy tayge [Metal Headset of Belt Sets of the Mongolian Time in the Angara Taiga]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia], no. 2, pp. 116-125.
- Stashenkov D.A., 2014. Barbashinskiy mogil'nik na territorii goroda Samary: nekotorye itogi izucheniya i perspektivy issledovaniya [Barbashinsky Burial Ground on the Territory of the City of Samara: Some Results of the Study and Research Prospects]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 16, no. 3, pp. 326-329.
- Fedorov-Davydov G.A., 1966. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh hanov* [Nomads of Eastern Europe Under the Rule of the Golden Horde Khans]. Moscow, Moscow University. 276 p.
- Shalobudov V.N., Kudryavtseva I.V., 1980. Kochevnicheskie pogrebeniya srednego Priorel'ya [Nomadic Burials of the Middle Priory]. *Kurgany Stepnogo Podneprov'ya* [Barrows of the Steppe Dnieper]. Dnepropetrovsk, DSU, pp. 90-97.
- Yurchenko A.G., 2012. *Elita Mongol'skoy imperii: vremya prazdnikov, vremya kazney* [The Elite of the Mongolian Empire: the Time of Holidays, the Time of Executions]. Saint Petersburg, Eurasia Publ. 432 p.
- Khalili Collections, 2020a. *Islamic Art, Two Belt Fittings*, JLY 1012. URL: <http://www.khalilicollections.org/khalili-collection-islamic-art-belt-fitting-jly1012>
- Khalili Collections, 2020b. *Islamic Art, Belt Fittings*, JLY 1825. URL: <http://www.khalilicollections.org/khalili-collection-islamic-art-belt-fitting-jly1825>

Information About the Author

Aleksey I. Rakushin, Candidate of Sciences (History), Archaeologist, Scientific and Production Center for the Historical and Cultural Heritage of the Saratov Region, I.V. Michurin St, 86, 410056 Saratov, Russian Federation, rakushinai@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1116-357X>

Информация об авторе

Алексей Иванович Ракушин, кандидат исторических наук, археолог, государственное автономное учреждение культуры «Научно-производственный центр по историко-культурному наследию Саратовской области», ул. им. Мичурина И.В., д. 86, 410056 г. Саратов, Российская Федерация, rakushinai@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1116-357X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.6>

UDC 902/904

LBC 63.445(2)

Submitted: 28.05.2024

Accepted: 04.12.2024

LOG TARAS WALLS CONSTRUCTION IN THE RUSSIAN STATE IN THE LATE 16th – EARLY 18th CENTURY ¹

Sergey V. Gorokhov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. This article reconstructs the design of crowned taras walls built in the late 16th – early 18th century in the Russian state. Based on an analysis of published written sources, archaeological and pictorial materials, the author establishes the main metric characteristics of these walls, their structural variability, and design features. The paper demonstrates that the widespread notion of taras as two parallel crowned walls with interlocks does not correspond to historical reality. The study identifies three main types of crowned taras walls: with a single wall, with double closing external walls, and with infilling of the space between double walls with soil (earth, stone, or “hryashch”, which is a type of coarse sand). The article also reconstructs the design of taras walls in Olonets based on descriptions dating back to 1649 and 1670, revealing differences in taras log cabins’ construction and the parameters. The description of the Sumskey Ostrog (prison) of 1740 is considered an example of a wall with triangular taras log walls. The author concludes that the design of crowned taras walls is associated with the features of the defensive architecture of that period. During the Livonian War, garrisons of Russian fortresses faced the problem of wooden walls being set on fire by red-hot cannonballs. In response, a solution was found: the construction of double-row walls with the space between them filled with soil, which allowed them to successfully withstand artillery fire and prevent fires. The article presents schematic diagrams of taras wall design, as well as illustrations demonstrating their construction. This research contributes to the study of Russian fortification history and can be used for further research, as well as for the reconstruction of historical fortifications.

Key words: Russian Tsardom, Russian state, 16th – 18th centuries, fortification, wooden fortifications, taras, construction.

Citation. Gorokhov S.V., 2025. Konstruktsiya venchatykh tarasnykh sten v Russkom (Rossiyskom) gosudarstve vo vtoroy polovine XVI – nachale XVIII veka [Log Taras Walls Construction in the Russian State in the Late 16th – Early 18th Century]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 2, pp. 103-124. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.6>

УДК 902/904

ББК 63.445(2)

Дата поступления статьи: 28.05.2024

Дата принятия статьи: 04.12.2024

КОНСТРУКЦИЯ ВЕНЧАТЫХ ТАРАСНЫХ СТЕН В РУССКОМ (РОССИЙСКОМ) ГОСУДАРСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА ¹

Сергей Валерьевич ГороховНовосибирский национальный исследовательский государственный университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. На основе анализа опубликованных письменных источников, археологических и изобразительных материалов автор устанавливает основные метрические характеристики тарасных стен, их конструктивную вариативность и принципы устройства. В работе показано, что распространенное представление о тарасах как о двух параллельных венчатых стенах с перерубами не соответствует исторической действительности. Исследование выявляет три основных типа венчатых тарасных стен: с одинарной стеной, с двойными смыкающимися внешними стенами и с заполнением пространства между двойными стенами грунтом (земля, камень, «хрящ»). В статье также реконструируются устройства тарасных стен в Олонце по описаниям 1649 и 1670 гг., выявляются различия в их конструкциях и параметры тарасных срубов. В качестве примера стены с треугольными срубами тарас рассматривается описание Сумского острога (1740 г.). Автор делает

вывод о том, что устройство венчатых тарасных стен было связано с особенностями оборонительного зодчества того времени. В ходе Ливонской войны гарнизоны русских крепостей столкнулись с проблемой поджигания деревянных стен с помощью раскаленных ядер. В ответ на это было найдено решение: возведение двухрядных стен с заполнением пространства между ними грунтом, что позволило успешно противостоять артиллерийскому обстрелу и предотвратить возникновение пожара. В статье представлены принципиальные схемы устройства тарасных стен, а также иллюстрации, демонстрирующие их конструкцию. Данная публикация вносит вклад в изучение истории русской фортификации и может быть использована для дальнейших исследований, а также для реконструкции исторических укреплений.

Ключевые слова: Русское государство, Российское государство, XVI–XVIII века, фортификация, деревянные оборонительные сооружения, тарасы, конструкция.

Цитирование. Горохов С. В., 2025. Конструкция венчатых тарасных стен в Русском (Российском) государстве во второй половине XVI – начале XVIII века // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 103–124. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.6>

Одной из основных конструкций стен в деревянных и древо-земляных фортификационных сооружениях в Русском государстве были тарасы. Современная концепция устройства тарасных стен, которой придерживается большинство исследователей, была сформулирована Ф.Ф. Ласковским в 1858 году. Согласно ей такая стена представляла собой две параллельные венчатые стены с перерубами [Горохов, 2024а]. Однако Ф.Ф. Ласковский не подвел под свое представление о тарасных стенах необходимые источниковую и доказательную базы. Не сделали этого и последующие поколения историков фортификации. Ранее в специальной статье² на основе репрезентативной выборки письменных и археологических источников была рассмотрена гипотеза о том, что тарасы представляли собой две параллельные венчатые стены с перерубами. Было установлено, что в письменных источниках отсутствуют прямые доказательства справедливости рассматриваемой гипотезы, при этом выявлено множество свидетельств ее ошибочности. В частности, установлено, что тарасная стена могла состоять из одного ряда стен, а тарасы не являлись сплошной конструкцией. Обнаружены существенные различия в локализации фортификационных сооружений с тарасами и со стенами «в две стены», а также в способе их описания в документах XVI–XVIII веков. По результатам проведенного исследования была поставлена задача изучить вопрос конструкции тарасных стен в Русском государстве на максимально широкой источниковой базе.

В другой статье³ было установлено, что 1) тарасы и стена – это разные конструкции

или разные элементы одной конструкции, сопряженные друг с другом; 2) тарасы представляли собой отдельные срубы, располагавшиеся на некотором расстоянии друг от друга. В этой же публикации было выявлено три принципиальные схемы устройства тарас: высокие тарасы и тын, низкие тарасы и тын, высокие тарасы и рубленая стена. Целью исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, была реконструкция устройства рубленой (венчатой) стены с высокими тарасами. Источниковая база исследования представлена опубликованными письменными источниками [Горохов, 2024б], археологическими и изобразительными материалами.

Известно всего два описания венчатых тарасных стен, на основе которых можно выполнить достаточно полную реконструкцию. Составлены они в 1649 и 1670 г. и относятся к крепостным стенам Олонца. Поэтому в данной статье сначала будет выполнена их реконструкция, для того чтобы составить представление о принципах устройства венчатых тарасных стен, а затем на основе всего корпуса письменных источников будут установлены основные метрические характеристики таких стен и их конструктивная вариативность.

Согласно описанию Олонца в 1649 г., город был рублен «в тарасы в четвероугольные, до нижних боев рублен в 2 стены, а между стен пущено 3 чети аршина, насыпан землею для защиты пушечной и пищалиной стрельбы; а тарасы рублены по городу в сажень, а в город 2 сажень без четверти, а в тарасах просечены бои пищальные, а в тарасы из города двери просечены для вместки осадных лю-

дей <...> а между тарасов стены по 2 сажени, просечены между тарасов по два бои нижних. А по городу намошен мост, а с мосту рублена городовая стена по верхние пищальные бои, с обломы, в 2 стены, для крепости и защиты пищальной стрельбы; а в обломах бои пищальные <...> А вышина городу, рублен по кровлю 3 сажени с четвертью, ширина городу 2 сажени без четверти» [Дополнения ... , 1848, с. 228].

Стены Олонца в 1649 г. были венчатыми (рис. 1, 1, 2). До первого яруса бойниц стена была двойная («до нижних боев рублен в две стены»). Расстояние между стенами составляло 54 см («3 чети аршина»). Такая стена сама по себе не может находиться в вертикальном положении, поэтому изнутри располагались тарасы («а тарасы рублены <...> в город 2 сажени без четверти»), которые представляли собой четырехугольные срубы («в тарасы в четверугольные»). При этом тарасы должны были перерубаться со стеной. В противном случае стена, не имея возможности упасть в город, непременно упала бы в сторону «поля»⁴. Протяженность тараса по линии стены составляла 2,16 м, в перпендикулярном направлении – 3,78 м («тарасы рублены по городу в сажень, а в город 2 сажени без четверти»). Расстояние между соседними тарасами равнялось 4,32 м («между тарасов стены по 2 сажени»). Это означает, что внешняя и внутренняя стены сооружались из трехсаженных бревен (сумма протяженности тараса по линии стены и расстояния между тарасами). Из таких же бревен возводились и три внутренние стены срубов тарасов. Для этого трехсаженное бревно разделялось на две неравные части: протяженностью 4,05 и 2,43 м. Длинная часть была короче двух саженей ровно на 6 вершков, а короткая часть – длиннее одной сажени на ту же величину. Принцип деления трехсаженного бревна на две части состоит в следующем. Короткая часть бревна должна быть не менее 2,16 м, так как протяженность тараса по внешней стене составляла одну сажень. Длинная часть – не короче 3,78 м (две сажени без четверти). После суммирования этих величин остается еще 0,54 м, которые идут на выпуски бревен сруба тараса, коих на двух бревнах четыре. Таким образом, размер выпусков составляет 13,5 см (ровно 3 вершка).

Высота тарас может быть вычислена путем определения расстояния от подошвы до моста, который настилался поверх тарас. Высота стены до кровли составляла 7,02 м («рублен по кровлю 3 сажени с четвертью»). От моста до стропил кровли должно быть около одной сажени (2,16 м), чтобы взрослый человек мог свободно действовать на мосту при обороне города, оперируя длинноствольной ручной пищалью. Существенно большее расстояние между мостом и кровлей лишено практического смысла. Следовательно, мост настилался на высоте около 4,86 м (две сажени с четвертью), что и составляет высоту тарас. При обычной толщине бревна 31–35⁵ см (7–8 вершков) и глубине паза в 4 см (около одного вершка) в тарасе было 17 венцов. На секцию стены, образованную трехсаженным пролетом и одним тарасом без моста и обламной части, требовалось 71 трехсаженное бревно. При этом оставалось 16 обрубков длиной 2,38 м, которые, вероятно, употреблялись на сооружение иных крепостных конструкций.

Высота внутренней стены определяется высотой расположения бойниц («до нижних боев рублен в 2 стены»), которая зависит от среднего роста взрослого мужчины. Например, в Кольском остроге она составляла два аршина. Такой же она должна была быть и в Олонце (1,4 м, 5 венцов при толщине бревна 32 см и пазе 4 см). Для заполнения пространства между стенами на трехсаженном участке требовалось 5,1 м³ грунта.

Трехсаженные бревна во внешней и внутренней стене должны были укладываться в шахматном порядке для исключения образования сплошного стыка бревен от подошвы до верхнего края стены. Это существенно ослабило бы жесткость конструкции стены, особенно под давлением грунта и ударами ядер осадной артиллерии.

На одну сажень стены приходилась одна бойница: из тарасного сруба прорубалась одна бойница («в тарасех просечены бои пищальные»), а в пролете стены между тарасами – две («просечены между тарасов по два бои нижних»). Попадали в тарас через проем в стене, обращенной в город («а в тарасы из города двери просечены»).

В данной статье не станем касаться устройства обламной части стен, так как, во-

первых, это не является предметом исследования, а во-вторых, прежде необходимо на широкой источниковой базе выявить основные схемы и параметры устройства обломов, что должно стать предметом специального исследования.

Согласно описанию Олонца 1670 г., «тарасы рублены вышиною до мосту полторы саж. с двумя вершки, а землю тех тарасов еще насыпать не изоспели, а сыпать тех тарасов землю вверх мерою саж. и над землею будет в тех тарасах до мосту полсажени с двумя вершки, и в тех тарасах над землею под мостом учинен средней бой. А вход в те тарасы к среднему бою учинен с мосту, а в ширину те тарасы с лица сажень с аршином. А внутри города те тарасы шириною сажень, а меж теми тарасами учинен нижней бой и снута меж теми тарасами, где учинен нижней бой, шириною сажень без полуаршина, а с лица у бойниц шириною в аршин» [Русская историческая ... , 1884, ст. 927].

Из приведенного описания следует, что стена была венчатой, так как отсутствуют какие-либо признаки, указывающие на наличие тына (рис. 1, 2, 3). Такая стена сама по себе не может находиться в вертикальном положении, потому что отсутствует скрепление бревен между собой. Значит, стена образовывала единую конструкцию со срубами тарас (стена врубалась в срубы-тарасы). В плане тарасы имели форму равнобедренной трапеции, так как протяженность внешней стены составляла 2,88 м, а внутренней – 2,16 м («в ширину те тарасы с лица сажень с аршином. А внутри города те тарасы шириною сажень»). Ширина тарас от внешней стены до внутренней не указана, но ее можно рассчитать. Во-первых, известна протяженность параллельных стен сруба-тараса. Во-вторых, для строительства тарасных стен обычно использовали трехсаженные бревна, следовательно, длина бревен в боковых стенах должна быть две сажени (трехсаженное бревно делилось на две неравные части длиной 1 и 2 сажени). При таких условиях ширина сруба-тараса от внешнего края стены до внутреннего составляла 4,02 м. Такие метрические параметры сруба тараса позволят наиболее рационально использовать строительный материал. Образовавшиеся в процессе возве-

дения длинных стен сруба тараса односаженные бревна могли быть употреблены для сооружения внутренней стены сруба тараса, а оставшиеся бревна в количестве числа венцов сруба тараса – для сооружения моста среднего боя. Расстояние между тарасами составляло 0,72 м по линии внешней стены и 1,8 м по линии внутренних стен тарас («снута меж теми тарасами, где учинен нижней бой, шириною сажень без полуаршина, а с лица у бойниц шириною в аршин»). Высота тарасного сруба составляла «полторы сажени с двумя вершки», то есть 3,33 м.

Если текст источника понимать буквально, то срубы тарас следовало наполнить грунтом на высоту в одну сажень («а сыпать тех тарасов землю вверх мерою сажень»). На образовавшейся площадке был устроен средний бой («и в тех тарасах над землею под мостом учинен средней бой»). При этом от площадки среднего боя до моста верхнего боя было всего 1,17 м («и над землею будет в тех тарасах до мосту полсажени с двумя вершки»). Этого пространства недостаточно, чтобы устроить средний бой, так как даже если предположить, что стрельба велась из положения лежа или с колена, то имеющегося пространства будет недостаточно для манипуляций с длинноствольной пищалью. Это означает, что буквальное прочтение текста источника в рамках нашего текущего понимания фортификационной терминологии XVII в. не позволяет воссоздать конструкцию тарасных стен Олонца.

Кроме невозможности устройства среднего боя в рамках описанных условий, обращает на себя внимание явно избыточная толщина грунта (3,4 м). Ядра осадных орудий не способны были пробить даже полуметровый слой грунта, расположенный между двумя деревянными стенами, что показывает конструкция стены в Олонце в 1649 году. Вероятно, конструкция стены в 1670 г. была подобна конструкции 1649 г., то есть внешняя стена была двойной и заполнена грунтом. Только в обновленной крепости внутренняя стена была выше – одна сажень. При таком условии указания источника на то, что расстояние от уровня грунта в тарасах до моста было 1,17 м, следует понимать таким образом, что это расстояние от верхней части внутренней стены

до моста. Следовательно, площадка среднего боя, на которой помещались защитники крепости, должна располагаться ниже верхнего края внутренней стены на два аршина (расстояние до моста около 2,6 м). То есть на таком уровне, при котором: 1) защитникам крепости будет удобно вести стрельбу через бойницы, прорубленные над верхним краем внутренней стены, и манипулировать длинноствольной пищалью; 2) защитники крепости будут прикрыты до уровня плеч от пушечной и пищальной стрельбы двойными стенами с грунтом. На возведение трех саженей такой стены с тарасами⁶, но без моста верхнего боя и обламов потребуется 99 трехсаженных бревен толщиной 32 см и 7,5 м³ грунта. Бревна внешней и внутренней стены должны были укладываться в шахматном порядке. В противном случае образуется сплошной шов-смычка соседних бревен от подошвы до верхнего края стены, что снижает сопротивляемость стены давлению грунта и ударам ядер осадной артиллерии в этом месте.

Бойницы нижнего боя располагались между тарасами («а меж теми тарасами учинен нижней бой»), а среднего боя – в тарасах («в тех тарасах над землею под мостом учинен средней бой»). Таким образом, на одну сажень и два аршина стены приходились одна бойница нижнего боя и одна среднего. Для увеличения угла обстрела из бойниц нижнего боя они должны были существенно расширяться внутрь двойной внешней стены с хрящом. О бойницах нижнего боя в тарасах ничего не сообщается. Их там не могло быть, так как площадка среднего боя находилась на высоте одного аршина от земли. Вести стрельбу и манипулировать длинноствольной пищалью в таких условиях невозможно. Об отсутствии нижнего боя в тарасах свидетельствует и то, что в росписи нет упоминания о дверях, ведущих в тарасы. Защитники крепости попадали на площадку среднего боя с моста, так как, во-первых, устроить вход туда с первого этажа тарас было невозможно и, во-вторых, прорубание дверного проема непосредственно в срубе тараса снижало его жесткость и, как следствие, устойчивость к артиллерийскому обстрелу. Вероятно, пространство в тарасах под площадкой среднего боя никак не использовалось и доступа к нему не было.

Таким образом, стены Олонца в 1670 г. стали более устойчивы к воздействию артиллерии, чем в 1649 г., так как: 1) тарасы расположены более плотно друг к другу; 2) в тарасах отсутствует дверной проем, что увеличивает прочность конструкции тараса и стены; 3) увеличилась высота внутренней стены и грунтовой засыпки. Однако уменьшилась высота стены. Возросла и плотность огня защитников крепости, потому что в стене от подошвы до моста увеличилось количество бойниц, приходящихся на одну сажень.

Сообщения письменных источников о размерах различных конструкций в составе венчатых тарасных стен весьма скупы. Подробнее всего характеризуется высота стен, которая обычно указывалась от подошвы до кровли. В таких случаях производилось вычитание из высоты стены одной сажени, так как именно такое пространство над мостом необходимо защитникам крепости, чтобы манипулировать длинноствольными ручными пищалью. Полученное значение соответствует высоте тарас, потому что мост опирался непосредственно на них. Из таблицы 1 видно, что чаще всего высота тарас соответствовала значениям, кратным одной сажени (1, 2, 3) или полусаженю (1,5, 2,5). Реже – четверти сажени (1,25, 1,75, 2,25). По всей видимости, минимальной высотой тарасных срубов в венчатых тарасных стенах была одна сажень, максимальная – три сажени. Самыми распространенными были срубы-тарасы высотой до двух саженей. Из общего ряда выбивается высота тарас в Белгороде (шесть саженей в 1676 г.) по данным А.В. Никитина, который ссылается на архивный источник [Никитин, 1962, с. 276]. Возможно, это ошибка и речь должна идти не о саженях, а о метрах.

Протяженность четырехугольных срубов тарас по линии внешней стены составляла преимущественно одну сажень, иногда доходя до 1,33–1,5 саженей. Стены срубов тарас, перпендикулярные внешней стене, чаще всего имели протяженность, кратную четверти сажени, в интервале от одной сажени до двух саженей без четверти⁷ (табл. 2).

Срубы тарас в плане были не только прямоугольными, но и косыми или треугольными (рис. 4). Последние по письменным источникам зафиксированы в Коротояке (1732 г.) [Во-

ротникова, Неделин, 2016], Красноярске (начало XIX в.) [Воротникова, Неделин, 2021, с. 628], Мирополье (1718 г.), на Подоле в Киеве (вторая половина XVII в.) [Носов, 2018, с. 67], Сумском остроге (1740 г.), Царицыне (1737 г.), Черноморске (1741 г.) [Воротникова, Неделин, 2021, с. 486, 508]. Сруб треугольных тарас имел три стены, одна из которых была единой внешней стеной крепости.

Подробнее всего стена «на треугольных тарасах» описана в 1740 г. в Сумском остроге. Одна стена «длиною двадцать саженей, рублена в два бревна, на восьми тарасах треугольных. На них переходы в полторы сажени. Стена от земли в вышину до кровли три сажени». Другая «стена северная длиною 28 сажень один аршин 8 вершков, рублена в два бревна на 18 тарасах треугольных» [Мильчик, Шахнович, 2016, с. 209]. Этой информации достаточно, чтобы определить основные метрические параметры стены.

Сначала реконструируем стену по первому, более подробному описанию (рис. 5, 1, 6). На один тарас приходится 2,5 сажени стены, поэтому протяженность тараса по линии стены не может быть более этого значения (5,4 м). Вероятно, между тарасами были устроены бойницы нижнего боя. Для этого необходимо, чтобы тарасы отстояли друг от друга по линии стены не менее чем на один аршин⁸, как это было сделано в Олонце (1670 г.). В таком случае ширина тарас по линии стены не будет превышать 4,68 м. Согласно описанию, ширина моста была 1,5 сажени, соответственно, и ширина сруба тараса в направлении перпендикулярном внешней стене, должна соответствовать этому расстоянию. Каждая из двух внутренних стен тарас должна иметь протяженность ровно в 2 сажени с учетом выпусков бревен. Это позволит, во-первых, соблюсти минимальное расстояние между срубами тарас и ширину стены и, во-вторых, рационально использовать заготовленные для строительства бревна, стандартная длина которых в деревянном крепостном зодчестве была 3 или 4 сажени. Если внутренние стены тарас стыковать под прямым углом, то при соблюдении ширины стены в 1,5 сажени оказывается, что длины бревен недостаточно для соединения внутренних стен с внешней с выпуском, а также невозможно соблю-

сти минимальное расстояние между срубами тарас. Следовательно, угол между внутренними стенами тарас должен быть острым (около 73°). В таком случае протяженность сруба тараса по линии внешней стены составит искомые 4,68 м, а расстояние между соседними срубами тарас по внешней стене – один аршин (0,72 м).

Так как сруб тараса состоит из трех стен, то его рубка как четырехстенка невозможна, потому что нельзя соблюсти принцип, когда все бревна, примыкающие к каждому бревну, должны располагаться на половину своей толщины выше или ниже его⁹. Решить эту проблему можно, расположив бревна внутренних стен сруба тараса в одном уровне, соединив их специальным образом (рис. 6, 3). Тогда к каждому бревну во внешней стене будут примыкать бревна, расположенные только выше или ниже его на половину их диаметра.

Внешняя стена состояла из двух смыкающихся рядов бревен, так как ничего не сообщается о заполнении пространства между стенами грунтом. Высота тарас была около 2 сажень, еще одна сажень должна приходиться на пространство над мостом («стена от земли в вышину до кровли три сажени»).

На другом отрезке стены на 28 сажнях было расположено 18 тарасов, то есть на один тарас приходилось примерно 1,5 сажени стены (рис. 5, 2, 7). Так же, как и в первом случае, между тарасами должны были быть бойницы нижнего боя, поэтому протяженность одного тараса по линии стены составляла 2,52 м. Сооружение более узких тарас на этом участке стены, вероятно, было вызвано необходимостью устроить большее количество бойниц нижнего боя между срубами тарас¹⁰. При ширине тарас по линии, перпендикулярной внешней стене крепости в 1,5 сажени, для сооружения внутренних стен срубов тарас были необходимы бревна длиной 1,75 сажени. Угол между внутренними стенами тарасного сруба составлял около 42°. Такой сруб также имел особую конструкцию, о которой было сказано выше (рис. 6, 3).

Если обратиться к словарю В.И. Даля, то можно обнаружить следующие значения слова «косой»: 1) «косая стена, столб, неотвесный, наклонный», 2) «непрямой», «кривая черта, гнутая, дуга», 3) «косой угол, наклонный,

меньше или больше прямого, острый или тупой», «треугольный» [Даль, 2006, т. 2, с. 176, 177]. В Словаре русского языка XI–XVII вв. в статье «Косой» указаны такие значения: 1) «имеющий наклонные, неотвесные линии или грани», 2) «имеющий изогнутость, кривизну, искривление» [Словарь ..., 1980, с. 365, 366]. В письменных источниках нет признаков того, что тарасный сруб мог быть наклонным, и того, что стены сруба были непрямолинейными. Вероятнее всего, под косыми тарасами подразумевался треугольный или четырехугольный сруб с непрямыми углами (трапеция), как в Олонце в 1670 году.

Венчатая тарасная стена сооружалась из трех- или четырехсаженных бревен, как это указано в описаниях Касимова и Новгорода [Книги Касимовского ..., 1893, с. 20, 23, 24; Новгород Великий ..., 1986, с. 73–82]. Вероятно, все же чаще из трехсаженных бревен, так как это был распространенный стандарт для крепостного строительства, о чем известно из многочисленных описаний башен, большинство из которых имело протяженность стены в три сажени. Толщина бревен указана лишь в описании Вологды, Касимова и Кольского острога¹¹ – 7 или 8 вершков (31–36 см) [Кукушкин, 2016, с. 205].

О расстояниях между тарасными срубами можно судить только по описаниям Олонца, где они в разное время составляли один аршин (1670 г.) и две сажени (1649 г.) по линии внешней стены [Дополнения ..., 1848, с. 228–230; Русская историческая ..., 1884, ст. 927]. Один аршин был минимальным расстоянием, так как в противном случае не было возможности устроить бойницу между тарасами. При таком расстоянии между соседними тарасами их срубы должны были представлять собой в плане треугольник или трапецию, чтобы можно было оперировать длинноствольной пищалю. Максимальное расстояние между соседними тарасами по линии внешней стены крепости составляет разницу между стандартной длиной бревна во внешней стене и протяженностью тараса по внешней стене крепости. Например, при длине бревна в четыре сажени и ширине сруба тараса по линии внешней стены в одну сажень расстояние между тарасами не могло быть больше трех саженей. Иначе во внешней стене появятся

бревна, у которых будет лишь один переруб с перпендикулярными к ним стенами тарас (либо вовсе не будет перерубов), что существенно снизит прочность стены в месте расположения такого бревна.

Внешняя стена венчатой тарасной стены могла состоять из одного ряда бревен (Инсара (1703 г.), Кцынские ворота на одноименной засеке (1638 г.), Новгород (1664, 1675 г.), но чаще из двух (Борисов (1660 г.), Брест (1660 г.), Касимов (1671–1674 гг.), Кемский городок (1657 г.), Киев (1675 г.), Кольский острог (1703 г.), Новгород (1664 г.), Олонец (1649 г.), Сумской острог (1680, 1740 г.)). В некоторых крепостях упоминается о двойной стене и наличии грунтовой (земля, камень, «хрящ») засыпки (Кемский городок, Киев, Олонец, Сумской острог (1680 г.)), в других говорится только о двойной стене. Вероятно, существовало два вида двухрядных стен: 1) два ряда бревен одной стены располагались на некотором расстоянии друг от друга, а пространство между ними было заполнено землей (рис. 1, 1, 2, 2, 3); 2) два ряда бревен одной стены располагались вплотную друг к другу (рис. 1, 3, 5–7). Существование стен первого вида подтверждается многочисленными прецедентами упоминания земляной засыпки (36 различных фортификационных сооружений). Выше при реконструкции стен Олонца был сделан вывод о том, что землей заполнялось только пространство между двумя внешними стенами, а также приведены сведения о толщине слоя засыпки. В качестве материала заполнения чаще всего называется земля (в 28 фортификационных сооружениях из 36), реже «хрящ» (5) и камни (3). Заполнение хрящом и камнями в основном применялось на севере Русского государства (Вологда, Новгород, Соловецкий монастырь, Кемский городок, Сумской острог) [Горохов, 2024б]. Согласно словарю В.И. Даля, хрящ – это 1) «твердое, упругое вещество, коим одеты концы мослов» в теле животного, 2) «мягко-твердый, упругий», 3) «хрящатый песок, крупный» [Даль, 2006, т. 4, с. 551]. Все перечисленные значения согласуются с контекстом употребления термина «хрящ» при описании фортификационных сооружений. Вероятно, хрящом называли крупнозернистый песок, который одновременно обладал свойствами твердости

и упругости, что позволяло ядру проникнуть в него и завязнуть. Какой-либо хронологической закономерности в употреблении различных названий заполнения стен нет.

Двойные тарасные стены с заполнением грунтом показаны на плане города Кола 1732–1736 гг. как в плане, так и в разрезе [Косточкин, 1958, с. 218, рис. 14, с. 225, рис. 17]. В стене было два моста и три боя. От подошвы до кровли внешняя стена была двойной с некоторым промежутком между бревнами. Ее толщина составляла около полусажени. Следовательно, толщина грунтовой засыпки была около $\frac{1}{4}$ сажени, которая поднималась только до моста среднего боя.

В настоящий момент известен один случай археологического исследования тарасной стены с заполнением грунтом. В 1951 г. при раскопках в Белгороде А.В. Никитин в двух разных раскопах зафиксировал фрагменты такой стены. В раскопе 2 «на глубине 0,6 м в западной части раскопа прослежены обугленные остатки двух пар уложенных параллельно бревен, лежавших по оси и поперек вала, образуя как бы клеть с двойными стенками <...> Остатки же “клетей”, видимо <...> являются остатками сгоревшей стены крепости» [Никитин, 1962, с. 263, 264]. Судя по приведенной А.В. Никитиным фотографии, его описание не вполне точное. На фотографии виден участок стены, представленный двумя лежащими параллельно друг другу бревнами, между которыми расположена прослойка грунта. Этот участок стены перпендикулярно примыкает к другому аналогичному отрезку, который, скорее всего, является стеной башни (рис. 8). Раскоп 4 «был заложен в северной оконечности наружного вала, в месте выступа, позволявшего предполагать остатки какого-либо сооружения. Здесь, непосредственно под дерновым слоем, были прослежены идущие вдоль оси вала две параллельные полосы угля. Ниже залегали два ряда обгорелых бревен, лежавших параллельно друг другу, с промежутком в 15–50 см, заполненным серо-желтой глиной, отличной от окружающего грунта и являвшейся искусственным заполнением двойной бревенчатой стены <...>. Обе части стены примыкали к углам выступающей наружу квадратной клетки (размером 5 × 5 м) с такими же двойными стенами и гли-

няным заполнением. Хотя это сооружение сохранилось плохо, однако совершенно ясно, что это остатки башни, рубленной “в обло”» [Никитин, 1962, с. 265].

Существование стен второго вида требует специального доказательства. Во-первых, выше были приведены сведения о двойных стенах без упоминания заполнения пространства между ними грунтом. Учитывая то, что земляная прослойка значительно повышает стойкость крепостных стен при обстреле из артиллерии и увеличивает трудозатраты и время на ее возведение, такие важные подробности о конструкции стены непременно должны были присутствовать в описях. Если их нет, то можно предполагать наличие внешней стены из двух или более смыкающихся рядов бревен. Во-вторых, при описании Сумского острога (1740 г.) говорится не о двойных стенах, а о стене «в два бревна» без упоминания грунтовой засыпки [Миличик, Шахнович, 2016, с. 208, 209], что прямо свидетельствует о существовании двойных смыкающихся стен. Аналогичный пример есть в описании Кольского острога с той лишь разницей, что стены в нем были тыновые: «острог стоячей в две стены» [Труды Архангельского ... , 1866, с. 59]. В-третьих, однорядные стены не выдерживали пушечной и даже пищальной стрельбы, что прямо следует из описания Олонца 1649 г.: «...до нижних боев рублен в 2 стены, а между стен пущено 3 чети аршина, насыпан землею для защиты пушечной и пищальной стрельбы» [Дополнения ... , 1848, с. 228]. Вероятно, по этой причине в крупных и важных оборонительных сооружениях на опасных направлениях однорядные стены не использовались, что нашло отражение в письменных источниках, в которых присутствуют единичные упоминания о таких стенах. Они сделаны специально, чтобы указать на слабость описываемого укрепления. В-четвертых, в «Записках о Московской войне» Р. Гейденштейн пишет, что деревянные стены «более безопасны для обороны и представляют большую выгоду, нежели каменные, так как <...> таковое строение больше противится действию орудий». Однако применение раскаленных ядер привело к тому, что «такие ядра, проникнув в дерево, дольше остаются незамеченными, и по этой причине не могут так

легко как огонь, быть потушены, а в силу того весьма действительны для возбуждения пожара». Средство против каленых ядер появилось достаточно быстро: «Сабуров раньше придумал средство, чтобы невозможно было при осаде <...> воспользоваться калеными ядрами. Наученный исходом других осад, он сломал стену, где она была слишком толста, и, оставив только один ряд бревен, которым она держалась, внутреннюю часть ее прикрыл довольно широкою насыпью, которую он скрепил плетнем, вследствие того ядра, быстро проходя чрез тонкую стену, оставались в насыпи и там сами собой и потухали». С одной стороны, при описании Олонца говорится, что однорядная стена не выдерживает пушечной и пищальной стрельбы. То же подтверждает и Гейденштейн. С другой стороны, Гейденштейн пишет, что деревянные стены успешно противостоят артиллерийскому обстрелу и что в них застревают раскаленные ядра. Из этого следует, что Гейденштейн описывает многорядные деревянные стены. В том числе он прямо пишет об этом: Сабуров «сломал стену, где она была слишком толста <...> оставив только один ряд бревен, которым она держалась» [Гейденштейн, 1889, с. 30, 58, 59, 160].

На основе проведенного анализа можно сделать ряд выводов: 1) после появления стен тарасной конструкции в середине XVI в.¹² на протяжении нескольких десятилетий в Русском государстве были крепости с венчатыми многорядными смыкающимися внешними стенами без заполнения грунтом, которые успешно противостояли действию осадной артиллерии; 2) в ходе Ливонской войны гарнизоны русских крепостей столкнулись с тем, что такие стены легко поджечь с помощью раскаленных ядер, так как они пробивали внешний ряд бревен стены и застревали в многорядной стене, вызывая пожар; 3) уже в ходе Ливонской войны был найден способ борьбы с поджигающим действием раскаленных ядер, которой состоял в том, чтобы дать такому ядру пробить внешнюю стену и попасть в слой грунта, в котором ядро остывало, не вызывая пожара; 4) после этого началось возведение двухрядных венчатых тарасных стен с заполнением грунтом пространства между стенами. Крепости с ранее возведенными смыкающимися многорядными стенами продолжа-

ли существовать, пока не приходило время реконструкции, в ходе которой сооружалась стена с грунтовой засыпкой. На второстепенных направлениях и в небольших острогах могло продолжаться сооружение однорядных и многорядных смыкающихся тарасных стен.

В распоряжении историков фортификации оказалось довольно мало описаний многорядных смыкающихся венчатых тарасных стен, так как они, во-первых, массово возводились в течение непродолжительного времени и, во-вторых, от второй половины XVI в. до нас дошло значительно меньше подробных описаний фортификационных сооружений в сравнении с XVII веком.

Скупы сведения письменных источников и о высоте внутренних стен. В Кольском остроге их высота составляла два аршина [Косочкин, 1958, с. 240]. Над внутренней стеной, вероятно, располагались бойницы. То есть над внутренней стеной возвышалась только голова воина, ведшего стрельбу из пищали через бойницы нижнего боя. Внутренняя стена до нижних бойниц была и в Олонце (1649 г.). Вероятно, она имела ту же высоту, что и в Кольском остроге. В 1670 г. в Олонце внутренняя стена была высотой в одну сажень и, по всей видимости, возвышалась над мостом среднего боя на те же два аршина, защищая гарнизон от пушечной и пищальной стрельбы.

Полученные в ходе исследования выводы о конструктивном устройстве и метрических параметрах венчатых тарасных стен в Русском (Российском) государстве в конце XVI – первой половине XVIII в. могут быть верифицированы и уточнены при введении в научный оборот новых письменных и изобразительных источников, а также новых материалов археологических раскопок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)».

The study was conducted as part of the implementation of the State Assignment of the Ministry

of Education and Science in the field of scientific activity under project No. FSUS-2025-0009 “Features of the formation of intercultural communications in Siberia – from the Stone Age to the early Modern Period (according to archaeological and written sources)”.

² Горохов С. В., 2025. Тарасы и стены «в две стены» в русской фортификации в XVI – начале XVIII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, Филология». (В печати).

³ Горохов С. В., 2025. Принципиальная схема конструкции тарасных стен в Русском (Российском) государстве в конце XVI – начале XVIII века // Археология Евразийских степей. (В печати).

⁴ Кроме этого, в однорядной венчатой стене отдельные бревна оказались бы никак не скрепленными между собой, что исключает возможность существования такой стены.

⁵ При реконструкции использованы бревна толщиной 32 см.

⁶ Включая материал, необходимый для возведения платформы среднего боя.

⁷ Когда в тексте источника речь идет о ширине тарасной стены, то фактически указывается ши-

рина тарасного сруба по линии, перпендикулярной внешней стене крепости.

⁸ При расстоянии между срубами тарас в один аршин и при расположении внутренних стен срубов тарас под острым углом друг к другу стрелок, находящийся у бойницы, оказывается защищен не только двойной бревенчатой стеной, но и выпусками бревен внутренних стен срубов тарас.

⁹ Несмотря на это, при натурной реконструкции фрагмента стены Сумского острога удалось соблюсти этот принцип. Вероятно, бревна внутренних стен срубов тарас расположены под некоторым углом к горизонтали.

¹⁰ Это также служит косвенным доказательством того, что в треугольных тарасах Сумского острога бойниц не было.

¹¹ Стена Кольского острога возвышалась на 3 сажени без четверти аршина и имела 22 венца, следовательно, толщина бревна была около 7 вершков с учетом того, что глубина паза составляла около 4 см.

¹² Впервые термин «тарасы» встречается в 1552 г. при описании укреплений Казани во время ее осады русским войском [Носов, 2010, с. 66].

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Высота срубов-тарас по письменным источникам

Table 1. Height of log cabins-taras according to written sources

Город	Год	Высота, сажень
Саранск	1703	0,71
Белгород	1676	1
Вольный	1718	1
Ладога	1655	1
Новый Уральский городок	1672	1
Окуневская слобода		1
Теченская слобода		1
Белгород	1676	1,125
Аяцкая слобода	1677	1,25
Белгород	1676	1,25
Верхотурье	1687	1,5
Олонец	1670	1,5
Селенгинск	1684	1,5
Сумской острог	1740	1,75
Брест	1660	2
Кемский городок	1657	2
Сумской острог	1740	2
Инсара	1703	2,16
Олонец	1649	2,25
Брест	1660	2,5
Касимов	1671–1674	2,5–3
Белгород	1676	5

Примечание. Источник: [Горохов, 2024б].

Таблица 2. Планиграфические размеры тарас по письменным источникам

Table 2. Planigraphic dimensions of taras according to written sources

Оборонительное сооружение	Год	Ширина тарас, сажень	Длина по стене, сажень
Белый Яр			1
Царевосанчурск	1702		1,5
Аяцкая слобода	1677	1	
Вольный	1718		0,83
Воронеж	1669	1	
Олонец	1670	1	1–1,33
Воронеж	1670	1,25	1
Козлов	1666	1,25	
Сумской острог	1740	1,5	
Касимов	1671–1674	1,75	
Олонец	1649	1,75	1
Инсара	1703	1,8	
Белгород	1676	2,25	
Азов	1640	3	

Примечание. Источник: [Горохов, 2024б].

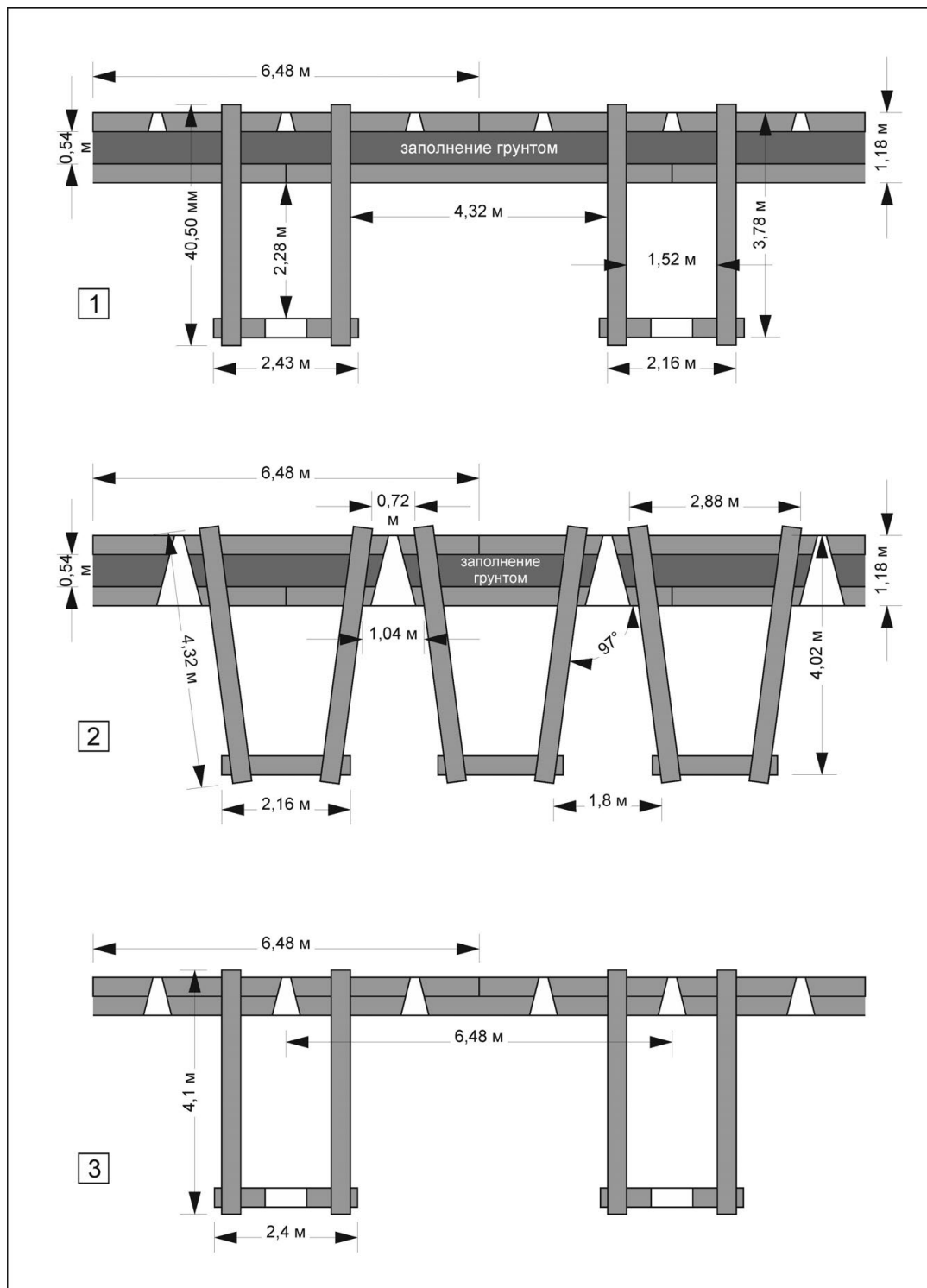

Рис. 1. Планиграфические схемы устройства стен с четырехугольными срубами тарас (схема составлена С.В. Гороховым):

1 – в Олонце по описанию 1649 г.; 2 – в Олонце по описанию 1670 г.;
3 – принципиальная схема устройства тарасной стены с двойными смыкающимися внешними стенами

Fig. 1. Planigraphic schemes of the construction of walls with quadrangular log cabins taras (compiled by S.V. Gorokhov):

1 – in Olonets according to the description of 1649; 2 – in Olonets according to the description of 1670;
3 – a schematic diagram of the taras wall with double closing external walls

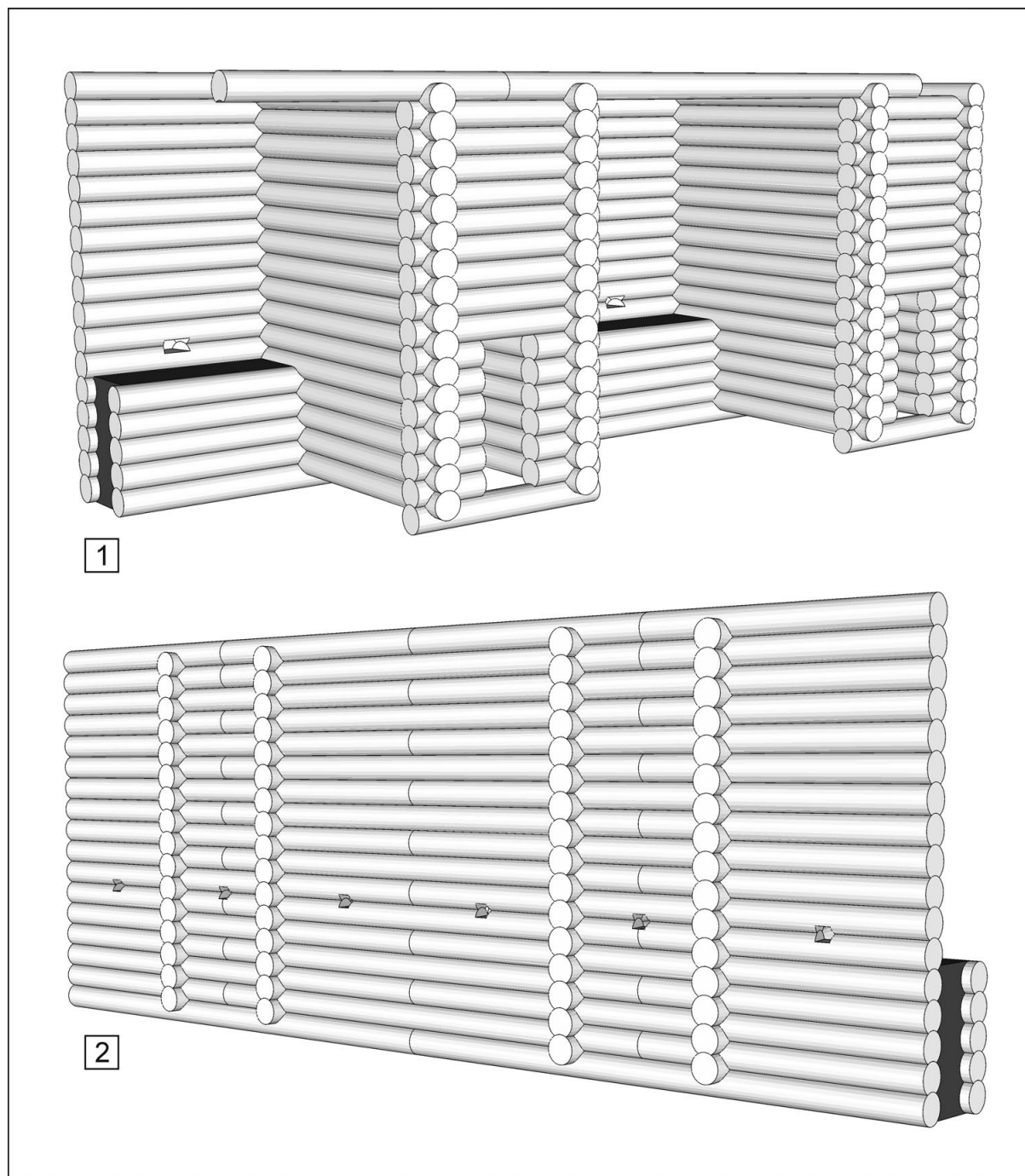

Рис. 2. Реконструкция тарасных стен в Олонце по описанию 1649 г.
(выполнена С.В. Гороховым):

1 – вид из города; 2 – вид с напольной стороны

Fig. 2. Reconstruction of taras walls in Olonets according to the description of 1649
(carried out by S.V. Gorokhov):

1 – view from the city; 2 – view from the outside

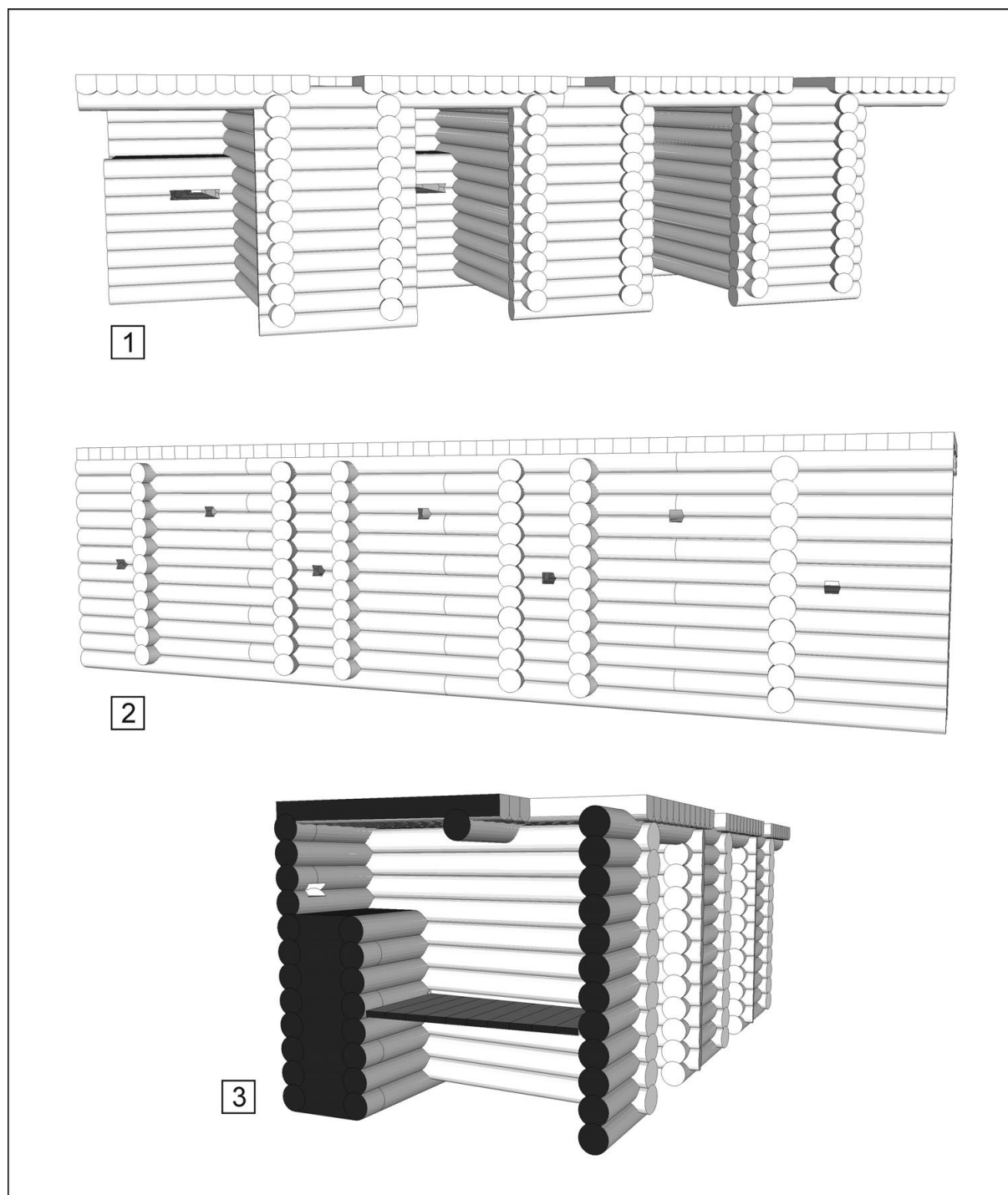

Рис. 3. Реконструкция тарасных стен в Олонце по описанию 1670 г.
(выполнена С.В. Гороховым):

1 – вид из города; 2 – вид с напольной стороны; 3 – разрез сруба тараса

Fig. 3. Reconstruction of taras walls in Olonets according to the description of 1670
(carried out by S.V. Gorokhov):

1 – view from the city; 2 – view from the outside; 3 – section of the Taras log house

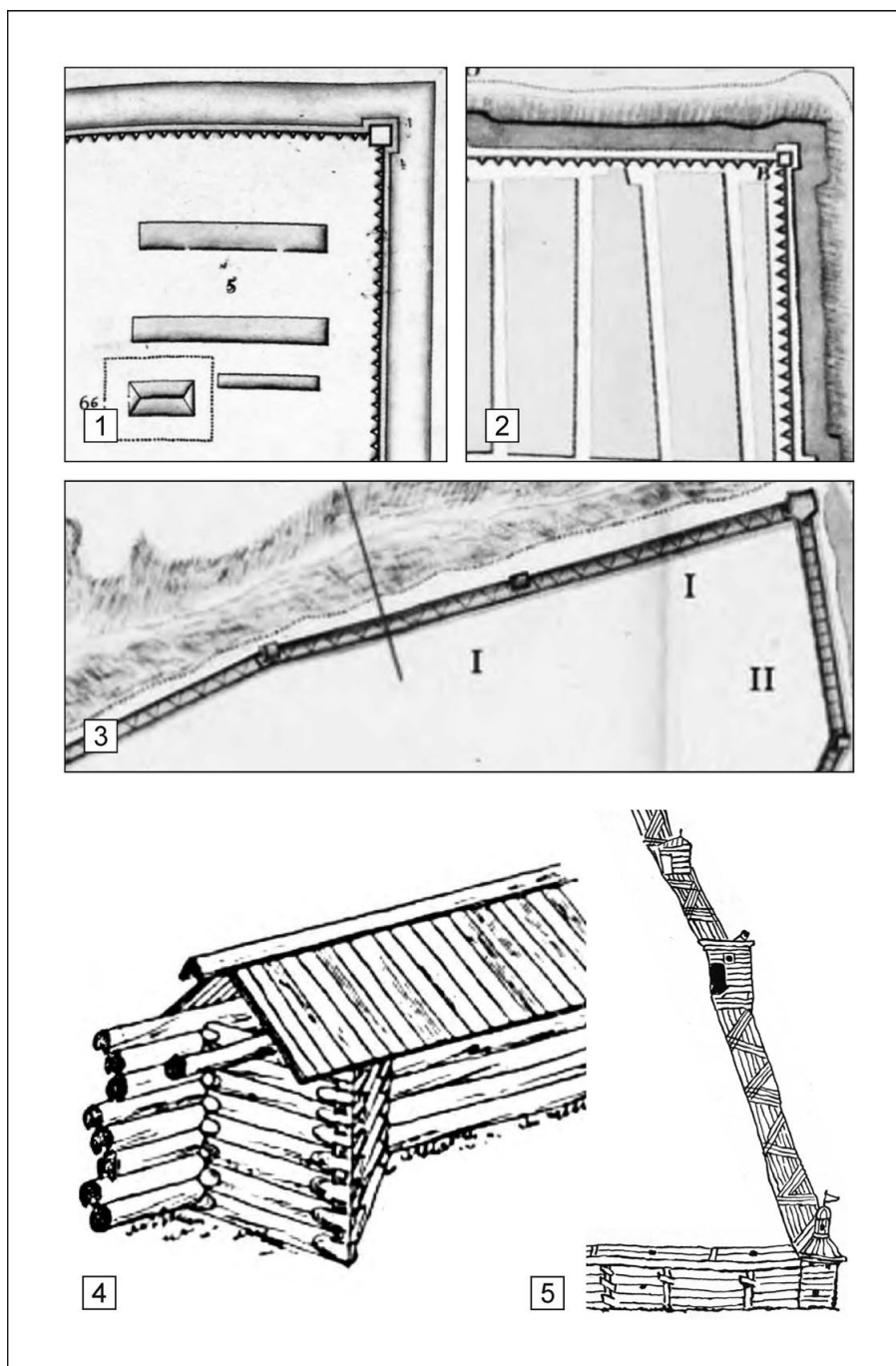

Рис. 4. Треугольные срубы тарас:

- 1 – фрагмент плана Коротояжской крепости 1732 г. (по: [Воротникова, Неделин, 2016]);
 2 – фрагмент плана Черноярской крепости (до 1741 г.) (по: [Воротникова, Неделин, 2021, с. 508]);
 3 – фрагмент плана крепости Царицына 1737 г. (по: [Воротникова, Неделин, 2021, с. 486]);
 4 – вариант монастырской стены (по: [Секретарь, 1986, с. 64, табл. 3, 6а]);
 5 – фрагмент плана укреплений Подола (Киев) (по: [Алферова, Харламов, 1982, с. 80])

Fig. 4. Triangular log cabins taras:

- 1 – fragment of the plan of the Korotoyak fortress of 1732 (after: [Vorotnikova, Nedelin, 2016]);
 2 – fragment of the plan of the Chernoyarsk fortress (before 1741) (after: [Vorotnikova, Nedelin, 2021, p. 508]);
 3 – fragment of the plan of the Tsaritsyn fortress in 1737 (after: [Vorotnikova, Nedelin, 2021, p. 486]);
 4 – variant of the monastery wall (after: [Secretar, 1986, p. 64, tab. 3, 6a]);
 5 – the plan fragment for Podol (Kiev) fortifications (after: [Alferova, Kharlamov, 1982, p. 80])

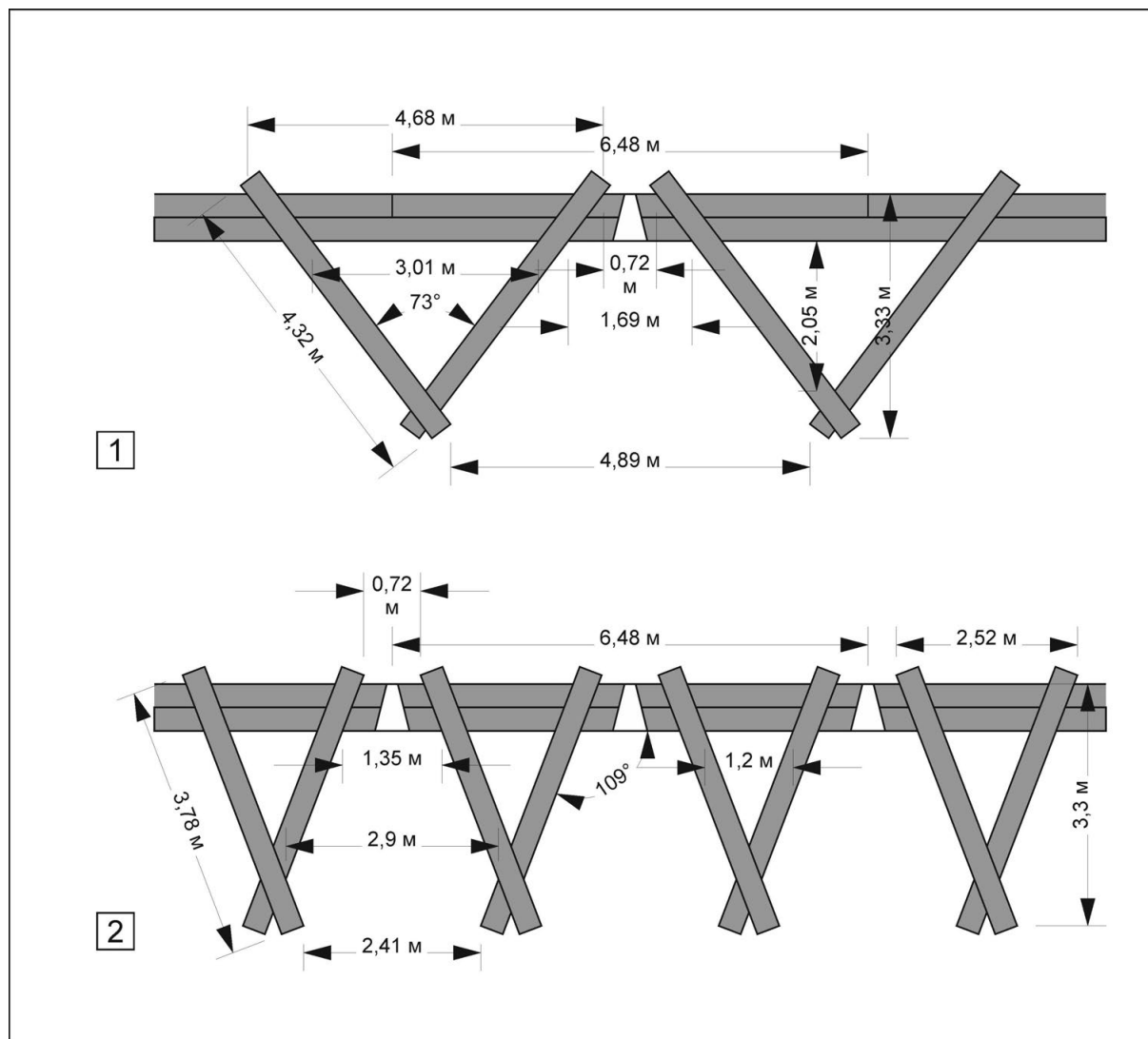

Рис. 5. Планиграфия устройства стен с треугольными срубами тарас в Сумском остроге по описанию 1740 г. (схема составлена С.В. Гороховым):

1 – метрические параметры «широких» тарасных срубов; 2 – метрические параметры «узких» тарасных срубов

Fig. 5. Planigraphy of the taras walls construction with triangular log cabins in Sumskoy ostrog according to the description of 1740 (scheme was compiled by S.V. Gorokhov):

1 – metric parameters of “wide” taras cabins; 2 – metric parameters of “narrow” taras cabins

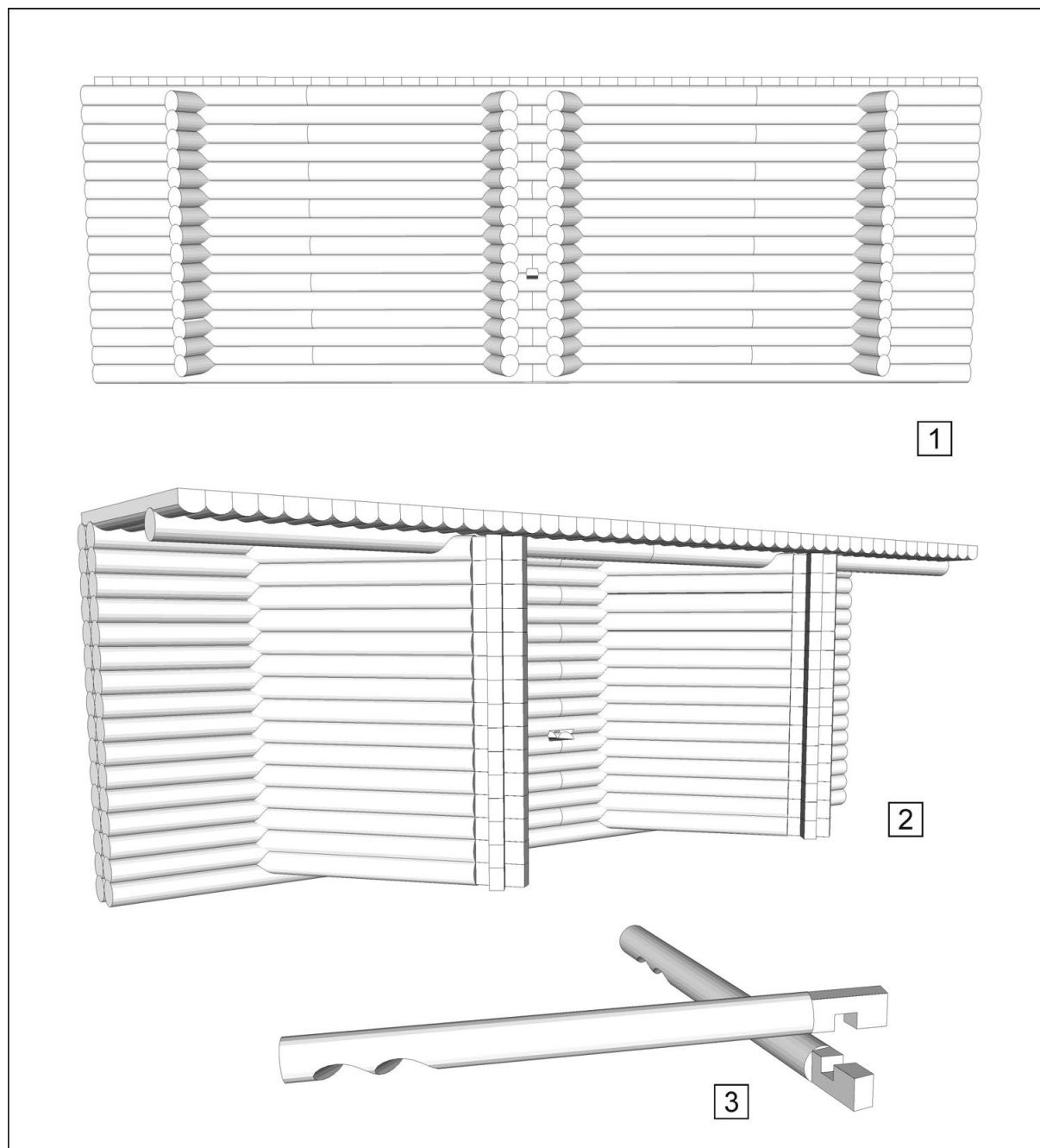

Рис. 6. Реконструкция стены Сумского острога на «широких» тарасных срубах по описанию 1740 г. (выполнена С.В. Гороховым):

1 – вид с напольной стороны; 2 – вид из острога;
3 – способ скрепления между собой бревен внутренних стен тарасного сруба

Fig. 6. Reconstruction of the wall of the Sumskoy ostrog on “wide” taras log cabins according to the description of 1740 (carried out by S.V. Gorokhov):

1 – view from the outside; 2 – view from the ostrog;
3 – method of fastening the logs of the inner walls of the taras log house together

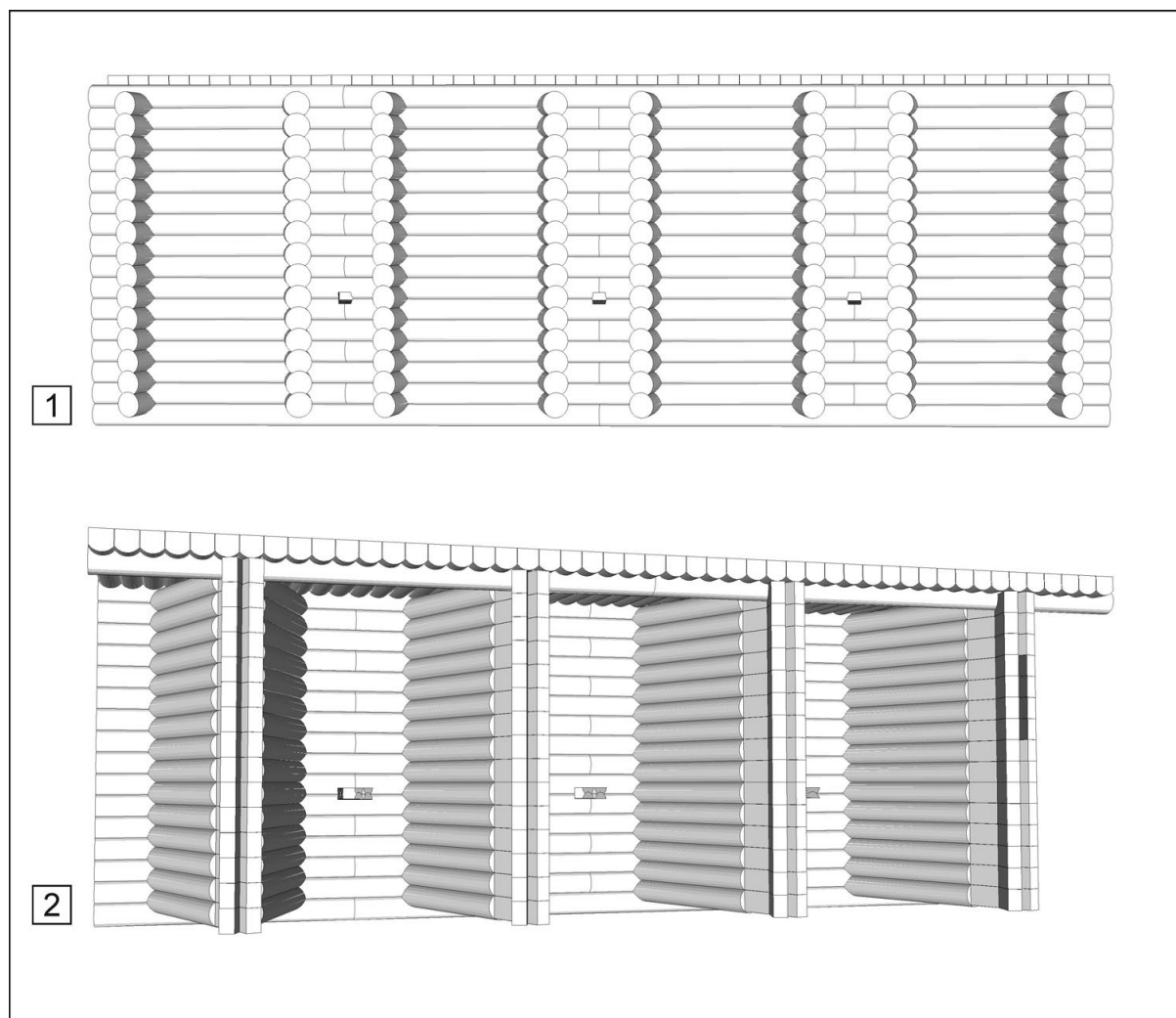

Рис. 7. Реконструкция стены Сумского острога на «узких» тарасных срубах по описанию 1740 г. (выполнена С.В. Гороховым):

1 – вид с напольной стороны; 2 – вид из острога

Fig. 7. Reconstruction of the wall of the Sumskoy ostrog on “narrow” taras log cabins according to the description of 1740 (carried out by S.V. Gorokhov):

1 – view from the outside; 2 – view from the ostrog

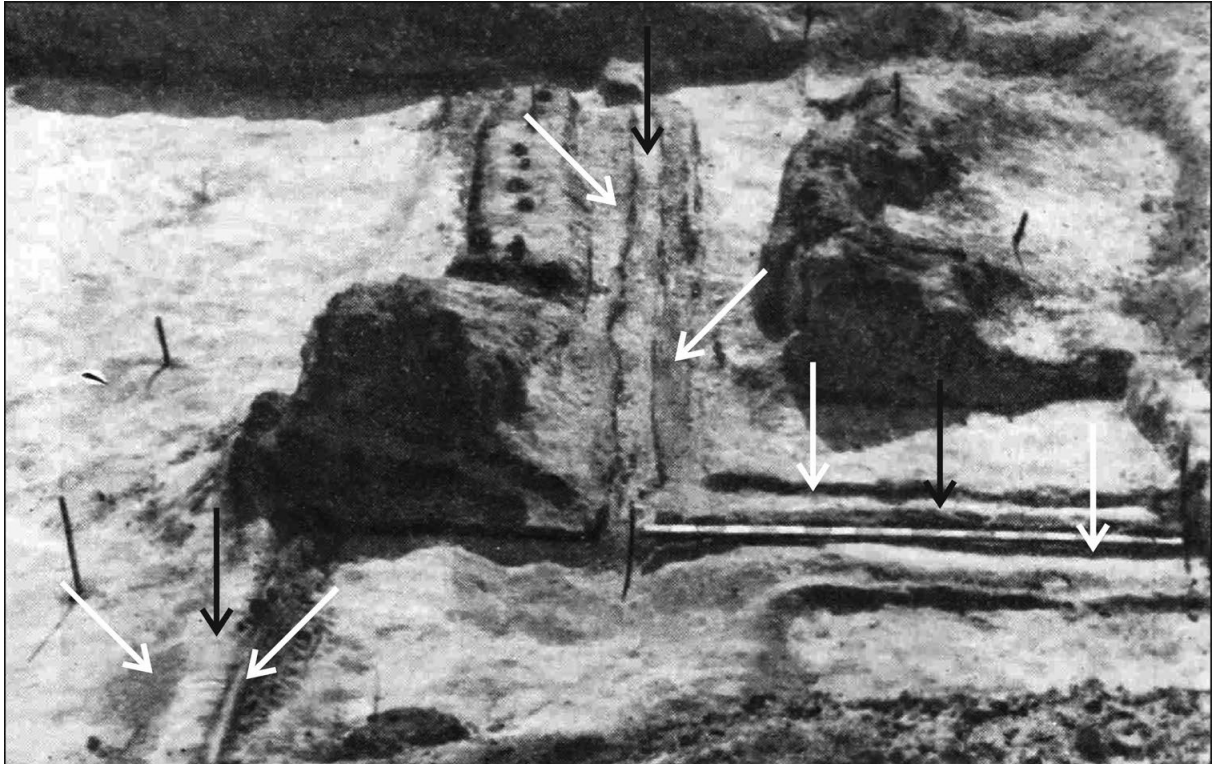

Рис. 8. Двойная стена с заполнением грунтом в Белгороде

Примечание. Источник: [Никитин, 1962, с. 264, рис. 3]. Стрелками черного цвета показано грунтовое заполнение между стен. Стрелками белого цвета – бревна двойных внешних стен.

Fig. 8. Double wall with soil filling in Belgorod

Note. Source: [Nikitin, 1962, p. 264, fig. 3]. Black arrows show the soil filling between the walls. White arrows represent the logs of the double outer wall.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алферова Г. В., Харламов В. А., 1982. Киев во второй половине XVII века. Историко-архитектурный очерк. Киев : Наукова Думка. 166 с.
- Воротникова И. А., Неделин В. М., 2016. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости юга России. Т. 2. Кн. 1. М. : Индрик. 556 с.
- Воротникова И. А., Неделин В. М., 2021. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости восточных рубежей России. В 2 кн. Кн. 1. М. : Гос. ист.-культ. музей-заповедник «Московский Кремль» : БуксМАрт. 800 с.
- Гейденштейн Р., 1889. Записки о Московской войне (1578–1582). С. Петербург : Тип. Мин-ва внутр. дел. 418 с.
- Горохов С. В., 2024а. Взгляды исследователей на конструкцию тарасных стен в Русском (Российском) государстве в XVI – первой половине XVIII века. DOI: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.11013.97761>
- Горохов С. В., 2024б. Упоминания тарасных стен в письменных источниках в XVI – начале XVIII века. DOI: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.26113.47200>
- Даль В. И., 2006. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М. : РИПОЛ классик. Т. 2 : И–О. 784 с.; Т. 4 : Р–Я. 672 с.
- Дополнения къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою комиссіею, 1848. В 12 т. Т. 3. Санктпетербургъ : Въ тип. Эдуарда Праца. 572 с.
- Книги Касимовскаго городского дела 179 и 180 и 181 и 182 (1671–1674) гг., 1893 // Труды Рязанской ученой архивной комиссіи. Т. VIII, вып. 1. Рязань : [Б. и.]. С. 19–25.
- Косточкин В. В., 1958. Деревянный «город» Колы (Из истории русского оборонного зодчества конца XVI – начала XVIII вв.) // Метательная артиллерия и оборонительные сооружения древней Руси. Материалы и исследования по археологии СССР. № 77. М. : Изд-во АН СССР. С. 200–247.
- Кукушкин И. П., 2016. Дневник городского дела в Вологде 1630–1631 гг. // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 2. Архангельск : Новодвинка. С. 202–210.
- Милючик М. И., Шахнович М. М., 2016. Сумской острог: этапы строительной истории и перспективы исследования // Вестник Национального музея Республики Карелия. Вып. 7. Петрозаводск. С. 204–214.
- Никитин А. В., 1962. Белгородская крепость XVI–XVII вв. // Советская археология. № 3. С. 260–278.
- Новгород Великий в XVII в. Документы по истории градостроительства, 1986. М. : Ин-т ист. СССР. 316 с.
- Носов К. С., 2010. Терминология оборонительного зодчества на Руси в XI–XVII веках. М. : Изд-во РАГС. 90 с.
- Носов К. С., 2018. Укрепления Киева во второй половине XVII века // Военно-исторический журнал. № 1. С. 60–69.
- Русская историческая библиотечка издаваемая Археографическою комиссіею, 1884. Т. 8. Санктпетербургъ : Тип. Ф.Г. Елконскаго и Ко. 700 с.
- Секретарь Л. А., 1986. О типологии деревянных рубленых оград монастырей и погостов XVIII века // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск. С. 59–73.
- Словарь русского языка XI–XVII вв., 1980. Вып. 7 (К–Крагуяр). М. : Наука. 407 с.
- Труды Архангельскаго статистическаго комитета за 1865 годъ, 1866. Кн. 1. Архангельскъ : Въ губерн. тип. 516 с.

REFERENCES

- Alferova G.V., Kharlamov V.A., 1982. *Kiev vo vtoroy polovine XVII veka. Istoriko-arkhitekturnyy ocherk* [Kiev in the Second Half of the 17th Century. A Historical and Architectural Outline]. Kiev, Naukova Dumka Publ. 166 p.
- Vorotnikova I.A., Nedelin V.M., 2016. *Kreml'i, kreposti i ukreplenn'ye monast'ri Russkogo gosudarstva XV–XVII vekov. Kreposti yuga Rossii. T. 2. Kn. 1* [Kremlins, Fortresses, and Fortified Monasteries of the Russian State in the 15th – 17th Centuries. Fortresses of Southern Russia. Vol. 2, b. 1]. Moscow, Indrik Publ. 556 p.
- Vorotnikova I.A., Nedelin V.M., 2021. *Kreml'i, kreposti i ukreplennye monastyri Russkogo gosudarstva XV–XVII vekov. Kreposti vostochnykh rubezhey Rossii. V 2 kn. Kn. 1* [Kremlins, Fortresses, and Fortified Monasteries

- of the Russian State in the 15th – 17th Centuries. Fortresses of the Eastern Borders of Russia. In 2 Books. Book 1]. Moscow, The Moscow Kremlin State Historical and Cultural Museum and Heritage Site, BuksMart Publ. 800 p.
- Geydenshteyn R., 1889. *Zapiski o Moskovskoy voyne (1578–1582)* [Notes on the Moscow War (1578–1582)]. Sankt-Peterburg, Tip. Min-va vnutr. del. 418 p.
- Gorokhov S.V., 2024a. *Vzglyady issledovateley na konstruktsiyu tarasnykh sten v Russkom (Rossijskom) gosudarstve v XVI – pervoy polovine XVIII veka* [The Views of Researchers on the Construction of Taras Walls in the Russian State in the 16th – Early 18th Centuries]. DOI: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.11013.97761>
- Gorokhov S.V., 2024b. *Upominaniya tarasnykh sten v pis'mennykh istochnikakh v XVI – nachale XVIII veka* [Mentions of Taras Walls in Written Sources of the 16th – Early 18th Centuries]. DOI: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.26113.47200>
- Dal' V.I., 2006. *Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, RIPOl klassik Publ., vol. 2: I–O. 784 p.; vol. 4: R–Ya. 672 p.
- Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy kommissiyey. V 12 t. T. 3* [Additions to Historical Acts, Collected and Published by the Archeographic Commission. In 12 vols. Vol. 3], 1848. Saint Petersburg, V tip. Eduarda Prata Publ. 572 p.
- Knigi Kasimovskogo gorodovogo dela 179 i 180 i 181 i 182 (1671–1674) gg. [Books of the Kasimov City Affairs 179 and 180 and 181 and 182 (1671–1674)], 1893. *Trudy Ryazanskoy uchenoy arkhivnoy kommissii* [Proceedings of the Ryazan Learned Archival Commission], vol. VIII, no. 1. Ryazan, pp. 19–25.
- Kostochkin V.V., 1958. Derevyanny "gorod" Koly (Iz istorii russkogo oboronitel'nogo zodchestva kontsa XVI – nachala XVIII vv.) [The Wooden "City" of Kola (From the History of Russian Defensive Architecture of the Late 16th – Early 18th Centuries)]. *Metatel'naya artilleriya i oboronitel'nye sooruzheniya drevney Rusi* [Throwing Artillery and Defensive Structures of Ancient Rus']. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, no. 77. Moscow, AS USSR, pp. 200–247.
- Kukushkin I.P., 2016. Dnevnik gorodovogo dela v Vologde 1630–1631 gg. [Diary of the City Affairs in Vologda in 1630–1631]. *Novye materialy po istorii fortifikatsii* [New Materials on the History of Fortification], vol. 2. Arkhangel'sk, Novodvinka Publ., pp. 202–210.
- Mil'chik M.I., Shakhnovich M.M., 2016. Sumskoy ostrog: etapy stroitel'noy istorii i perspektivy issledovaniya [Sumskoy Ostrog: Stages of Construction History and Research Prospects]. *Vestnik Natsional'nogo muzeya Respubliki Kareliya* [Bulletin of the National Museum of the Republic of Karelia], vol. 7. Petrozavodsk, pp. 204–214.
- Nikitin A.V., 1962. Belgorodskaya krepost' XVI–XVII vv. [Belgorod Fortress in the 16th – 17th Centuries]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 260–278.
- Novgorod Velikiy v XVII v. Dokumenty po istorii gradostroitel'stva* [Great Novgorod in the 17th Century. Documents on the History of Urban Planning], 1986. Moscow, In-t ist. SSSR. 316 p.
- Nosov K.S., 2010. *Terminologiya oboronitel'nogo zodchestva na Rusi v XI–XVII vekakh* [Terminology of Defensive Architecture in Rus' in the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Russian Archive of State Standarts. 90 p.
- Nosov K.S., 2018. Ukrepleniya Kievа vo vtoroy polovine XVII veka [Fortifications of Kiev in the Second Half of the 17th Century]. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military-Historical Journal], no. 1, pp. 60–69.
- Russkaya istoricheskaya biblioteka izdavaemaya Arkheograficheskoy kommissiyey* [Russian Historical Library Published by the Archeographic Commission], 1884. Vol. 8. Saint-Petersburg, Tip. F.G. Yelkonskogo i Ko. Publ. 700 p.
- Sekretar' L.A., 1986. O tipologii derevyannykh rublennykh ograd monastyrey i pogostov XVIII veka [On the Typology of Wooden Log Fences of Monasteries and Rural Cemeteries of the 18th Century]. *Problemy issledovaniya, restauratsii i ispol'zovaniya arkhitekturnogo naslediya Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Problems of Research, Restoration, and Use of Architectural Heritage of Karelia and Neighboring Regions]. Petrozavodsk, pp. 59–73.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. (K – Kraguyar')* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries (K – Kraguyar')], 1980. Iss. 7. Moscow, Nauka Publ. 407 p.
- Trudy Arkhangel'skogo statisticheskogo komiteta za 1865 god* [Proceedings of the Arkhangel'sk Statistical Committee for 1865], 1865. Book 1. Arkhangel'sk, V gubern. tip. Publ. 516 p.

Information About the Author

Sergey V. Gorokhov, Candidate of Sciences (History), Researcher, Novosibirsk State University, Pirogova St, 1, 630090 Novosibirsk, Russian Federation, gorokhov.sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>

Информация об авторе

Сергей Валерьевич Горохов, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, ул. Пирогова, 1, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация, gorokhov.sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.7>

UDC 903.5(470.4)

LBC 63.48(235.47)-427.1

Submitted: 02.03.2025

Accepted: 26.05.2025

**THE EARLY SARMATIAN ELITE BASED ON THE RESULTS
OF ARCHAEOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL STUDY OF THE BURIALS
FROM A KURGAN NEAR THE CITY OF VOLZHISKY¹**

Olga A. Shinkar

Volgograd Regional Research and Production Center on the Protection of Monuments of History and Culture,
Volgograd, Russian Federation

Mariya A. Balabanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Evgeniy V. Pererva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the burial rite and anthropology of the early Sarmatian elite. The study is based on the data on the four burials from a single kurgan near the city of Volzhsky and the anthropological materials (skeleton remains of five individuals: 4 male and 1 child). An integrated approach was applied in the study which includes the archaeological and anthropological materials description using craniometry and craniology and methods for describing the skeletons' pathological conditions. For a more accurate diagnosis of pathologies, the X-ray method was applied. As a result of examining the burial rite and the material culture elements, the burials were dated back to the late 2nd – early 1st century BC. The features of the burial rite and the extraordinary material obtained as a result of excavations allow us to attribute the burials to the elite one. Morphological diversity of the skulls from these burials was revealed by their specific features, which classify them as belonging to the Caucasoid types with broad and narrow cranial vaults. The wide-headed complex presented by a skull from burial 4 is characterised by a very wide forehead and face with a flat horizontal profile. In addition, the presence of an unintentional occipital deformation is a specific morphological feature of this skull. The study of the pathological condition of the skeletons revealed traces of systematic physical overload and increased traumatism. In addition, the skulls of the adult male individuals bear traces of changes in the type of vascular reaction, intracranial hypertension, etc. A possible wound to the 6th thoracic vertebra in a man from burial 2 can be attributed to a traumatic injury. A complete ankylosis of the 12th thoracic and 1st and 2nd lumbar vertebrae was revealed in a male from the same burial, which is a consequence of a compression fracture of the lumbar vertebra. Besides, a through wound of the frontal bone, most likely from an arrow or dart, was identified in a male from burial 4.

Key words: burial rite, kurgan, burial, physical type, early Sarmatian elite, craniology, pathology, Lower Volga region, burial ground.

Citation. Shinkar O.A., Balabanova M.A., Pererva E.V., 2025. Rannesarmatskaya elita po rezul'tatam arheologo-antropologicheskogo issledovaniya pogrebeniy odinochnogo kurgana u g. Volzhskiy [The Early Sarmatian Elite Based on the Results of Archaeological and Anthropological Study of the Burials from a Kurgan Near the City of Volzhsky]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 2, pp. 125-148. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.7>

РАННЕСАРМАТСКАЯ ЭЛИТА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ ОДИНОЧНОГО КУРГАНА У г. ВОЛЖСКИЙ ¹

Ольга Анатольевна Шинкарь

Волгоградский научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры,
г. Волгоград, Российская Федерация

Мария Афанасьевна Балабанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Евгений Владимирович Перерва

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье дается описание погребального обряда и антропологии представителей раннесарматской элиты. Для исследования использовались данные по 4 погребениям одиночного кургана у г. Волжский и антропологические материалы (5 костяков: 4 мужских и 1 детский). В процессе подготовки работы использовался комплексный подход с включением описания археологических и антропологических материалов (краниометрия и краниоскопия, патологический анализ). Для более точной диагностики патологий применялся рентгенологический метод. Анализ погребального обряда и элементов материальной культуры позволил датировать погребения концом II – началом I в. до н.э. Особенности погребального обряда и сопроводительного инвентаря дают возможность отнести комплексы к погребениям элиты раннесарматского общества. Индивидуальная характеристика черепов из этих погребений показала их морфологическое разнообразие. Представлены типы широкоголовых и узкоголовых европеоидов. Широкоголовый комплекс определен на черепе из погребения 4. Он сочетается с очень широким лбом, широким и плоским лицом. Кроме того, морфологической особенностью этого черепа является наличие непреднамеренной затылочной деформации. Исследование патологического состояния скелетов выявило следы систематической физической перегрузки и повышенного травматизма. Кроме того, на черепях взрослых мужчин присутствуют изменения по типу васкулярной реакции, следы внутричерепной гипертензии и др. Из травматических повреждений следует отметить возможное присутствие раны на 6-м грудном позвонке мужчины из погребения 2; у него же был выявлен полный анкилоз 12-го грудного и 1-го и 2-го поясничного позвонков, являющийся следствием компрессионного перелома; на лобной кости мужчины из погребения 4 было обнаружено сквозное ранение, вероятнее всего, стрелой или дротиком.

Ключевые слова: погребальный обряд, курган, погребение, физический тип, раннесарматская элита, краниология, патология, Нижнее Поволжье, могильник.

Цитирование. Шинкарь О. А., Балабанова М. А., Перерва Е. В., 2025. Раннесарматская элита по результатам археолого-антропологического исследования погребений одиночного кургана у г. Волжский // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 125–148. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.7>

Введение

История изучения кочевой элиты савромато-раннесарматского времени берет свое начало с исследований М.И. Ростовцева, который на материалах прохоровских курганов сделал вывод о том, что они были оставлены «конными наездниками иранского происхождения», и относил их к господствующей верхушке [Ростовцев, 1918, с. 80, 81]. Эта и все

последующие работы отражают ситуацию, связанную с более ранним, савромато-раннесарматским временем, VI–III вв. до н.э., и территорией Южного Приуралья, так как именно на это время и на эту территорию приходится наибольшее количество захоронений, которые можно отнести к элите [Граков, 1947; Смирнов, 1964; 1981, с. 88; Мышкин, 2010; 2013; Пшеничнюк, 2012; Яблонский 2015; Гуцалов, 2007; 2009; и др.].

Что касается территории Нижнего Поволжья, то здесь было открыто большое количество памятников II–I вв. до н.э., но очень мало комплексов, которые по набору вещей и особенностям погребального обряда можно было бы отнести к элитным. Тем не менее в редких случаях они известны. К этой серии принадлежат парные захоронения мужчины старческого возраста и молодой женщины из могильников Белокаменка II, кург. 7, погр. 3; Майеровский III, кург. 4, погр. 3 и погр. 4 кург. 27 могильника Жутово, а также одиночные захоронения из погр. 45 из могильника близ Косики, погр. 1 одиночного кургана курганной группы 37 у с. Яшкуль и др. [Мордвинцева, Шинкарь, 1999; Сковцов, Скрипкин, 2008; Скрипкин, Шинкарь, 2010; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993; Очир-Горяева, 2019].

А.С. Скрипкин считал, что все вышеперечисленные погребения относятся к единому хронологическому пласту конца II – I в. до н.э., и связывал их с отходом кочевых группировок от границ Китая под давлением хунну [Сковцов, Скрипкин, 2008, с. 108]. При этом автор не исключал, что все имеющиеся в погребениях вещи могли быть реликвиями, так как они изначально могли иметь более раннее бытование на территории обитания хунну.

Из статусных раннесарматских погребений хорошо изучены воинские захоронения с набором вооружения, включающим длинный меч, кинжал (или несколько кинжалов) и колчан со стрелами [Клепиков, 2015; 2016]. По мнению В.М. Клепикова [2016, с. 107], данные захоронения, которые на территории Нижнего Поволжья, в отличие от памятников Южного Приуралья и Нижнего Дона, представлены массово, «демонстрируют статус вождя клана».

Этот небольшой перечень элитных захоронений пополнился новыми материалами, полученными в результате раскопок 2023 г. одиночного кургана, расположенного у г. Волжского. Раскопки проводились археологической экспедицией ГБУ «ВОНПЦ по охране памятников». В процессе проведения спасательных работ на территории объекта археологического наследия федерального значения «Одиночный курган № 20 высотой до 3 м» были вскрыты погр. 2–5, датирующиеся сарматским временем. Останки погребенных из

полностью разрушенных могил 2 и 5 были обнаружены в обширной грабительской яме в центре кургана. Погребения 3 и 4 оказались целыми и содержали богатый погребальный инвентарь. Так как курган был расположен на окраине г. Волжского, то памятник решено ввести в научный оборот под названием «одиночный курган у г. Волжский» (рис. 1).

В связи с уникальностью материалов погребений, содержащих большое количество вещей из драгоценных металлов, реставрация и научный анализ которых еще не завершены, было принято решение дать предварительную публикацию антропологических материалов погребений.

Материал и методика исследования

Материалом исследования послужили результаты раскопок 4 погребений, которые включали описание особенностей погребального обряда, вещевого комплекса и антропологический материал.

Описание половозрастных характеристик и морфологического типа черепов 5 индивидов (4 мужчины и 1 ребенок) основано на их индивидуальной характеристике, методика описания которой стандартная и дается на положении цифровых значений различных размеров черепа и их производных в системе среднемировых значений, приведенных у В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [1964, табл. 4–11, с. 114–122] (см. таблицу). При определении патологических состояний применялась стандартная программа, разработанная А.П. Бужиловой [1998], которая была дополнена рентгенологическим исследованием отдельных частей скелета. Травматические повреждения описывались в соответствии с руководствами судебной медицины и достижениями современной палеопатологии [Ortner, Putschar, 1981; Крюков, 1990; Нагорнов, Солохин, 2001; и др.].

Анализ и обсуждение результатов

Археологический контекст

В процессе археологических исследований были получены следующие результаты. По нивелировочным данным, снятым до начала раскопок, высота кургана составляла

2,49 м; его диаметр – 42 м (рис. 2). У кургана фиксировался кольцевой ров (ров 2) шириной до 10 м, с небольшим разрывом в северо-западной части. В процессе снятия насыпи и прокопки ровов были обнаружены тризны, состоящие из костей лошади с черепом, большого набора костных остатков мелкого рогатого скота (7 особей), другого набора костных остатков мелкого рогатого скота (2 особи) и фрагментов костей крупного рогатого скота.

Стратиграфическое наблюдение позволило определить, что курган был сооружен на микровозвышенности высотой около 15 см и диаметром около 5 м. Верхняя часть элемента рельефа была занята солонцом средним, а участки вокруг возвышенности были заняты каштановыми зональными почвами. Насыпь кургана возводилась в 2 этапа. Курган состоял из первичной, возведенной над основным погр. 2, и мощной – вторичной, сооруженной над впускными погр. 3 и 4. Первичная насыпь (насыпь 1) имела высоту до 1,9 м, диаметр – 28 м, ее окружал серповидный ровик (ров 1) шириной до 1,5 м, глубиной до 0,8 м от уровня ПП (и 0,5 м от уровня материка), прослеженный с юго-западной, южной, юго-восточной, восточной и северо-восточной стороны. Насыпь сложена из гумусовых блоков в форме параллелепипедов, представляющих собой вырезанные куски почвы до глубины около 30 см. Сооружение курганов из гумусовых блоков характерно для раннесарматского времени на территории междуречья рек Волги и Урала [Ельцов, 2020]. На краевых частях поверхности первой насыпи отмечены следы делювиального сноса грунтового материала. Здесь насыпь с поверхности «укреплена» обмазкой из серо-желто-бурого среднего суглинка с характерной плитчатой структурой, представлявшей собой материал верхнего почвенного горизонта A1, замешанного с водой. Такая обмазка свидетельствует о необходимости сохранения первичной насыпи от естественных разрушений. За пределами ровика (ров 1) погребенная почва не фиксируется, что, вероятно, связано с вырезанием дерновых блоков, использованных для возведения насыпи 2.

Вторичная насыпь (насыпь 2) полностью перекрывала насыпь 1 и ее ровик (ров 1). Эта насыпь представляла собой мощное сооруже-

ние, сложенное из серого легкого суглинка комковато-пылевидной структуры. По краям насыпь была сложена из пестрого светло-желтого легкого суглинистого материкового материала. Мешаный материал для сооружения насыпи 2, вероятно, брался из большого кольцевого рва (ров 2), окружающего курган. Насыпь 2 имела диаметр 42 м, мощность под ЦР – 1,1 м. Из произведенных наблюдений и стратиграфических данных установлено, что между насыпями совсем отсутствовал гумусированный слой; фиксировались лишь следы «укрепления» поверхности в виде обмазки, которую перекрывала вторичная мощная насыпь данного кургана. Из чего следует, что сооружение насыпи 2 произошло через небольшой промежуток времени (вероятно, в том же году, что и насыпь 1).

Погребенная почва (там, где она была прослежена) состояла из коричневого плотного гумусированного суглинка мощностью до 0,3 м. Вокруг центрального погр. 2 на погребенной почве была сделана площадка из желто-бурого материала почвообразующей породы – среднесуглинистого материала (с глубины ниже 1 м) диаметром около 13 м, мощностью от 1 до 1,5 см. Под погребенной почвой на глубине 3 м от 0 фиксировался материк – легкий желтый суглинок с включением на отдельных участках слоя песчаных линз с раковинами двустворчатых моллюсков дрейсен (*Dreissena polymorpha*), которые относятся к морским раннехвалынским отложениям².

При раскопках кургана установлено, что основное погр. 2 располагалось в центре кургана. Вокруг него в условном круге находились впускные погр. 3 и 4 (рис. 2). Погребения 2–4 датируются раннесарматским временем. Позднее в центральную часть кургана в насыпь было впущено погр. 5. Погребение оказалось ограбленным в древности, удалось собрать фрагменты человеческого скелета. По обряду погребения, фрагментам железного меча и невыразительным фрагментам керамики погр. 5 относится к сарматскому времени, точнее определить не представляется возможным. В эпоху Средневековья в центральную часть кургана неглубоко было впущено погр. 1. Материалы данного погребения в статье не анализируются.

В центральной части кургана фиксировалась обширная грабительская яма, пробиравшая обе насыпи и уходящая в материк. В ней на различной глубине обнаружены фрагменты человеческих костей, железные предметы, деревянные плашки и фрагменты бревен, некоторые со следами обугливания. Кроме того, найдены фрагменты костей животных (КРС), ярко окрашенные в зеленый цвет. Данный факт свидетельствует о длительном нахождении костей в большом бронзовом котле. К сожалению, сам котел обнаружить не удалось. С уровня материка грабительская яма стала круглой.

Погребение 2. В процессе раскопок яма превратилась из круглой в прямоугольную, ориентированную по линии С – Ю, с высокой ступенькой у торцевой северной стенки. На дне ямы и на ступеньке фиксировались ямки от столбовой конструкции, державшей перекрытие из мощного слоя камышового настила, который частично удалось проследить. Погребение ограблено в древности. На дне ямы сохранилась в нетронутом виде правая нога взрослого человека, судя по которой погребенный был ориентирован головой на юг. Дно ямы фиксировалось на глубине 8,82 м от 0. В заполнении встречались фрагменты железного меча, железных стрел, стеклянные бусы, фрагменты керамики, кости овцы, фрагменты железных и бронзовых предметов, фрагмент золотой фольги. Погребение является основным в кургане.

После возведения / создания первичной насыпи, через короткий промежуток времени (вероятно, в том же году), в условный круг, центр которого составляет погр. 2, на значительном удалении от него были впущены погр. 3 и 4. Они прорезали насыпь 1 и уходили глубоко в материк. После совершения этих погребений была возведена мощная насыпь 2. Рядом со входными ямами погр. 3 и 4 на поверхности насыпи 1 фиксировались площадки, выложенные корой со следами тризны (кости животных).

Погребение 3 (рис. 3). Погребение обнаружено в юго-западном секторе кургана, на расстоянии 15,10 м от ЦР. Прямоугольная входная яма длинной осью ориентирована по линии СЗ – ЮВ. В северо-восточной стенке входной ямы был устроен подбой длиной

3,20 м, шириной 2,06 м, глубиной 5,96 м от 0. Входная яма отделялась от камеры подбоя покатою ступенькой. Вход в подбой закрывали стоявшие вертикально тонкие деревянные плашки.

На дне подбоя в гробах из тонких досок лежали два погребенных – мужчина (скелет 1) и ребенок (скелет 2). Скелет мужчины располагался у дальней стенки, ребенок вдоль ступеньки. Погребенные были ориентированы головами на ЮВ. Оба лежали на спине, руки и ноги вытянуты вдоль тела. Погребенные были посыпаны слоем мела. Мел фиксировался на костях и особенно толстым слоем под ними, в пределах гробов.

Погребение 4 (рис. 4). Погребение обнаружено на расстоянии 11,10 м к В – ЮВ от ЦР. Прямоугольная входная яма была ориентирована длинной осью по линии С – Ю. Во всю длину западной стенки входной ямы устроен подбой длиной 2,30 м, шириной 2,86 м, глубиной 6,12 м от 0. Вход в подбой закрывали вертикально стоящие тонкие деревянные плашки.

На дне подбоя в гробу из тонких досок с крышкой обнаружен скелет мужчины, который лежал вытянуто на спине, головой на юг. Правая рука немного отставлена и вытянута вдоль тела, левая незначительно согнута в локте, отведена от туловища; ноги вытянуты, широко разведены. Погребенный был усыпан белым мелом. Мел фиксировался на костях и под ними.

Погребения 3 и 4, судя по размерам кургана, погребальных конструкций и сопровождающему инвентарю, принадлежат к высшей сарматской знати. Оба погребения оказались не тронутыми грабителями. В подбойных могилах были захоронены 2 мужчины-воина и ребенок. Погребенные были в одежде, расшитой золотыми бляшками, при них были найдены золотые гривны, браслеты, портупейные пряжки. Рядом с воинами находились бронзовые зеркала с костяной (бивень слона?) и хрустальной ручками, железные копья, железные мечи с прямым перекрестием и серповидным навершием, колчаные наборы с железными стрелами. Мечи и колчаны были украшены золотыми обкладками с изображением животных в зверином стиле. В погребения были помещены бронзовые котлы, серебряные со-

суды, золотые ритоны, серебряные туалетные сосудики, серебряные тарелки. Вся металлическая посуда, найденная в погребениях, была парная. На внешних сторонах серебряных сосудов изображены сцены из греческой мифологии, фигуры героев даны в высоком рельефе. Фигуры на сосудах подписаны именами на греческом языке, на дне каждого сосуда с внешней стороны выбит его вес и греческое имя, предположительно мастера. Большинство предметов роскоши, обнаруженных в исследованных комплексах, настолько уникальны, что не находят аналогий среди древностей сарматского круга и в поисках их происхождения отсылают к отдаленным территориям, как к западу, так и к востоку от Нижнего Поволжья.

После завершения раскопок начался длительный процесс по реставрации найденных предметов. Вполне возможно, что после окончания реставрационных работ некоторые категории находок позволят сузить дату этих погребений. Пока можно предположить, что погр. 2, 3 и 4 датируются концом II – началом I в. до н.э. Эту дату дают некоторые точные аналогии нашим находкам. Так, золотая портупейная пряжка с решетчатым геометрическим орнаментом имеет тождественные находки в материалах Ордоса, Забайкалья и Монголии. Другая пряжка с изображением копытного животного, вписанного в прямоугольную рамку, со шпеньком-застежкой в виде головы хищной птицы также имеет восточное происхождение.

Антропологический контекст

Погребение 2. Изучалась мозговая капсула без нижней челюсти и отдельные кости посткраниального скелета (ребра, ключицы, левая лопатка, рукоятка грудины, дистальный конец левой плечевой кости, диафизы костей правого предплечья, правая бедренная кость, большие и малые берцовые кости, правая тазовая кость, позвонки всех 3 отделов, кости кисти и стопы). Черепная коробка носит на себе следы непреднамеренной искусственной деформации колыбельного типа. Определение пола основывалось на признаках полового диморфизма черепа и посткраниального скелета, комплекс которых позволил диагностиро-

вать его как мужской [Алексеев, Дебец, 1964]. Общее физическое состояние черепа и костей посткраниального скелета на момент смерти демонстрирует почти полную облитерацию швов, даже височных, но исходя из наличия слабой изношенности костно-суставного аппарата, незначительной стертости зубов, ему было не больше 40 лет.

В связи с отсутствием фрагментов и целых костей как мозгового, так и лицевого отделов черепа удалось реконструировать череп лишь частично, и поэтому часть признаков не удалось измерить. Череп длинный и узкий, по указателю долихокранный (см. таблицу, рис. 5,1). Его вертикальная норма ближе к эллипсоидной. Рельеф на черепе развит выше среднего, так как степень выраженности надпереносья 4 балла по Мартину, надбровные дуги и сосцевидные отростки – 2 балла, а наружный затылочный бугор мощный (4 балла). Лобная кость по наименьшей ширине средняя, а по углу поперечного изгиба резко профилированная. Высота изгиба лба средняя. Ее хорда и дуга длинные, а у теменной кости они короткие. Затылочная кость широкая [Алексеев, Дебец, 1964, с. 114–117].

Лицевой скелет широкий по линии верхней ширины с резкой горизонтальной профилировкой на уровне глазниц. Глазница крупная, по значениям ширины и высоты попадает в параметры очень больших величин, по указателю мезоконхная. Переносье узкое и высокое, а носовые кости широкие и высокие.

На правой половине лобной кости в 60 мм от антропологической точки «назион», в 65 мм от венечного шва и в 40 мм от верхней выйной линии зафиксирована доброкачественная опухоль «остеома» размером 11 × 7 мм, овальной формы (рис. 5,2). Новообразование длинной осью ориентировано перпендикулярно стреловидному шву.

На затылочной кости в месте прикрепления мышц *m. occipitalis*, *m. rectus capitis posterior minor*, *m. rectus posterior major* зафиксировано увеличение рельефа костной ткани. Суставные поверхности затылочных мыщелков изношены, по краям выявлены разрастания. На костях свода черепа со стороны эндокрана наблюдаются следы развития синдрома внутричерепной гипертензии в виде пальцевидных вдавлений.

На внешней поверхности костей свода черепа выявлены признаки васкулярной реакции по типу «апельсиновой корки», балл 1. Также следует отметить преждевременную облитерацию черепных швов, что маркирует развитие преждевременного краниостеноза.

При изучении костей посткраниального скелета выявлены следующие особенности. Так, наблюдается деформация диафиза левой ключицы с формированием новообразованной массы на поверхности костной пластины (рис. 5,3). Визуальный осмотр и сравнение с диафизом правой ключицы позволяют указать, что анатомическая длина левой ключицы сократилась. На поверхности диафиза наблюдается образование костных экзостозов, которые в центральной и задней части полностью охватывают диафиз новообразованной костной тканью. Рентгенологическое исследование показало прижизненную деформацию кости. По верхнему контуру тела кости в месте перехода в акромиальный конец наблюдается развитие гиперостоза и мелких экзостозов от 0,3 до 0,5 мм. Структура модулярного канала кости не повреждена. На снимке наблюдаются следы от признаков реакции костной ткани на воздействие от давления мышц. Вероятно, выявленные изменения на ключице оказываются следствием полного сагиттального перелома суставной впадины левой лопатки. В результате данной травмы возникла редукция суставной впадины с частичным ее замещением ложным суставом (рис. 5,4). Кроме этого, в области акромиального сустава с левой стороны наблюдается развитие артрита.

На левой большой берцовой кости, на медиальной поверхности в верхней части диафиза выявлено костное образование размером 10 × 8 мм, длинной осью ориентированное по продольной длине кости.

На 6-м грудном позвонке с левой стороны в центральной части, ближе к нижней реберной ямке, обнаружено слепое отверстие диаметром 9 мм (рис. 5,5). Входные края ровные, имеются следы продавливания компакты кости в полость глубиной до 15 мм. Внутри отверстия на стенках и на дне наблюдаются следы гиперостоза и воспалительного процесса. Рентгенологическое исследование показало, что в нижнем левом углу тела 6-го грудно-

го позвонка имеется костный дефект. Входное отверстие округлой формы до 7 мм, а глубина повреждения до 12 мм. Дефект на рентгенограмме имеет четкие контуры со сформированным склератизированным ободком в нижне-заднем отделе дефекта. Также наблюдается формирование кистовидного просветления размером до 3 мм в прилежащих костных тканях в результате нарушения трофических процессов. Предположительно данный дефект был получен в результате проникающего ранения стрелой спереди (со стороны груди) на уровне 6-го ребра.

Костно-суставной аппарат скелета носит на себе следы дегенеративно-дистрофических процессов в виде развития деформирующего артроза. Следы систематической физической перегрузки и повышенного травматизма наблюдаются и на позвоночном столбе. На 1-м, 3–6-м шейных позвонках обнаружены следы горизонтальных остеофитов и начальной стадии остеохондроза. Костные разрастания выявлены также на позвонках грудного и поясничного отделов позвоночника. На 11-м и 12-м грудном, а также на 1-м поясничном позвонках зафиксированы центрально ориентированные узлы «Шморля». Мышечный рельеф костей верхних конечностей развит хорошо на уровне 2–3 баллов, а на нижних конечностях средне – до 2-го балла.

Погребение 3, скелет 1. Изучалась черепная коробка, представленная мелкими фрагментами костей свода черепа и нижней челюсти, а также сильно разрушенный на отдельные части посткраниальный скелет взрослого мужчины 25–30 лет. Обследование фрагментов черепной капсулы показало наличие на ней следов васкулярной реакции 1-го балла на лобной и на затылочной кости. Нижнечелюстной сустав со следами начальной стадии артроза. Корни зубов оголены менее чем наполовину – начальная стадия пародонтита. На коронках наблюдаются отложения зубного камня светло-желтого цвета 1-го балла (рис. 6,1). На клыках верхней челюсти обнаружены единичные горизонтально ориентированные линии эмалевой гипоплазии, которые сформировались в возрасте 3–3,5 лет.

На основных суставах скелета (плечевой, акромиальный, локтевой, лучезапястный, коленный, голеностопный) выявлены следы

дегенеративных изменений в виде потертостей и мелких краевых разрастаний (деформирующий артроз).

Позвонки шейного, грудного и поясничного отдела поражены горизонтальным остеофитозом. Мышечный рельеф развит на костях верхних и нижних конечностей интенсивно на уровне 3-го балла.

Погребение 3, скелет 2. Изучалась представленная фрагментами черепная капсула и полный набор скелета ребенка. Возраст его, исходя из характера развития зубной системы 6,5–7 лет. На данный возрастной интервал указывают и продольные размеры костей посткраниального скелета (левая лучевая кость – 140 мм; правая бедренная – 254 мм; правая большая берцовая – 221 мм; левая бедренная кость – 255 мм).

Обследование черепной капсулы показало наличие на лобной кости со стороны эндокрана, в области пальцевидных вдавлений, по обеим сторонам от лобного синуса следов воспалительного процесса и субэпидуральных гематом (рис. 6,2). В левой орбите ребенка выявлены поротические изменения в виде «*cribra orbitalia*» 2-го балла (рис. 6,3). Также следует отметить следы пороза верхнего альвеолярного отростка, которые обнаружены и внутри альвеол, на задней подглазничной части верхнечелюстных костей, в подглазничной области обеих половинок верхней челюсти (рис. 6,4).

Из патологических проявлений отметим сильную стертость молочных моляров и премоляров до дентина. На зубах молочной смены зафиксированы минерализованные отложения светлого цвета 2-го балла. На клыках и резцах верхней и нижней челюстей выявлены горизонтально ориентированные линии эмалевой гипоплазии. Формирование данных дефектов было вызвано физиологическим стрессом, который возник у ребенка в возрасте 2,5–3,5 лет. Кроме того, на резцах присутствует лопатообразная форма, степень 1–2 [Зубов, 2006, с. 36].

Из особенностей на костях посткраниального скелета следует выделить миозиты на плечевых и больших берцовых костях (рис. 6,5,6).

Погребение 4. В сохранности черепная капсула, разломанная на крупные фрагменты,

нижняя челюсть, длинные кости верхних и нижних конечностей, фрагменты правой тазовой кости, разрушенные части ребер и трубчатых костей стоп и кистей. Останки принадлежат молодому мужчине возрастом 20–30 лет.

Антропологический тип, определенный по средним значениям краниологических признаков, позволяет говорить о том, что данный череп резко отличается от черепа из погребения 2 и характеризуется короткой, широкой и низкой мозговой коробкой (см. таблицу, рис. 7,1). Пропорции тотальных размеров черепа укладываются в брахикранные, ортокранные и тапейнокранные формы. Вертикальная норма черепа ближе к сфеноидной. Рельеф на черепе развит выше среднего: хорошо выражено надпереносье и сосцевидный отросток; средняя протяженность надбровных дуг и средняя выраженность выйных линий в области наружного затылочного бугра. Лобная кость широкая и по линии фронтотемпоральных точек, и по линии стефанион-стефанион. Ее профилировка в месте перегиба слегка уплощенная, а по углу лба назион-метопион чуть наклонная. Хорда и дуга как лобной, так и теменной кости средней длины. Затылочная кость очень широкая с короткой хордой и дугой.

Лицевой скелет и по скуловому диаметру, и по верхней ширине очень широкий. Верхняя высота лица находится в значениях средних величин, по лицевому указателю – эуриен. Горизонтальная профилировка лица определяется только по назомаллярному углу, и она ослабленная. Вертикальный профиль лица находится в параметрах ортогнатных величин по значению общелицевого угла. Нос высокий и среднеширокий по абсолютному размеру и узкий по указателю (лепторинный). Нижний край грушевидного отверстия имеет антропинную форму. Передне-носовая кость выражена выше среднего. Орбиты широкие и высокие по абсолютной высоте и средневысокие по указателю (мезоконхные). Переносье средней ширины, а носовые кости средней ширины и очень высокие. Угол выступания носа большой, а клыковая ямка средней глубины.

На черепе присутствуют следы непреднамеренной искусственной деформации по

типу «бешика», а затылочная область искажена посмертной деформацией. Из дискретно-варьирующих признаков на черепе были зафиксированы: надглазничное отверстие слева; дополнительная кость в районе точки брегмы (очень крупная); дополнительные кости у точки астерион (справа) и в лямбдовидном шве. Кроме того, на резцах наблюдается лопатообразность, степень – 1 балл [Зубов, 2006, с. 36].

Изучение частей черепной коробки по программе патологического состояния показало наличие в центральной части лобной кости округлого сквозного отверстия диаметром 9×9 мм, располагающегося в 64 мм от антропологической точки назион и в 44 мм от нижнего края прямоугольной родничковой кости Os bregma, которая находится в месте одноименной антропологической точки (рис. 7,2). Вокруг дефекта с внешней стороны лобной кости наблюдается формирование воспалительного процесса (15 мм по окружности). Края ранения неровные, с признаками склероза в отдельных местах и образования незначительных костных мозолей. Стенки дефекта неровные, покрыты воспалительной костной тканью. На внутренней поверхности черепа края выходного отверстия неровные, заостренные. Наблюдается окостенение осколков по краям дефекта и развитие незначительного воспалительного процесса (рис. 7,2–4). Рентгенологическое изучение чешуи лобной кости показывает наличие округлого сквозного дефекта в центральной ее части диаметром 9 мм. На месте повреждения видны четкие неровные контуры с нарушением костной целостности как наружной, так и внутренней замыкательной пластины. На внутренней поверхности черепа в области дефекта, в нижнем его отделе, на снимке зафиксированы элементы остеосклероза с формированием костного выроста размером до 3 мм. Макроскопическое исследование показало на краях выходного отверстия 2 симметричных скола от предмета, которым было получено повреждение, вероятнее всего, граней стрелы или дротика.

В области ветви нижней челюсти с левой стороны обнаружены следы воспалительного процесса (рис. 7,5,6). Задняя и наружная часть и поверхность ветви покрыты периоститом, ко-

торый местами отслаивается от надкостницы. Рентгенологический анализ нижней челюсти показал наличие следов изменения структуры костной ткани на протяжении 15 мм в области перехода мышечкового отростка в вырезку нижней челюсти по передней поверхности. Контур костной ткани неровные, нечеткие с краевыми дефектами и мелкими кистовидными просветлениями, которые заканчиваются реактивным гиперостозом. Данные изменения могут быть следствием перенесенного местного воспалительного процесса, вызванного травмой.

На черепе мужчины также зафиксирована деформация верхних краев носовых костей, что могло быть вызвано прижизненной травмой. На черепной коробке мужчины зафиксированы признаки васкулярной реакции костной ткани по типу «апельсиновой корки» 3-го балла. Стертость зубов незначительная, дентин не обнажен. На коронках наблюдаются отложения зубного камня. На нижних клыках и первых премолярах зафиксированы множественные линии эмалевой гипоплазии.

На прямоугольном фрагменте второго правого ребра (?) (задняя часть в области суставной поверхности) зафиксирован фрагмент железного предмета со следами металлических окислов коричневого цвета (рис. 8,1,2). Вокруг дефекта образовались воспалительный процесс и зона развития некротического процесса. Макроскопическая идентификация дефекта позволяет говорить о возможном ранении (стрелой?).

Плечевые, лучезапястные суставы верхних конечностей, а также тазобедренные суставы нижних конечностей поражены деформирующим артрозом. Мышечный рельеф на длинных костях скелета развит интенсивно, на уровне 3-го балла.

Из выявленных на позвоночном столбе аномалий следует отметить срастание 2-го и 3-го шейного позвонка, редукцию зубовидного отростка и суставной ямки зуба на первом шейном позвонке (рис. 8,3,4). Данные отклонения, вероятнее всего, являются следствием родовой или детской травмы, которые привели к частичной потере подвижности головы (ограничены возможность поворота головы вправо и влево).

Из вышеприведенного описания кургана, погребений и вещевого комплекса следует,

что в кургане были погребены представители раннесарматской элиты. Датировка погребений концом II – началом I в. до н.э. вполне правомочна. А.С. Скрипкин определял этим временем и другие памятники раннесарматской элиты, которую отождествлял с аорсами [Скворцов, Скрипкин, 2008; Скрипкин, Шинкарь, 2010, с. 136].

Что касается антропологического типа 2 погребенных, черепа которых удалось реставрировать, следует отметить их морфологическое различие. Один из них характеризуется комплексом, сочетающим долихокранию с крупной глазницей и резко профилированным лицом, а второй – брахиокранию в сочетании с широким средневысоким лицом, профилировка которого плоская на уровне глазниц, а сами они тоже широкие и высокие. Затылочная область на обоих черепах уплощена по типу «бешика», что может указывать на практику использования колыбели такой конструкции.

Анализ скелетов на патологическое состояние позволил реконструировать состояние здо-

ровья погребенных на момент их смерти. Прежде всего, следует отметить высокую травмированность скелетов, которая могла быть следствием участия мужчин в боевых событиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-68-00011 «Tempora incognita в истории Волго-Уральского региона: культурно-исторические, антропологические палеоэкологические предпосылки и последствия смены эпох и культур на рубеже поздней бронзы – в начале раннего железного века».

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-68-00011 “Tempora incognita in the history of the Volga-Ural region: cultural-historical, anthropological paleoecological prerequisites and consequences of the change of eras and cultures at the turn of the Late Bronze Age – at the beginning of the Early Iron Age”.

² Авторы статьи выражают благодарность работавшему на кургане М.В. Ельцову, к.б.н., в.н.с. Федерального научного центра агроэкологии РАН (ФНЦ агроэкологии РАН).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица. Индивидуальные размеры и указатели черепов из погребений одиночного кургана у г. Волжский

Table. Individual sizes and indexes of the skulls from burials of the detached kurgan near Volzhsky

№ по Мартину и др.	Признак	Погр. 2, ск. 2	Погр. 4	№ по Мартину и др.	Признак	Погр. 2, ск. 2	Погр. 4
	пол	Муж.	Муж.		пол	Муж.	Муж.
	возраст	30–40 лет	20–30 лет		возраст	Ст. 50 лет	25–35 лет
1.	Продольный диаметр	191	172	28.	Затылочная дуга		106
8.	Поперечный диаметр	130?	145	29.	Лобная хорда	118	110
8:1.	Черепной указатель	68,1	84,3	30.	Теменная хорда	109	112
17.	Высотный диаметр (ba-br)		129?	31.	Затылочная хорда		87
17:1.	Высотно-продольный индекс		75	28:27.	Затылочно-теменной индекс		84,8
17:8.	Высотно-поперечный индекс		89,0	29:26.	Изгиб лба	89,4	85,9
ОРВ.	Общеростовая величина		259,3	30:27.	Изгиб темени	90,8	89,6
M2.	Условное трансверсальное сечение	248,3	249,4	31:28.	Изгиб затылка		82,1
M3.	Условный трансверсальный объем		1608,6	Syb.Nß.	Высота изгиба лба	24,0	26,5
5.	Длина основания черепа		97?	Syb.Nß.: 29	Индекс выпуклости лба	20,4	24,1
20.	Ушная высота (ро-ро)		116	УИЛ.	Угол изгиба лба	135,8	128,5
9.	Наименьшая ширина лба	96	102	Syb.Nß.	Высота изгиба затылка		20,2
h/9	Высота над ft-ft точками	20,2	19,0	Syb.Nß.:31	Индекс выпуклости затылка		18,0
h/9:9	Указатель профиля лба над ft-ft точками	21,0		УИЗ.	Угол изгиба затылка		140,4
УПИЛ.	Угол поперечного изгиба лба	134,4	139,2	45.	Скуловой диаметр		152?
9:8.	Лобно-поперечный указатель	73,8	70,3	45:8.	Поперечный фацио-церебральный указатель		104,8
9:10.	Широтный лобный указатель	87,3	82,9	40.	Ширина основания лица		90
10	Наибольшая ширина лба	110	123	40:5.	Указатель выступания лица		92,8
11.	Ширина основания черепа		148?	48.	Верхняя высота лица		70,5
12.	Ширина затылка	117	125	48:17.	Вертикальный фацио-церебральный указатель		54,65
25.	Сагиттальная дуга		359	48:45.	Верхний лицевой указатель		46,4
26.	Лобная дуга	132	128	43.	Верхняя ширина лица	113	118
27.	Теменная дуга	120	125	46.	Средняя ширина лица		
54.	Ширина носа		54		Зигмаксиллярная хорда (по Абиндеру)		
55.	Высота носа		24,7		Высота subspinale над з/м хордой		
54:55.	Носовой указатель		45,7		Зигмаксиллярный индекс		
51.	Ширина орбиты (левая)	45,5	45	<zm'.	Зигмаксиллярный угол		
52.	Высота орбиты (левая)	38	38	32.	Угол профиля лба от назиона		84
52:51.	Орбитный указатель (левая)	83,5	84,4	GM/FH	Угол профиля лба от глабеллы		72
MC.	Максило-фронтальная ширина	19,0	19,9	72.	Общий лицевой угол		85?
MS.	Максило-фронтальная высота	9,1	9,0	73.	Угол средней части лица		85?
MS:MC.	Максило-фронтальный указатель	47,9	45,2	74.	Угол альвеолярной части лица		85?
DC.	Дакриальная ширина	19,5	22,0	75.	Угол носовых костей к горизонтали		55
DS.	Дакриальная высота	13,0		75-1.	Угол носовых костей к линии профиля		30

Окончание таблицы

End of Table

№ по Мартину и др.	Признак	Погр. 2, ск. 2	Погр. 4	№ по Мартину и др.	Признак	Погр. 2, ск. 2	Погр. 4
	пол	Муж.	Муж.		пол	Муж.	Муж.
	возраст	30–40 лет	20–30 лет		возраст	Ст. 50 лет	25–35 лет
DS:DC.	Дакриальный указатель	66,7			Форма черепа сверху	ellips	sphaen
SC.	Симотическая ширина	10,8	8,9		Надпереносье (по Мартину 1–6)	4	4
SS.	Симотическая высота	7,5	7		Надбровные дуги	2	2
SS:SC.	Симотический указатель	69,4	78,65		Наружный затылочный бугор	4	3
FC.	Глубина клыковой ямки (справа)		4,9		Сосцевидный отросток	2	3
43a.	Бимолярная хорда fmo-fmo	104,2	107,5		Нижний край грушевидного отверстия	–	Anthrop.
	Высота назиона над б/м хордой	20,0	16,0		Передне-носовая кость	–	3
	Назо-малярный индекс	19,2	14,9		Наличие непреднамеренной деформации (бешиковый тип)	–	+
77.	Назо-малярный угол	138,2	146,8				

Рис. 1. Карта расположения памятника
Fig. 1. Map of the site location

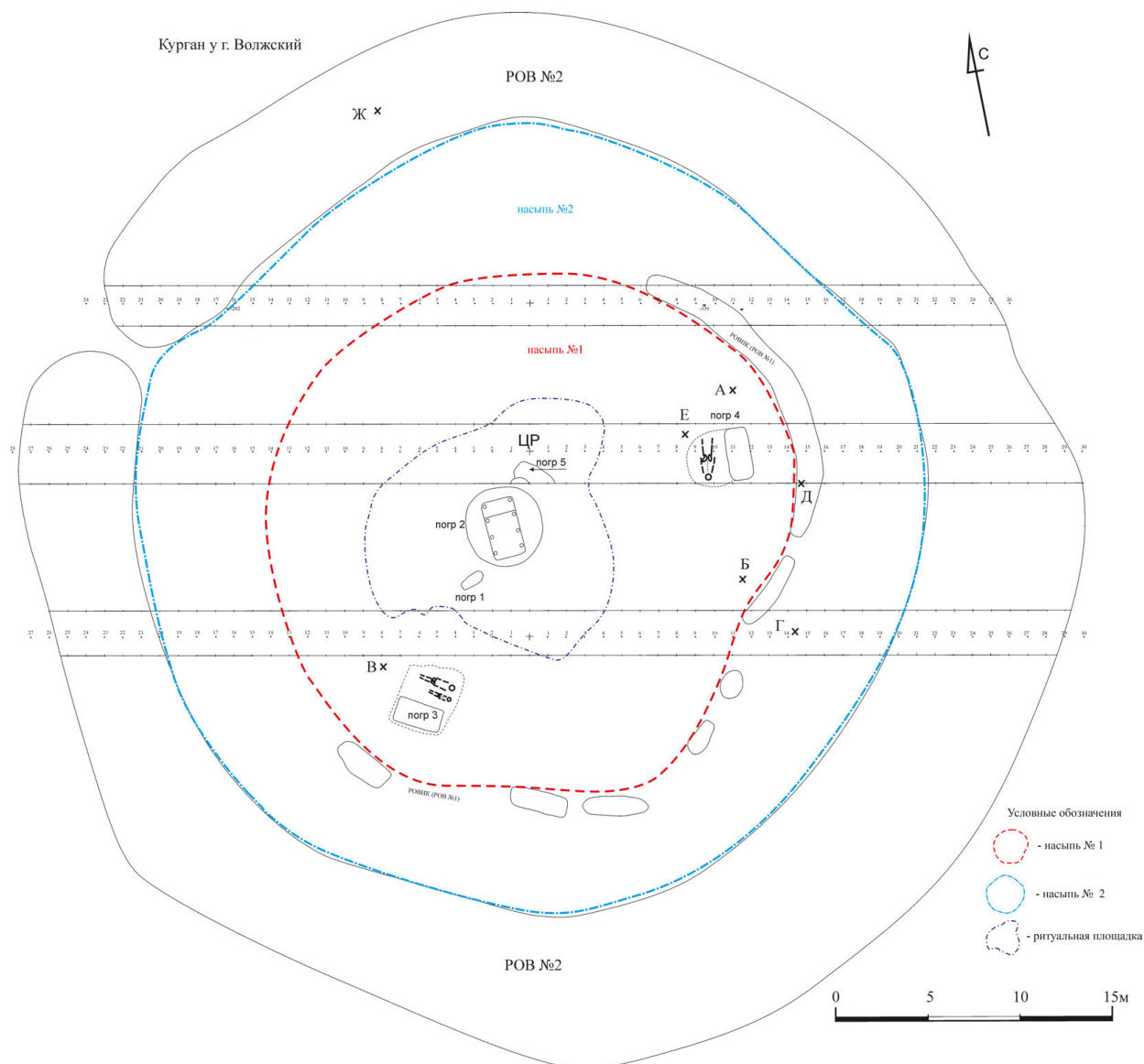

Рис. 2. План одиночного кургана у г. Волжский с находками в насыпи и во рву:

План А – кости лошади с черепом; План Б – кость лошади – левая лопаточная кость;
 План В – большой набор костных остатков мелкого рогатого скота (7 особей);
 План Г – кость лошади – правая лопаточная кость; План Д – кости лошади – 2 ребра;
 План Е – большой набор костных остатков мелкого рогатого скота (2 особи);
 План Ж – кости крупного рогатого скота – челюсть

Fig. 2. Plan of the detached kurgan near Volzhsky with finds in the mound and in the moat:

Plan A – horse's bones with a skull; Plan Б – horse's bone (left shoulder bone);
 Plan В – large set of bone remains of small cattle (7 individuals);
 Plan Г – horse's bone (right shoulder bone); Plan Д – horse bones (2 ribs);
 Plan Е – large set of bone remains of small cattle (2 individuals); Plan Ж – cattle bones (jaw)

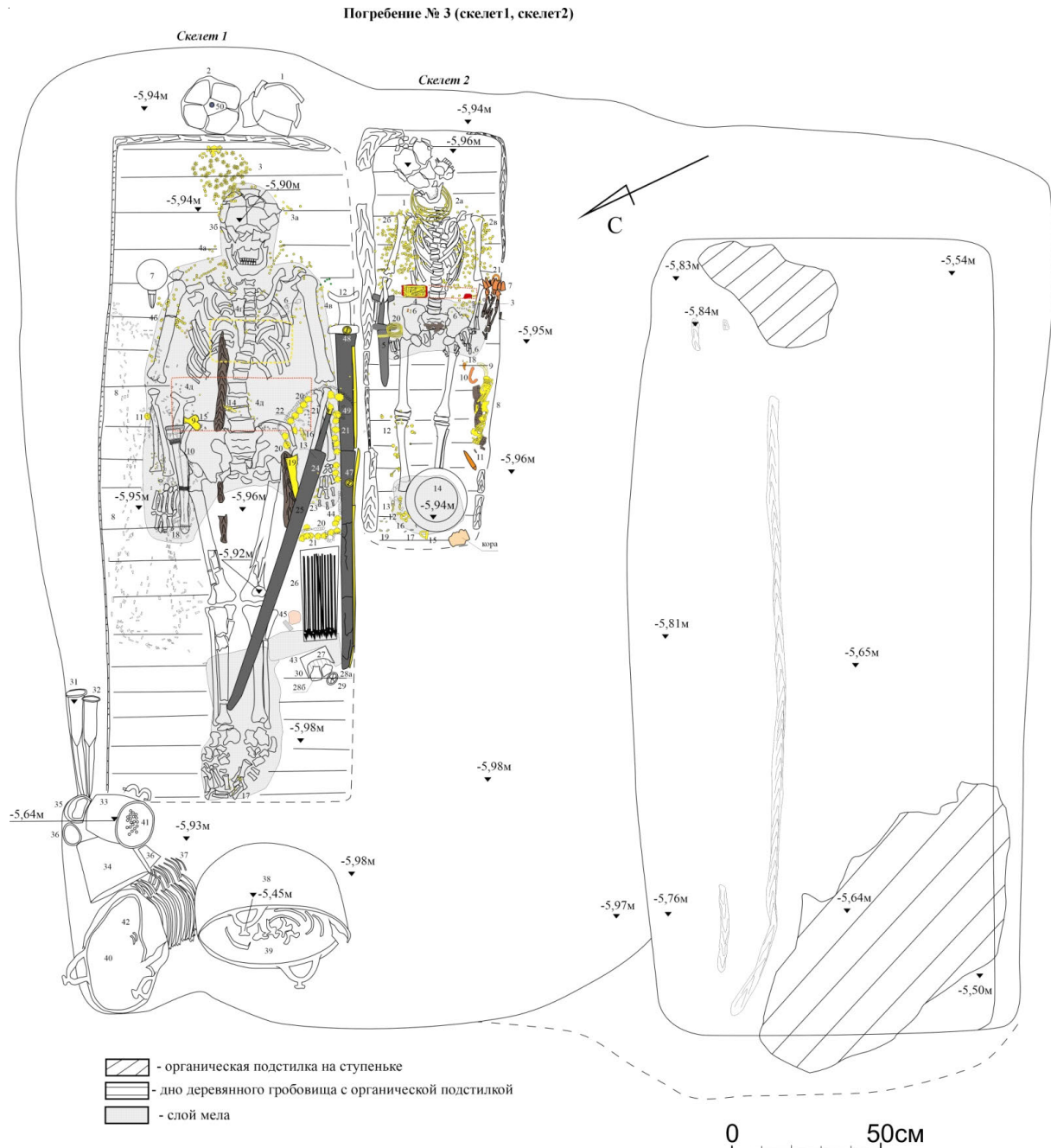

Рис. 3. Одиночный курган у г. Волжский, план погребения 3:

Скелет 1

- 1 – железный предмет (шлем?) (в реставрационной лаборатории на определение предмета);
 2 – кожаный красный подшлемник?; 3 – головной убор (фигура петуха, золотые бляшки); 4 – золотые бляшки с одежды; 5 – золотые нитки на груди; 6 – золотая фольга – фрагменты; 7 – бронзовое зеркало с рукояткой из горного хрусталя; 8 – золотые пронизки с плаща; 9 – золотая фигурная пластина на поясе; 10 – железный короткий меч с золотыми обкладками ножен; 11 – золотая застежка-пряжка меча; 12 – длинный железный меч с серповидным наконечником и золотым обкладом ножен; 13 – длинный железный меч со штыревидной рукояткой; 14 – золотой оконечник ремня; 15 – золотые гвоздики; 16 – золотой оконечник ремня; 17 – золотые пронизки со ступней; 18 – золотая портупейная пряжка-крепление короткого меча; 19 – золотая обкладка горита; 20 – золотые спирали с кожаных ремешков горита; 21 – золотые восьмилепестковые бляшки с горита; 22 – золотые цилиндрические втулки-пронизки с горита; 23 – золотые полусферические бляшки с места расположения горита; 24 – золотые круглые бляшки с места расположения горита; 25 – золотая фольга в форме полуцилиндра с горита; 26 – железные стрелы в колчане; 27 – костяной гребень; 28 – серебряный сосудик (2 шт.); 29 – золотая брошь; 30 – серебряные нити (от сумочки?); 31 – железное копье – большое; 32 – железное копье – малое; 33 – серебряный сосуд; 34 – серебряный сосуд; 35 – золотой ритон-рог;

36 – золотой ритон-рог; 37 – ребра КРС; 38 – бронзовый котел – большой; 39 – кости лошади в большом котле № 38; 40 – бронзовый котел – малый; 41 – золотые бляшки в серебряном сосуде № 33; 42 – ребра КРС в малом котле № 40; 43 – железные фрагменты предмета (пряжка?) под костяным гребнем № 27; 44 – железный колчаный крючок, найден под колчаном; 45 – кусок мела с окаменевшим деревом (или сланцем?); 46 – золотая фольга, фрагменты; 47 – золотая портупейная застежка под лезвием железного меча № 12; 48 – золотая портупейная застежка под перекрестием железного меча № 12; 49 – золотое навершие с железного меча № 13; 50 – свинцовое кольцо под кожаным подшлемником

Скелет 2

1 – золотая гривна; 2 – золотые бляшки; 3 – костяные бусы; 4 – золотая пряжка; 5 – железный меч с золотыми обкладками ножен; 6 – золотые гвоздики; 7 – железные стрелы; 8 – золотая накладка на колчан; 9 – клык волка; 10 – железный колчаный крючок; 11 – железный нож; 12 – золотые бляшки с правой ноги; 13 – золотые спирали с правой ноги; 14 – серебряная тарелка – 2 штуки; 15 – золотая пряжка с левой ступни; 16 – золотая пряжка с правой ступни; 17 – золотые пронизки с ног; 18 – фрагменты золотой фольги у левой руки; 19 – фрагменты золотой фольги у правой ступни; 20 – золотой браслет; 21 – железное кольцо, пряжка (?)

Fig. 3. Detached kurgan near Volzhsky, plan of burial 3:

Skeleton 1

1 – an iron object (helmet?) (to be determined in the restoration laboratory); 2 – red leather arming cap (worn underneath the helmet?); 3 – headdress (rooster figure, gold plaques); 4 – gold plaques from clothes; 5 – gold threads on the chest; 6 – gold foil – fragments; 7 – bronze mirror with rhinestone handle; 8 – gold piercing from the cloak; 9 – gold curly plate on the belt; 10 – iron short sword with a gold-lined scabbard; 11 – gold sword buckle; 12 – a long iron sword with a crescent-shaped pommel and a gold sheath; 13 – a long iron sword with a pin-shaped handle; 14 – gold belt tip; 15 – gold nails; 16 – gold belt tip; 17 – gold piercing with the foot; 18 – gold belt buckle-fastening of a short sword; 19 – gold lining of the gorytos; 20 – gold spirals from the leather straps of the gorytos; 21 – gold eight-petalled plaques of the gorytos; 22 – gold cylindrical bushings pierced of the gorytos; 23 – gold hemispherical plaques from the location of the gorytos; 24 – gold round plaques from the location of the gorytos; 25 – gold foil in the shape of a half-cylinder of the gorytos; 26 – iron arrows in a quiver; 27 – bone comb; 28 – small silver vessel (2 pieces?); 29 – gold brooch; 30 – silver threads (from a handbag?); 31 – big iron spear; 32 – small iron spear; 33 – silver vessel; 34 – silver vessel; 35 – gold riton horn; 36 – gold riton horn; 37 – cattle ribs; 38 – large bronze cauldron; 39 – horse bones in a large cauldron No. 38; 40 – small bronze boiler; 41 – gold plaques in silver vessel No. 33; 42 – cattle ribs in small boiler No. 40; 43 – iron fragments of an object (a buckle?) under the bone ridge No. 27; 44 – iron quiver hook found under the quiver; 45 – piece of chalk with petrified wood (or slate?); 46 – gold foil, fragments; 47 – gold belt buckle under the blade of the iron sword No. 12; 48 – gold belt buckle under the crosshair of the iron sword No. 12; 49 – gold pommel from Iron Sword No. 13; 50 – lead ring under the leather arming cap

Skeleton 2

1 – gold neck hryvnia; 2 – gold plaques; 3 – bone beads; 4 – gold buckle; 5 – iron sword with a gold sheath; 6 – gold nails; 7 – iron arrows; 8 – gold lining on the quiver; 9 – wolf's fang; 10 – iron quiver hook; 11 – iron knife; 12 – gold plaques on the right foot; 13 – gold spirals on the right foot; 14 – silver plate – 2 pieces; 15 – gold buckle on the left foot; 16 – gold buckle on the right foot; 17 – gold piercing from the feet; 18 – fragments of gold foil on the left hand; 19 – fragments of gold foil at the right foot; 20 – gold bracelet; 21 – an iron ring, a buckle (?)

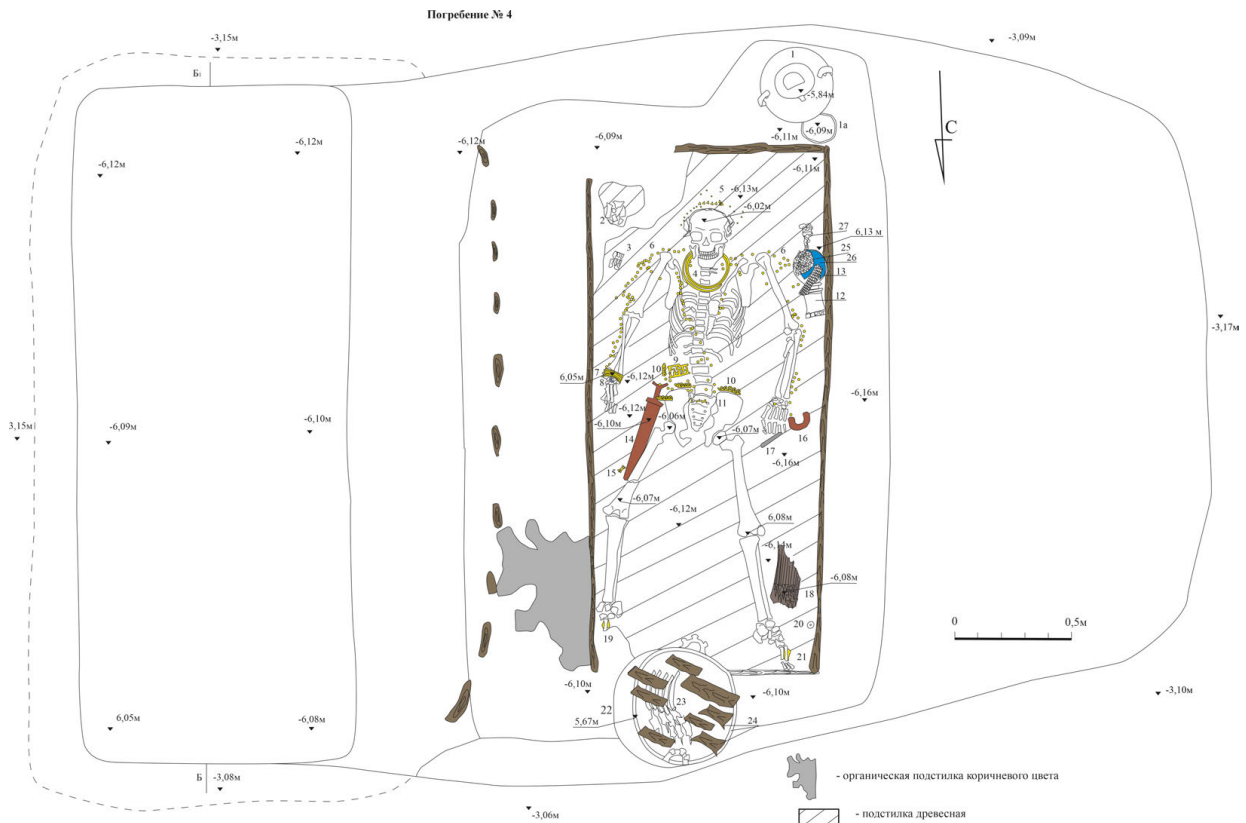

Рис. 4. Находки в погребении 4 одиночного кургана у г. Волжский:

- 1 – сероглиняный двуручный кувшин со сливом «непроливайка»; 1а – отпечаток со следами кожи;
 2–3 – бронзовые предметы (в реставрационной лаборатории на определение предметов); 4 – золотая гривна;
 5 – золотые бляшки (сердечки, круглые); 6 – золотые бляшки (нашивки на рубашке); 7 – золотой браслет;
 8 – две бусины внутри браслета; 9 – золотая поясная пряжка; 10 – золотые спирали; 11 – золотые гвоздики;
 12 – бронзовое зеркало с костяной рукояткой; 13 – костяная пластина, орнаментированная; 14 – железный кинжал;
 15 – золотая портупейная пряжка; 16 – железный крючок-скоба; 17 – каменный оселок; 18 – железные стрелы;
 19 – золотая фольга на правом большом пальце ноги; 20 – свинцовое кольцо (ворворка);
 21 – золотая фольга на левом большом пальце ноги; 22 – бронзовый котел; 23 – кости лошади в котле;
 24–27 – набор ритуальных предметов и веществ (в реставрационной лаборатории на разборе и определении предметов)

Fig. 4. Finds in the burial 4 of the detached kurgan near Volzhsky:

- 1 – gray clay two-handed jug with a drain “no-spill cup”; 1а – imprint with traces of skin;
 2–3 – bronze objects (to be identified in the restoration laboratory); 4 – gold neck hryvnia;
 5 – gold plaques (hearts, circular); 6 – gold plaques (patches on the shirt); 7 – gold bracelet;
 8 – two beads inside the bracelet; 9 – gold belt buckle; 10 – gold spirals; 11 – gold nails;
 12 – bronze mirror with a bone handle; 13 – bone plate, ornamented; 14 – iron dagger;
 15 – gold belt buckle; 16 – iron hook-bracket; 17 – stone touchstone; 18 – iron arrows;
 19 – gold foil on the right big toe; 20 – lead ring (warp);
 21 – gold foil on the left big toe; 22 – bronze cauldron; 23 – horse bones in a cauldron;
 24–27 – set of ritual objects and substances (to be identified and analyzed in the restoration laboratory)

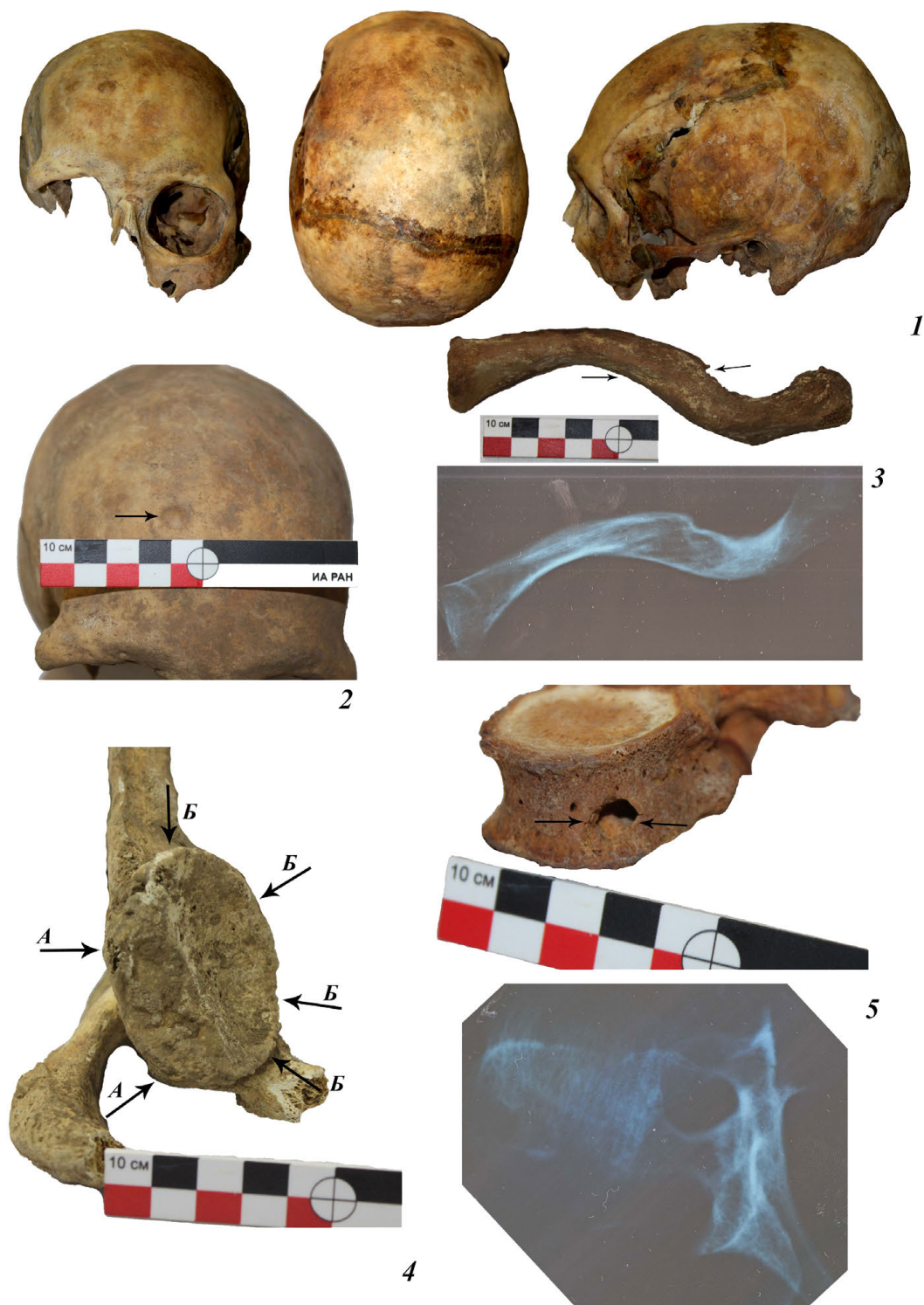

Рис. 5. Череп и патологические состояния на костях скелета мужчины (20–30 лет) из погр. 2 (скелет 2):

- 1 – череп мужчины (30–35 лет) из погр. 2 (скелет 2); 2 – остеома на лобной кости;
- 3 – деформация диафиза левой ключицы с формированием новообразованной костной массы;
- 4 – редукция после перелома суставной впадины лопатки с частичным ее замещением ложным суставом;
- 5 – следы проникающего ранения на 6-м грудном позвонке

Fig. 5. Skull and pathological conditions on the male skeleton bones (20–30 years old) from burial 2 (skeleton 2):

- 1 – male skull (30–35 years old) from the burial 2 (skeleton 2); 2 – osteoma on the frontal bone;
- 3 – deformation of the diaphysis of the left clavicle with the formation of a newly formed bone mass;
- 4 – reduction after a fracture of the glenoid cavity of the scapula with its partial replacement with a pseudoarthrosis;
- 5 – traces of a penetrating wound on the 6th thoracic vertebra

Рис. 6. Патологические состояния на костях скелетов мужчины и ребенка из погр. 3:

- 1 – зубной камень на нижней челюсти мужчины (скелет 1);
 2 – следы воспалительного процесса и субэпидуральных гематом на черепе ребенка 6–7 лет (скелет 2);
 3 – «cribra orbitalia» левой орбиты ребенка (скелет 2); 4 – следы пороза верхнего альвеолярного отростка ребенка (скелет 2); 5, 6 – миозиты больших берцовых и плечевой костях ребенка (скелет 2)

Fig. 6. Pathological conditions on the skeletons of a man and a child from burial 3:

- 1 – tartar on the lower jaw of a man (skeleton 1);
 2 – traces of an inflammatory process and subepidural hematomas on the skull of a 6–7 year old child (skeleton 2);
 3 – “cribra orbitalia” of the child’s left orbit (skeleton 2); 4 – traces of porosis of the child’s upper alveolar process (skeleton 2); 5, 6 – myositis of the tibia and humerus of the child (skeleton 2)

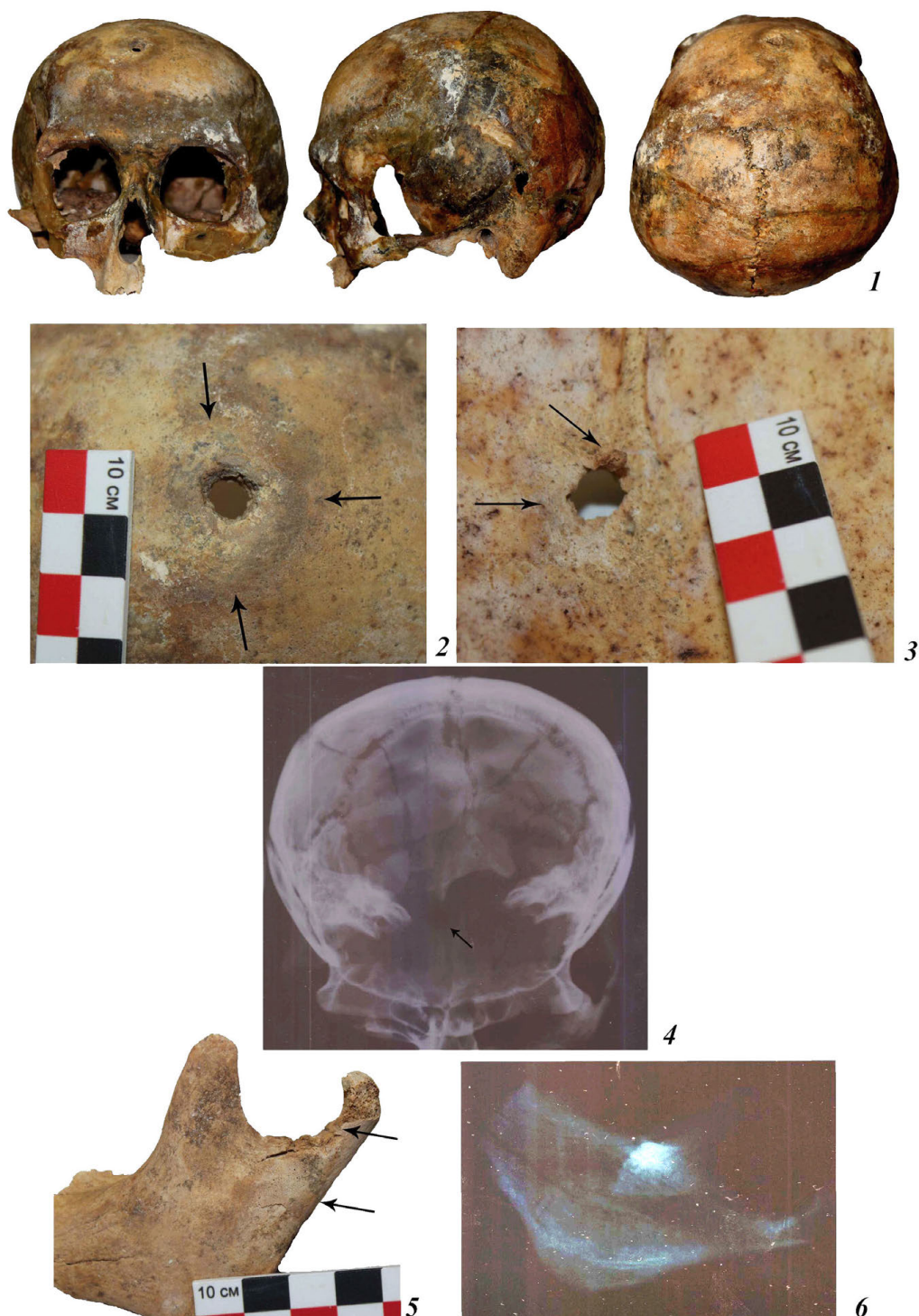

Рис. 7. Череп и патологические состояния на костях скелета мужчины (20–30 лет) из погр. 4:

- 1 – череп мужчины; 2 – сквозное отверстие на лобной кости мужчины с наружной стороны;
- 3 – выходное отверстие на лобной кости мужчины со следами воспалительного процесса и костных выростов;
- 4 – рентгенограмма черепа мужчины со сквозным отверстием в лобной кости;
- 5, 6 – следы воспалительного процесса на ветви нижней челюсти слева

Fig. 7. Skull and pathological conditions on the male skeleton bones (20–30 years old) from burial 4:

- 1 – male skull; 2 – penetrating wound in the frontal bone of the man from the outside;
- 3 – exit hole in the frontal bone of a man with traces of an inflammatory process and bone growths;
- 4 – X-ray of the male skull with a through hole in the frontal bone;
- 5, 6 – traces of an inflammatory process on the left branch of the lower jaw

Рис. 8. Патологические состояния на костях скелета мужчины (20–30 лет) из погр. 4:
1, 2 – следы металлических окислов в задней области суставной поверхности фрагмента второго правого ребра (?);
3, 4 – срастание 2-го и 3-го шейных позвонков

Fig. 8. Pathological conditions on the bones of the male skeleton bones (20–30 years old) from burial 4:
1, 2 – traces of metal oxides in the posterior region of the articular surface of a fragment of the second right rib (?);
3, 4 – fusion of the 2nd and 3rd cervical vertebrae

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В. П., Дебеч Г. Ф., 1964. Краниметрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука. 127 с.
- Бужилова А. П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Бужилова А. П., Козловская М. В., Лебединская Г. В., Медникова М. Б. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М. : Старый сад. С. 87–147.
- Граков Б. Н., 1947. ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. № 3. С. 100–121.
- Гуцалов С. Ю., 2007. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (30). С. 75–92.
- Гуцалов С. Ю., 2009. Погребение знатного кочевника скифского времени в урочище Илекшар (Южное Приуралье) // Российская археология. № 3. С. 72–79.
- Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // Вестник древней истории. 1993. № 3. С. 141–179.
- Зубов А. А., 2006. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М. : ЭТНО-ОНЛАЙН. 72 с.
- Ельцов М. В., 2020. Почвенно-археологические исследования кургана Жайык-1 // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 285–293. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.16>
- Клепиков В. М., 2015. К вопросу о возможностях социальной интерпретации раннесарматского общества Нижнего Поволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. № 5 (35). С. 46–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.5>
- Клепиков В. М., 2016. Раннесарматские мужские погребения с двумя мечами (к вопросу о социальном статусе) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 104–109.
- Крюков В. Н., 1990. Судебная медицина. М. : Медицина. 432 с.
- Мордвинцева В. И., Шинкарь О. В., 1999. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. С. 138–149.
- Мышкин В. Н., 2010. О субкультуре элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V веках до нашей эры // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. С. 170–190.
- Мышкин В. Н., 2013. Типы погребального обряда социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н. э. // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 15, № 1. С. 219–225.
- Нагорнов М. Н., Солохин Ю. А., 2001. Классификация переломов свода черепа // Судебно-медицинская экспертиза. Вып. 5. С. 14–16.
- Очир-Горяева М. А., 2019. Погребение воина-всадника из курганной группы Яшкуль // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. № 4. С. 5–60. DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2019-4-12-5-60>
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка: некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.
- Ростовцев М. И., 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Материалы по археологии России. Петроград : Девятая гос. тип. № 37. 124 с.
- Скворцов Н. Б., Скрипкин А. С., 2008. Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. С. 98–116.
- Скрипкин А. С., Шинкарь О. А., 2010. Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье // Российская археология. № 1. С. 125–137.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура. М. : Наука. 360 с.
- Смирнов К. Ф., 1981. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа : ИИЯЛБФАН СССР. С. 68–91.
- Яблонский Л. Т., 2015. Элитарная субкультура ранних кочевников Южного Приуралья и механизмы формирования раннесарматской культуры // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Барнаул : Изд-во АГУ. С. 37–60.

Ortner D. J., Putschar W. G. J., 1981. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Washington, D. C. : Smithsonian Institution Press. 479 p.

REFERENCES

- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry. Technique of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ. 127 p.
- Buzhilova A.P., 1998. Paleopatologiya v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiyakh [Paleopathology in Bioarchaeological Reconstructions]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy* [Historical Human Ecology Methods of Biological Research]. Moscow, Staryy sad Publ., pp. 87-147.
- Grakov B.N., 1947. ГYNAIKOKPATOYMENOI: Perezhitki matriarhata u sarmatov [ГYNAIKOKPATOYMENOI: Remnants of Matriarchy in Sarmatians' Society]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of the Ancient History], no. 3, pp. 100-121.
- Gutsalov S.Yu., 2007. Pogrebal'nye pamyatniki kochevoy elity Yuzhnogo Priural'ya serediny I tys. do n.e. [Funeral Monuments of the Nomadic Elite of the Southern Ural in the Middle of the 1st Millennium BC]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia], no. 2 (30), pp. 75-92.
- Gutsalov S.Yu., 2009. Pogrebenie znatnogo kochevnika skifskogo vremeni v urochishhe Ilekshar (Yuzhnoe Priural'e) [Burial of a Noble Nomad at Ilekshar (South Urals), Scythian Time]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 72-79.
- Dvornichenko V.V., Fedorov-Davydov G.A., 1993. Sarmatskoe pogrebenie skeptuha I v. n.e. u s. Kosika Astrahanskoy oblasti [The Sarmatian Burial of Skeptukh 1st Century A.D. near the Village of Kosika, Astrakhan Region]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 141-179.
- Zubov A.A., 2006. *Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov* [Methodological Guide for Anthropological Analysis of Dental Data]. Moscow, Etno-onlain Publ. 72 p.
- Eltsov M.V., 2020. Pochvenno-arkheologicheskie issledovaniya kurgana Zhayyk-1 [Pedoarchaeological Research of the Zhayyk-1 Kurgan]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 1, pp. 285-293. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.16>
- Klepikov V.M., 2015. K voprosu o vozmozhnostyakh social'noy interpretatsii rannesarmatskogo obshchestva Nizhnego Povolzh'ya [The Possibilities of Social Interpretation of Early Sarmatian Society in the Lower Volga Region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], no. 5 (35), pp. 46-52. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.5>
- Klepikov V.M., 2016. Rannesarmatskie muzhskie pogrebeniya s dvumya mechami (k voprosu o sotsialnom statuse) [The Early Sarmatian Male Burials with Two Swords (on the Problem of Social Status)]. *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennyye problemy sarmatskoy arkheologii: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Konstantin Smirnov and Modern Problems of Sarmatian Archaeology. Proceedings of the 9th International Scientific Conference on the Problems of Sarmatian Archaeology and History]. Orenburg, OGPU, pp. 104-109.
- Krukov V.N., 1990. *Sudebnaia meditsina* [Forensic Medicine]. Moscow, Meditsina Publ. 432 p.
- Mordvintseva V.I., Shinkar' O.V., 1999. Sarmatskie paradnye mechi iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [The Sarmatian Parade Daggers Keeping in Volgograd Museum of Local Lore]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 2, pp. 138-149.
- Myshkin V.N., 2010. O subkul'ture elity kochevnikov Samaro-Ural'skogo regiona v VI–V vekah do nashey ery [On Subculture of Nomadic Elite of Samara-Ural Region in the 6th – 5th cc. BC]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 11, pp. 170-190.
- Myshkin V.N., 2013. Tipy pogrebal'nogo obryada sotsial'noy elity kochevnikov Samaro-Ural'skogo regiona v VI–V vv. do n.e. [Types of Funeral Rites of the Nomads' Social Elite of the Samara-Ural Region in the 6th – 5th Centuries BC]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 15, no. 1, pp. 219-225.
- Nagornov M.N., Solokhin, Yu.A., 2001. Klassifikatsiya perelomov svoda cherepa [Classification of Cranial Vault Fractures]. *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza* [Forensic Medical Examination], iss. 5, pp. 14-16.
- Ochir-Goryaeva M.A., 2019. Pogrebenie voina-vsadnika iz kurgannoy gruppy Yashkul' [Burial of the Warrior-Rider from Yashkul Barrow Group]. *Byulleten' Kalmyckogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS], no. 4, pp. 5-60. DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2019-4-12-5-60>

- Pshenichnik A.H., 2012. *Filippovka: Nekropol' kochevoy znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka: Necropolis of the Nomadic Nobility of 4th Century BC in the Southern Urals]. Ufa, IHLULUSC RAS. 280 p.
- Rostovtsev M.I., 1918. Kurgannye nahodki Orenburgskoy oblasti epohi rannego i pozdnego ellinizma [Kurgan Finds of the Orenburg Region of Early and Late Hellenism]. *Materialy po arheologii Rossii* [Materials on Archeology of Russia], no. 37. Petrograd, Devyataya gos. tip. Publ. 124 p.
- Skvortsov N.B., Skripkin A.S., 2008. Pogrebenie sarmatskoy znati iz Volgogradskogo Zavolzh'ya [Burial of the Sarmatian Nobility from Volgograd Zavolzhie]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 9, pp. 98-116.
- Skripkin A.S., Shinkar O.A., 2010. Zhutovskiy kurgan № 27 sarmatskogo vremeni v Volgo-Donskom mezhdurech'e [Sarmatian-Time Kurgan Zhutovsky № 27 in the Volga-Don Interstream region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 125-137.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty. Rannyya istoriya i kul'tura sarmatov* [Savromatians. Early History and Culture of Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 360 p.
- Smirnov K.F., 1981. Bogatye zahoroneniya i nekotorye voprosy sotsial'noy zhizni kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya v skifskoe vremya [Rich Burials and Some Questions of the Social Life of Nomads of the Southern Urals in the Scythian Period]. *Materialy po hozyaystvu i obshchestvennomu stroyu plemen Yuzhnogo Urala* [Materials on the Economy and the Social System of the Tribes of the Southern Urals]. Ufa, IHLBBASUSSR, pp. 68-91.
- Yablonskiy L.T., 2015. Elitarnaya subkul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya i mekhanizmy formirovaniya rannesarmatskoy kul'tury [Elite Subculture of the Early Nomads of the Southern Urals and the Mechanisms of Formation of the Early Sarmatian Culture]. *Elita v istorii drevnih i srednevekovykh narodov Evrazii* [Elite in the History of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia]. Barnaul, ASU, pp. 37-60.
- Ortner D.J., Putschar W.G.J., 1981. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. Washington, D. C., Smithsonian Institution Press. 479 p.

Information About the Authors

Olga A. Shinkar, Head of the Department of Archaeological Monuments, Volgograd Regional Research and Production Center on the Protection of Monuments of History and Culture, Kommunisticheskaya St, 19, 400005 Volgograd, Russian Federation, olga.shinkar@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7769-3764>

Mariya A. Balabanova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Evgeniy V. Pererva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

Информация об авторах

Ольга Анатольевна Шинкарь, начальник отдела памятников археологии, Волгоградский научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры, ул. Коммунистическая, 19, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, olga.shinkar@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7769-3764>

Мария Афанасьевна Балабанова, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Евгений Владимирович Перерва, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.8>

UDC 902.01

LBC 63.4

Submitted: 31.10.2024

Accepted: 09.12.2024

KURGANS OF THE 10th CENTURY NEAR THE VILLAGE OF SUMAROKOVO, SMOLENSK REGION

Vladimir V. Enukov

Kursk State University, Kursk, Russian Federation

Abstract. In 1985, a research team of the Smolensk expedition of Moscow State University investigated two large kurgans with cremations on a slope near the village of Sumarokovo. Kurgan 2 was particularly difficult to construct. A log structure was erected on a specially prepared site (fill, ritual fire). During its filling with soil, burials 1 and 2 were made, and a fire was lit on the surface of the resulting platform, after which cremated remains of a man and a woman were poured out (burial 3). In addition to fragments of an early pottery vessel, it contained a handbag with overlays, a necklace of numerous beads and other finds. The kurgan is dated to the mid-950s – 970s. Kurgan 4, significantly damaged by foxholes, contained 3 burials, accompanied by intact and broken early pottery. It was probably erected earlier than kurgan 2. Sumarokovo is one of the so-called “round kurgans” of the Upper Dnieper region, which reflect the formation of the Old Russian culture that replaced the culture of the Smolensk long kurgans. The burial ground is located within the boundaries of a polity of the “chiefdom” type with its centre in Gnezdovo. Kurgan 2 attracts special attention. It did not contain weapons or luxury items, but a complex and labour-intensive set of rituals, joint cremation with the owner of a rich necklace, along with synchronous accompanying burials, suggest an extraordinary social status for the man.

Key words: Smolensk Dnieper region, Sumarokovo, 10th century, round kurgans with cremations, wooden blockhouse.

Citation. Enukov V.V., 2025. Kurgany X v. okolo d. Sumarokovo Smolenskoj oblasti [Kurgans of the 10th Century Near the Village of Sumarokovo, Smolensk Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 2, pp. 149-170. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.8>

УДК 902.01

ББК 63.4

Дата поступления статьи: 31.10.2024

Дата принятия статьи: 09.12.2024

КУРГАНЫ X в. ОКОЛО д. СУМАРОКОВО СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Владимир Васильевич Енуков

Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Аннотация. В 1985 г. отрядом Смоленской экспедиции МГУ около д. Сумароково были исследованы 2 больших кургана с кремациями на стороне. Особой сложностью возведения отличался курган 2. На специально подготовленной площадке (подсыпка, ритуальный костер) был возведен сруб. В ходе его заполнения грунтом были совершены погребения 1 и 2, а на поверхности полученной платформы разведен костер, после чего высыпаны остатки сожжения мужчины и женщины (погребение 3). В нем, помимо обломков раннегончарного сосуда, присутствовали сумочка с накладками, ожерелье из многочисленных бус и другие находки. Датируется курган серединой 950-х – 970-ми годами. Курган 4, значительно поврежденный лисьими норами, содержал 3 погребения, сопровождавшихся целыми и разбитыми раннегончарными горшками. Вероятно, он был возведен ранее кургана 2. Сумароково относится к так называемым круглым курганам Верхнего Поднепровья, которые отражают формирование древнерусской культуры, сменившей культуру смоленских длинных курганов. Могильник располагается в пределах политии типа «вождества» с центром в Гнездово. Особое внимание привлекает курган 2. В нем отсутствовали предметы вооружения или роскоши, но сложный и трудоемкий комплекс ритуалов, совместная кремация с обладательницей богатого ожерелья наряду с синхронными сопутствующими захоронениями предполагают нерядовой социальный статус мужчины.

Ключевые слова: Смоленское Поднепровье, Сумароково, X в., круглые курганы с кремациями, сруб.

Цитирование. Енуков В. В., 2025. Курганы X в. около д. Сумароково Смоленской области // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 149–170. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.8>

В 1983–1985 гг. в Смоленской экспедиции МГУ под руководством Д.А. Авдусина действовал отряд с целью изучения погребальных древностей последней четверти I тысячелетия. В 1985 г. были исследованы 2 насыпи могильника у д. Сумароково Талашкинского с/с Смоленского района Смоленской области, о которых была опубликована краткая информация [Енуков, 1990, с. 111, 113, рис. 44, 46, 1–3]. Цель настоящей работы – полноценное введение материалов в научный оборот, чем автор, надо признать, с большим опозданием возвращает долг своему Учителю.

Памятник располагался на левом берегу р. Сож, в 250 м к востоку от восточной окраины деревни, у развилки дорог, ведущих к ней и пгт Монастырщина (рис. 1). Основная часть курганов занимала слабовыраженную возвышенность между рекой и безымянным ручьем. Могильник выявлен в 1920-е гг. А.Н. Лявданским [Лявданский, 1930, карта]. В конце 1940-х гг. Е.А. Шмидт обнаружил 14 курганов, из них 4 были распаханы и 3 «раскопаны неизвестно кем» [Шмидт, 1952, с. 373]. К 1985 г. сохранилось 10 насыпей в виде шарового сегмента, за исключением слегка удлинённых курганов 5 и 10, что стало следствием многолетней распашки. Во всех случаях визуально ровики не прослеживались.

Курган 1. Диаметр 22 м, высота с Ю – 4 м, с С – 3,5 м. Насыпь разрезана траншеей шириной до 5 м, глубиной более 2 м.

Курган 3. Диаметр 21 м, высота 2,4 м. Насыпь разрезана траншеей шириной до 7 м, глубиной около 1,5 м.

Курган 5. Размеры ССЗ – ЮЮВ – 9 м, ССВ – ЮЮЗ – 7 м, высота 1,1 м. Насыпь сильно попорчена норами, края распаханы.

Курган 6. Диаметр 11 м, высота 1,6 м. В центре свежая яма диаметром 3,3 м, которая в нижней части переходила в колодец, доходящий до материка.

Курган 7. Диаметр 7,5 м, высота 0,5 м. Вершина уплощена и имела небольшое, до 15 см, понижение (след старых раскопок).

Курган 8. Диаметр 17 м, высота с В – 1,6 м, с З – 2 м. В центре насыпи круглая яма диаметром 3,6 м, глубиной до 1,5 м.

Курган 9. Диаметр 30 м, высота 3,5 м. Вся верхняя часть испорчена многочисленными перекопами.

Курган 10. Длина по линии С – Ю – 21 м, ширина по линии З – В – 17 м, высота с С – 3,2 м, с Ю – 2,3 м. По длинной оси шла траншея шириной до 6 м, глубиной 1,5 м. Ее оконечности достигали подошвы.

Ниже приводится описание 2 исследованных насыпей¹.

Курган 2

Размеры насыпи С – Ю – 15,5 м, З – В – 16 м, высота от 2,31 м с южной стороны до 2,95 м с восточной (рис. 2). С З и В вплотную к кургану подходила пашня, с Ю и С – участки, не затронутые сельхозработами. На вершине располагалась круглая в плане яма диаметром до 5,1 м и глубиной 0,8 м. Насыпь была хорошо задернована, в северной части (поле) росли береза и кустарник.

Процесс возведения кургана реконструируется следующим образом. Вокруг подошвы будущей насыпи был снят дерн с частью материка. Полученная площадка была покрыта слоем материкового серо-желтого суглинка толщиной до 10 см. Далее был разведен костер, от которого сохранилась горелая, с лакунами, прослойка с размерами по линиям С – Ю – 10,80 м, З – В – 11,75 м при толщине до 2–3 см. Для него использовался хворост, так как встреченные угольки были мелкими и редкими. В центре был возведен деревянный сруб с внешними размерами по линиям С – Ю – 7,05 м, З – В – 6,60 м. Он прослеживался только в нижней части в виде лентообразных пятен серого цвета. Стратиграфически отдельные участки дерева фиксировались выше. В западной половине профиля З – В серая прослойка перекрывала почти весь осевший край конструкции вплоть до основания, что, возможно, соотносится с оформлением входа наверх. Следы сруба отсутствовали в северо-восточном и юго-западном углах, однако последний четко «читался», несмотря на близость состава заполнения ниж-

ней части конструкции и перекрывающего ее грунта. Прослеженные по углам «отростки» указывают на соединение «в лапу». Судя по таким же выступам с западной и восточной сторон, не исключено, что сруб состоял из 3 клеток. Северная половина конструкции заметно осела, но по лучше сохранившейся южной можно констатировать, что высота над уровнем кострища достигала 1,2 м.

Первому этапу засыпки сруба соответствовал слой серо-желтого материкового суглинка с попавшими сюда с ритуального кострища золистого-угольными включениями, образующими небольшие прослойки. По его верхней границе прослеживались «глыбы» суглинка почти без продуктов горения. Максимальная толщина слоя составляла 0,6–0,7 м. На втором этапе внутренний объем сруба был досыпан. Для этого в северной его половине в основном использовалась смесь серо-желтого и красноватого суглинков, в южной – только последний, причем он в виде «языка», утончающегося до 5–10 см, перекрывал и северную часть, образуя своего рода «панцирь». На первом этапе возведения засыпки было совершено погребение 3, на втором – погребение 2.

В результате сруб превратился в платформу. Южной ее половине уделялось особое внимание: именно здесь в значительно больших объемах использовался красноватый суглинок, а площадка была укреплена прутьями, от которых сохранились отдельные отпечатки, располагавшиеся взаимоперпендикулярно, с ориентацией по сторонам света. Далее на этом участке был разведен костер, от воздействия которого образовалась местами прерывающаяся прослойка оранжевого цвета средней толщины 2–3 см. В итоге в южной части платформы сформировалась корка такой плотности, что конструкция своей гранью врезалась в дерн (рис. 2). Продукты горения были сметены, и совершено погребение 1. Его присыпали красноватым суглинком толщиной 5–10 см, прослойка которого к северу истончалась. Конструкция была перекрыта насыпью из серо-желтого суглинка, в которую попали угольки и зола ритуального кострища. Самая верхняя часть насыпи отличалась незначительной примесью продуктов горения при заметных гумусированных включениях, что, видимо, отражает присутствие в этом грунте дерна.

Все 3 обнаруженные кремации, совершенные на стороне, располагались в южной части платформы. Несмотря на установленную очередность, фактически они были синхронными.

Погребение 1 было основным, для него и была возведена платформа (рис. 3, 1). Остатки сожжения были высыпаны на ее площадку, при этом образовались разные по величине 6 скоплений из кальцинированных косточек, мелких угольков и золы. Вместе с ними были принесены отдельные горелые плахи. Между скоплениями попадались единичные косточки. Наибольшим было скопление 1. В его северо-западной части размещались относительно крупные фрагменты костей, в том числе ребер человека. По восточной границе скопления 1 кости образовывали линзовидную прослойку до 2–3 см толщиной, которая спеклась вместе с грунтом, причем кальцинированные косточки в разреженном виде располагались и на 10–15 см выше. Находки встречались по всему скоплению, но их значительное количество было отмечено в упомянутой спекшейся массе и на примыкающем с востока участке. Самыми многочисленными были стеклянные и фаянсовые бусы (рис. 4, 20–39, 5, 1–27), многие из которых превратились в слитки². Здесь же присутствовали набор бляшек (рис. 4, 1–10), 4 бронзовых гвоздика с квадратными шляпками (рис. 4, 11), обломки широкосрединных перстней (?) (рис. 4, 16, 17) и бронзовой пластины с косыми насечками и отверстиями (рис. 4, 15), фрагмент железной проволоки (рис. 5, 30), слитки бронзы (17 шт.), капли серебра (2 шт.), обломок изделия из кости с орнаментом в виде 3 параллельных линий (рис. 4, 19), 3 фрагмента стенок и 1 – донца от раннекругового сосуда.

Скопление 2 было тоже достаточно крупным, однако содержало меньше продуктов горения и костей. В числе находок – 28 таких же бронзовых гвоздиков, как и в скоплении 1 (рис. 4, 11), бубенчик (рис. 4, 14), оплавленный кусочек бронзы и очень плохой сохранности изделия из железа: подквадратная пряжка (рис. 5, 28), обломки обоймицы (рис. 5, 31) и трубочки с припаянной или прикипевшей к ней пластиной (рис. 5, 32), фрагмент еще одной трубочки (футляр для трута?) (рис. 5, 33), обломок неопределенного сильнокоррозированного предмета, а кроме того, 9 обломков ран-

некругового горшка и еще 2 немного севернее скопления. Все они, включая фрагменты из скопления 1, относятся к одному сосуду (рис. 5,34).

Остальные скопления были невелики. В скоплении 3 найдены 2 кусочка оплавленной бронзы, в скоплении 6 – фрагмент бронзовой пуговицы (рис. 4,13), в скоплении 7 – обломки изделия из кости (рис. 4,18). Между скоплениями 1 и 7 обнаружены бронзовая пуговица (рис. 4,12) и обломок железной обоймицы (рис. 5,29), около скоплений 6 и 7 – 3 неопределенных фрагмента железных изделий.

Перекоп, который шел и ниже, затронул погребение 2 незначительно. В нем были встречены 4 фрагмента стенок раннекругового сосуда, слитки бронзы (2 шт.), капли серебра (2 шт.), 3 косточки. Отмечу, что в насыпи вплоть до материка встречались следы деятельности землероев (рис. 2).

Погребение 2 располагалось в юго-западной части платформы, в слое красноватого суглинка, на 45–55 см ниже погребения 1, и было совершено в ямке грушевидной в плане формы, стенки которой плавно переходили в скругленное дно (рис. 3,2). Ее размеры: ССВ – ЮЮЗ – 80 см, ССЗ – ЮЮВ – 43–45 см при глубине до 50 см. Заполнение состояло из красноватого суглинка с небольшой примесью угольков, золы и кальцинированных косточек, равномерно распределенных по всей глубине, при этом несколько крупных костей располагались на дне.

В северной части юго-восточного сектора, в слое красноватого суглинка, находилась ямка с почти отвесными стенками размером 67 × 45 см, глубиной 5–7 см. Заполнение состояло из серо-желтого суглинка с небольшой примесью продуктов горения. На дне количество последних возрастало, образуя прослойку в 1–2 см. Верхний уровень ямы был на 21 см выше погребения 2.

Погребение 3 было совершено в юго-восточном углу сооружения на высоте 60–65 см от погребенной почвы (рис. 3,3). На этом уровне платформа имела вид почти правильного в плане прямоугольника, значительную часть которого занимал желто-серый суглинок первого этапа заполнения, однако присутствовали и грунты второго этапа: в юго-западной части – красноватый суглинок, в се-

верной – смесь такого же грунта с серо-желтым суглинком. Погребение располагалось на несколько сантиметров ниже границы слоя красноватого суглинка. Оно было совершено в ямке квадратной в плане формы размерами 1,10 × 0,80–0,85 м и глубиной 7–10 см. На ее дне помещена нижняя часть лепного горшка (рис. 5,35), в которой было небольшое количество тщательно отобранных от продуктов горения косточек.

Курган 4

Изначально насыпь имела форму шарового сегмента, однако была сильно разрушена лисьими норами, частью не заполненными грунтом, с современным мусором и костями животных (рис. 6). Курган зарос сорняками. Размеры насыпи составляли: С – Ю 18,5 м, З – В 17,25 м, максимальная высота (с В) 2,45 м, минимальная (с З) 2,06 м (рис. 6). Незначительная удлиненность стала следствием распахки, которая с Ю – З и С – В подходила вплотную к кургану. Судя по нераспаханным останкам с Ю – В и С – З, дерн и частично материк вокруг будущей насыпи были срезаны, после чего площадка с дерном была посыпана материковым суглинком толщиной до 10–15 см. На ней был разведен костер, от которого сохранилась тонкая, местами прерывавшаяся прослойка толщиной 1–3 см. Все погребения были выполнены по обряду сожжения на стороне.

Погребение 3 располагалось под насыпью кургана, в северо-восточном секторе. На фоне остатков ритуального кострища оно выделялось прослойкой более темного цвета из продуктов горения с кальцинированными косточками. Ее размеры: С – Ю 2,1 м, З – В 2,6 м, максимальная толщина в центре 7–10 см. С востока примыкала зона распространения обломков 2 раннекруговых горшков: один представлен верхней частью (рис. 8,1), второй – несколькими фрагментами стенок. К Ю – З от пятна погребения располагалось несколько горелых плашек.

Далее была возведена насыпь высотой 40–50 см из серо-желтого суглинка с примесью продуктов горения. На ее вершине были размещены остатки большей частью уничтоженного норами погребения 2, от которого сохранились только отдельные участки. Все они располагались на одном уровне, что сви-

детельствует в пользу специально выровненной площадки.

Участок 1 погребения 2 представлял собой скопление кальцинированных костей с продуктами горения, спекшихся с окружающим грунтом, толщиной до 3 см, под которым был прокал оранжевого цвета толщиной 3–5 см. Здесь были найдены фрагменты стенки сосуда и предмета из кости со срезом (рис. 7,4), а также обломок пережженного гранита. Участок 2 имел такую же стратиграфическую схему. Обнаружены 2 слитка бронзы. Аналогичен стратиграфический состав участка 3, однако в его пределах кальцинированные косточки, наряду с которыми встречались фрагменты керамики, были единичными. Между участками, в перемешанном грунте, присутствовало довольно много кальцинированных костей, слитков бронзы и отдельные обломки керамики. Все обнаруженные фрагменты принадлежали одному специально разбитому раннекруговому сосуду (рис. 8,2). К В и Ю – В от участков сохранились «островки» прокала оранжевого цвета, что наряду с другими следами воздействия огня свидетельствует о ритуальном костре, предваряющем погребение.

Далее курган был досыпан тем же грунтом. Судя по сохранившимся от разрушений участкам, вершина этой части насыпи была уплощена, и на ней у южного края, на высоте 1,2 м от уровня подошвенной подсыпки, было совершено погребение 1, которому соответствовал развал раннекругового сосуда, изначально стоявшего (рис. 7,6). В его заполнении были кальцинированные кости с небольшим количеством продуктов горения. Под ним, до глубины 15 см, с небольшим смещением к 3, располагались фрагменты нижней части другого раннекругового горшка, причем один из них был встречен в развале урны. Видимо, второй сосуд был помещен рядом с ней, однако разрушен лисьей норой, что, в свою очередь, объясняет отсутствие дна урны. Около нее были найдены бронзовая спиралька (рис. 7,5), обломок оплавленной бусины (рис. 7,1), слиток бронзы и фрагмент неопределенного железного предмета.

В самой крайней южной части насыпи, на высоте 32 см от уровня подсыпки, располагались развалы 2 раннекруговых горшков, у одного из которых отсутствовала верхняя часть

(рис. 7,7,8). По положению донцев изначально они стояли. По высоте расположения они могут соотноситься с погребением 2. Однако в южной оконечности профиля С – Ю видно, что на склоне насыпи из серо-желтого суглинка с золисто-угольными включениями присутствовала своего рода «полочка», которая по высоте соответствует уровню размещения сосудов. Таким образом, они могут быть связаны и с погребением 1, в пользу чего также свидетельствует близость их расположения.

На завершающем этапе курган был досыпан серо-желтым суглинком с примесью гумуса. По всей потревоженной части насыпи встречались отдельные кальцинированные косточки. В ней были найдены осколок тонкого бесцветного стекла (рис. 7,3) и кусочек оплавленного стекла зеленого цвета (рис. 7,2), а также 4 фрагмента стенок раннекругового сосуда.

Обратимся подробнее к инвентарю. Особой многочисленностью находок отличается погребение 1 кургана 2, которое явно было основным на фоне 2 сопутствующих. В количественном отношении центральное место занимает ожерелье, в которое с учетом слитков входило не менее 134 стеклянных бусин. Основная их часть представлена изделиями из тянутых трубочек, в том числе двух-, изредка трехчастных пронизок (рис. 4,29–39, 5,1–25). В случаях, когда они меньше пострадали от огня, «читается» их лимоновидная форма и цвет – синий и желтый с заметным преобладанием последнего. Эти украшения были широко распространены в конце I тысячелетия. Они хорошо известны на Центральном городище Гнездово [Доброва, 2018, рис. 3,1–15], однако несравненно чаще встречаются в курганах [Лихтер, Щапова, 1991, с. 253]. Одночастные лимонки и двухчастные пронизки в Старой Ладоге появляются с 930-х гг. [Львова, 1968, с. 88], что в целом находит свое соответствие в Гнездове [Френкель, 2007, с. 95; Доброва, 2018, с. 109], и исчезают к середине XI в. [Колчин, 1982, с. 168; Захаров, 2004, с. 40]. Сильно деформированная бусина с продольными сине-белыми полосками (рис. 5,26) также выполнена из тянутой трубочки. Такие украшения распространяются еще в VIII–IX вв. [Львова, 1968, с. 85; Рябинин, 1982, с. 173], «доживая» до 970-х гг. [Френкель, 2007, с. 98; Доброва, 2018, с. 119, 120].

Ребристые фаянсовые бусы, на некоторых из которых прослеживается покрытие бирюзового цвета, образуют серию из 2 крупных (рис. 4,22,23) и 7 меньших в 1,5–2 раза (рис. 4,20,21,24–28). Они известны на древнерусских памятниках, в том числе в Гнездово [Доброва, 2015, с. 325, 326; 2017, с. 248; 2021, с. 94, 96]. Я.В. Френкель специально обратился к хронологии этих изделий, включив их в группу «эффектных» и датировав серединой X – серединой XI в. [Френкель, 2007, с. 83, 93, 98, 99, 104, рис. 7, прим. IV]. Крупная бусина из прозрачного бесцветного стекла была буквально смята при воздействии огня (рис. 5,27). Похожее изделие из пойменной части поселения Гнездова было отнесено исследователем к типу I–3–Г–2 с дефиницией «техника исполнения не очевидна» [Френкель, 2007, с. 81], что приложимо и к нашей находке.

В целом количество бус в погребениях в Гнездово часто невелико, что указывает на их высокую ценность для населения [Лихтер, Щапова, 1991, с. 254]. На этом фоне ожерелье из Сумароково следует считать «богатым».

В ряду изделий из цветных металлов выделяется набор бляшек, из которых 6 мелких имеют одинаковую сердцевидную форму с боковыми округлыми лепестками и центральным расширяющимся лепестком (рис. 4,1–6). По схеме В.В. Мурашовой они соответствуют виду 1Б класса XVIII [2000, с. 41, 42, рис. 52]. Известны в курганах Гнездово [Сизов, 1902, табл. III,44,45] и Седнева [Самоквасов, 1916, рис. 64,3471; Комар, 2012а, рис. 18,8], в слое пожара 946 г. в Искоростене [Звиздецкий и др., 2008, с. 115; Комар, 2012б, рис. 22,13]. Крупная бляшка (рис. 4,7) относится к виду 1Д–1 того же класса [Мурашова, 2000, с. 41, 42, рис. 52]. В Гнездово такие изделия появляются не ранее 950-х гг. [Новиков и др., 2018, с. 369, 370, рис. 27,3].

Якоревидные накладки (рис. 4,9,10) встречены в курганах (8 экз.) [Спицын, 1905, рис. 50; Государственный каталог Музейного фонда РФ, 2024а] и на поселении (1 экз.) Гнездово [Новиков и др., 2018, с. 368, рис. 27,5], во владимирских курганах (2 экз.) [Государственный исторический музей, 2024; Государственный каталог Музейного фонда РФ, 2024б], в Искоростене (1 экз.) [Звиздецкий и др., 2008, рис. на с. 115]. Почти полная идентичность

наводит на мысль о возможности их изготовления в одной мастерской, вполне вероятно, в Гнездово. Напротив, бляшка в виде головы медведя (рис. 4,8) относится к числу редких находок, которые проанализировал И.И. Еремеев. Помимо сумароковской им были учтены изделия из ур. Юрьевы Горы под Усвятом, поселения Бутиково в Поочье и из слоя пожара 946 г. в Искоростене. Все они отнесены к числу скандинавских, причем последние 3 выполнены в стиле Борре [Еремеев, 2015, с. 415, 471]. Однако бляшка из Сумароково, отличающаяся реализмом при отсутствии столь характерного для этого стиля заполнения пространства замкнутыми композициями, явно выпадает из этого ряда. Общий облик головы животного без наличия на ней декора гораздо ближе к изображению на круглой бляшке из кургана 2 Арефино культуры смоленских длинных курганов (КСДК), однако поле вокруг нее декорировано в том же стиле Борре [Нефедов, 2011, с. 76, рис. 1,4]. Нельзя не вспомнить очень похожие, в ряде случаев практически совпадающие с сумароковским изображением медвежьей головы на бронзовых изделиях V–IX вв. Верхнего Прикамья, которые, однако, часто были вписаны в «обрамление» [Липина, 2006, рис. 6,6,9, 11,9, 12]. Во 2-й половине X в. в Волжской Болгарии появляются ременные накладки, в числе которых наряду с преобладающими абстрактными «масками» встречаются и близкие сумароковской [Казаков, 1992, рис. 102,65–73]. В отсутствие точных аналогий можно предположить, что бляшка из Сумароково является результатом синтеза разных традиций.

Якоревидную накладку с Гнездовского поселения авторы публикации связывают с оформлением сумки [Новиков и др., 2018, с. 368, рис. 27,5,7]. Косвенно такой вариант интерпретации подтверждается комплектом накладок на сумку из погребения 93 Бирки, якоревидные бляшки которой, однако, отличались массивностью и декором [Arbman, 1940, taf. 91,1]. Полагаю, весь набор найденных в Сумароково бляшек украшал ташку, к которой имели отношение и многочисленные гвоздики (рис. 4,11). Размер стержней до загиба у них составляет в среднем 3,2 мм, у бляшек – 2,1 мм. Исходя из этого, первыми скреплялось вместилище из кожи (?), тогда как вторые

украшали клапан. В древностях Восточной Европы и Скандинавии сумочки хорошо известны с X в. [Никитина и др., 2022, с. 147]. Уже традиционно их гендерная принадлежность определяется как мужская, при этом сумки являются нередкими в камерных погребениях древнерусской элиты [Михайлов, 2016, с. 113, 114, табл. 4, 5].

Остальные предметы из погребения 1 кургана 2 единичны, за исключением 2 пуговиц (рис. 4,12,13). По типологии Е.М. Казакевич и Н.В. Ениосовой на основе материалов Гнездова находки из Сумароково относятся к литым массивным биконическим без экватора с радиальным рифлением. Появление пуговиц авторы относят к середине X в., хотя и отмечают находки гладких биконических, присутствовавших еще в КСДК [Казакевич, Ениосова, 2021, с. 231, 234, 236], в погребениях которой они хорошо представлены [Нефедов, 2020, рис. 3,10–19]. Следовательно, пуговицы как деталь одежды могли появиться в Гнездово ранее середины X в., но для рифленых предложенную хронологию можно принять.

Бронзовый штампованный шаровидный крепостопорезной бубенчик с рифлением (рис. 4,14) соответствует типу 3 по С.А. Плетневой и своим происхождением связан, соответственно, с салтовскими древностями [Плетнева, 1989, с. 107, рис. 58]. Предметы из кости представлены обломками 2 изделий (рис. 4,18,19), последнее из которых очень близко к фрагментированной рукояти ножа из погребения 42 языческого могильника Пскова [Малышева, 2012, с. 155, табл. XXVI,1–3]. В остальных случаях культурно-хронологическая атрибуция находок затруднена в силу их сохранности. Погребение 1 кургана 2 было парным: маркером мужского присутствия является ташка и, вероятно, предметы из железа, женского – ожерелье из бус.

Находки из кургана 4 выглядят заметно скромнее. Фрагмент крупной бесцветной бусины из погребения 1 (рис. 7,1), вероятно, относится к лимоновидным, известным в Гнездово [Доброва, 2017, рис. 1,А], памятниках на Кубенском озере [Захаров, Кузина, 2008, рис. 163,1–9]. По ладожским материалам они появляются в X веке [Львова, 1968, с. 88]. В этом же погребении встречен обломок крупной бронзовой спирали (рис. 7,5), которые нередко входили в состав украшений КСДК

[Енуков, 1990, с. 55, рис. 14,16, 15,3]. Судя по этим находкам, захоронение было женским.

Остальные предметы из кургана 4 фрагментированы и трудноопределимы. Своего рода компенсацией за информационную скудность инвентаря являются находки раннекруговой посуды³. Вся она имеет аналогии в керамике Гнездова, при этом относится к ведущей форме А (эсовидные) по классификации Е.В. Каменецкой. Горшок из погребения 1 (рис. 7,6) соответствует типу II-1, из насыпи – типу III-1 (рис. 7,7), из погребений 2 и 3 (рис. 8,1,2) близок к типу I-1. В кургане 2 реконструирован только один горшок (рис. 4,34) типа V-2 той же формы [Каменецкая, 2019, с. 33–35]. Исследователь выделяет сосуды, которые являются культурно-хронологическими маркерами. Горшок из погребения 1 кургана 4 находит соответствие в группе I «моравского» типа с «предварительной датировкой» 930–950-е гг., из погребения 1 кургана 2 входит в группу II сосудов с валиками середины 950–970-х годов. Лепной горшок из погребения 2 того же кургана не отрицает эту хронологию ввиду сосуществования такой посуды с раннекруговой достаточно долго [Каменецкая, 2014, с. 142, 143, 145]. В свою очередь, в литературе уже был сделан вывод о том, что раннекруговая посуда Смоленщины мало отличается от гнездовской [Шарганова, 2011, с. 201].

Таким образом, курган 2 по сочетанию ребристых и продольно-полосатой бус, пуговиц, бляшки и сосуда датируется серединой 950-х – 970-ми гг., чему не противоречат и другие находки. По керамике курган 4 был возведен ранее, в 930–950-е гг., хотя нельзя исключать возможность синхронности обеих насыпей в пределах середины X века.

При анализе инвентаря значительная часть аналогий отмечалась в расположенном неподалеку (24 км) Гнездово, однако сравнение обрядности дает иной результат. Упрощая ее облик, к числу характерных для Сумароково ритуалов можно отнести наличие нескольких этапов в возведении насыпи, между которыми не было заметных хронологических промежутков, кремации на стороне, преобладание их размещения в насыпи и ритуала битья посуды. В курганах Гнездова господствовали сожжения на месте, на уровне древнего горизонта, в 2/3 случаев остатки кремаций были

собранны в урны, а редкие погребения в насыпях и кремации на стороне расцениваются как отступления от общепринятой нормы [Жарнов, 1992, с. 5, 8, 9; Каменецкая, 2019, с. 62, 63].

В Смоленском Поднепровье курганы X в. вне Гнездово изучены несравненно слабее, однако в них отход от гнездовского «канона» к набору черт обрядности сумароковского варианта превалирует, что еще более характерно для территории смежного Гомельско-Могилевского Поднепровья [Енуков, 1990, с. 106–111, 157–167]. В Верхнем Посожье особый интерес представляют ближайшие к Сумароково могильники Кушлянщина и Кошино [Ширинский, 2001]. В них наряду с уже отмеченными ритуалами стратиграфически зафиксированы случаи поэтапности: это курганы 4 и 6 в Кушлянщине, 2 и 3 в Кошино. В результате Сумароково, несмотря на некоторое своеобразие, укладывается в общее русло обрядности обширного региона.

Специфичность Сумароково особенно ярко проявляется в большом по размерам срубе кургана 2. Такие конструкции хорошо известны в КСДК, однако распределяются неравномерно: на Смоленщине пока отмечен единственный подобный случай в Акатово [Шмидт, 1962, с. 193, 194], тогда как остальные открыты за ее пределами, в Полоцкой земле (Скрабы, Торопец 2, Речане, Макеево, Озерцо I и II, Прилуки) [Лесман, 1987; Штыхаў, 1992, с. 173, 174; Археологическая карта России, 2007, с. 196, 197; Войтехович, Дернович, 2014, с. 300–302; Войтехович, 2016; Еремеев, 2023а, с. 418]. Вполне вероятно, под влиянием населения этой обширной территории и было использовано нехарактерное для Смоленского Поднепровья сооружение⁴.

Курганы в Сумароково принадлежат к группе так называемых круглых курганов с сожжениями, которые в Верхнем Поднепровье отражают начало формирования древнерусской археологической культуры [Енуков, 1990, с. 105–122; Жарнов, 1992, с. 9–11], сменяющей в X в. КСДК. Носители последней практически бесспорно отождествляются с кривичами «Повести временных лет». Отголоски предшествующей обрядности в Сумароково можно усмотреть в наличии нескольких погребений вкупе с поэтапностью возведения, что, однако, было уже результатом единовременного акта и не приводило к удлине-

нию насыпи. Поэтапность, напомним, отмечалась и в расположенных неподалеку могильниках Кошино и Кушлянщина. В одном из погребений последнего были встречены украшения КСДК вместе с обломками типичного для нее лепного горшка, а в ряде других – аналогичная керамика в сочетании с раннекрюговой, причем одна насыпь с таким набором посуды перекрывала участок поселения КСДК с постройкой [Ширинский, 2001, табл. XIII, XIV]. Фиксация, по крайней мере в верховьях Сожа, фазы «пост-КСДК» свидетельствует в пользу участия аборигенов в формировании нового населения и подтверждает вероятность выдвинутого предположения.

Сумароковский могильник располагается на территории политии типа «вождества» с центром в Гнездово [Щавелев, Фетисов, 2022, карта 2]. Наряду с другими памятниками Сумароково маркирует важный участок логистики – переход из Сожа в Днепр [Нефедов, 2012, с. 94, рис. 2]. В значительных размерах насыпей курганов, высота которых до разрушения составляла более 3 м, прослеживается стремление придать им элитарный облик, что отмечалось как раз на примере кладбищ Гнездова и его окружи, в том числе и в верховьях Сожа [Жарнов, 1991, с. 216; Еремеев, 2023б, с. 88, 90, 91]. Особое внимание, конечно, привлекает сумароковский курган 2. В нем отсутствовали предметы вооружения или роскоши, но сложный и трудоемкий комплекс ритуалов, совместная кремация с обладательницей богатого ожерелья наряду с синхронными сопутствующими захоронениями предполагают нерядовой социальный статус мужчины⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коллекция находок хранится в музее кафедры археологии МГУ.

² Приношу благодарность Е.К. Столяровой за консультацию по бусам.

³ Крайне признателен О.Л. Шаргановой, выполнившей фото и прориси сосудов.

⁴ В Полоцкой земле, в отличие от Смоленщины, на протяжении всего X в. население КСДК росло, определяя его демографическую основу вплоть до XI в. [Енуков, 1990, с. 122–126; Плавинский, 2019, с. 112, 113].

⁵ Благодарю Н.А. Кренке и А.А. Балашова за помощь при подготовке статьи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

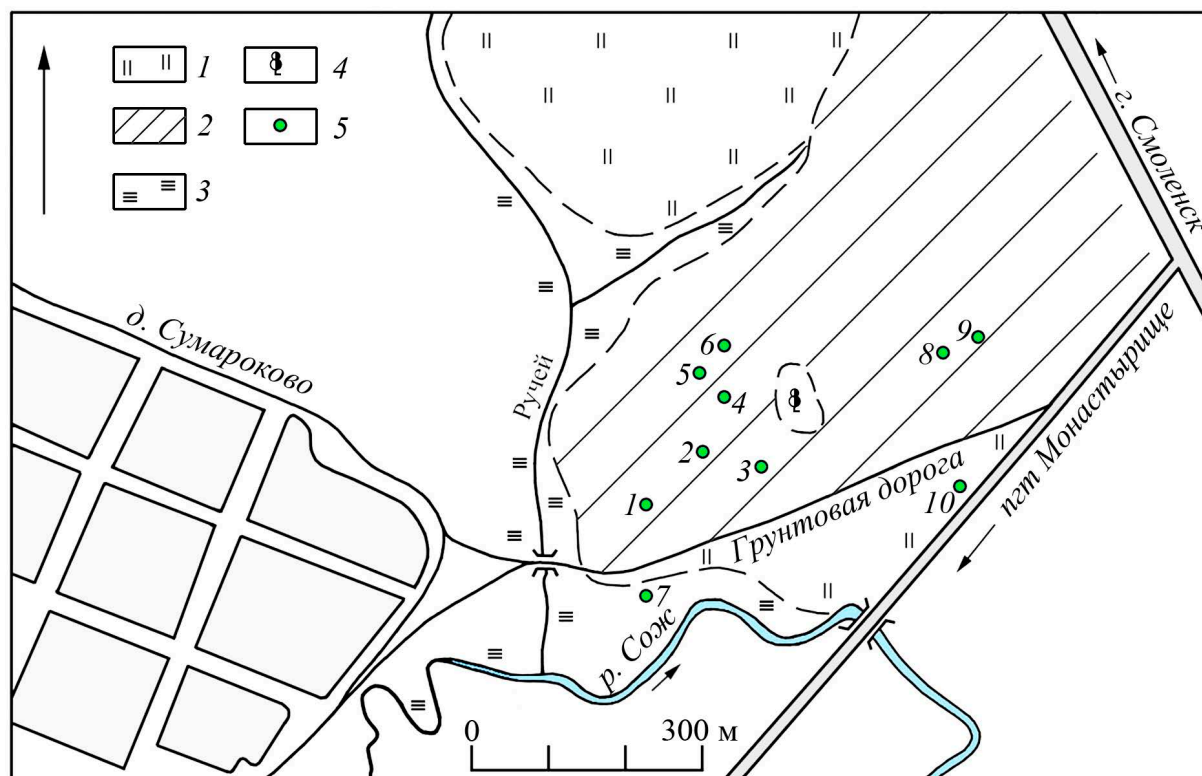

Рис. 1. Курганы у д. Сумароково (по состоянию на 1985 г.):

1 – луг; 2 – пашня; 3 – заболоченные участки; 4 – деревья; 5 – курган (схема автора)

Fig. 1. Kurgans near the village of Sumarokovo (as of 1985):

1 – meadow; 2 – arable land; 3 – marshy areas; 4 – trees; 5 – kurgan (map by the author)

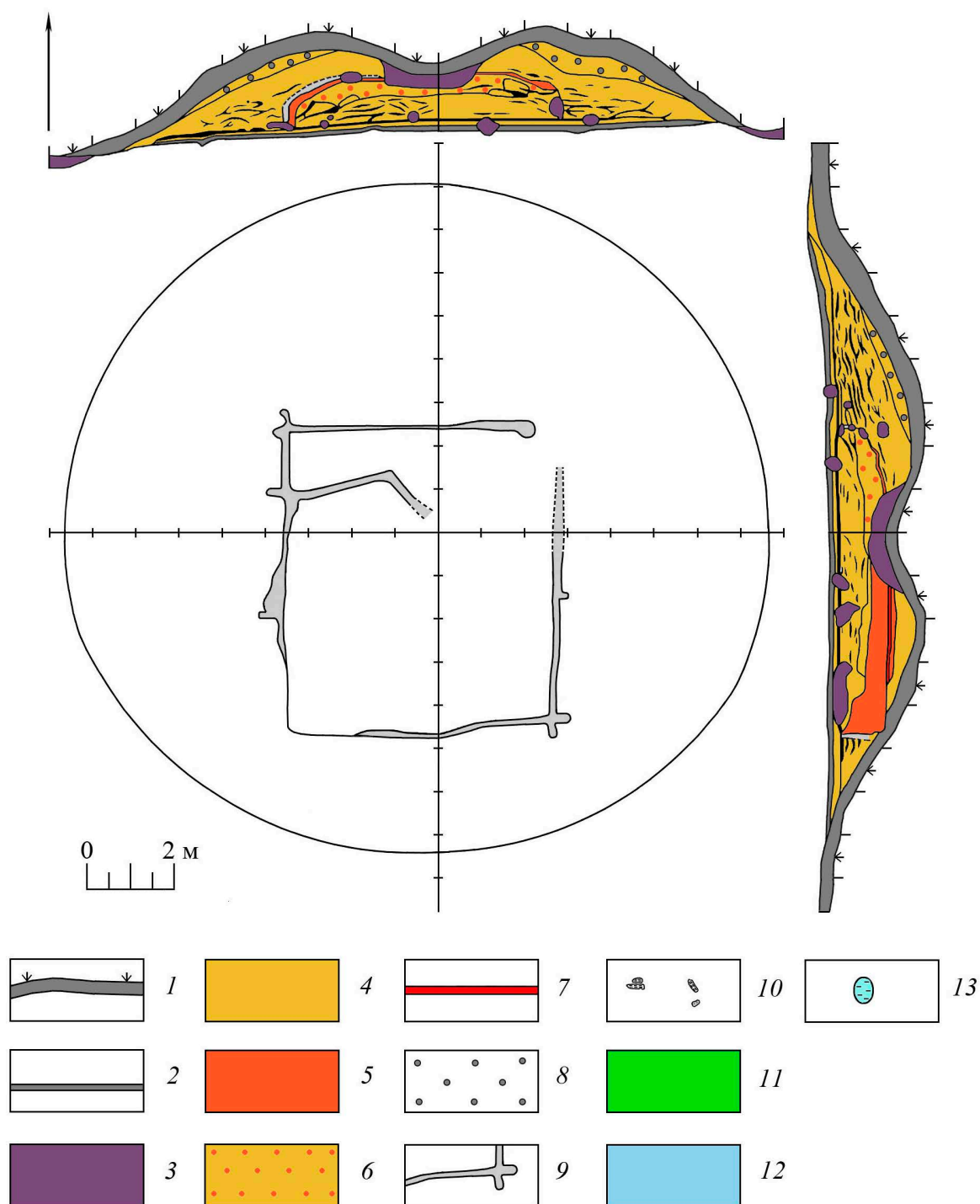

Рис. 2. Сумароково. Курган 2:

1 – дерн; 2 – погребенный дерн; 3 – перекоп, старый пахотный слой;
 4 – серо-желтый суглинок; 5 – красноватый суглинок; 6 – серо-желтый суглинок с примесью красноватого;
 7 – прокаленный оранжевый грунт; 8 – гумусированные включения; 9 – серый грунт; 10 – горелые плашки;
 11 – кальцинированные кости с продуктами горения; 12 – зона концентрации находок;
 13 – участок с высокой концентрацией кальцинированных костей и находок (чертежи автора)

Fig. 2. Sumarokovo. Kurgan 2:

1 – greensward; 2 – buried turf; 3 – dug, old arable layer; 4 – grey-yellow loam; 5 – reddish loam;
 6 – grey-yellow loam with an admixture of reddish; 7 – calcined orange soil; 8 – humus inclusions; 9 – grey soil;
 10 – burnt planks; 11 – calcined bones with combustion products; 12 – zone of concentration of finds;
 13 – area with a high concentration of calcined bones and finds (drawings by the author)

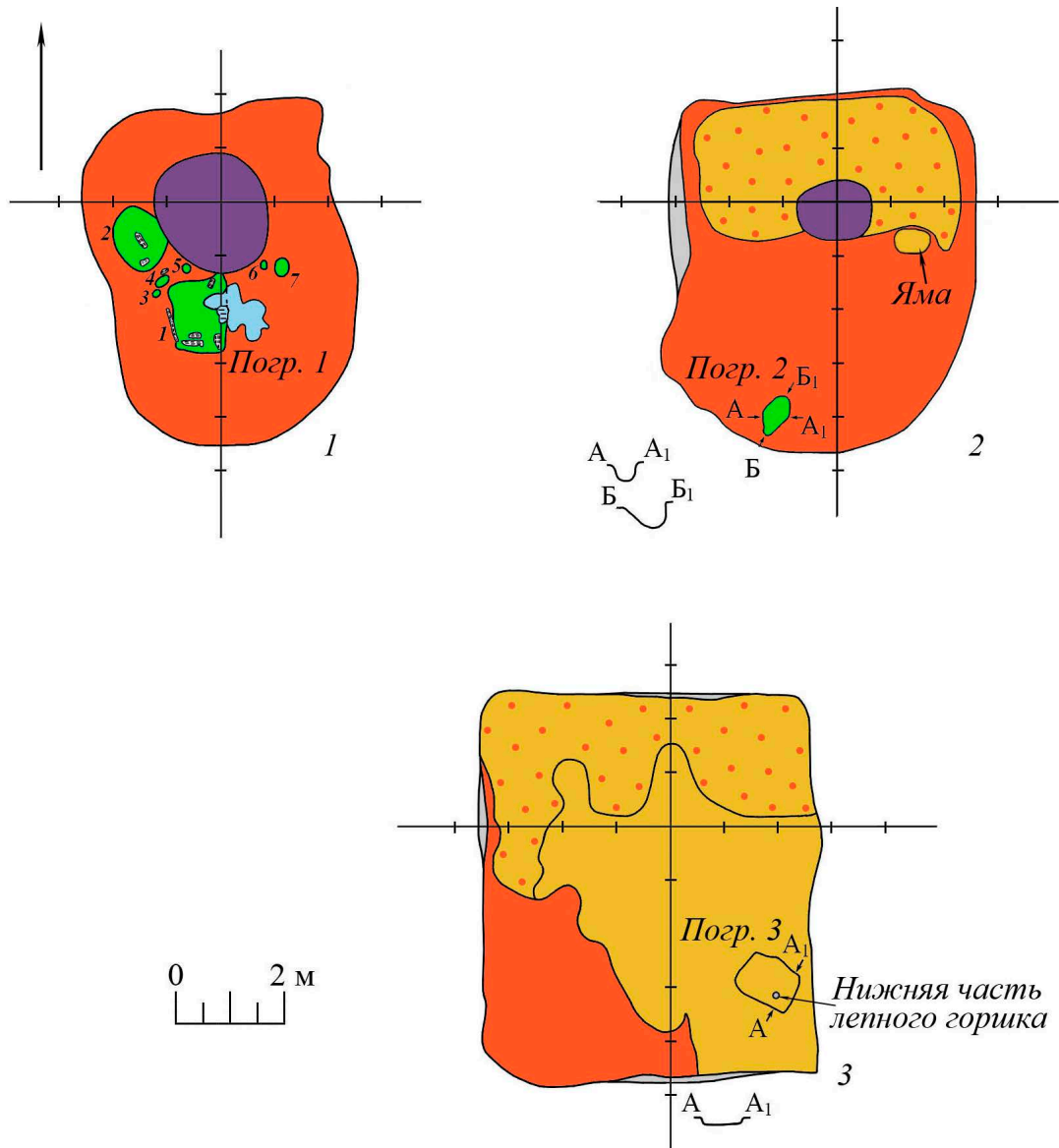

Рис. 3. Сумароково. Курган 2. Планы погребений (чертежи автора)

Fig. 3. Sumarokovo. Kurgan 2. Burial plans (drawings by the author)

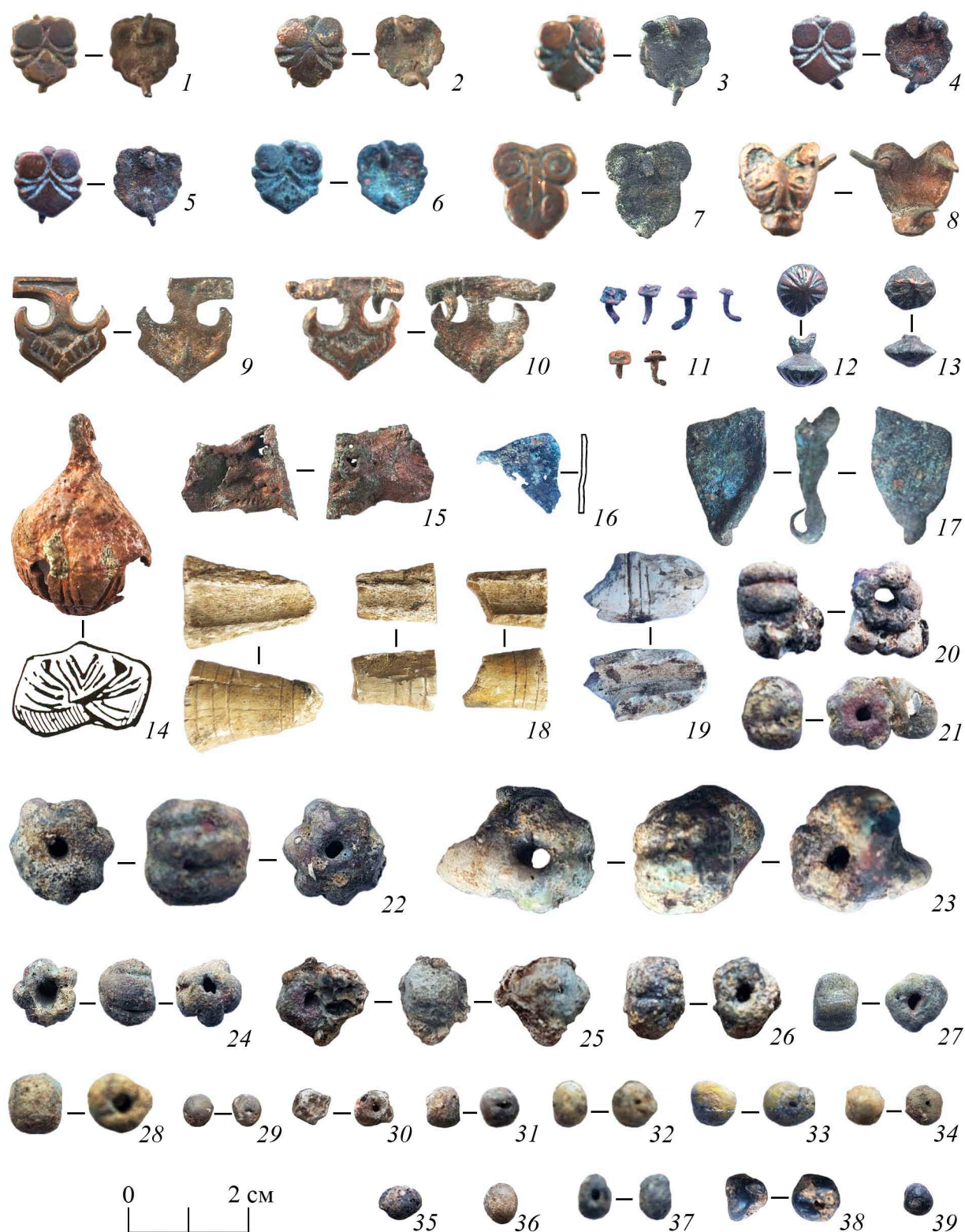

Рис. 4. Сумароково. Курган 2, погребение 1. Находки:

1–17 – бронза; 18, 19 – кость; 20–28 – фаянс; 29–39 – стекло (иллюстрации автора)

Fig. 4. Sumarokovo. Kurgan 2, burial 1. Finds:

1–17 – bronze; 18, 19 – bone; 20–28 – faience; 29–39 – glass (illustrations by the author)

Рис. 5. Сумароково. Курган 2, погребение 1 (№ 1–33) и 3 (№ 35). Находки:

1–27 – стекло; 28–33 – железо; 34, 35 – керамика (иллюстрации 1–33 – автора, 34, 35 – О.Л. Шаргановой)

Fig. 5. Sumarokovo. Kurgan 2, burial 1 (nos. 1–33) and 3 (no. 35). Finds:

1–27 – glass; 28–33 – iron; 34, 35 – ceramics (illustrations 1–33 – by the author, 34, 35 – by O.L. Sharganova)

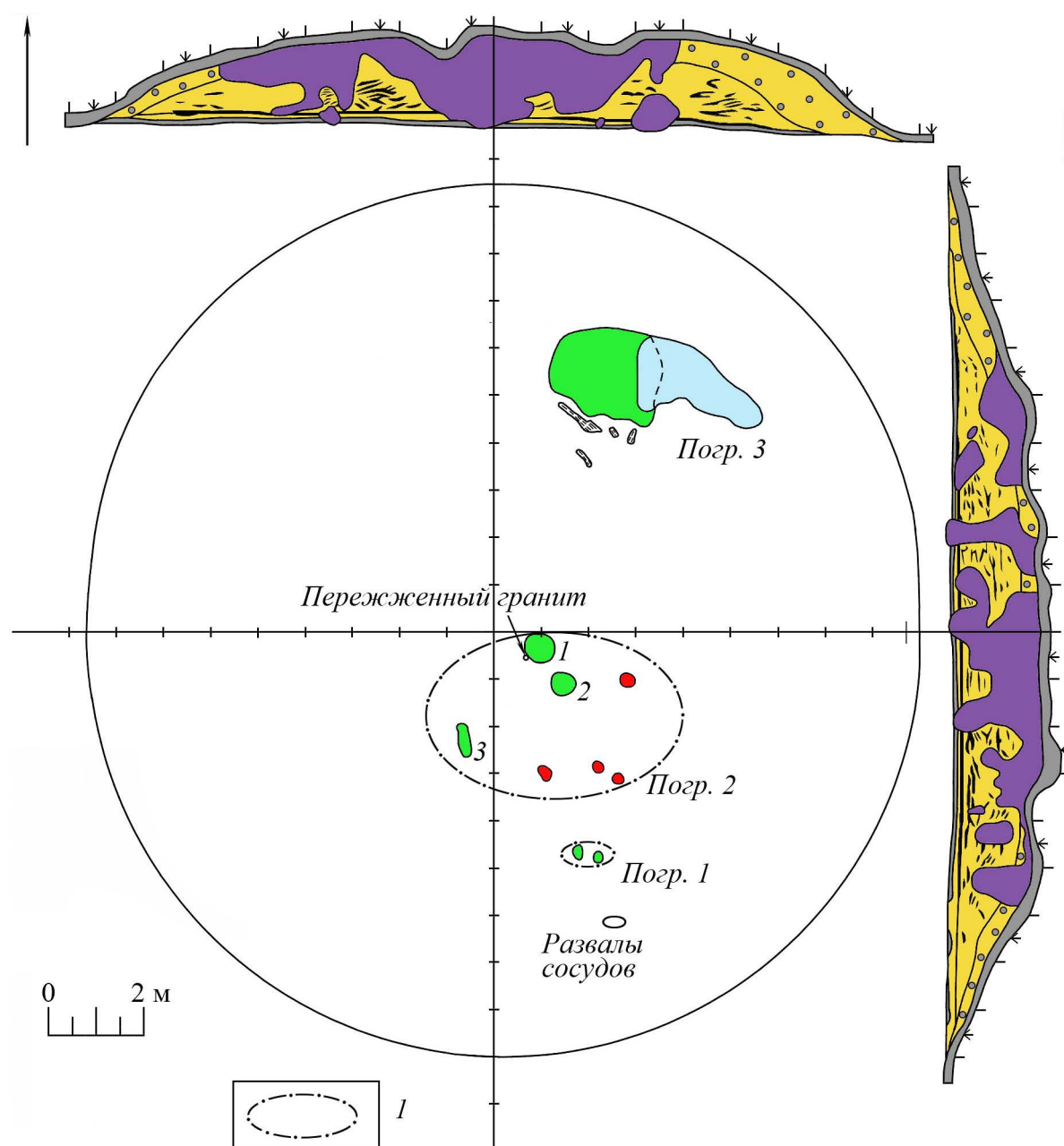

Рис. 6. Сумароково. Курган 4:

1 – примерные границы разрушенных погребений (чертежи автора)

Fig. 6. Sumarokovo. Kurgan 4:

1 – approximate boundaries of destroyed burials (drawings by the author)

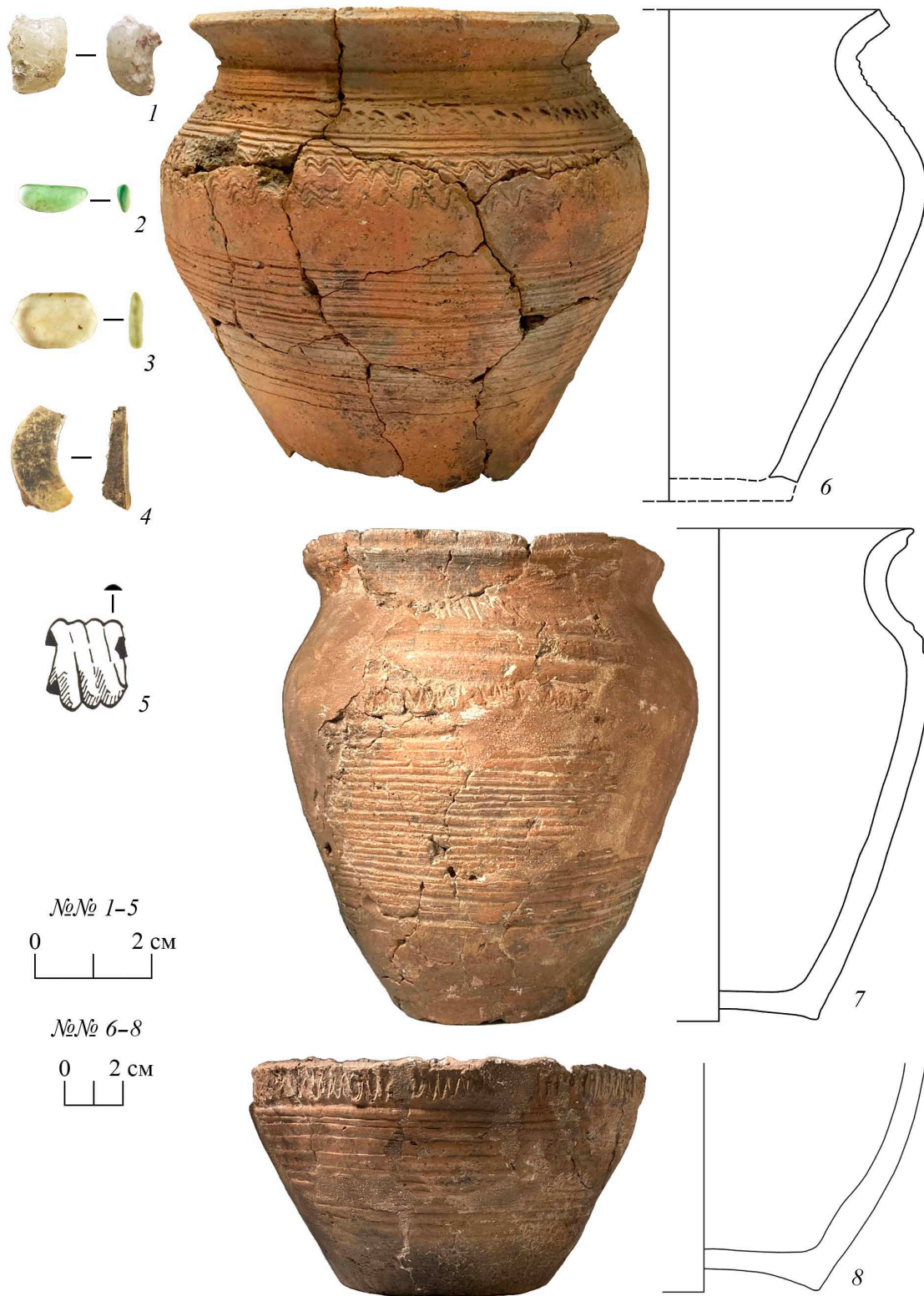

Рис. 7. Сумароково. Курган 4. Находки:

1, 5, 6 – погребение 1; 2, 3, 7, 8 – насыпь; 4 – погребение 3. 1–3 – стекло; 4 – кость; 5 – бронза;
6–8 – керамика (иллюстрации 1–5 – автора; 6–8 – О.Л. Шаргановой)

Fig. 7. Sumarokovo. Kurgan 4. Finds:

1, 5, 6 – burial 1; 2, 3, 7, 8 – mound embankment; 4 – burial 3. 1–3 – glass; 4 – bone; 5 – bronze;
6–8 – ceramics (illustrations 1–5 by the author, 6–8 – by O.L. Sharganova)

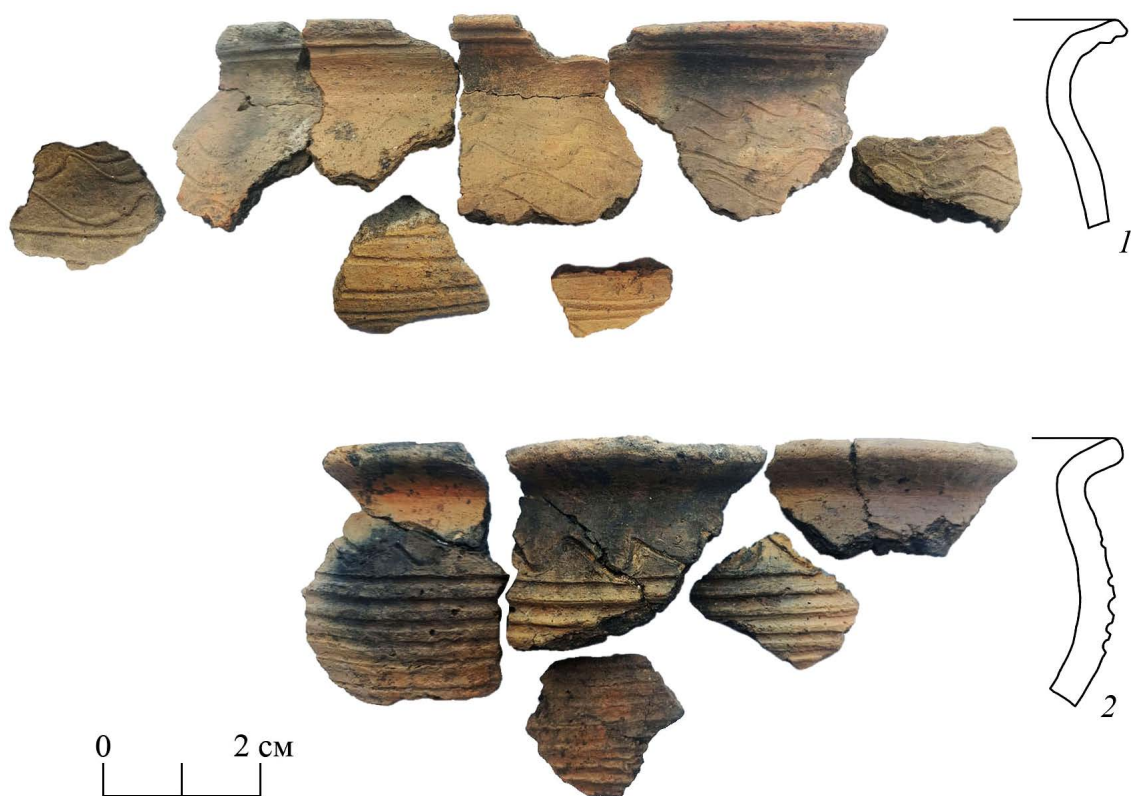

Рис. 8. Сумароково. Курган 4. Керамика:
1 – погребение 3; 2 – погребение 2 (иллюстрации автора)

Fig. 8. Sumarokovo. Kurgan 4. Ceramics:
1 – burial 3; 2 – burial 2 (illustrations by the author)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическая карта России. Тверская область, 2007. Ч. 2. М. : ИА РАН. 437 с.
- Войтехович А. В., 2016. Курганы с погребениями кремаций в верховьях реки Птичь // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Побоя. Кн. 2. Минск : Беларус. навука. С. 179–196.
- Войтехович А., Дернович С., 2014. Курганные могильники в районе поселенческого комплекса на р. Менке // Гісторычна-археалагічны зборнік. № 29. С. 300–306.
- Государственный исторический музей, 2024. URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6387282?page=29&query=владимирские%20курганы&fund_ier=647756450_647756730&index=1408
- Государственный каталог Музейного фонда РФ, 2024а. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=накладка%20на%20сумку&museumIds=239&imageExists=null>
- Государственный каталог Музейного фонда РФ, 2024б. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=39303489>
- Доброва О. П., 2015. Бусы из погребения в камере кургана Ц-212 и некоторые аспекты количественного распределения бус в Гнездове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В.В. Седова : материалы 60-го заседания. Вып. 30. М. ; Псков ; СПб. : Нестор-История. С. 322–327.
- Доброва О. П., 2017. Бусы из погребений по обряду ингумации Гнёздовского могильника // Поволжская археология. № 4 (22). С. 236–257.
- Доброва О. П., 2018. Стекланные бусы Гнездова по материалам раскопок Центрального городища // Гнездовский археологический комплекс : материалы и исследования. Вып. 1. М. : ГИМ. С. 103–127.
- Доброва О. П., 2021. Бусы из дореволюционных раскопок Гнёздова (по материалам фондов ГИМ) // Гнездовский археологический комплекс : материалы и исследования. Вып. 2. М. : ГИМ. С. 85–99, 445–458.
- Енуков В. В., 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М. ; Курск : КГПИ. 262 с.
- Еремеев И. И., 2015. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб. : Дмитрий Буланин. 696 с.
- Еремеев И. И., 2023а. Славяне и норманны к северу от Днепра до начала X в. Начальные этапы славяно-скандинавских этнокультурных взаимодействий. В 2 т. Т. 1. Раннесредневековая славянская колонизация в Восточно-Балтийском регионе. Методология изучения, географический контекст, археологические памятники. СПб. : ИИМК РАН. 808 с.
- Еремеев И. И., 2023б. Славяне и норманны к северу от Днепра до начала X в. Начальные этапы славяно-скандинавских этнокультурных взаимодействий в Восточно-Балтийском регионе по данным археологии. В 2 т. Т. 2. Норманны и погребальный обряд Ильмень-Волховского региона. СПб. : ИИМК РАН. 432 с.
- Жарнов Ю. Э., 1991. Женские скандинавские погребения в Гнездово // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М. : Изд-во МГУ. С. 200–222.
- Жарнов Ю. Э., 1992. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнездовского некрополя : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 23 с.
- Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М. : Индрик. 592 с.
- Захаров С. Д., Кузина И. Н., 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. Материальная культура и хронология. М. : Наука. С. 142–215.
- Звіздецький Б. А., Польгуй В. І., Петраускас А. В., Сірко О. В., Осадчий Є. М., 2008. Дослідження Іскоростеня 2005–2008 рр. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Збірка наукових праць. Т. 1. Коростень. С. 113–117.
- Казакевич Е. М., Ениосова Н. В., 2021. Металлические пуговицы Гнёздовского археологического комплекса X – начала XI в. // Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы. К 60-летию со дня рождения А.В. Григорьева. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 230–247.
- Казаков Е. П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. М. : Наука. 225 с.
- Каменецкая Е. В., 2014. К вопросу о хронологии и топографии Гнездова по керамическому материалу // Славяне и иные языки... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. Вып. 198. М. : ГИМ. С. 141–151.

- Каменецкая Е. В., 2019. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. М. ; Смоленск : КДУ : Университет. кн. 244 с.
- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник : 50 лет раскопок Новгорода. М. : Наука. С. 156–177.
- Комар А. В., 2012а. Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М. ; Вологда : Древности Севера. С. 335–365.
- Комар А. В., 2012б. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М. ; Вологда : Древности Севера. С. 300–333.
- Лесман Ю. М., 1987. Торопецкий могильник культуры длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 66–67.
- Липина Л. И., 2006. Семантика бронзовых зооморфных украшений прикамского костюма (сер. I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э.) : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск. 244 с.
- Лихтер Ю. А., Щапова Ю. Л., 1991. Гнездовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселений // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М. : Изд-во МГУ. С. 244–259.
- Львова З. А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 10. С. 64–95.
- Ляўданскі А. Н., 1930. Археалагічныя досьледы ў вадазборах рр. Сожа, Дняпра, Касплі ў Смаленскай губерніі // Працы секцыі археалёгіі. Т. II. Мінск. С. 269–338.
- Малышева Н. Н., 2012. Приложение 2. Каталог погребений // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI в. Т. 1. СПб. : Нестор-История. С. 113–195.
- Михайлов К. А., 2016. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX – начала XI века в контексте североамериканских аналогий. СПб. : Бранко. 272 с.
- Мурашова В. В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М. : Эдиториал УРСС. 135 с.
- Нефедов В. С., 2011. Смоленские кривичи и Русь: североамериканские и древнерусские изделия в смоленских длинных курганах // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб. ; М. ; В. Новгород : ИИМК РАН. С. 75–77.
- Нефедов В. С., 2012. Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX – первая половина XI в.) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства : сб. материалов междунар. науч. конф. (Вологда – Кириллов – Белозерск, 6–8 июня 2012 г.). Вологда : Древности Севера. С. 89–113.
- Нефедов В. С., 2020. Древности салтовского круга в смоленских длинных курганах // Хазарский альманах. Т. 17. М. : Индрик. С. 151–174.
- Никитина Т. Б., Тюрк А., Янчик Б., 2022. Сумочка из погребения 8 Красногорского могильника // Поволжская археология. № 4 (42). С. 137–158.
- Новиков В. В., Пушкина Т. А., Добровольская Е. В., Доброва О. П., 2018. Археологическое изучение северо-западной части Центрального поселения Гнездовского комплекса археологических памятников // Гнездовский археологический комплекс : материалы и исследования. Вып. 1. М. : ГИМ. С. 349–394.
- Плавинский Н. А., 2019. На западных рубежах кривичского мира // Край Смоленский. № 2. С. 111–114.
- Плетнева С. А., 1989. На славянско-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М. : Наука. 285 с.
- Рябинин Е. А., 1982. Бусы Старой Ладogi (по материалам раскопок 1973–1975 гг.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху средневековья. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. С. 173–185.
- Самоковасов Д. Я., 1916. Могильные древности Северянской Черниговщины. М. : Синод. тип. 103 с.
- Сизов В. И., 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска // Материалы по археологии России. № 28. 136 с.
- Спицын А. А., 1905. Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // Известия археологической комиссии. Вып. 15. СПб. С. 6–70.
- Френкель Я. В., 2007. Опыт датирования пойменной части Гнездовского поселения на основании анализа коллекции стекланных и каменных бус X по материалам раскопок 1999–2003 гг. // Гнездово: результаты комплексных исследований памятника. СПб. : Альфарет. С. 78–117.

- Шарганова О. Л., 2011. Керамика Смоленского Поднепровья конца I – начала II тыс. н.э. (технология и морфология) : дис. ... канд. ист. наук. М. 444 с.
- Ширинский С. С., 2001. Курганы IX – начала XI в. в верховье р. Сож у д.д. Кушлянщина и Кошино // Смоленские древности. Вып. 1. Смоленск. С. 113–175.
- Шмидт Е. А., 1952. Новые данные об археологических памятниках Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 1. Смоленск : Смолгиз. С. 368–408.
- Шмидт Е. А., 1962. Поле погребений и курганы у дер. Акатово Смоленской области // Советская археология. № 4. С. 189–196.
- Штыхаў Г. В., 1992. Крывічы: на матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск : Наука и техника. 191 с.
- Щавелев А. С., Фетисов А. А., 2022. Карта вожества X в. в Верхнем Поднепровье: к методике пространственной реконструкции архаических политий // История. Т. 13, вып. 8 (118). URL: <http://history.jes.su>
- Arbman H., 1940. Birka I. Die Gräber. Untersuchungen und Studien. Tafeln : Uppsala. 310 S.

REFERENCES

- Arheologicheskaya karta Rossii. Tverskaya oblast'* [Archaeological Map of Russia. Tver Region], 2007. P. 2. Moscow, IARAS. 437 p.
- Voytekovich A. V., 2016. Kurgany s pogrebeniyami krematsiy v verhov'yah reki Ptich' [Mounds with Cremation Burials in the Upper Reaches of the Ptich River]. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyy period: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya Leonida Davydovicha Pobolya* [Slavs on the Territory of Belarus in the Pre-State Period: on the 90th Anniversary of the Birth of Leonid Davydovich Pobol], book 2. Minsk, Belarusskaya Navuka, pp. 179–196.
- Voytekovich A., Dernovich S., 2014. Kurgannye mogil'niki v rayone poselencheskogo kompleksa na r. Menke [Burial Mounds in the Area of the Settlement Complex on the Menka River]. *Gistorychna-arhealogichny zbornik* [Historical and Archaeological Collection], no. 29, pp. 300–306.
- Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey* [State Historical Museum], 2024. URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6387282?page=29&query=vladimirskie%20kurgany&fund_ier=647756450_647756730&index=1408
- Gosudarstvennyy katalog Muzeynogo fonda RF* [State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation], 2024a. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=nakladka%20na%20sumku&museumIds=239&imageExists=null>
- Gosudarstvennyy katalog Muzeynogo fonda RF* [State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation], 2024b. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=39303489>
- Dobrova O. P., 2015. Busy iz pogrebeniya v kamere kurgana II-212 i nekotorye aspekty kolichestvennogo raspredeleniya bus v Gnezdove [Beads from the Burial in the Chamber of the II-212 Mound and Some Aspects of the Quantitative Distribution of Beads in Gnezdovo]. *Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli. Seminar imeni akademika V.V. Sedova: materialy 60-go zasedaniya* [Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land. Seminar Named after Academician V.V. Sedov. Materials of the 60th Meeting], iss. 30. Moscow, Pskov, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 322–327.
- Dobrova O. P., 2017. Busy iz pogrebeniy po obryadu ingumatsii Gnyozdovskogo mogil'nika [Beads from Inhumation Rite Burials of Gnezdovo Burial Mound]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archeology], no. 4 (22), pp. 236–257.
- Dobrova O. P., 2018. Steklyannye busy Gnezdova po materialam raskopok Tsentral'nogo gorodishcha [Glass Beads of Gnezdovo Based on Excavations of the Central Settlement]. *Gnezdovskiy arheologicheskii kompleks: Materialy i issledovaniya* [Gnezdovo Archaeological Complex. Materials and Research], iss. 1. Moscow, State Historical Museum, pp. 103–127.
- Dobrova O. P., 2021. Busy iz dorevolutsionnykh raskopok Gnyozdova (po materialam fondov GIM) [Beads from Pre-Revolutionary Excavations of Gnezdovo (Based on Materials from the State Historical Museum Collections)]. *Gnyozdovskiy arheologicheskii kompleks. Materialy i issledovaniya* [Gnezdovo Archaeological Complex. Materials and Research], iss. 2. Moscow, State Historical Museum, pp. 85–99, 445–458.
- Enukov V. V., 1990. *Rannie etapy formirovaniya smolensko-polotskih krivichey* [Early Stages of the Formation of the Smolensk-Polotsk Krivichi]. Moscow, Kursk, KSPI. 262 p.

- Eremeev I.I., 2015. *Drevnosti Polotskoy zemli v istoricheskom izuchenii Vostochno-Baltiyskogo regiona (ocherki srednevekovoy arheologii i istorii Pskovsko-Beloruskogo Podvin'ya)* [Antiquities of the Polotsk Land in the Historical Study of the East Baltic Region (Essays on Medieval Archeology and History of the Pskov-Belarusian Dvina)]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ. 696 p.
- Eremeev I.I., 2023a. *Slavyane i normanny k severu ot Dnepra do nachala X v. Nachal'nye etapy slavyano-skandinavskih etnokul'turnyh vzaimodejstvij. V 2 t. T. 1. Rannesrednevekovaya slavyanskaya kolonizaciya v Vostochno-Baltiyskom regione. Metodologiya izucheniya, geograficheskij kontekst, arheologicheskie pamyatniki* [Slavs and Normans to the North of the Dnieper Before the Beginning of the 10th Century. Initial Stages of Slavic-Scandinavian Ethnocultural Interactions. In 2 vols. Vol. 1. Early Medieval Slavic Colonization in the East Baltic Region. Methodology of Study, Geographical Context, Archaeological Sites]. Saint Petersburg, IIMK RAN. 808 p.
- Eremeev I.I., 2023b. *Slavyane i normanny k severu ot Dnepra do nachala X v. Nachal'nye etapy slavyano-skandinavskih etnokul'turnyh vzaimodejstvij v Vostochno-Baltiyskom regione po dannym arheologii. V 2 t. T. 2. Normanny i pogrebal'nyj obryad Il'men'-Volhovskogo regiona* [Slavs and Normans to the North of the Dnieper before the Beginning of the 10th Century. Initial Stages of Slavic-Scandinavian Ethnocultural Interactions in the East Baltic Region Based on Archaeological Data. In 2 vols. Vol. 2. Normans and the Funeral Rite of the Ilmen-Volkhov Region]. Saint Petersburg, IIMK RAN. 432 p.
- Zharnov Yu.E., 1991. *Zhenskie skandinavskie pogrebeniya v Gnezdovo* [Scandinavian Female Burials in Gnezdovo]. *Smolensk i Gnezdovo (k istorii drevnerusskogo goroda)* [Smolensk and Gnezdovo (on the History of the Ancient Russian City)]. Moscow, MSU, pp. 200-222.
- Zharnov Yu.E., 1992. *Pogrebal'nyj obryad v Drevney Rusi po materialam Gnezdovskogo nekropolya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Funeral Rite in Ancient Rus' Based on Materials from the Gnezdovo Necropolis. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 23 p.
- Zaharov S.D., 2004. *Drevnerusskiy gorod Beloozero* [The Ancient Russian City of Beloozero]. Moscow, Indrik Publ. 592 p.
- Zaharov S.D., Kuzina I.N., 2008. *Izdeliya iz stekla i kamennye busy* [Glass Products and Stone Beads]. *Arheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov: Srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere* [Archaeology of the Northern Russian Village of the 10th – 13th Centuries: Medieval Settlements and Burial Grounds on Lake Kubenskoye. Material Culture and Chronology], vol. 2. Moscow, Nauka Publ., pp. 142-215.
- Zvzdets'kiy B.A., Pol'guy V.I., Petrauskas A.V., Sirko O.V., Osadchij E.M., 2008. *Doslidzhennya Iskorostenya 2005–2008 pp.* [Research of Iskorosten in 2005–2008]. *Starodavniy Iskorosten' i slov'yans'ki gradi. Zbirka naukovih prats'* [Ancient Iskorosten and Slavic Cities. Collection of Scientific Papers], vol. 1. Korosten, pp. 113-117.
- Kazakevich E.M., Eniosova N.V., 2021. *Metallicheskie pugovitsy Gnyozdovskogo arheologicheskogo kompleksa X – nachala XI v.* [Metal Buttons from the Gnezdovo Archaeological Complex, 10th – Early 11th Century]. *Slavyanskije drevnosti VIII–XI vekov na territorii lesnoy i lesostepnoy zon Vostochnoy Evropy. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Grigor'eva* [Slavic Antiquities of the 8th – 11th Centuries in the Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe. On the 60th Anniversary of A.V. Grigoriev's Birth]. Tula, State Museum-Reserve «Kulikovo pole», pp. 230-247.
- Kazakov E.P., 1992. *Kul'tura ranney Volzhskoy Bolgarii* [The Culture of Early Volga Bulgaria]. Moscow, Nauka Publ. 225 p.
- Kamenetskaya E.V., 2014. *K voprosu o hronologii i topografii Gnezdova po keramicheskomu materialu* [On the Issue of the Chronology and Topography of Gnezdovo Based on Ceramic Material]. *Slavyane i inye yazytsi... K yubileyu Natal'i Germanovny Nedoshivinoi* [Slavs and Other Languages... For the Anniversary of Natalia Germanovna Nedoshivina], iss. 198. Moscow, State Historical Museum, pp. 141-151.
- Kamenetskaya E.V., 2019. *Keramika IX–XIII vv. kak istochnik po istorii Smolenskogo Podneprov'ya* [Ceramics of the 9th – 13th Centuries as a Source for the History of the Smolensk Dnieper Region]. Moscow, Smolensk, KDU, Universitetskaya kniga Publ. 244 p.
- Kolchin B.A., 1982. *Hronologiya novgorodskih drevnostey* [Chronology of Novgorod Antiquities]. *Novgorodskiy sbornik: 50 let raskopok Novgoroda* [Novgorod Collection: 50 Years of Novgorod Excavations]. Moscow, Nauka Publ., pp. 156-177.
- Komar A.V., 2012a. *Chernigov i Nizhnee Podesen'e* [Chernigov and Lower Desna Region]. *Rus' v IX–XI vekah: arheologicheskaya panorama* [Rus' in the 9th – 11th Centuries: an Archaeological Panorama]. Moscow, Vologda, Drevnosti Severa Publ., pp. 335-365.

- Komar A.V., 2012b. Kiev i Pravoberezhnoe Podneprov'e [Kyiv and the Right-Bank Dnieper Region]. *Rus' v IX–XI vekah: arheologicheskaya panorama* [Rus' in the 9th–11th Centuries: an Archaeological Panorama]. Moscow, Vologda, Drevnosti Severa Publ., pp. 300–333.
- Lesman Yu.M., 1987. Toropetskiy mogil'nik kul'tury dlinnykh kurganov [Toropets Cemetery of the Long Barrow Culture]. *Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli* [Archeology and History of Pskov and the Pskov Land]. Pskov, pp. 66–67.
- Lipina L.I., 2006. *Semantika bronzovykh zoomorfnykh ukrasheniy prikamskogo kostyuma (ser. I tys. do n.e. – nach. II tys. n.e.: dis. ... kand. ist. nauk* [Semantics of Bronze Zoomorphic Ornaments of the Kama Costume (Mid. 1st Millennium BC – Early 2nd Millennium AD). Cand. hist. sci. diss.]. Izhevsk. 244 p.
- Lihter Yu.A., Shchapova Yu.L., 1991. Gnezdovskie busy. Po materialam raskopok kurganov i poseleniy [Gnezdovo Beads. Based on Excavations of Burial Mounds and Settlements]. *Smolensk i Gnezdovo (k istorii drevnerusskogo goroda)* [Smolensk and Gnezdovo (on the History of the Ancient Russian City)]. Moscow, MSU, pp. 244–259.
- L'vova Z.A., 1968. Steklyannye busy Staroy Ladogi. Ch. I [Glass Beads of Old Ladoga. P. I]. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum], iss. 10, pp. 64–95.
- Lyaŭdanski A.N., 1930. Arhealogichnyya dos'ledy u vadazborah rr. Sozha, Dnyapra, Kaspli ŷ Smalenskai gubernii [Archaeological Research in the Catchment Areas of the Sozh, Dnepr and Kasplya Rivers]. *Pratsy sekcyi arhealyogii* [Proceedings of the Archaeology Section], vol. 2. Minsk, pp. 269–338.
- Malysheva N.N., 2012. Prilozheniye 2. Katalog pogrebeniy [Application 2. Burial Catalogue]. *Drevnerusskiy nekropol' Pskova X – nachala XI v.* [Old Russian Necropolis of Pskov from the 10th – Early 11th Centuries], vol. 1. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 26–90.
- Mihaylov K.A., 2016. *Elitarnyy pogrebal'nyy obryad Drevney Rusi: kamernye pogrebeniya IX – nachala XI veka v kontekste severoevropeyskikh analogiy* [Elite Burial Rite of Ancient Rus: Chamber Burials of the 9th – Early 11th Centuries in the Context of Northern European Analogies]. Saint Petersburg, Branko Publ. 272 p.
- Murashova V.V., 2000. *Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniya (X–XIII vv.)* [Old Russian Belt Collected Decorations (10th–13th Centuries)]. Moscow, Editorial URSS Publ. 135 p.
- Nefedov V.S., 2011. Smolenskie krivichi i Rus': severoevropeyskie i drevnerusskie izdeliya v smolenskiykh dlinnykh kurganah [Smolensk Krivichi and Rus: Northern European and Old Russian Artifacts in Smolensk Long Barrows]. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress], vol. 2. Saint Petersburg, Moscow, Veliky Novgorod, IHMC RAS, pp. 75–77.
- Nefedov V.S., 2012. Rannie etapy politogeneza na territorii Smolenskoy zemli (konets IX – pervaya polovina XI v.) [Early Stages of Politogenesis in the Territory of Smolensk Land (Late 9th – First Half of the 11th Century)]. *Severnaya Rus' i problemy formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva: sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. (Vologda – Kirillov – Belozersk, 6–8 iyunya 2012 g.)* [Northern Rus' and the Problems of Formation of the Old Russian State. Collection of Materials of the International Scientific Conference, Vologda – Kirillov – Belozersk. June 6–8, 2012]. Vologda, Drevnosti Severa Publ., pp. 89–113.
- Nefedov V.S., 2020. Drevnosti saltovskogo kruga v smolenskiykh dlinnykh kurganah [Antiquities of the Saltovsky Circle in the Smolensk Long Barrows]. *HazarSKIY al'manah* [Khazar Almanac], vol. 17. Moscow, Indrik Publ., pp. 151–174.
- Nikitina T.B., Tyurk A., Yanchik B., 2022. Sumochka iz pogrebeniya 8 Krasnogorskogo mogil'nika [Sabretache from Burial 8 of the Krasnogorsk Burial Ground]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 4 (42), pp. 137–158.
- Novikov V.V., Pushkina T.A., Dobrovol'skaya E.V., Dobrova O.P., 2018. Arheologicheskoe izuchenie severo-zapadnoy chasti Tsentral'nogo poseleniya Gnezdovskogo kompleksa arheologicheskikh pamyatnikov [Archaeological Study of the Northwestern Part of the Central Settlement of the Gnezdovo Complex of Archaeological Monuments]. *Gnyozdovskiyy arheologicheskyy kompleks: materialy i issledovaniya* [Gnezdovo Archaeological Complex: Materials and Research], iss. 1. Moscow, State Historical Museum, pp. 349–394.
- Plavinskiy N.A., 2019. Na zapadnykh rubezhakh krivichskogo mira [On the Western Borders of the Krivichi World]. *Smolenskiy kray* [Smolensk Land], no. 2, pp. 111–114.
- Pletneva S.A., 1989. *Na slavyansko-hazarском pogranich'e: Dmitrievskiy arheologicheskii kompleks* [On the Slavic-Khazar Borderland: Dmitrievskiy Archaeological Complex]. Moscow, Nauka Publ. 285 p.

- Ryabinin E.A., 1982. Busy Staroy Ladogi (po materialam raskopok 1973–1975 gg.) [Beads of Old Ladoga (Based on Excavations of 1973–1975)]. *Severnaya Rus' i ee sosedi v epokhu srednevekov'ya* [Northern Rus' and its Neighbors in the Middle Ages]. Leningrad, Leningrad University, pp. 173–185.
- Samokvasov D. Ya., 1916. *Mogil'nye drevnosti Severyanskoy Chernigovshchiny* [Burial Antiquities of Severian Chernigov Region]. Moscow, Sinod Publ. 103 p.
- Sizov V.I., 1902. Kurgany Smolenskoy gubernii. Vyp. 1. Gnezdovskiy mogil'nik bliz Smolenska [Kurgans of the Smolensk Province. Iss. 1. Gnezdovsky Burial Ground near Smolensk]. *Materialy po arheologii Rossii* [Materials on the Archeology of Russia], no. 28. 136 p.
- Spitsyn A.A., 1905. Gnyozdovskie kurgany v raskopkah S.I. Sergeeva [Gnezdovo Kurgans in Excavations of S.I. Sergeev]. *Izvestiya arheologicheskoy komissii* [News of the Archaeological Commission], iss. 15. Saint Petersburg, pp. 6–70.
- Frenkel' Ya. V., 2007. Opyt datirovaniya poymennoy chasti Gnezdovskogo poseleniya na osnovanii analiza kollektssii steklyannykh i kamennykh bus X po materialam raskopok 1999–2003 gg. [An Experiment in Dating the Floodplain Part of the Gnezdovo Settlement Based on the Analysis of a Collection of Glass and Stone Beads X Based on Excavation Materials from 1999–2003]. *Gnezdovo: rezul'taty kompleksnykh issledovaniy pamyatnika* [Gnezdovo: Results of Complex Studies of the Monument]. Saint Petersburg, Al'faret Publ., pp. 78–117.
- Sharganova O.L., 2011. *Keramika Smolenskogo Podneprov'ya kontsa I – nachala II tys. n.e. (tekhnologiya i morfologiya): dis. ... kand. ist. nauk* [Ceramics of the Smolensk Dnieper Region of the End of the 1st – Beginning of the 2nd Millennium AD (Technology and Morphology). Cand. hist. sci. diss.]. Moscow. 444 p.
- Shirinskiy S.S., 2001. Kurgany IX – nachala XI v. v verhov'e r. Sozh u d. Kushlyanshchina i Koshchino [Mounds of the 9th – Early 11th Centuries in the Upper Reaches of the River Sozh at d. Kushlyanshchina and Koschino]. *Smolenskie drevnosti* [Smolensk Antiquities], iss. 1. Smolensk, pp. 113–175.
- Shmidt E.A., 1952. Novye dannye ob arheologicheskikh pamyatnikakh Smolenskoy oblasti [New Data on Archaeological Sites of the Smolensk Region]. *Materialy po izucheniyu Smolenskoy oblasti* [Materials on the Study of the Smolensk Region], iss. 1. Smolensk, Smolgiz Publ., pp. 368–408.
- Shmidt E.A., 1962. Pole pogrebeniy i kurgany u der. Akatovo Smolenskoy oblasti [Burial Field and Burial Mounds near the Village of Akatovo, Smolensk Region]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 189–196.
- Shtyhaŭ G.V., 1992. *Kryvichy: na materyyalah raskopak kurganoŭ u Paŭnochnay Belarusi* [Krivichi: Based on Materials from Excavations of Burial Mounds in Northern Belarus]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ. 191 p.
- Shchhavelev A.S., Fetisov A.A., 2022. Karta vzhdestva X v. v Verhnem Podneprov'e: k metodike prostranstvennoy rekonstruktsii arhaicheskikh polityi [Map of the 10th Century Chiefdom in the Upper Dnieper Region: Towards a Method of Spatial Reconstruction of Archaic Polities]. *Istoriya* [History], vol. 13, iss. 8 (118). URL: <http://history.jes.su>
- Arbman H., 1940. *Birka I. Die Gräber. Untersuchungen und Studien. Tafeln*, Uppsala. 310 s.

Information About the Author

Vladimir V. Enukov, Doctor of Science (History), Director, Research Institute of Archaeology of South-Eastern Rus', Kursk State University, Radishcheva St, 33, 305000 Kursk, Russian Federation, vyenukov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-5603-1386>

Информация об авторе

Владимир Васильевич Енуков, доктор исторических наук, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курский государственный университет, ул. Радищева, 33, 305000 г. Курск, Российская Федерация, vyenukov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-5603-1386>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.9>

UDC 902/904

LBC 63.444(235.54)

Submitted: 27.07.2024

Accepted: 04.12.2024

COMPLEX OF “ABANDONED” BURIALS FROM THE SAMOSDELKA SETTLEMENT TERRITORY¹

Dmitry V. VasilievAstrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russian Federation;
Astrakhan Museum-Reserve, Astrakhan, Russian Federation**Emma D. Zilivinskaya**

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Ekaterina M. Boldyreva

State Historical Museum, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the introduction into archaeological scholarly discourse of the mediaeval era complex, discovered at the Samosdelka settlement in the Volga River delta. It consists of the remains of two dwellings – a clay-built above-ground and a yurt-shaped one – that were destroyed in a fire, as well as two “abandoned” burials inside the yurt-shaped dwelling. The purpose of the study is to determine the chronological horizon which the complex is associated with. The goal is to date the period of operation of the complex and explain the circumstances of its origin. The skeletons of the deceased individuals bear traces of violent death; they were located in the ruins of a burnt-out dwelling on top of each other in free (chaotic) poses, which suggests that they had been thrown into the dwelling and then burnt along with it. Analysis of weapons and inventory items accompanying one of the burials allows us to determine the date of the archaeological complex. The fragment of an iron sabre and an iron axe date back to the period of the 10th – 11th centuries; the copper cauldrons found between the burnt yurt-like and the above-ground dwellings with adobe-and-pole walls date back to the same time. However, the fragment of a Kashi vessel found there allows us to push back the upper limit of the dating of the complex to the early 12th century. The dating of the complex of the burnt dwelling and two “abandoned” burials to the end of the 11th – beginning of the 12th centuries is connected with the historical realities of that period: the raid of the Kipchaks and Yemeks on the city of Saksin, which, according to historical sources, was the object of their military expansion for some time. The attack took place in the winter and was accompanied by military actions on the river ice, as evidenced by the discovery of an ice-breaking spike in the inventory of the military burial.

Key words: Middle Ages, Samosdelka settlement, city of Saksin, Volga River delta, sabre, axe, ice-walking spikes, copper cauldrons.

Citation. Vasiliev D.V., Zilivinskaya E.D., Boldyreva E.M., 2025. Kompleks «broshennykh» zahoroneniye s territorii gorodishcha «Samosdelka» [Complex of “Abandoned” Burials from the Samosdelka Settlement Territory]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 2, pp. 171-185. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.9>

УДК 902/904

ББК 63.444(235.54)

Дата поступления статьи: 27.07.2024

Дата принятия статьи: 04.12.2024

КОМПЛЕКС «БРОШЕННЫХ» ЗАХОРОНЕНИЙ С ТЕРРИТОРИИ ГОРОДИЩА «САМОСДЕЛКА»¹

Дмитрий Викторович ВасильевАстраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация;
Астраханский музей-заповедник, г. Астрахань, Российская Федерация

Эмма Давидовна Зиливинская

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Екатерина Михайловна Болдырева

Государственный исторический музей, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена введению в научный оборот сложного комплекса эпохи Средневековья, обнаруженного на городище «Самосделка» в дельте Волги. Он представляет собой остатки двух жилищ – глинобитного наземного и юртообразного, погибших в огне, и два непреднамеренных («брошенных») захоронения внутри юртообразного жилища. Цель работы – уточнение хронологического горизонта, с которым связан комплекс. Задачи – определение периода функционирования комплекса и объяснение обстоятельств его возникновения. Костяки покойных несут на себе следы насильственной смерти, они располагались в завалах сгоревшего жилища один поверх другого в свободных (случайных) позах, что предполагает забрасывание их в жилище с последующим сожжением вместе с постройкой. Анализ предметов вооружения и инвентаря, сопровождавших одно из захоронений, позволяет конкретизировать дату археологизации комплекса. Обломок сабли и топора из железа датируется периодом X–XI вв., этим же временем датируются медные котлы, обнаруженные между сгоревшими жилищами – юртообразным и наземным с глинобитно-жердевыми стенами. Однако найденный здесь же фрагмент кашинного сосуда позволяет отодвинуть верхнюю границу датировки комплекса в начало XII века. Интерпретация комплекса в составе сгоревшего жилища и двух «брошенных» захоронений, относящихся к концу XI – началу XII в., приводится в соответствии с канвой исторических событий этого периода и связывается с набегом кыпчаков и йемеков на город Саксин, который, как свидетельствуют письменные источники, являлся некоторое время объектом их военной экспансии. Нападение произошло зимой и сопровождалось боевыми действиями на льду реки, на что указывает находка ледоходного шипа в составе инвентаря воинского захоронения.

Ключевые слова: Средневековье, городище «Самосделка», город Саксин, дельта Волги, сабля, топор, ледоходные шипы, медные котлы.

Цитирование. Васильев Д. В., Зиливинская Э. Д., Болдырева Е. М., 2025. Комплекс «брошенных» захоронений с территории городища «Самосделка» // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 171–185. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.9>

Городище «Самосделка» располагается в Камызякском районе Астраханской области, в западной части дельты Волги. Основная часть памятника (которую занимает собственно городище) находится на современном правом берегу реки Старой Волги (Бирюль), точнее – на древнем острове, окруженном со всех сторон пересохшими ныне протоками. Помимо этого, к городищу примыкают Правобережное и Левобережное селища – сопутствующие ему неукрепленные поселения. Памятник изучается раскопками с 2000 года. За это время в правобережной части городища было заложено три раскопа, которые показали наличие здесь многослойных отложений мощностью до трех метров, из-за чего островная часть представляет собой невысокую возвышенность, выделяющуюся на фоне окружающей равнины. Хронология комплекса в настоящий момент воссоздается следующим образом. Начало активного обживания островной части памятника относится к IX–X векам. За-

тухание жизни на городище связано с затоплением его водами поднявшегося Каспия и разлившейся Волги в середине XIV столетия. Однако наиболее верхние слои в островной части обусловлены строительством здесь в XVIII в. рыбзавода «Образцовая ватага», давшего начало селу Самосделка, а также с повторным затоплением острова вследствие подъема уровня Каспийского моря в XIX столетии. Правобережное селище, примыкающее к городищу с юга и юго-востока, датируется XII в., Левобережное селище существовало параллельно с наиболее ранним островным поселением и было затоплено подъемом Каспия в X веке [Васильев, 2018; Варущенко и др., 1987, с. 116, рис. 22, с. 117, табл. 16].

В настоящее время слои второй половины XI – XIV в. на городище интерпретируются как остатки города Саксина, который служил ключевым перевалочным пунктом на Волго-Каспийском торговом пути. Более ранние слои IX–X вв., связанные с

хазарским периодом истории, еще ждут своей интерпретации.

Основным письменным источником по истории города и области Саксин на настоящий момент остаются сочинения Абу Хамида ал-Гарнати [Путешествие ... , 1971], в которых в концентрированной форме содержатся яркие и точные свидетельства, касающиеся географического положения города, его населения, этнографические подробности жизни города и быта горожан. Дополнительные сведения о городе Саксине мы можем почерпнуть из сочинения Наджиба Хамадани «Аджаиб ал-махлукат ва гараиб ал-моуджудат», которая не переведена на русский язык, но нами используется в интерпретации С.Г. Агаджанова [Агаджанов, 1969].

Одну из основных сложностей в изучении памятника составляет выделение четких горизонтов в стратиграфии раскопов на городище, которые могли бы послужить реперными уровнями для относительной хронологии. Так, в верхних слоях городища был выделен уровень, связанный с монгольским нашествием. Он представляет собой мощный слой пожара, сопровождавшийся многочисленными находками обугленных костей животных и человека, а также санитарными захоронениями и непогребенными скелетами погибших жителей города. Этот слой на всех раскопах располагается на уровне 3–4 пластов. Ниже, на уровне 10–11 пластов, на раскопах 1 и 2 прослежен второй слой сплошного пожара, сопровождавшегося разрушением многочисленных турлучных и юртообразных построек на городище. До сих пор четких хронологических маркеров для датировки этого четкого уровня обнаружить и интерпретировать не удавалось.

В 2017 г. в ходе исследований на городище «Самосделка» отрядом Нижневолжской археологической экспедиции под руководством Е.М. Болдыревой проводилось изучение слоев домонгольского времени на раскопе 2, который располагается в правобережной части памятника. Раскоп был заложен в 2006 г. на южном склоне островной возвышенности для поиска остатков городской фортификации и несколько раз продлевался в южном направлении. В настоящий момент его длина составляет 60 м при ширине 12 м. В ходе работ око-

ло западного борта раскопа были исследованы юртообразное сооружение № 64 и остатки сгоревшего наземного прямоугольного жилища с турлучными стенами № 57А, которые располагались к югу от предполагаемой кирпичной крепостной стены, а также два непреднамеренных («брошенных») захоронения, возникших в результате событий, связанных с военным нападением на город Саксин² [Болдырева, 2018]. Мы попытаемся определить время этого нападения и кем оно было совершено. Следы пожара и скелеты погибших жителей города отмечаются на данном уровне как на раскопе 2, так и на раскопе 1, поэтому датировка этого события позволит получить реперный горизонт для уточнения внутренней хронологии городища.

Наиболее ранним объектом в комплексе являлось **сооружение № 64**. Оно располагается в юго-западной части раскопа 2 на уровне условного 11-го пласта (рис. 1, 2). Объект представляет собой округлый котлован диаметром около 350 см. Северо-восточная граница была разрушена юртообразным сооружением, а южная половина – ямой, которая возникла позднее. Глубина котлована – от 69 до 107 см. Стенки котлована отвесные, дно плоское. Заполнение котлована, которое отразилось в профиле западного борта раскопа, состоит из слоев, соответствующих гибели сооружения в огне пожара. Перекрыт профиль слоем золы серого цвета с углями, ниже залегает слой твердой серой супеси с золой, обломками кирпича и керамикой в заполнении, а под ним – две аналогичные линзы золистого пахсы комковатой структуры желтого цвета с углями и обожженной глиной в заполнении. Они накрывают прослойку слоистой серой золы с углями, лежащую на дне котлована [Болдырева, 2018].

В центре котлована было выявлено погребение 12, а непосредственно под ним – погребение 14 (рис. 2, 3А, Б, В). Описание погребений приводится ниже. Индивидуальных находок в основном объеме сооружения зафиксировано не было, оно датируется по предметам, обнаруженным в погребении 14. Еще один интересный комплекс находок был выявлен около юго-восточной стенки сооружения. Здесь, в округлой яме диаметром до одного метра, имевшей отвесные стенки и

плоское дно, были обнаружены три вставленных друг в друга медных цилиндрических котла (рис. 1, 5) с плоскими донцами, медными петлевидными приклепанными ушками и железными ручками. Поверх котлов зафиксированы остатки деревянной крышки.

Принадлежность ямы с котлами в качестве конструктивной особенности котлована сооружения № 64 достоверно не установлена. Она вполне могла являться нишей-кладовкой в юго-восточной стенке сооружения, но могла также быть введена в нее уже после разрушения сооружения № 64. В отчете эти котлы описаны как «располагающиеся у западной стены сооружения № 57А» [Болдырева, 2018].

Сооружение № 57А расположено непосредственно к востоку от сооружения № 64 на уровне 10-го пласта, то есть его общий уровень располагается на 20 см выше, и, соответственно, существовало позже сооружения № 64 (рис. 1, 2). Сооружение образовано массивом двух расплывшихся сгоревших стен (западной и северной), стоящих на слое серо-зеленого песка с угольками. По периметру вдоль границы стены был прослежен слой пестрой рыхлой горелой глины с углями высотой до 10 см. Этот слой представляет собой следы оползания сгоревших конструкций сооружения. В границах этой части сооружения была расчищена 31 столбовая или жердевая яма, которые имеют отношение к конструкции западной стены сооружения. Столбовые ямы являются частью конструкции северной стены помещения сооружения. Большая часть жердевых ям располагается в две линии у С – 3 края стены сооружения, а столбовые сосредоточены в местах наибольшей точки изгиба стены. Уровень пола сооружения отмечает лежащая на полу крышка лепного сосуда, расчищенная на уровне –266 см. Заполнение сооружения состоит из двух основных слоев. Верхняя часть была перекрыта слоем рыхлой серой супеси с золой и углями. В основании заполнения расположен слой пестрого рыхлого турлука с углями толщиной до 15,5 см. В целом заполнение отражает этапы жизни сооружения, которое было повреждено пожаром и засыпано после частичного разрушения. Анализ показывает, что сооружение № 57А являлось конструкцией с каркасными стена-

ми из дерева, жердей, столбов и глины, сгоревшую в пожаре. Возможно, сооружение состояло из двух помещений. Крыша опиралась на столбы, а полы были частично выстелены деревянными досками. При выборке заполнения сооружения были обнаружены керамический шарик из печного припаса, пряслице керамическое, крышка лепная в виде плоского диска, венчик стеклянного сосуда, а также фрагмент горла кашинного сосуда с росписью люстром [Болдырева, 2018]. Судя по находкам, сооружение может датироваться в пределах конца XI – середины XII века.

Погребение 12 (рис. 3, А, В). Пятно могильной ямы не было прослежено, так как, возможно, она изначально отсутствовала. Костяк принадлежал взрослому мужчине 30–35 лет³. Этот человек погиб насильственной смертью и был захоронен под завалами сооружения. Погребение окружено полуовальным в плане пятном слоя рыхлого пестрого горелого турлука с примесями углей и кирпичной крошкой. Костяк ориентирован по линии ЗСЗ – ВЮВ, головой обращен в западный сектор. Ноги согнуты в коленях и разведены в стороны. Малая берцовая кость левой ноги накрывает кости правой ступни. Правая рука лежит на тазовых костях, левая вытянута вдоль туловища и отведена в сторону. Череп запрокинут назад и повернут влево (лицом на С – 3). На правой половине грудной клетки были расчищены обломки железного предмета длиной около 10 см и шириной 3–4 см, который был полностью съеден коррозией и рассыпался после расчистки. Наиболее вероятная предварительная датировка захоронения, принятая в ходе исследований по окружающему контексту, – вторая половина XI века. В процессе расчистки погребения 12 под костями ног был выявлен череп еще одного костяка, который получил обозначение «погребение 14». Для расчистки погребения 14 погребение 12 было полностью удалено.

Погребение 14 (рис. 3, А, В) также не имело могильной ямы, так как было совершено в контексте заполнения сооружения № 64 ниже погребения 12. В завале были расчищены обломки обожженных кирпичей. Костяк принадлежал взрослому мужчине в возрасте 20–23 лет. Он был ориентирован головой на Ю – В и лежал на спине в случайной позе.

Кисть правой руки располагалась на тазовых костях, левая рука отведена от туловища и согнута в локте вверх под углом 90°. Ноги согнуты в тазобедренных суставах и направлены влево от туловища. Правая нога вытянута прямо, а левая немного согнута в колене. Стопы обращены влево и ориентированы на Ю – З. Под правой рукой погребенного лежал массивный комок окислов от железного предмета, который, как стало ясно после реставрации, представлял собой фрагментированные парно-овальные ледоходные шипы (возможно, что покойный изначально держал в руке сапог с привязанным к подошве ледоходным устройством). Под правой бедренной костью был расчищен сильно окисленный железный топор, ниже и перпендикулярно берцовым костям располагались сильнокорродированные остатки железной сабли. Затылочная кость погребенного была пробита сзади, в отверстии был зафиксирован обломок железного гвоздя (или железного наконечника стрелы?) квадратного сечения и плохой сохранности. Под костями грудной клетки был расчищен небольшой фрагмент стенки кашинного сосуда с бирюзовой глазурью, несущий следы пребывания в огне (оплавленный в результате повторного обжига в пожаре).

Итак, перед нами два непреднамеренных погребения, над которыми не производились ритуальные действия. Погребения возникли случайным образом, одновременно, вероятно, в ходе боевых действий. Тела покойных были брошены в горящее сооружение № 64. Возможно, оно было подожжено после забрасывания туда трупов убитых. О том, что это было именно забрасывание, а не укладывание, нам говорят свободные, случайные позы покойных. О том, что имел место факт пожара, свидетельствуют, во-первых, следы горелого турлука и мощный прокал вокруг скелетов, а также следы горения на костях. Кости частично кальцинированы, что является результатом длительного пребывания тел в открытом огне и в тлеющих углях.

Основные датирующие находки, которые позволяют определить время возникновения комплекса, – это металлические предметы (сабля, топор, ледоходные шипы, котлы), а также фрагмент кашинного сосуда.

Топор железный (рис. 4,В). Длина изделия – 17,5 см [Болдырева, 2018, рис. 528]. Предмет относится к типу VI по А.Н. Кирпичникову [Кирпичников, 1966, табл. XVI, 7]. Тип его определяется как «бородавчатый» – с оттянутым вниз лезвием, двумя парами боковых щекавиц и удлиненным вырезным обухом. Подобный топор мог использоваться как в работе, так и в качестве оружия. Древнейший рабочий топор описанного типа найден в Гнездовском кладе, который датируется периодом около 1000 г., позднейшие – в костромских курганах XII–XIII веков. В XI–XII вв. эти топоры (в разных видоизменениях) довольно широко распространены в Восточной Европе [Кирпичников, 1966, с. 75]. Таким образом, топор подобного типа мы можем датировать концом X – XII веками.

Сабля железная (рис. 4,А), точнее, обломок сабли из двух фрагментов общей длиной 52 см со следами заточки [Болдырева, 2018, рис. 527]. Вероятно, концевой участок лезвия был утрачен еще в ходе боевых действий интересующего нас периода жизни городища. Лезвие слабоизогнуто, хвостовик рукояти имеет небольшой наклон в сторону лезвия. Перекрестье цилиндрическое, узкое железное, напоминающее обойму. Согласно типологии Г.А. Федорова-Давыдова, такие сабли можно отнести к типу АI или АII – широкие слабоизогнутые, их аналогии встречаются в салтовской культуре. На Руси X–XI вв. подобные сабли превратились, по словам Г.Ф. Корзухиной, в своеобразный гибрид сабли и меча. Имеются они в синхронных материалах Волжской Булгарии, Северного Кавказа и Венгрии [Федоров-Давыдов, 1966, с. 23, рис. 3]. Диапазон хождения сабель этого типа довольно широк – X–XIII века. Практически полную аналогию данному клинку мы можем найти в погребении 2 кургана 5 курганного могильника Скатовка [Гарустович, Иванов, 2001, с. 135]. Данный экземпляр по способу оформления гарды и погребальному обряду датируется XI–XII вв. и относится к половецкому кругу погребений [Харламов, 2017, с. 408, рис. 1, 2].

Ледоходные шипы (рис. 4,Б). Железные ледоходные шипы длиной 26 см и шириной 6,5 см являются уникальными в своем роде [Болдырева, 2018, рис. 467]. Подобная конст-

рукция шипов встречена впервые, несмотря на то что сами по себе они распространены достаточно широко. Простейшие по конструкции ледоходные шипы в виде пирамидальных выступов, наклепанных на железную полосу с двумя загнутыми концами, довольно часто встречаются в золотоордынских древностях, причем имеются две разновидности – для человека (привязывались к пятке сапога) и лошади (вставлялись в прорези или вырезы на копыте) [Недашковский, 2000, с. 77–78, рис. 16, 17].

Кроме подобного рода шипов, на территории средневековой Руси (в частности, в Новгороде) известны находки прорезных овальных пластин с шипами и петлями для завязок. Специалист по древнерусскому рыболовству А.В. Куза отнес их к рыбопромысловому снаряжению [Куза, 2016, с. 85, рис. 18]. Известны они и в древностях Пскова [Салмина, 1995, рис. 1, 5].

Самосдельские ледоходные шипы восьмеркообразной формы вполне дополняют известную типологию. К сожалению, хронологический диапазон хождения этих предметов установить невозможно из-за немногочисленности находок.

Медные котлы. Комплект медных котлов еще не публиковался (рис. 5), так как в настоящее время находится в процессе реставрации в мастерских Государственного исторического музея. Три котла, которые обнаружены вставленными последовательно друг в друга, предварительно можно отнести к типу М-1 по К.А. Руденко. Это изделия двух- или трехчастной сборки швами «в зубец» объемом от 3 до 5 л. Ушки маленькие, медные, венчик образован наложенной снаружи медной полосой шириной 1,5–2,5 см, закрепленной загнутым верхним краем стенки и заклепками. Дно плоское со следами выколотки. Датируется данный тип котлов IX–X – началом XI в. («доживают» до середины XI в.) [Руденко, 2000, с. 29, рис. 2, 5].

Таким образом, металлические предметы в целом датируют возникновение комплекса «сооружение № 64 – сооружение № 57А – погребение 12 – погребение 14» периодом X–XII вв. с тяготением ко второй половине XI века. Однако у нас есть в наличии наиболее поздний датирующий элемент.

Фрагмент кашинной чаши, обнаруженный в ходе расчистки погребения 14, и фрагмент люстрового сосуда из сооружения № 57А позволяют датировать завершение формирования комплекса «сооружение № 64 – сооружение № 57А – погребение 12 – погребение 14» концом XI – началом XII века. Как считает Е.М. Болдырева, кашинная посуда появляется на городище с начала XII в., а немного раньше налаживается ее активное производство на Ближнем Востоке, в частности в Иране. Тонкостенные чаши с голубой поливой и тестом высокого качества вполне могут датироваться в пределах XI–XII в., поэтому кашинная посуда появляется в переходный период, в рамках выделенных этапов [Болдырева, 2016, с. 159].

Слой пожара, в котором погибло сооружение № 64 и с которым связано возникновение погребений 12 и 14, не является локальным для данного участка городища. Он прослежен на более северных участках раскопа 2 повсеместно на этом же уровне – с 10-го по 12-й пласт. Такой же слой прослеживается и на раскопе 1. Он отсекает ранний горизонт заселения, сформированный юртообразными турлучными жилищами, от среднего горизонта, который застроен преимущественно прямоугольными и квадратными сырцовыми домами, вписанными в регулярную уличную планировку. Очевидно, что город Саксин на рубеже XI и XII вв. пережил какой-то серьезный удар, который представлял серьезную угрозу самому его существованию.

Если привлечь письменные источники, мы обнаружим, что наиболее вероятная и очевидная опасность в этот исторический период для города Саксина и огузов, которые населяли его округу, исходила от кыпчаков. Первое свидетельство о переходе половцев через Волгу и появлении их в Европе относится к 1055 г. [ПСРЛ, 1926–1928, с. 162]. Согласно Наджибу Хамадани, персидскому автору XII столетия, Саксин страдал от набегов кыпчаков и йемеков [Агаджанов, 1969, с. 161–162].

Главный свидетель событий, происходивших в городе Саксине, Абу Хамид Ал-Гарнати, в своем сочинении писал: «Замерзает эта река так, что становится как земля, ходят по ней лошади и телята, и всякий домашний скот. И на этом льду они сражаются». Река, кото-

рую упоминает ал-Гарнати, соответствует одной из протоков Волги [Путешествие ..., 1971, с. 28]. Топографический план окрестностей Самосдельского городища позволяет увидеть, что местность к северо-западу от городища представляет собой очень широкую речную долину, которая при более высоком уровне стояния воды превратилась бы в реку шириной около километра. В настоящее время по ней протекают ерик Воложка, который периодически затапливается водой, и полноводный ерик Коклюй (Сомовка) [Васильев, 2015]. Наличие в составе инвентаря погребения 14 ледоходных шипов свидетельствует о хронологическом отрезке, когда произошло военное нападение на город, – именно зима представляется наиболее вероятным периодом для боевых действий в дельте Волги, так как тогда замерзали протоки, окружавшие город со всех сторон и служившие ему оборонительными рубежами.

Таким образом, мы можем интерпретировать «брошенные» захоронения в сгоревших сооружениях, находящихся в слое тотального пожара на Самосдельском городище на уровне 10–11 пластов, в качестве следов относительно удачного кыпчакского набега на город Саксин, который состоялся в конце XI или в начале XII в. и послужил триггером для серьезных изменений в его этнической и социальной структуре. Суть этих изменений еще предстоит углубленно проанализировать в будущем. Возможно, что наличие военной угрозы привело к консолидации населения и услож-

нению его социальной организации. Во всяком случае, облик Саксина, который реконструируется по материалам вышележащих слоев, преобразуется – из скопления турлучных и юртообразных построек он превращается в город с регулярной застройкой сооружениями из сырцового кирпича, в отделке которых используется также обожженный кирпич, с уличной планировкой, заданной мечетями. Именно XII столетие становится веком его расцвета. С археологической точки зрения мы получаем хорошо датированный горизонт, выше которого располагаются слои эпохи расцвета Саксина, ниже – слои постхазарского и хазарского периодов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 23-28-10086 «Город Саксин – столица неизвестной страны в дельте Волги (комплексные археологические исследования на Самосдельском городище)».

The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project no. 23-28-10086 “The city of Saksin – the capital of an unknown country in the Volga delta (complex archaeological research at the Samosdelka settlement)”.

² Эти захоронения в общих чертах ранее были опубликованы Е.В. Мартыновой в сборнике материалов студенческой конференции под руководством одного из авторов настоящей статьи [Мартынова, 2020, с. 281–283].

³ Антропологические определения проведены д. и. н. С.В. Васильевым и к. б. н. С.Б. Боруцкой.

ПРИЛОЖЕНИЯ

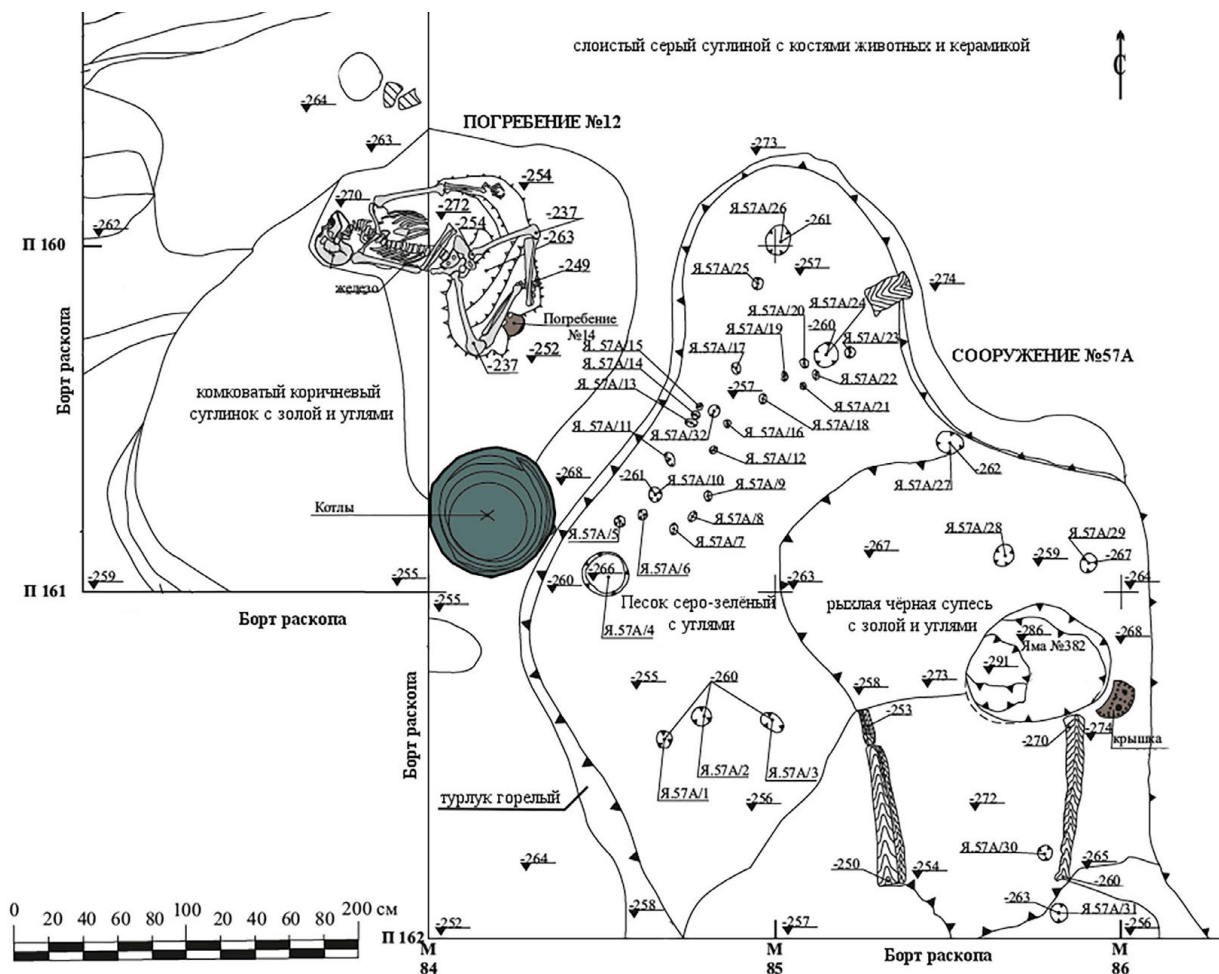

Рис. 1. Погребение 12, сооружение № 57А и медные котлы на уровне 10-го пласта.

Выкопировка из плана раскопа. Рисунок Е.М. Болдыревой

Fig. 1. Burial 12, structure 57A and copper cauldrons at level 10.

Extract from the excavation plan. Drawing by E.M. Boldyreva

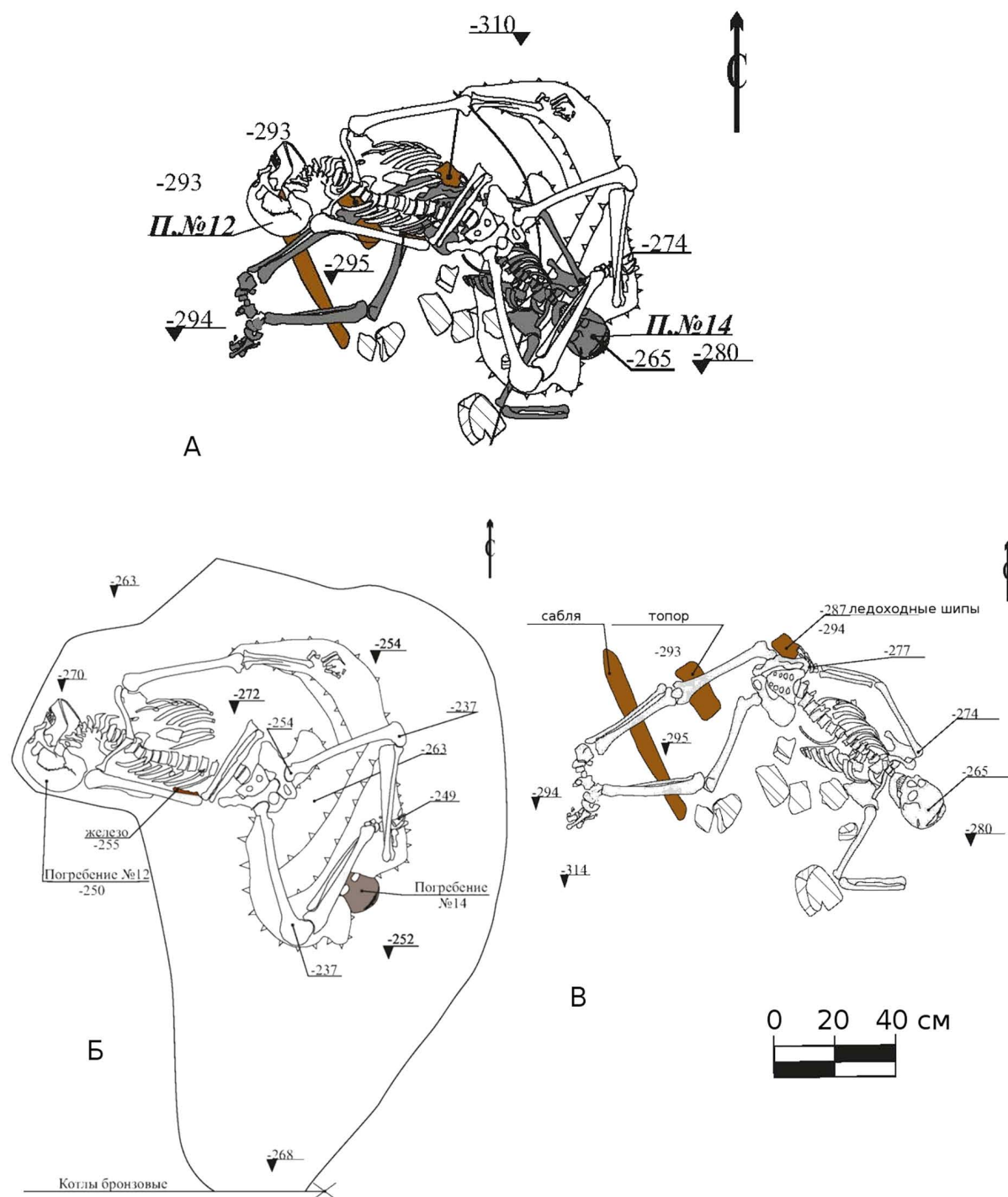

Рис. 3. Погребения 12 и 13. Рисунки Е.М. Болдыревой:

А – ситуация совмещения погребений; Б – погребение 12; В – погребение 14

Fig. 3. Burials 12 and 13. Drawings by E.M. Boldyreva:

А – situation of combining burials; Б – burial 12; В – burial 14

Рис. 4. Инвентарь погребения 14. Фото Е.М. Болдыревой:
А – железная сабля; Б – железные ледоходные шипы; В – железный топор
Fig. 4. Inventory of burial 14. Photo by E.M. Boldyreva:
А – iron sabre; Б – iron ice-walking spikes; В – iron axe

Рис. 5. Комплект медных котлов (полевое фото до реставрации). Фото Е.М. Болдыревой:

А – вид сверху; *Б* – вид сбоку

Fig. 5. Set of copper cauldrons (field photo before restoration). Photo by E.M. Boldyreva:

A – top view; *B* – side view

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаджанов С. Г., 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад : Ылым. 297 с.
- Болдырева Е. М., 2016. Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища) : дис. ... канд. ист. наук. М. 250 с.
- Болдырева Е. М., 2018. Отчет об археологических раскопках Поволжского отряда Средневековой археологической экспедиции Исторического музея на городище Самосделка в Камызякском районе Астраханской области в 2018 году. Раскоп № 2. Участок № 3 // Архив ИА РАН. Т. 1. 201 с.; т. 2. 238 с.
- Варущенко С. И., Варущенко А. Н., Клиге Р. К., 1987. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М. : Наука, 239 с.
- Васильев Д. В., 2015. Город и область Саксин в свете новых данных археологии // Поволжская археология. № 2 (12). С. 189–267. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2015.2.12.189.267>
- Васильев Д. В., 2018. Об археологических исследованиях в окрестностях села Самосделка в 2018 году // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки : материалы XIV Всерос. науч. конф. (г. Астрахань, 17 мая 2018 г.). Астрахань : Астрах. ун-т. С. 27–29.
- Гарустович Г. Н., Иванов В. А., 2001. Огузы и печенеги в Евразийских степях. Уфа : Гилем. 212 с.
- Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. М. ; Л. : Наука. 361 с.
- Куза А. В., 2016. Рыбный промысел в Древней Руси. М. : Нестор-История. 207 с.
- Мартынова Е. В., 2020. «Брошенные» захоронения XI–XIII вв. на Самосдельском городище // ЛП Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 5–9 февраля 2020 г.) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. студентов, асп., мол. ученых. Пермь : ПГНИУ. С. 281–283.
- Недашковский Л. Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М. : Восточная литература. 222 с.
- Полное собрание русских летописей, 1926–1928. Т. 1 : Лаврентьевская летопись. Вып. 1 : Повесть временных лет. Вып. 2 : Суздальская летопись. Вып. 3 : Приложения. Л. : Изд-во АН СССР. 379 с.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.), 1971. М. : ГРВЛ. 136 с.
- Руденко К. А., 2000. Металлическая посуда Прикамья и Поволжья в VIII–XIV вв. Казань : Репер. 158 с.
- Салмина Е. В., 1995. Предметы вспомогательного рыболовного инвентаря из раскопок в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли, 1994 : материалы науч. семинара. Псков. С. 14–17.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. : МГУ. 274 с.
- Харламов П. В., 2017. Сабли кочевников IX–XI вв. с территории степей Волго-Уралья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 19, № 3 (2). С. 406–412.

REFERENCES

- Agadzhanov S.G., 1969. *Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii IX–XIII vv.* [Essays on the History of the Oghuz and Turkmen of Central Asia in the 9th – 13th Centuries]. Ashgabat, Ylym Publ. 297 p.
- Boldyreva E.M., 2016. *Polivnaya keramika Nizhnego Povolzh'ya v X – 1-y pol. XIV vv. (po materialam Samosdel'skogo gorodishcha): dis. ... kand. ist. nauk* [Glazed Ceramics of the Lower Volga Region in the 10th – 1st Half of the 14th Centuries (Based on the Materials of the Samosdelka Settlement). Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, MSU. 250 p.
- Boldyreva E.M., 2018. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Povolzhskogo otryada Srednevekovoy arkheologicheskoy ekspeditsii Istoricheskogo muzeya na gorodishche Samosdelka v Kamzyakskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 2018 godu. Raskop № 2. Uchastok № 3 [Report on the Archaeological Excavations of the Volga Detachment of the Medieval Archaeological Expedition of the Historical Museum at the Samosdelka Settlement in the Kamzyyak District of the Astrakhan Region in 2018. Excavation No. 2. Site No. 3]. *Arkhiv IA RAN*, vol. 1. 201 p.; vol. 2. 238 p.

- Varushchenko S.I., Varushchenko A.N., Klige R.K., 1987. *Izmenenie rezhima Kaspiyskogo morya i besstochnykh vodoemov v paleovremeni* [Changes in the Regime of the Caspian Sea and Endorheic Reservoirs in Paleotime]. Moscow, Nauka Publ. 239 p.
- Vasiliev D.V., 2015. Gorod i oblast' Saksin v svete novykh dannykh arkheologii [New Data on the City and the Environs of Saksin]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2 (12), pp. 189-267. DOI : <https://doi.org/10.24852/pa2015.2.12.189.267>
- Vasiliev D.V., 2018. Ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v okrestnostyakh sela Samosdelka v 2018 godu [About the Archaeological Research in the Vicinity of the Village of Samosdelka in 2018]. *Perekryostki istorii. Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki: materialy XIV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (g. Astrakhan, 17 maya 2018 g.)* [Crossroads of History. Actual Problems of Historical Science. Proceedings of the XIV All-Russian Scientific Conference (Astrakhan, May 17, 2018)]. Astrakhan, Astrakhan University, pp. 27-29.
- Garustovich G.N., Ivanov V.A., 2001. *Oguzy i pechenegi v Yevraziyskikh stepyakh* [Oguzes and Pechenegs in the Eurasian Steppes]. Ufa, Gilem Publ. 212 p.
- Kirpichnikov A.N., 1966. *Drevnerusskoye oruzhiye. Vyp. 2: Kop'ya, sulitsy, boyevyye topory, bulavy, kisteni. IX–XIII vv.* [Old Russian Weapons. Iss. 2: Spears, Swords, Battle Axes, Maces, Flails. 9th – 13th Centuries]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ. 361 p.
- Kuza A.V., 2016. *Rybnyy promysel v Drevney Rusi* [Fishing in Ancient Rus']. Moscow, Nestor-History Publ. 207 p.
- Martynova E.V., 2020. «Broshennyye» zakhoroneniya XI–XIII vv. na Samosdel'skom gorodishche [“Abandoned” Burials of the 11th – 13th Centuries at the Samosdelka Settlement]. *LII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i molodykh uchenykh (UPASK, 5–9 fevralya 2020 g.): materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov, molodykh uchenykh* [LII Ural-Volga Archaeological Conference of Students and Young Scientists (UPASK, February 5–9, 2020). Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists]. Perm, PSU, pp. 281-283.
- Nedashkovsky L.F., 2000. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okrug* [The Golden Horde City of Ukek and its Vicinity]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 222 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey, 1926–1928. T. 1: Lavrent'yevskaya letopis'. Vyp. 1: Povest' vremennykh let. Vyp. 2: Suzdal'skaya letopis'. Vyp. 3: Prilozheniya* [Complete Collection of Russian Chronicles. 1926–1928. Vol. 1: Laurentian Chronicle. Iss. 1: The Tale of Bygone Years. Iss. 2: Suzdal Chronicle. Iss. 3: Appendixes]. Leningrad, USSRAS. 379 p.
- Puteshestviye Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuyu i Tsentral'nuyu Yevropu (1131–1153 gg.)* [Journey of Abu Hamid al-Garnati to Eastern and Central Europe (1131–1153)], 1971. Moscow, Glavnaya redaktsiya Vostochnoy literatury Publ. 136 p.
- Rudenko K.A., 2000. *Metallicheskaya posuda Prikam'ya i Povolzh'ya v VIII–XIV vv.* [Metalware of the Kama and Volga Regions in the 8th – 14th Centuries]. Kazan, Reper Publ. 158 p.
- Salmina E.V., 1995. Predmety vspomogatel'nogo rybolovnogo inventarya iz raskopok v Pskove [Items of Auxiliary Fishing Equipment from Excavations in Pskov]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli, 1994. Materialy nauchnogo seminara* [Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land. Proceedings of the Scientific Seminar]. Pskov, pp. 14-17.
- Fedorov-Davydov G.A., 1966. *Kochevniki Vostochnoy Yevropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov* [Nomads of Eastern Europe Under the Rule of the Golden Horde Khans]. Moscow, MSU. 274 p.
- Kharlamov P.V., 2017. Sabli kochevnikov IX–XI vv. s territorii stepey Volgo-Ural'ya [Sabers of Nomads of the 9–11th Centuries from the Territory of the Volga-Ural Steppes]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 19, no. 3 (2), pp. 406-412.

Information About the Authors

Dmitry V. Vasiliev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History, Astrakhan Tatishchev State University, Tatishchev St, 20a, 414956 Astrakhan, Russian Federation; Senior Researcher, Department of History, Astrakhan Museum-Reserve, Sovetskaya St, 15, 414000 Astrakhan, Russian Federation, hvdv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2346-8856>

Emma D. Zilivinskaya, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Department of Physical Anthropology, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, eziliv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3485-0359>

Ekaterina M. Boldyreva, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Archaeological Monuments, State Historical Museum, Red Square, 1, 125009 Moscow, Russian Federation, embold@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2190-4490>

Информация об авторах

Дмитрий Викторович Васильев, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, ул. Татищева, 20а, 414956 г. Астрахань, Российская Федерация; старший научный сотрудник отдела истории, Астраханский музей-заповедник, ул. Советская, 15, 414000 г. Астрахань, Российская Федерация, hvdv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2346-8856>

Эмма Давидовна Зиливинская, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, eziliv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3485-0359>

Екатерина Михайловна Болдырева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, 125009 г. Москва, Российская Федерация, embold@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2190-4490>

IN MEMORY OF STANISLAV VIKTOROVICH GUBIN (1945–2025)

ПАМЯТИ СТАНИСЛАВА ВИКТОРОВИЧА ГУБИНА (1945–2025)

7 марта 2025 г. ушел из жизни крупнейший специалист по плейстоценовому почвообразованию, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, наш большой друг и коллега по совместным археолого-почвенным исследованиям в Нижнем Поволжье Губин Станислав Викторович.

Станислав Викторович родился в 1945 году. В 1968 г. окончил географический факультет Ленинградского госуниверситета по специальности «почвовед-биогеограф», с 1970 г. и до последних своих дней работал в Пушинском научном центре Академии наук. Являлся автором более 200 научных трудов по проблемам генетического почвоведения, географии и микроморфологии почв, палеоэкологии. Особо необходимо отметить его активную и многогранную полевую работу. Он был участником геологических, географических и почвенно-археологических экспедиций в Сибири, на Чукотке и Аляске, в Средней Азии, Поднепровье, Причерноморье и на Кавказе. Свыше 40 лет Станислав Викторович возглавлял «почвенную» часть комплексной палеоэкологической экспедиции «Берингия» в Якутии и на Чукотке.

Долгие годы Станислава Викторовича связывало плодотворное сотрудничество с волгоградскими археологами, начало которому было положено в далеком 1975 году. В составе археологических экспедиций Волгоградского педагогического института (1975–1980 гг.) и Волгоградского госуниверситета (1986, 2000, 2007, 2008 гг.) он вместе со своим коллегой-почвоведом доктором биологических наук В.А. Демкиным проводил палеопочвенные исследования на ряде

археологических памятников в Волгоградском Заволжье, Подонье и Волго-Донском междуречье. Эти работы не только расширяли возможности установления экологических условий в древности и Средневековье, но и предоставляли археологам дополнительные данные для палеоисторических реконструкций. Именно в ходе совместных почвенно-археологических изысканий в нижневолжских сухих степях были заложены основы востребованного временем научного направления – археологического почвоведения.

Несмотря на увлечение позднеплейстоценовыми мерзлотными почвами Сибири и Северо-Восточной Азии, Станислав Викторович на всю жизнь сохранил любовь к южнорусским степям и к людям, с которыми когда-то его свела судьба в нижневолжских археологических экспедициях. В свою очередь и мы, волгоградские археологи, с почтением и нежностью относились к его профессионализму, мягкому юмору и житейской мудрости.

С уходом Станислава Викторовича мы потеряли не только большого ученого, но и доброго друга и наставника. Его светлый образ навсегда останется в наших сердцах и памяти.

Археологи ВолГУ

Миссия журнала «Нижеволжский археологический вестник» — создание благоприятных условий для научного общения, популяризации и обмена новейшими достижениями в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; обогащение науки новыми археологическими источниками; ознакомление широкого круга исследователей с новациями и достижениями в области теории и практики современной археологии.

Редакционная политика журнала направлена на популяризацию исторических знаний и оперативный обмен новейшими разработками в евразийской степной археологии между отечественными и зарубежными учеными и заинтересованными читателями. Степи Евразии являются важнейшим регионом, история которого непосредственно влияла на процессы культурогенеза и этногенеза как в древности, так и в средневековье, связывая цивилизации Востока и Запада. Археологические исследования на данной территории остаются ценным источником реконструкции многих исторических процессов и важным фактором для понимания современных процессов мировой интеграции в Евразийском регионе.

Журнал приветствует естественнонаучные исследования в области археологии и исторических реконструкций.

С целью обеспечения высокого качества публикуемых материалов рецензентами выступают ведущие российские и зарубежные специалисты в различных областях знаний и периодах истории. Публикация полевых исследований допускается при наличии в статье глубокого анализа материалов с учетом достижений мировой науки.

Цели журнала — освещение и обсуждение актуальных теоретических и практических проблем археологии, использование естественнонаучных методов в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; информирование научной общественности о достижениях в области полевой и теоретической археологии в древности и средневековье.

Задачи журнала:

- публикация аналитических научных статей, рецензий и критических обзоров;
- оперативное введение в научный оборот результатов полевых археологических исследований;
- организация дискуссий по наиболее актуальным проблемам археологии евразийских степей и сопредельных территорий;
- развитие научных контактов между специалистами в области археологии и естественнонаучных дисциплин;
- обзор прошедших и анонс предстоящих научных мероприятий по археологии и междисциплинарным исследованиям;
- поддержание высокого уровня научных публикаций.

The mission of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* is to create favorable conditions for scientific communication, promoting and exchanging the latest achievements in the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to enrich the science with new archaeological sources; to present the most recent advances and innovations in the contemporary Archaeology to a wide range of researchers.

The aim of the journal is to cover and discuss current research issues related to Archaeology and scientific methods applied to the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to inform the scientific community on the achievements of field and theoretical Archaeology in ancient times and the Middle Ages.

The editorial policy of the journal is aimed at the historical knowledge popularization and rapid exchange of the latest developments in the Eurasian steppe Archaeology between Russian and foreign scholars. The Eurasian steppes are a very important region. Its history had a direct impact on the processes of culture-genesis and ethnogenesis both in ancient times and in the Middle Ages and connected Eastern and Western civilizations. Archaeological research in this territory remains a valuable source of reconstructing many historical processes and a key factor for understanding modern world integration processes in the Eurasian region.

The journal welcomes natural scientific research applied to Archaeology and historical reconstructions.

To ensure the high quality of published materials the international team of leading experts in various disciplines, fields and historical periods provide their reviews. We publish field studies only if the article contains the in-depth analysis of materials and takes into account the achievements of world science.

The objectives of the journal are to:

- publish research papers, reviews and critical notes;
- present research findings to end users in the most useful way;
- create a platform for discussing challenges related to the Archaeology of the Eurasian steppes and adjacent territories;
- develop scientific contacts between experts in Archaeology and Natural Sciences;
- review the past scientific events in Archaeology and interdisciplinary studies and announce the future ones;
- maintain the high level of academic publications.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (nav@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции nav@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Нижеволжский археологический вестник».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://nav.jvolsu.com> («Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail nav@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail nav@volsu.ru, the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *The Lower Volga Archaeological Bulletin* print periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://nav.jvolsu.com/index.php/en> (section "For Author").

